

СТРАНЫ
И
НАРОДЫ
ВОСТОКА

СТРАНЫ
И
НАРОДЫ
ВОСТОКА

ВЫПУСК

ВЫПУСК

Памяти неутомимого и самоотверженного исследователя Дальнего Востока, выдающегося путешественника и ученого, открывшего для мировой науки неведомые страницы географии и этнографии этой обширной части Советского Союза, большого друга малых народов Приморья

*Владимира Клавдиевича
Арсеньева*

USSR ACADEMY OF SCIENCES
GEOGRAPHICAL SOCIETY OF THE USSR
ORIENTAL COMMISSION

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE EAST

General editor
D. A. OLDEROGGE,
corresponding member
of the Academy of Sciences of the USSR

VOL. XX

**COUNTRIES AND PEOPLES
OF THE PACIFIC BASIN**

Book 4

Compiled and edited by Y. V. Maretin

NAUKA PUBLISHING HOUSE
Central Department of Oriental Literature
Moscow 1979

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XX

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАСЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1979

Составитель и ответственный редактор
Ю. В. МАРЕТИН

Сборник посвящен исследованию некоторых сторон наследия, а также вклада в науку выдающегося русского советского ученого В. К. Арсеньева и содержит материалы, до сих пор не введенные в научный оборот.

По традиции «Тихоокеанских сборников» в настоящем томе также представлены работы, в которых рассматриваются различные проблемы изучения тех или иных регионов бассейна Тихого океана. В комплексе статьи всех разделов сборника показывают вклад русских и советских ученых и путешественников в изучение стран и народов Тихоокеанского бассейна.

С 20901-070 — 126-78. 1905020000
013(02)-79

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. XX

*Страны и народы
бассейна Тихого океана*

Книга 4

*Утверждено к печати
Восточной комиссией Географического общества СССР
Академии наук СССР*

Редактор *Н. П. Губина*, Младший редактор К. А. Недорезова, Художественный редактор *Э. Л. Эрман*, Технический редактор *Э. С. Теплякова*, Корректоры *Л. С. Кузнецова* и *Л. Ф. Орлова*

ИБ № 13415

Сдано в набор 12/VII 1978 г. Подписано к печати 12/II 1979 г. А-02735
Формат 60×90^{1/16}. Бум. № 1. Печ. л. 17. Уч.-изд. л. 18,85. Тираж 2450 экз. Изд. № 4160 Зак. № 534. Цена 2 р. 30 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука».
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1979

Ю. В. Маретин

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНИ И ТРУДОВ В. К. АРСЕНЬЕВА

История изучения Приморья насчитывает более трехсот лет. Исследования Владимира Клавдиевича Арсеньева занимают в ней особое место потому, что являются блестящим итогом всего ее дореволюционного периода и началом ее нового, советского этапа. На долю В. К. Арсеньева выпало трудное счастье стать связующим звеном между старой научной школой (среди представителей которой блистают такие имена, как М. И. Венюков, Р. К. Маак, Л. И. Шренк, С. В. Максимов, Н. М. Пржевальский, А. Ф. Усольцев, В. П. Маргаритов, Г. Е. Грум-Гржимайло, П. Унтербергер [2]) и формирующейся новой, советской школой, призванной решать совершенно новые задачи — задачи социалистического переустройства края. В. К. Арсеньев сумел понять эти новые задачи и, не утратив лучшего из традиций старой школы, стать основателем новой, советской школы изучения Дальнего Востока.

Именно в таком широком историческом контексте можно наиболее полно и отчетливо представить значение вклада В. К. Арсеньева в русскую и советскую науку и историю.

Если раскрыть подробно все то, чем занимался Владимир Клавдиевич Арсеньев, то перед нами предстанет удивительно многогранная личность¹. Он географ, причем широкого профиля — топограф и топонимист, геолог и метеоролог; он ботаник и зоолог, собиравший в каждой своей поездке богатые и разнообразные натуралистические коллекции; он специалист и более узкого направления — орнитолог и охотовед; он этнограф во всем объемном значении этого слова; он археолог, историк и экономист. Он не просто географ-путешественник, но путешественник-практик, блестяще выполнивший, особенно после установления Советской власти, задания различных учреждений —

---

¹ Биограф В. К. Арсеньева проф. Н. Е. Кабанов выделяет следующие аспекты работы ученого: «краеведение»; «топография»; «этнография»; «археология и история»; «флора и растительность»; «фауна и охотоведение»; «экономика и народное хозяйство»; «литературно-художественные произведения» [22, с. 38—66].

географические, этнографические, экономико-статистические, военно-стратегические, по определению условий для прокладки железнодорожных путей в самых отдаленных районах Дальнего Востока. Он широко известен как замечательный писатель и популярный лектор. Кроме того, В. К. Арсеньев много лет был директором Хабаровского музея, исполнял ряд других административных обязанностей, занимал важные общественные посты. Он более 20 лет с честью носил военный мундир (пройдя путь от вольноопределяющегося до подполковника) и имел ряд государственных наград. Двенадцать крупных, часто сопряженных с неоднократным риском для жизни экспедиций в неизведанные дебри Приморья и другие районы советского Дальнего Востока [22, с. 30—37]²; многие сотни ценнейших предметов, собранных им и переданных в этнографические коллекции музеев России, а затем СССР, огромная профессорско-преподавательская и просветительская работа; более 60 опубликованных работ [21], многие из которых заслужили мировое признание и ряд которых еще найдет его (например, исторические работы). Вот неполный перечень вклада В. К. Арсеньева в отечественную и мировую науку и культуру.

Создание полной, научно выверенной биографии ученого — первая и неотложная задача, стоящая перед исследователями его жизни и деятельности. Однако в биографии этого человека, имя которого широко известно и в нашей стране, и за ее пределами, произведения которого неоднократно переиздаются, есть много «белых пятен». Известный писатель и краевед Е. Д. Петряев даже в 1962 г. отмечал, что только еще предстоит «написать летопись жизни и творчества В. К. Арсеньева» [36, с. 169]. С того времени появилось множество новых публикаций — это и наследие самого В. К. Арсеньева, и материалы лиц, его знавших, и работы позднейших исследователей. Но и в 1977 г. И. Кузьмичев имел право сказать: «Научная биография В. К. Арсеньева пока не написана, и исследователя, который возьмется ее написать, ждут немалые трудности» [26, с. 9]. До сих пор известны не все даты, есть ощутимые пробелы в нашем знании самих фактов. Но главная трудность, как нам представляется, — определение правильного подхода ко всему комплексу аспектов деятельности этого столь разностороннего человека, ведь любой узкопрофессиональный подход, несомненно, даст лишь часть картины. А рассказать с достоверностью только об ученом и путешественнике недостаточно, потому что надо говорить и об Арсеньеве — гражданине, патрио-

---

² В. К. Арсеньев вынашивал планы и других экспедиций — в Центральную Азию, а также на крайний ее северо-восток. Именно об этом он писал известному гидрографу генералу М. Е. Жданко [19, 1974, № 9, с. 136. Публикация А. И. Тарасовой].

те, «великом труженике России» [19, 1974, № 9, с. 136], Арсеньеве-человеке.

Среди «белых пятен» — некоторые из важных дат жизни В. К. Арсеньева. Одна из них — время его прибытия на Дальний Восток. В. Г. Виноградов и С. Ш. Бурнатная в своей публикации называют дату — 5(17) августа 1900 г. [15, с. 16]. Поскольку ссылаются они на послужной список В. К. Арсеньева, т. е. на вполне официальный документ, время прибытия надо считать установленным. Однако остаются некоторые сомнения. И не только потому, что ранние биографы В. К. Арсеньева, знавшие его лично (Ф. Ф. Аристов, Н. Е. Кабанов, М. К. Азадовский), называли датой прибытия 1899 г., но и потому, что некоторые письма ученого дают повод считать этот год временем приезда его на Дальний Восток (см., например, настоящий том, с. 21). Ошибки ли это ранних биографов? Или чья-нибудь описка, вошедшая в литературу? Или есть какая-то неточность (случайная или преднамеренная) в послужном списке? И нужно ли исключать возможность прибытия В. К. Арсеньева в тот или иной пункт Дальнего Востока в 1899 г., а временем окончательного обоснования во Владивостоке, после исполнения тех или иных служебных поручений, считать 1900 г.? Полагаем, что дальнейшие изыскания помогут окончательно снять сомнения относительно этой даты (хотя нам она не кажется принципиально важной для понимания личности Арсеньева).

Другая, спорная до недавнего времени дата — время *первой* встречи с Дерсу Узала. Сейчас эту встречу относят не к 1902 г., как это делали ранее (подробнее об этом см. в настоящем томе, с. 30—31), а к 1906 г. Биографов смущали слова самого В. К. Арсеньева в его предисловии к книге «Дерсу Узала» о том, что встречи с Дерсу были в 1902 и 1907 гг. Слова эти поддерживали авторы первых биографических очерков об ученом. Однако Г. Г. Пермяков в 1965 г., ссылаясь на не опубликованные тогда дневниковые записи путешественника, храня-

В. К. Арсеньев

щиеся в Архиве Приморского филиала Географического общества СССР, утверждал, что первая встреча В. К. Арсеньева и Дерсу Узала произошла 3 августа 1906 г. [33, с. 135—136]. Позднее эти дневниковые записи были опубликованы Л. И. и Ю. А. Семами [19, 1972, № 8, с. 128—146 и № 9, с. 114—135]. Как совместить эти противоречивые утверждения самого В. К. Арсеньева?

В. К. Арсеньев, задумав создать документально-художественное произведение, должен был ввести своего главного героя — Дерсу Узала — в ткань повествования как старого знакомого, что, несомненно, способствовало бы художественной достоверности и облегчало автору некоторые сюжетные и психологические повороты. Так появился первый набросок, который и был занесен в дневник 1906 г., но под другой датой. Кстати сказать, дата эта четырежды переправлялась автором: «однажды»; «в 1901 г.»; снова «однажды»; наконец, сбоку приписано: «1902». Даже месяц встречи дважды исправлялся (подробнее см. в книге И. Кузьмичева [26, с. 146—150])³. В беседе с М. М. Пришвиным в 1928 г. В. К. Арсеньев говорил, что «материал сам подсказывал автору необходимость перетасовывать события во времени ради их художественной убедительности» [40, с. 192]. Н. Е. Кабанов пишет в биографии В. К. Арсеньева: «Сам Арсеньев говорил... знакомым, что когда он писал свои книги, то испытывал много затруднений в изложении фактов, когда для художественной цельности нужно было с одного года перенести события на другой или когда со среды, скажем, перенести на четверг и т. д.» [22, с. 63]. Наконец, А. И. Тарасова пишет: «Работал В. К. Арсеньев над дневниками всю жизнь: дополнял их новыми материалами, вносил поправки в старые записи, подчеркивал или отмечал нужные места для выписок, сверял прежние наблюдения с новыми. Вследствие этого дневники теряли свой первоначальный вид и назначение. По этой же причине усложняется датировка многих записей, содержащихся в экспедиционных тетрадах» [45, с. 69]. Совершенно очевидно, что исследователи биографии В. К. Арсеньева нередко должны сопоставлять те или иные события, записи, даты со всем контекстом жизни и деятельности великого путешественника.

Перед биографами В. К. Арсеньева неизменно встает вопрос, какому из видов его многогранной деятельности отдать предпочтение. «Путешественник и натуралист» — так определяет его Н. Е. Кабанов [22, титульный лист], но он признает в В. К. Арсеньеве и «мастера художественного слова» [22, с. 66]; «Путешественник-энциклопедист», — уточнил М. К. Азадовский [1, с. 9],

---

³ Литературовед В. Г. Пузырев удачно сказал, что В. К. Арсеньеву нужно было «продлить» знакомство с Дерсу Узала для придания большего звучания его образу [41, с. 228].

но он же всячески подчеркивает научное значение его трудов [1, с. 34 и сл.] и их высокую литературную ценность [1, с. 38 и сл.], настаивая на том, что нельзя противопоставлять Арсеньева-путешественника Арсеньеву-писателю. Высочайшую оценку трудам и жизни В. К. Арсеньева дал первый его биограф — Ф. Ф. Аристов [4]. «Исследователь и певец земли дальневосточной», — пишет А. И. Тарасова [44]. «По праву писательской» называет судьбу В. К. Арсеньева И. Кузьмичев [26, с. 5]. Представляется вполне правильным определение М. В. Воробьева: «В. К. Арсеньев не нуждается в преувеличении своих заслуг и искусственном выпячивании одной стороны его деятельности в ущерб остальным, столь хорошо известным» [16, с. 546]. Задача, стоящая перед нынешними биографами В. К. Арсеньева, заключается именно в том, чтобы показать многосторонность натуры этого выдающегося человека и как следствие разнообразие его занятий и увлечений, проследить становление В. К. Арсеньева и как «путешественника-энциклопедиста», и как широкого исследователя, и как замечательного писателя.

Естественно, чем полнее будет список опубликованных работ самого ученого, чем больше из его рукописного и эпистолярного наследия будет введено в научный оборот, тем более облегчена будет задача создания его научной биографии. К сожалению, многое из написанного В. К. Арсеньевым еще не найдено, не выявлены в достаточной мере материалы, принадлежащие перу лиц, знавших путешественника; весьма значительное количество рукописей и писем, видимо, никогда не будет обнаружено: в 30-е и 40-е годы немалая часть архива исследователя погибла, часть оказалась рассеянной, так же как и архивы некоторых лиц и учреждений, с которыми был связан Владимир Клавдиевич [45; 46, с. 128—129, 136—137].

Не обнаружены до сих пор рукописи некоторых книг В. К. Арсеньева! Например, в издательском объявлении на второй странице обложки первого издания книги «Дерсу Узала» значилось, что готовы к печати книги «В горах Сихотэ-Алиня» и «Классификация памятников старины в Уссурийском крае». В объявлении названы еще пять работ, находившихся в подготовке к изданию: «Памятники старины в Уссурийском крае»; «Страна Удэхэ. Опыт этнографического исследования в Уссурийском крае»; «Экспедиция в горную область Янде-Янге в 1917 году»; «Теория и практика путешествий в Приамурье»; «Путешествие на Камчатку в 1918 г.» [6]. Об этих работах сообщает и Н. Е. Кабанов [22, с. 90]. И сам В. К. Арсеньев в своих письмах не раз говорит о них как о работах, находившихся на разной стадии завершения, поясняя, что административно-общественные нагрузки и необходимость уточнить ряд положений «в поле» задерживают их окончательное оформление. Мы не можем сейчас с достоверностью установить, на-

сколько завершены были эти работы, особенно если учесть чрезвычайную научную щепетильность Владимира Клавдиевича и его стремление дополнять и перепроверять свои наблюдения в полевых условиях; однако мы точно знаем, что у него был накоплен огромный материал, особенно касающийся удэхэ. Напомним, что он писал об этом материале Н. В. Кюннеру в 1928 г.: «Эта монография — цель моей жизни!» [14, с. 173]. По-видимому, полный вариант насчитывал не менее 700 страниц, а краткий (или часть полного? или варианты?) — около 200 страниц [46, с. 128—129]. Но из всего перечисленного выше лишь книга «В горах Сихотэ-Алиня» увидела свет в 1937 г., уже после кончины автора, да вышли отдельные фрагменты или тезисы других задуманных и, видимо, в значительной степени готовых работ.

Опубликованное эпистолярное наследие В. К. Арсеньева — лишь малая толика того, что было им написано. По мнению Е. Д. Петряева, В. К. Арсеньев ежемесячно писал 35—40 писем (т. е. до 300—400 писем в год [34, с. 308; 36, с. 171, 174]). Если же учесть, что среди его корреспондентов были виднейшие ученые (представители разных дисциплин), музейные работники, писатели, общественные деятели, административные работники, если вспомнить, что многим из них Владимир Клавдиевич оказал самую непосредственную практическую и научную помощь и в немалой степени влиял на формирование личности многих ученых и практических деятелей младшего поколения, то станет очевидным, какое множество фактов биографии В. К. Арсеньева могут обнаружить еще не опубликованные и не найденные письма.

Несомненно, научная биография В. К. Арсеньева должна отражать всю полноту научных связей ученого [16, с. 546]. Уместно назвать здесь основные имена, с тем чтобы представить основные линии его научных и дружеских связей. Это географы (в прежнем, широком значении этого слова, т. е. путешественники, натуралисты, часто историки и писатели) — Г. Н. Потанин, М. Е. Грум-Гржимайло, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, П. К. Козлов, Д. К. Анучин, Л. С. Берг, В. Л. Комаров, Ю. М. Шокальский, Ф. Ф. Аристов; это этнографы — Л. Я. Штернберг, С. И. Руденко, В. Г. Богораз, Е. Г. Кагаров, В. В. Богданов, М. К. Азадовский, А. Н. Максимов, А. М. и Л. М. Мерварт, Д. А. Клеменц, т. е. практически весь штат Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого Академии наук в Петербурге—Петрограде—Ленинграде, Этнографического отдела Русского музея (ныне — Государственный музей этнографии народов СССР) и антропологического музея при Московском государственном университете; это краеведы, многие из которых были крупными учеными, — Н. А. Пальчевский [49], Н. В. Кирилов (см. о нем [19, 1951, № 2; 35]), С. Н. Ванков, В. П. Маргаритов, Н. В. Слюнин; это писатели —

А. А. Фадеев [47, с. 233], М. М. Пришвин [40], В. Б. Шкловский, В. Г. Лидин [29], В. Г. Финк [48]. Перечень корреспондентов В. К. Арсеньева — это прямой адрес, по которому нужно искать новые материалы о Владимире Клавдиевиче.

Собрать все, что сохранилось из эпистолярного наследия В. К. Арсеньева и лиц, его знавших, — неотложная задача. К этому призывал еще Н. Е. Кабанов [22, с. 74], затем Е. Д. Петряев [36, с. 169—174], А. И. Тарасова [46, с. 139]. Нужно отметить, что последние полтора десятилетия принесли некоторые успехи: если в шеститомнике «Сочинений» В. К. Арсеньева было опубликовано всего 12 писем [11, т. VI], а к 1963 г. опубликовано, по подсчетам А. И. Тарасовой (Васиной), 52 письма [10, с. 181], то к настоящему времени опубликовано еще несколько десятков ранее неизвестных писем В. К. Арсеньева и немалое число писем к нему (ряд таких материалов печатается в настоящем издании). Особенно велики здесь заслуги А. И. Тарасовой и Т. Ф. Аристовой. Несомненно, тема «Арсеньев и его корреспонденты» заслуживает специального внимания.

Ученые очень высоко ценили сделанное Владимиром Арсеньевым для науки и практики. Этнограф Е. Г. Кагаров, автор более 500 работ, одну из них прямо начинает с выражения благодарности В. К. Арсеньеву за помощь [23, с. 331]. Географ и ихтиолог Л. С. Берг свою монографию «Рыбы Амурского бассейна» писал, используя материалы В. К. Арсеньева [12], а известный орнитолог С. А. Бутурлин написал статью, целиком посвященную изучению сборов В. К. Арсеньева [13]. Сборы В. К. Арсеньева помогли зоологу С. И. Огневу описать новый вид уссурийской белки-летяги [32, с. 323—325]. В биогеографии Приморья есть «линия Арсеньева» [28]. «Для местной власти вы не человек, а клад, ибо вы все знаете и можете помочь в разъяснении наиболее запутанных вопросов», — писал В. К. Арсеньеву В. Л. Комаров (цит. по [20, с. 67]). Он же писал о первых книгах путешественника «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала»: «Нельзя не отметить эти две книги... Великолепные картины природы и местной жизни, масса точных сведений... Обе книги чрезвычайно богаты интересным научным материалом» [25, с. 180]. На основании докладов, присылаемых В. К. Арсеньевым в Тихоокеанский комитет, было решено основать Дальневосточную секцию с этнологической комиссией при ней и пригласить «известного исследователя побережья Тихого океана В. К. Арсеньева возглавить работу комиссии» [14, с. 173—174].

Работы В. К. Арсеньева получили широкое признание за рубежом. Сам он писал Л. Я. Штернбергу: «Я имею многочисленные отзывы о [своих] книгах в самых лестных выражениях: от Нансена, Свен Гедина, Швейнфурта, Вегенера, имею множество писем из Африки, Южной Америки, Австралии и в осо-

бенности из Европы от разных ученых и этнографов» [9, с. 231]. Первые же три книги В. К. Арсеньева вышли в Берлине в переводе на немецкий сразу же после их публикации по-русски; его книги были переведены на многие иностранные языки. Вот что писал Ф. Нансен о Хабаровском музее, руководимом В. К. Арсеньевым, и о нем самом: «История и этнография страны были представлены наглядно; словом, здесь было чему поучиться под руководством знающего чичероне, каким явился знаток этих краев и бывалый путешественник капитан В. Арсеньев». По словам Ф. Нансена, в музее представлен «быт различных здешних туземцев, который капитан основательно изучил во время своих поездок» [30, с. 338, 339].

Особая тема — отзывы писателей о В. К. Арсеньеве. «Арсеньев стал писателем так же органически, как органической была его жизнь» (В. Лидин [29, с. 91]). «Прежде чем написать свои книги, Арсеньев их *прожил*» (И. Кузьмичев [26, с. 6]). Одни только эти высказывания, хотя и не касаются узкоспециальных вопросов литературно-художественного мастерства ученого, дают многое для понимания личности Арсеньева-писателя.

В связи с вопросом о взаимоотношениях В. К. Арсеньева с другими учеными и о роли тех или иных ученых в становлении и развитии Арсеньева-ученого, по-видимому, целесообразно в первую очередь остановиться на том, что дал науке, Родине, своим коллегам В. К. Арсеньев, а затем уже выяснять, кто и как на него влиял. К тому же вопрос об учителях и наставниках В. К. Арсеньева достаточно ясен и из биографий ученого, написанных Ф. Ф. Аристовым [4] и Н. Е. Кабановым [22], и из многочисленных работ Т. Ф. Аристовой и А. И. Тарасовой (Васиной), а главное — из собственных высказываний Владимира Клавдиевича. Меньше всего приходится опасаться, что значение того или иного ученого или того или иного учреждения в жизни В. К. Арсеньева окажется незамеченным или недооцененным: будучи в высшей степени щепетильным в науке и взаимоотношениях с коллегами, предельно требовательным к себе, В. К. Арсеньев скорее был склонен к самоуничижению, нежели к тому, чтобы умолчать о чем-либо влиянии на него.

Между тем иногда появляются статьи, в которых «сознательно или нет, но этнографической деятельности В. К. Арсеньева придан несамостоятельный, школярский характер» [16, с. 543]. Некоторые авторы словно опасаются признать масштабность личности ученого, всегда самостоятельного и в человеческих проявлениях, и в науке; отсюда — стремление расчленить его научное наследие на элементы и каждый из них приписать тому или иному влиянию. Разумеется, подобный аналитический подход оправдан, если за ним следует синтез... К примеру, в одной из статей всячески подчеркивается роль ленинградских этнографов, и особенно Л. Я. Штернберга, в станов-

лении Арсеньева-ученого, и в частности Арсеньева-этнографа, и утверждается, что без Л. Я. Штернберга В. К. Арсеньеву угрожала бы «узость и опасная самоуверенность провинциального мышления» [38, с. 86]. Эти своеобразные «ленинградоцентризм» и «штернбергианство» понятны и естественны, когда речь идет о восстановлении изрядно забытых заслуг «ленинградской школы» в этнографии [18, с. 134—145] или значения ведущих ее представителей — Л. Я. Штернберга [17] или В. Г. Богораза [27]. Но они неоправданны, когда речь идет о таком выдающемся ученом, каким был В. К. Арсеньев.

Сам Л. Я. Штернберг многократно подчеркивал значение работ В. К. Арсеньева. Он писал: «То, что Вы сообщаете, представляет из себя настоящие шедевры» [32а, с. 103—106]. На наш взгляд, совершенно права А. И. Тарасова, когда пишет: «Переписка Л. Я. Штернберга и В. К. Арсеньева позволяет убедиться в том, что истинные их отношения носили характер скорее научного содружества, чем научного руководства одного другим» (настоящий сборник, с. 59—60; см. также статью С. И. Федина в настоящем томе, с. 32, 40, 44, 45).

Если говорить о влияниях на В. К. Арсеньева, то, разумеется, следует отметить роль ряда ученых и целых учреждений и обществ, прежде всего Русского географического общества. Но не следует забывать и о вкладе В. К. Арсеньева в научную деятельность многих специалистов, а также тот факт (иногда ускользающий!), что само Русское географическое общество обогатилось трудами В. К. Арсеньева, что деятельность ученого стала одной из ярчайших страниц жизни этого общества, а его Приморский филиал стал без преувеличения «арсеньевским»!

Научная значимость работ В. К. Арсеньева еще недостаточно оценена. Недоброжелатели и завистники упрекали его в том, что он самоучка. Университетского диплома В. К. Арсеньев не имел, это верно, но было бы по меньшей мере странно подвергать сомнению исключительную высоту уровня его знаний. Впрочем, приведем здесь несколько высказываний. Польский этнограф С. Понятовский, которому В. К. Арсеньев в 1914 г. помог в этнографической работе, в сборе и отправке коллекций в Варшаву, писал: «Это ему (Арсеньеву.— Ю. М.) удалось сделать с большим успехом, потому что, как он мне сам наивно сказал, из 33 университетских курсов по естествознанию он проштудировал 28 или 29 с прилежанием усердного студента» [37, с. 132]. В письме В. К. Арсеньева к Л. Я. Штернбергу читаем: «Я очень рад, что самостоятельное изучение... наук... значительно расширило мои горизонты» [17, с. 149]. (Он штудировал нужные книги по два-три раза еще в юнкерском училище [26, с. 30—34].) Высокий уровень его знаний отмечали все, когда-либо работавшие с ним [1, с. 18—22]. Уже первая работа В. К. Арсеньева — «Краткий военно-географический и военно-

статистический очерк Уссурийского края. 1901—1911 гг.» — это прежде всего научный труд. Не станем здесь давать оценок его последующим работам, скажем только, что интересы Владимира Клавдиевича уходили далеко за пределы Приморья: его, например, привлекали проблемы славяноведения [5].

Систематичность и точность в работе ученого были исключительными. Во всех своих путешествиях он вел дневники, даже тогда, когда он и его спутники оказывались в отчаянном положении — зимой, в тайге, без какого бы то ни было продовольствия. Работал он много и тщательно, многократно переделывая рукописи, сверяя материал с научными монографиями, консультируясь со специалистами, рассылая многочисленные письма с вопросами. Изучение стиля и методов работы В. К. Арсеньева — особая дидактическая проблема. Между прочим, о точности и пунктуальности ученого в работе свидетельствует и такой факт. В библиотеке Музея антропологии и этнографии в Ленинграде есть несколько оттисков с дарственными надписями Владимира Клавдиевича⁴, и в каждом из этих оттисков — рукописные вставки и вклейки с машинописным текстом, поправками к тексту, который по мнению ученого, был не лучшим образом подготовлен редактором.

Немаловажная особенность работы В. К. Арсеньева — ее чрезвычайная интенсивность. Даже если говорить только об этнографии и только об одном из ее аспектов — сборе коллекций, то обнаружится, что один ученый действовал как целое этнографическое учреждение, собирая этнографические материалы и для выставок (на Дальнем Востоке, в Москве и Петербурге) и для музеев (Хабаровского и Владивостокского, в Петербурге — Ленинграде — МАЭ и ГМЭ — и в Москве)⁵. А ведь с подобной же интенсивностью он работал и в других областях науки и практики⁶.

Сейчас открываются такие черты личности Арсеньева, которые раньше либо оставались в тени, либо вовсе не были замечены, ибо его громкая слава путешественника и писателя очень часто заслоняла многогранность всей его деятельности. Как это ни покажется парадоксальным, лишь принадлежность В. К. Арсеньева к писательскому цеху и к когорте путешественников получила достаточное подтверждение в литературе о нем [1; 26; 41, с. 179—248], а между тем географы склонны считать

---

⁴ Мы предполагаем опубликовать автографы В. К. Арсеньева в отдельной заметке.

⁵ Уместно здесь сказать о том, что это были дары. В. К. Арсеньев писал Л. Я. Штернбергу в 1913 г.: «Свои сборы по этнографии я *никогда не продаю*, а жертвую. Продажу вещей в музеи я не допускаю. Музеи — дело народное, общее, и потому все должны работать бескорыстно» [9, с. 219].

⁶ Вспомним лишь об одном факте в связи со сказанным: только в Ольгинском районе в 1910—1912 гг. В. К. Арсеньев описал, положил на карту и сфотографировал 228 памятников археологической старины.

его прежде всего географом, этнографы — этнографом и писатели — писателем. Факт достаточно красноречивый.

В последнее время обнаруживается богатство вклада В. К. Арсеньева в этнографическое изучение Дальнего Востока (серия работ А. И. Тарасовой [44; 46]). В то же время, например, значение его географических работ остается вне рассмотрения. Историк географических исследований русского Дальнего Востока А. И. Алексеев заметил, что В. К. Арсеньев «как географ... всерьез не рассматривался» [2, с. 82].

Один из незатронутых аспектов исследования — исторические взгляды В. К. Арсеньева. Сейчас, как никогда, следует помнить о его исторических работах («Материалы по древнейшей истории Уссурийского края», «Обследование Уссурийского края в археологическом и археографическом отношении», «Ледниковый период и первобытное население Восточной Сибири» и др.). Это особенно важно в связи с интенсивными археологическими исследованиями, ведущимися советскими учеными.

Отдельно в цикле исторических работ В. К. Арсеньева должно рассматривать тему о китайцах в Уссурийском крае, нашедшую выражение и в виде статьи, и в виде монографии (переведенной, кстати сказать, на немецкий язык сразу же по выходе), и в виде отдельных заметок, разбросанных в других его работах. Эта тема решена ученым глубоко исторично, его материалы и выводы имеют самое актуальное значение в наши дни (см. статью Петрицкого в настоящей сборнике).

Но чем бы ни занимался В. К. Арсеньев, он всегда оставался патриотом и гуманистом. О гуманизме В. К. Арсеньева говорят почти все, знавшие его лично (специально об этом говорил в некрологе Н. Каргер [24, с. 135—137]), упоминают об этом позднейшие исследователи (А. И. Тарасова, И. Кузьмичев и др.). Задача в настоящий момент состоит в том, чтобы раскрыть личность Арсеньева-гуманиста и Арсеньева-патриота в ее становлении, развитии и мировоззренческой цельности.

Именно общегуманистическое мировоззрение В. К. Арсеньева привело его от неистовой жажды познания новых земель к столь же неутолимой жажде постижения людей, населяющих эти земли. Этнография постепенно раскрывалась перед ним как «венец всех наук», ибо именно этнография изучает все расы, народы и племена как составную часть человечества, не делая различий между ними, именно этнография дает возможность ощутить истинно человеческую высоту духа на тех ступенях развития культуры, которые, с самодовольной точки зрения более развитого этапа, ничего подобного обнаружить не могут (вспомним высоту «вселенской души» Дерсу Узала, почти первобытного охотника!), именно этнография помогает увидеть и понять органическое единство человека и природы, которое, если оно нарушается, оказывается пагубным для обоих звеньев этой великой экологической системы.

Гуманизм В. К. Арсеньева постоянно проявлялся при общении с коренными жителями, которых Владимир Клавдиевич не столько изучал, сколько познавал, не уставая удивляться цельности и благородству их натур, приспособленности их культуры к условиям среды. Вместе с тем он постоянно боролся за улучшение их жизни, прилагал усилия к тому, чтобы помочь их культурному росту. Об этом свидетельствуют и его работы, и многочисленные служебные рапорты и доклады (см., например, [8, с. 168—169], а также с. 48—56 в настоящем сборнике). Среди коренных жителей имя В. К. Арсеньева стало легендарным еще при жизни ученого, и не удивительно, что в апреле 1917 г. Первый областной съезд представителей местного самоуправления единогласно избрал Владимира Клавдиевича комиссаром по инородческим делам.

В гуманизме Арсеньева гармонично сочетались любовь к человеку и любовь к природе, которую Владимир Клавдиевич удивительно чувствовал. Об этой арсеньевской черте очень метко сказал В. Лидин: «Я не знаю во всей литературе о Дальнем Востоке более тонкого ощущения тайги, более чуткого слуха ко всем ее шорохам, более поэтического слова о всех ее красках» [29, с. 94]. В. К. Арсеньев был склонен к одухотворению природы, видел в ней живой, вечно меняющийся и обновляющийся организм. «В Арсеньеве было больше Дерсу, чем в диком гольде», — заметил М. Пришвин [цит. по 26, с. 169]. Подход В. К. Арсеньева к природе имел несомненно философскую и притом высокоэстетическую окраску.

Поразительно совпадение нравственной позиции В. К. Арсеньева с «этикой благоговения перед жизнью» великого немецкого гуманиста Альберта Швейцера, на что первым, как нам известно, обратил внимание И. Кузьмичев [26, с. 171—172]. Не будучи ученым-философом, В. К. Арсеньев не выразил своего отношения к природе и человечеству в философских сочинениях, но все его научно-художественные произведения отразили его глубоко философское отношение к жизни.

В. К. Арсеньев идеализировал жизнь на лоне первобытной природы, общественные отношения и нравственные устои первобытных народов и скептически относился к возможности гармоничного сочетания прогресса технического и живой природы. Но он неустанно боролся за максимальное и разумное использование богатств природы, за сохранение их для человека. Это В. К. Арсеньев был инициатором создания природных заповедников на Дальнем Востоке, в Приморье, на Камчатке, на Командорах; широко известна его практическая работа в качестве младшего инспектора рыболовства на Дальнем Востоке, а затем и старшего инспектора по морским и звериным промыслам на Дальнем Востоке.

«Арсеньев принадлежал к тому типу неутомимых, никогда не успокоенных русских людей, какими были Пржевальский,

или Миклухо-Маклай, или мореходы вроде Невельского,— писал В. Лидин.— Все молодые и зрелые годы прошли в скитаниях, в познании жизни, в неутомимых поисках того, что прежде всего должно служить интересам родного народа. Эта сторона их деятельности всегда была глубоко патриотичной. Второе — это была наука» [29, с. 92]. Для биографов В. К. Арсеньева здесь непочатый край для исследований, ибо патриотизм ученого был не только глубоким и всесторонним, но и весьма действенным: это и неутомимая разносторонняя работа для блага Родины, и отказ покинуть Россию в трудные годы [46, с. 144], и помощь коренному населению, и защита щедрой дальневосточной природы, и стремление поставить ее на службу народу. Освоению ресурсов Дальнего Востока посвящены многие его специальные работы⁷. Этой же задаче в той или иной мере подчинялись и все его экспедиции. В. К. Арсеньев был председателем Бюро по созыву Краевой конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока и сделал на этой конференции (состоялась в Хабаровске в 1926 г.) ряд докладов и сообщений⁸. Он вел огромную практическую работу: с 1926 г. как глава экспедиции Наркомзема СССР по изысканию земельных фондов для колонизации, с 1930 г. как начальник Бюро экономических изысканий новых железнодорожных магистралей и т. д.

От первого «Чертежа реке Амуру» (середина XVII в.) и «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова (рубеж XVII—XVIII вв.) до подробнейших карт и планов, составленных В. К. Арсеньевым, среди которых и его знаменитая карта площадью 16 кв. м и масштабом 5 верст в дюйме [39], прошло почти 300 лет. Там, где шумела вековая тайга и были лишь звериные тропы, там, где впервые прошел В. К. Арсеньев, с тем чтобы открыть эти просторы для их хозяйственного освоения,— там теперь развернулось широкое промышленное строительство, строится новая жизнь. Экспедиции, научные разработки, практическая работа Владимира Клавдиевича в немалой мере способствовали тому. Люди не забыли этого замечательного человека. Здесь, на Дальнем Востоке, имя Владимира Клавдиевича Арсеньева носят многие географические пункты

⁷ Вот названия некоторых из них: «Естественно-исторические факторы колонизации Дальнего Востока»; «Население Дальнего Востока как производительный фактор»; «Северное побережье в колонизационном отношении»; «Колонизационные перспективы Дальнего Востока» и др., не считая добрых двух десятков статей по конкретным экономическим и охотоведческим вопросам.

⁸ Сейчас чудовищными кажутся некогда возводимые на В. К. Арсеньева обвинения в том, что он был «выразителем идей великодержавного шовинизма», «ученым с реакционно-шовинистическим мировоззрением», что «его труды — не развитие этнографии, а движение вспять», что «новое слово его как художника преувеличено критиками» и что «апологетическая точка зрения Горького неверна и является отступлением от марксизма» и т. д. (подробнее см. [41, с. 189—191]; см. также с. 49—50 в настоящем сборнике).

(см. настоящий сборник, с. 91—92). Однако «Арсеньев и нынешний день советского Дальнего Востока» — особая и большая тема.

Нравственный облик В. К. Арсеньева все более привлекает сердца и умы его читателей. Произведения его постоянно переиздаются, ибо они не теряют своей жизненности. Знаменательно, что в 1944 г., в трудные годы войны, роман «Дерсу Узала» был вновь издан в Москве весьма значительным по условиям военного времени тиражом — 50 тыс. экземпляров [7]. Авторитет Арсеньева как знатока Дальнего Востока со временем не уменьшается, а в ряде аспектов растет. Когда в 1956 г. в ФРГ издавали книгу Ф. Альберта «Лесные люди удехе», в нее включили предисловие В. К. Арсеньева, написанное им к его же брошюре «Лесные люди удэхейцы» (вышла во Владивостоке в 1926 г.). В авторском предисловии Ф. Альберта говорится: «Этот труд, в котором собраны все заметки, большая часть названной брошюры [В. К. Арсеньева] и устно сообщенные им (Арсеньевым.— Ю. М.) наблюдения над удехе и орочами, должен быть посвящен памяти В. К. Арсеньева и должен служить вкладом в дальнейшее изучение маньчжуро-тунгусских народов» [52, 7].

Авторитет Арсеньева-путешественника, «следопыта Дальнего Востока» [20], Арсеньева-писателя, «исследователя и певца земли дальневосточной» [44] теперь подкрепляется неуклонно растущим авторитетом Арсеньева-ученого, энтузиаста музейного дела, общественного деятеля, практического работника. И все это сливается в авторитет личности В. К. Арсеньева — гуманиста и патриота, человека, на долю которого «выпало счастье сделать наш мир богаче» [29, с. 91].

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Азадовский М. К. В. К. Арсеньев — путешественник и писатель. — В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге. М., 1957.
- 2 Алексеев А. И. Русские географические исследования на Дальнем Востоке и в Северной Америке (XIX — начало XX века). М., 1976.
- 3 Алексеев А. И. Хожение от Байкала до Амура. М., 1976.
- 4 Аристов Ф. Ф. Владимир Клавдиевич Арсеньев (Уссурийский). — «Землеведение». Т. XXXII. Вып. III—IV. М., 1930.
- 5 Аристова Т. Ф. В. К. Арсеньев о значении современных ему исследований по славяноведению. — «Советское славяноведение». 1972, № 6.
- 6 Арсеньев В. К. Дерсу Узала. Владивосток, 1923.
- 7 Арсеньев В. К. Дерсу Узала. М.—Л., 1944.
- 8 [Арсеньев В. К.]. Доклад В. К. Арсеньева Приамурскому генерал-губернатору о необходимости наделения землей коренного населения Южно-Уссурийского края от 10 января 1912 г. Публикация А. И. Васиной. — «Дальний Восток». 1961, № 1.
- 9 Арсеньев В. К. Жизнь и приключения в тайге. М., 1957.
- 10 [Арсеньев В. К.]. Письма В. К. Арсеньева к Д. К. Анучину. Публикация и комментарии А. Васиной. — «Сибирские огни». 1963, № 3.
- 11 Арсеньев В. К. Сочинения. Т. 1—6. Владивосток, 1946—1949.

12. Берг Л. С. Рыбы бассейна Амура. СПб., 1909.
13. Бутурлин С. А. Птицы Приморской области (сборы 1906—1910 гг. В. К. Арсеньева).— «Орнитологический вестник». 1915, № 2.
14. Васина А. (публикация, вступление и примечания). «Эта монография — цель моей жизни».— «Сибирские огни». (1972, № 9. См. также: Тарасова А. И.
15. Владимир Клавдиевич Арсеньев (документы к биографии). Подготовили к печати В. Г. Виноградов и С. Ш. Бурнатная.— «Дальний Восток». 1961, № 1, 2.
16. Воробьев М. В. О месте В. К. Арсеньева в этнографии (по поводу одной юбилейной статьи).— «Известия Всесоюзного географического общества». Т. 105, 1973. Вып. 6.
17. Гаген-Торн Н. И. Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975.
18. Гаген-Торн Н. И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии).— «Советская этнография». 1971, № 2.
19. «Дальний Восток». Владивосток.
20. Довбыш Л. К. Следы Дальнего Востока.— «Природа». 1972, № 9.
- 20а. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.
21. Кабанов Н. Е. [сост.]. Аннотированный список печатных работ В. К. Арсеньева.— Арсеньев В. К. Сочинения. Т. 6. Владивосток, 1949.
22. Кабанов Н. Е. Владимир Клавдиевич Арсеньев — путешественник и натуралист, 1872—1930 (Московское общество испытателей природы. Историческая серия № 29). М., 1947.
23. Кагаров Е. Г. Мифологический образ дерева, растущего корнями вверх.— «Доклады Академии наук СССР. Серия В. 1928». № 15. Л., 1929.
24. Каргер Н. В. К. Арсеньев (Некролог).— «Советский Север». 1931, № 1.
25. Комаров В. [Рец. на:] В. К. Арсеньев. По Уссурийскому краю. В. К. Арсеньев. Дерсу Узала.— «Известия Русского географического общества». Т. LVI, 1925. Вып. 2.
26. Кузьмичев И. Писатель Арсеньев. Личность и книги. Л., 1977.
27. Кулешова Н. Ф. В. Г. Тан-Богораз. Жизнь и творчество. Минск, 1975.
28. Куренцов А. И. Линия Арсеньева в биогеографии Сихотэ-Алиня.— «Записки Приморского филиала Географического общества СССР». № 1 (XXIV). Владивосток, 1965.
29. Лидин В. Люди и встречи. [М.], 1965.
30. Нансен Ф. В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Пг., 1915.
31. Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России, 1849—1855. М., 1947.
32. Огнёв С. И. Звери СССР и прилегающих стран. Т. IV. Грызуны. М., 1940.
- 32а. Памяти Льва Яковлевича Штернберга.— «Записки Приморского филиала Географического общества СССР». Т. XXV, 1966.
33. Пермяков Г. Г. Тропой женьшеня. Рассказы и очерки о В. К. Арсеньеве. Хабаровск, 1965.
34. Петряев Е. Д. Впереди — огни. Очерк культурного прошлого Забайкалья. Иркутск, 1968.
35. Петряев Е. Д. Н. В. Кирилов — исследователь Забайкалья и Дальнего Востока. Чита, 1960.
36. Петряев Е. Д. Из наследия В. К. Арсеньева (К 90-летию со дня рождения писателя).— «Дальний Восток». 1962, № 5.
37. Полевой Б. П. Этнограф С. Понятовский о В. К. Арсеньеве.— «Дальний Восток». 1976, № 9.
38. Полевой Б. П., Решетов А. М. В. К. Арсеньев как этнограф.— «Советская этнография». 1972, № 4.
39. Полевой Б. П., Утин Г. Н. Находка карты В. К. Арсеньева.— «Дальний Восток». 1976, № 11.

40. Пришвина В. Д. Пришвин и Арсеньев.— «Охотничьи просторы». 1969, № 26.
41. Пузырев В. Г. Проблемы истории русской советской литературы на Дальнем Востоке (20-е годы).— «Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института». Т. XXV, 1969. Вып. 3.
42. Спиридонова Е. В. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. [М.], 1952.
43. Страны и народы Востока. Вып. XVII. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 3. М., 1975.
44. Тарасова А. Исследователь и певец земли дальневосточной.— «Земля и люди». М., 1972. См. также: Васина А. И.
45. Тарасова А. И. Обзор документальных материалов фонда В. К. Арсеньева.— «Советские архивы». 1973, № 6.
46. Тарасова (Васина) А. И. Этнографические исследования В. К. Арсеньева на Дальнем Востоке.— «Очерки истории русской этнографии и фольклористики и антропологии». Вып. VI. М., 1974.
47. Фадеев А. А. О литературном труде. М., 1961.
48. Финк В. Литературные воспоминания. М., 1963.
49. Шулгина Т. С. Материалы к биографии Николая Александровича Пальчевского (1862—1909).— «Материалы и исследования по истории Дальнего Востока». Владивосток, 1974.
50. Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956.
51. Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в. М.—Л., 1946.
52. Albert F. Die Waldmenschen Udehe. Forschungsreisen im Amur- und Ussurigebiet. Darmstadt, [1956].

И. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В. К. АРСЕНЬЕВА (1872—1930)

С. И. Федин

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАДИМИРА КЛАВДИЕВИЧА АРСЕНЬЕВА

(По материалам из архива Ф. Ф. Аристова
и опубликованным данным)¹

10 сентября 1977 г. исполнилось 105 лет со дня рождения Владимира Клавдиевича Арсеньева — выдающегося русского советского путешественника, писателя, ученого, заслуги которого в многостороннем изучении Дальнего Востока исключительно велики².

30 лет жизни, со времени переезда на Дальний Восток в 1900 г. и до кончины в 1930 г., В. К. Арсеньев самоотверженно отдал углубленному исследованию Дальнего Востока, в первую очередь Уссурийского края. Дальний Восток Владимир Клавдиевич называл своей «второй родиной»³.

Тщательно собирая ценнейший и разнообразнейший материал во время своих многочисленных экспедиций, часто проходивших в исключительно трудных условиях, и во время одиночных поездок, В. К. Арсеньев написал о Дальнем Востоке свыше 60 работ, в том числе около 10 научно-популярных, вошедших в золотой фонд советской и мировой географической лите-

---

¹ При написании статьи использованы материалы Ф. Ф. Аристова, хранящиеся ныне в ЦГАЛИ СССР, а также в семейном архиве, находящемся у его дочери Т. Ф. Аристовой. Ссылки на семейный архив даются под шифром АФА. (Подробнее об отношениях В. К. Арсеньева и Ф. Ф. Аристова см. в Приложениях к настоящей статье.) Кроме того, привлечены материалы о В. К. Арсеньеве, впервые опубликованные Ф. Ф. Аристовым и Т. Ф. Аристовой. Привлекаются материалы и других авторов.

² Это признавали уже современники В. К. Арсеньева, о чем свидетельствуют многочисленные награды и знаки признания, полученные им. Это в еще большей степени очевидно теперь.

³ Письмо В. К. Арсеньева Н. Е. Михайлову (без даты.— Архив ГЛМ, 4807).
ОФ 1—7).

ратуры. Это всем известные «По Уссурийскому краю» (1921) [12]; «Дерсу Узала» (1923) [3]; «В дебрях Уссурийского края» (1926) [2]; «Сквозь тайгу» (1930) [13]; «В горах Сихотэ-Алиня» (издана посмертно в 1937 г.) [1] и др. В его книгах органически сочетается научно достоверное описание быта и этнопсихологии малых народов Дальнего Востока — нанайцев, орочей, удэгейцев и многих других — с художественным описанием таежной природы (здесь уместно вспомнить, как незаурядным писательским талантом В. К. Арсеньева восхищался А. М. Горький [26, с. 69—70]).

Критика откликнулась на труды В. К. Арсеньева сразу же после их публикации. Так, уже первая крупная его работа, «Китайцы в Уссурийском крае» [8], опубликованная в открытой печати в 1914 г., получила лестную рецензию ученого секретаря Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии В. В. Богданова (напечатана в 1915 г. [22]). Но надо отметить, что широкая читающая публика познакомилась с именем выдающегося ученого только по выходе первых его научно-художественных книг.

В 1924 г. акад. В. Л. Комаров опубликовал заметку о книгах «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» [28].

В 1926 г. в газете «Известия» на книгу «В дебрях Уссурийского края» была опубликована обстоятельная рецензия Ф. Ф. Аристова [19]⁴.

В наше время книги В. К. Арсеньева переведены на многие языки народов нашей страны и языки народов зарубежных стран: болгарский (в 1947, 1950, 1952 и 1968 гг.); венгерский (в 1954, 1956, 1960, 1976 гг.); немецкий (в 1951, 1952, 1954, 1968 гг.); польский (в 1951 и 1960 гг.); румынский (в 1954 и 1959 гг.); словацкий (в 1954 и 1955 гг.); чешский (в 1934, 1952, 1953, 1955, 1959 и 1961 гг.); финский (в 1946 г.); шведский (в 1946 г.).

* * *

Владимир Клавдиевич Арсеньев родился 29 августа староготского 1872 г. в Петербурге в семье служащего Николаевской железной дороги, имевшей весьма скромный достаток: его отец был кассиром. Из детских лет Владимиру Клавдиевичу особенно запомнилось, как бабушка заставляла его, пятилетнего мальчика, читать молитвы. «Бывало, хочется спать, а она ставила на колени и заставляла повторять слова молитвы». «Богородица», — говорила старушка. «Богородица», — повторял за ней внук. «Дева, радуйся», — произносила дальше бабушка. «Дева-радуйся», — повторял мальчик, сливая эти два слова в одно.

⁴ Подробнее о ранних откликах на работы В. К. Арсеньева см. в книге Н. Е. Кабанова [27, с. 67—74, 91—94].

Это «деварадуйся» почему-то представлялось ему живым существом в виде скрипки, которое сидело в утолщенном месте спайки двух водопроводных труб. «Благодатная Мария»,— читала старушка. «Благодатная Мария»,— повторял, засыпая, мальчик. «Да ты крестись, татарчонок»,— говорила она в сердцах. «Да ты крестись, татарчонок»,— повторял внук, представляя себе татарчонка в виде черного маленького человечка, спрятавшегося за шкаф (АФА).

С теплым чувством вспоминал Владимир Клавдиевич рассказы и стихи, которые читала детям мать, занятия отца с детьми. В памяти Владимира Клавдиевича особенно четко сохранилось одно стихотворение. В нем рассказывалось о том, как уставшее солнце, решив заснуть, попросило месяц зажечь фонарь и ночью обойти весь край земной. «Кто там молится, кто плачет, кто мешает людям спать, Поутру приди и дай мне знать»,— говорило солнце (АФА). «Как сейчас вижу маленькую комнату,— писал Владимир Клавдиевич.— Мать сидит на диване. Я сижу у нее на коленях, а старший брат Анатолий стоит сзади, обняв мать за шею и прижавшись своей щекой к ее лицу. Я слушаю сказку и смотрю в окно на бледный лик месяца и представляю его себе как бы живым, одухотворенным существом, которое окарауливает порядок на земле, пока солнце отдыхает. Я решаю не шалить, не плакать и не мешать людям спать» (АФА).

Шестилетним мальчиком Володя Арсеньев с огромным любопытством слушал, например, рассказы отца о шедшей тогда русско-турецкой войне (1877—1878), другие его рассказы о событиях в мире, о незнакомых странах, занимался с ним предметами, которые предстояло изучать в гимназии.

Уже в раннем детстве Володю Арсеньева отличали неисчерпаемые любознательность, живое воображение, любовь к растительному и животному миру, интерес к истории, географии; уже тогда начинали формироваться характер и наклонности будущего путешественника. Отец В. К. Арсеньева, Клавдий Федорович, собрал хорошую библиотеку. Он уделял очень много внимания образованию и воспитанию своих детей (семья была большой: четыре сына, пять дочерей и приемная дочь). В то время, например, когда Владимиру Клавдиевичу было 10—12 лет, его «отец увлекался выпиливанием по дереву. У него были маленькие пилки и особый станочек, привинчиваемый к столу. Тогда это было модное занятие. Всюду продавались особые чертежи разных чернильниц, рамок, шкатулочек, портсигаров и проч. Вечером, после обеда и короткого сна, отец садился за выпиливание и заставлял сыновей по очереди ему читать вслух, при этом вставлял свои замечания и делал мальчикам ряд пояснений» (АФА).

«Канун Нового года,— читаем мы в „Воспоминаниях“ В. К. Арсеньева,— был особенно интересен. В этот вечер всег-

да варился традиционный шоколад. Отец садился на диван, ставил около себя лампу с бумажным абажуром и читал какой-нибудь страшный рождественский рассказ — „Вий“ [Гоголя], сказки [Данилевского], „Скрудж и Марлей“ [Диккенса]. В полночь он делал всем домочадцам мелкие подарки, потом пили шоколад. Когда сестры ложились в кровать, то старались поскорее закрыться с головой, чтобы не видеть страхов, заимствованных из сказок». Володе же страстно хотелось «лично посмотреть местечко Диканьку на Украине, цветение папоротника в ночь на Ивана Купала и Лондон таким, каким его описывал талантливый Чарльз Диккенс» (АФА).

Лето 1882 г. Володя Арсеньев (ему было 12 лет) провел в селении Саблино, под Петербургом, у своего дяди (брата матери) Иоилия Егоровича Кашлачева, которого он очень любил. И. Е. Кашлачев, оказавший огромное влияние на развитие мальчика, объяснял своим детям и племяннику явления природы; очень часто и подолгу рассказывал им об особенностях деревьев, цветов, грибов; учил узнавать птиц по полету, крику; пел старинные русские песни, поясняя при этом историю песни и ее сюжета, и т. д. [18, с. 213]. На всю жизнь сохранил Владимир Клавдиевич чувство благодарности к этому человеку, научившему его любить и понимать природу. «Если отец дал мне географическую канву, — писал он, — то брат матери И. Е. Кашлачев, страстный любитель природы, указал, как по ней надо вышивать узоры» [20, с. 140].

К пребыванию Владимира Клавдиевича в Саблине относится также его знакомство с человеком по имени Мольтино. В. К. Арсеньев вспоминал большой деревянный двухэтажный дом, в котором он тогда жил, и жившего в этом же доме Мольтино, про которого говорили, что он умеет приручать животных и птиц. Сам Володя Арсеньев видел однажды, как в лесу, начинавшемся сразу же за домом, к Мольтино прилетели две вороны, явившиеся на его зов. Одна села на плечо, а другая — на руку Мольтино. У того же Мольтино был аквариум с золотыми рыбками, которые подплывали к тому краю аквариума, к которому приближался хозяин. Все это казалось маленькому Арсеньеву до такой степени чудесным, что он тогда решил «тоже сделаться таким же дрессировщиком птиц и рыбок, как и гр[ажданин] Мольтино» (АФА).

В реальном училище В. К. Арсеньев увлекался теми предметами, интерес к изучению которых пробудил у него еще в раннем детстве отец: русский язык, география, геометрия, история, рисование, чистописание. Но в целом занимался он неровно [29, с. 17—18]. Мальчик увлекался произведениями Жюль Верна, Майн Рида, Густава Эмара, Луи Жаколио, Луи Буссенара, начал читать о путешествиях известных русских ученых и исследователей [18, с. 211; 27, с. 8].

В 13—14 лет Володя Арсеньев вместе со своими кузенами

Кашлачевыми любил совершать по реке Тосно путешествия на лодке, которыми первоначально руководил его дядя; иногда в таких плаваниях принимали участие его брат Клавдий и кто-либо из приятелей. Юные путешественники ночевали в лесу, охотились на лесных зверей. «Первый раз в жизни,— вспоминал позже В. К. Арсеньев,— я почувствовал, что иду на серьезное дело — на охоту на волка» (АФА).

Сильное впечатление произвело на В. К. Арсеньева посещение в детстве Кунсткамеры — Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого Академии наук, о чем он не раз рассказывал своим друзьям [27, с. 8].

Живой интерес к географии стал проявляться у В. К. Арсеньева уже с 12 лет. Этому способствовали не только занятия отца с детьми этой дисциплиной, но и самостоятельное чтение географической литературы (в том числе различных географических календарей и атласов), перешедшее затем в крайнее увлечение, а главное — жажда совершить собственные путешествия и сделать собственные открытия.

В возрасте 12—14 лет Володя Арсеньев очень подружился с Володей Хлопониним. Мальчики были ровесники и жили в одном доме. Однажды Володя Хлопонин принес какой-то старый сибирский календарь. Этот календарь явился для обоих мальчиков, несмотря на различие их склонностей и увлечений, «своего рода библией, из которой они черпали кое-какие знания о стране интресной и известной в географии под названием Сибирь» (АФА).

Окончив Владимирское четырехклассное городское училище, Владимир Клавдиевич некоторое время (1885—1886?) учился в Пятой Санкт-Петербургской гимназии, но не закончил ее [29, с. 18].

В 15—17 лет будущий путешественник, ученый и писатель усиленно занимается своим образованием, повторяя курс русской грамматики, математики, иностранного языка. Еще больше, чем прежде, В. К. Арсеньев читает географическую литературу и даже приходит к *изучению* научных сочинений по географии: его внимание привлекли труды Элизе Реклю, описание путешествий Чарльза Дарвина; он увлеченно штудирует книги о путешествиях Г. И. Потанина, В. И. Роборовского; особенно пристально изучает он труды великого русского путешественника и исследователя Центральной Азии Н. М. Пржевальского. Именно они оказали огромное влияние на формирование научных интересов Владимира Клавдиевича [18, с. 216].

Как сообщает Н. Е. Кабанов, один из первых биографов В. К. Арсеньева, лично знавший его и участвовавший в его экспедициях 1927 г., в конце 1891 г. В. К. Арсеньев сдал экстерном экзамены за среднее учебное заведение, а в следующем году был зачислен вольноопределяющимся в 145-й Новочеркасский полк и командирован в Петербургское юнкерское пехотное

В. К. Арсеньев (в военной форме, слева) с группой участников одного из своих походов

училище [27, с. 11]. В нем он обучался за свой счет, что давало право по окончании уволиться в запас. Университет для Арсеньева был закрыт, потому что в его время в университете мог учиться только окончивший классическую гимназию. Владимир Клавдиевич мог, однако, поступить учиться в какое-нибудь специальное высшее учебное заведение. «Из меня,— писал он,— может быть, вышел бы недурной (а может быть, и плохой) инженер-технолог, гражданский инженер-строитель, инженер-электротехник, инженер-путеец и т. д. Я меньше всего имел склонность к технике. У отца было желание сделать меня корабельным инженером. Если бы его мечты осуществились, я всю жизнь томился бы на каком-нибудь судостроительном заводе в обстановке совсем непривлекательной» [5, с. 6].

Юнкерское училище, как пишет Н. Е. Кабанов, «привило ему (Арсеньеву.— С. Ф.) дисциплину, порядок и быстрое и аккуратное исполнение поручений и заданий» [27, с. 11]. Среди преподавателей училища были крупные специалисты, давшие В. К. Арсеньеву глубокие знания в целом ряде наук. Особенно важную роль в его судьбе сыграл исследователь Средней и Центральной Азии М. Е. Грум-Гржимайло, брат знаменитого путешественника и исследователя этих районов планеты

Г. Е. Грум-Гржимайло. Это он обратил внимание молодого Арсеньева «на Дальний Восток и Сибирь, тогда еще страну мало населенную и еще менее изученную» [20, с. 140]. «Двухлетнее пребывание в военном училище приучило меня все делать скоро и хорошо,— писал Арсеньев,— я привык вставать с кровати тотчас, как просыпался, научился ценить время и расходовать его по расписанию, довольствоваться малым, обходиться без посторонней помощи, проявлять инициативу, не опаздывать на работу» (АФА). Вполне очевидно, что все эти качества, отточенные пребыванием в военном училище, оказали огромное влияние на дальнейшую деятельность замечательного ученого и неутомимого путешественника.

По окончании в 1896 г. училища В. К. Арсеньев был направлен в Польшу, в г. Ломжу, для прохождения военной службы, поскольку согласно приказу военного министра «своекоштные» юнкера переводились в «казеннокоштные» и были обязаны отслужить в армии. Об этом периоде жизни Владимир Клавдиевич вспоминал, что «офицерская жизнь, описанная Куприным в его повести „Поединок“, вполне соответствовала действительности. Молодых людей, попавших в казарменную обстановку, нельзя было особенно и винить... Образовательный ценз офицерства был невысок, жизнь в казармах бессодержательна, занятия шагистикой и муштровкой солдат — неинтересными» (АФА). Однако в Ломже в скором времени Владимир Клавдиевич познакомился с братьями Техменевыми и семьей Бумаркиных и подружился с ними. В доме Бумаркиных и у Техменевых проводил он все свободное время за чтением. Таким образом, и в Польше он продолжает изучать литературу о Дальнем Востоке, штудирует общезнакологические работы — русские и переводные [27, с. 11; 29, с. 30—33].

Позднее В. К. Арсеньев упрекал себя в том, что по окончании военного училища не сразу начал хлопоты о переводе на Дальний Восток. «Правда, три года службы в Царстве Польском,— писал он,— не совсем пропали даром: я присмотрелся к армейской жизни, разочаровался в военной службе и весь свой досуг посвятил книгам, которые просветили мой ум и научили меня уважать не форму на человеке, а человека, независимо от того, как он одет и из какого сословия он происходит. Я стал приобретать друзей среди гражданского населения и многих из них по сие время вспоминаю с большим удовольствием и уважением» [5, с. 6]. В. К. Арсеньева уговаривали продолжить военную карьеру, пойти в Академию Генерального штаба. Однако штабная карьера не прельщала его, и он предпочел остаться кадровым офицером. В дальнейшем военная служба дала ему ряд преимуществ, в частности, при организации экспедиций. Кроме людей, как писал В. К. Арсеньев, он «получал лошадей, седла, вооружение, походное и бивачное снаряжение, обувь, одежду, карты, инструменты, продовольствие, медика-

менты, денежные средства, бесплатные проезды по железной дороге и на военных судах по побережью моря. Ни одно ведомство не могло бы так хорошо меня снарядить, как военное» [5, с. 6]. Но это в дальнейшем.

Вместо Генерального штаба, куда на службу его хотели устроить друзья, Владимир Клавдиевич выбрал охотничью команду в одной из воинских частей, расположенных в Уссурийском крае.

С очень большими трудностями В. К. Арсеньев добился перевода в 8-й Восточно-Сибирский линейный батальон, квартировавший во Владивостоке, куда и прибыл после долгого пути в августе 1900 г.⁵ Железная дорога тогда доходила до Байкала, а дальше надо было ехать на лошадях по Забайкалью и далее — по Амуру до Хабаровска, откуда до Владивостока уже была выстроена Уссурийская железная дорога, шедшая через хребет Хехцир. Уссурийский край был в значительной степени изолирован от культурных центров России, население его размещалось только по долине Уссури и в южной части: около Посыета, Владивостока, Никольска-Уссурийского, оз. Ханка, селения Шкотово, по долине Сучана и по побережью моря до залива Ольги. Центральная же часть горной области Сихотэ-Алиня представляла собой страну неведомую и неизвестную (АФА).

Во Владивостоке В. К. Арсеньев поселился на восточной окраине города в небольшом деревянном домике, каких было большинство в тогдашнем Владивостоке. В то время, как вспоминал В. К. Арсеньев, Владивосток был небольшим городом с немощеными улицами и большей частью с деревянными тротуарами. В районе Гнилого Угла (юго-восточная часть города) было болото, а за ним начинался лес, в котором водилось много пятнистых оленей и диких коз (АФА). Очень сильное впечатление произвел на В. К. Арсеньева тайфун, надвинувшийся на Владивосток из Южно-Китайского моря через Корею 7 августа старого стиля 1900 г.: «Ветер быстро менял свое направление и дул со страшной силой. Он ломал деревья, срывал крыши с домов... К вечеру хлынул сильнейший ливень. Жутко было сидеть даже в доме, который при каждом порыве вздрагивал до основания и, казалось, вот-вот опрокинется совсем» (АФА).

Знакомство с краем В. К. Арсеньев начал с ближайших окрестностей города, но вскоре перешел к более дальним по-

---

⁵ Сохранившиеся документы по-разному датируют время прибытия В. К. Арсеньева на Дальний Восток. По одним документам, это август 1900 г., а по другим — 1899 г. Например, в письме к А. М. Иванову от 20 июля 1910 г. В. К. Арсеньев отмечал, что «одинадцать лет пребывания на Дальнем Востоке... значительно просветили» его. — ЦГАЛИ, ф. 1014, оп. 1, ед. хр. 24.

ходам — от бухты Тихой до бухты Фельдгаузена и в конце концов стал исследовать глухие таежные уссурийские дебри. Нужно было не только изучать географию, топографию, топонимику, флору и фауну края, охотоведение, но и постоянно закалять себя физически: условия путешествий были очень сложны. Особенно Владимира Клавдиевича прельщали тогда самые отдаленные районы хребта Богатая Грива, изобиловавшие диким зверем. Такие поездки В. К. Арсеньев смог осуществлять лишь с 1902 г., когда возглавил конно-охотничью команду во Владивостоке. «Служба в конно-охотничьей команде, — вспоминал В. К. Арсеньев, — была живая, увлекательная. Длительные экскурсии, ночевка под открытым небом, джигитовка на лошадях, охота на зверя, изучение дорог и троп, восхождение на скалы, спуск по веревкам с обрывов, плавание и прохождение курса стрельбы — все это развивало инициативу» (АФА).

Во Владивостоке В. К. Арсеньев знакомится с интересными людьми. Значительное влияние на его деятельность оказали уссурийский лесничий — ботаник и краевед Н. А. Пальчевский, врач и этнограф, подвижник науки Н. В. Кирилов, председатель Общества изучения Амурского края (ныне Приморский филиал Географического общества СССР) Н. М. Соловьев, исследователи Дальнего Востока В. П. Маргаритов и Н. В. Слюнин [18, с. 219; 27, с. 13].

В походах В. К. Арсеньев проявлял исключительную выносливость, мужество, волю; образ его жизни был самый неприятный. Он писал о себе, что обычно «спал просто на земле под открытым небом, не замечая дождя в течение всего дня, мог довольствоваться сухой коркой черного хлеба, вместо кружки пользовался раковинной, поднятой на берегу моря» (АФА). Во время экспедиций и походов он в первую очередь заботился об их участниках, о лошадях и собаках, которых брали с собой, и только потом о себе. В. К. Арсеньева никогда, ни при каких обстоятельствах не смущали и не останавливали, как он сам отмечал, «ни расстояния, ни непогода, ни недостаток продовольствия» (АФА).

Во время путешествий В. К. Арсеньев постоянно общался с нанайцами, орочами, удэгейцами и другими малыми народами Дальнего Востока. Тщательно и с большой любовью изучал он их жизнь, быт, национальный характер и становился все более известным среди них, вызывая ответную любовь к себе и привязанность и приобретая множество друзей. Один из них, нанец (или, как тогда говорили, гольд) Дерсу Узала, сыграл особенно большую роль в экспедициях В. К. Арсеньева и благодаря научным работам Владимира Клавдиевича вошел в мировую науку и географическую литературу.

Как это ни странно, еще при жизни В. К. Арсеньева существовала легенда, о которой М. К. Азадовский сказал следую-

щее: «Не раз приходилось слышать о великом счастье, „привалившем“ Арсеньеву в виде встречи с Дерсу, что без этой встречи Арсеньев никогда бы не мог благополучно довершить своих экспедиций и что вообще без помощи орочей и удехейцев он бы очень скоро погиб. В такого рода утверждениях, как и вообще во всяких рассказах об „удачах“ и „случайном счастье“ выдающихся деятелей, всегда слишком много преувеличений...

Нужно быть Арсеньевым, чтобы сразу понять, оценить и глубоко полюбить такого человека, как Дерсу, нужно быть Арсеньевым, чтоб завоевать любовь и преклонение всех этих обездоленных людей» [16, с. 22].

Поскольку в последнее время первая встреча с Дерсу Узала датируется учеными не 1902 г., как это считалось ранее, остановимся на этом подробнее.

Из дневниковых записей В. К. Арсеньева, хранящихся в архиве Приморского филиала Географического общества СССР, следует, что первая его встреча с Дерсу Узала произошла 3 августа 1906 г. Теперь эти дневниковые записи опубликованы [6].

Сам В. К. Арсеньев, однако, в предисловии к своей первой книге о Дерсу писал: «Ввиду той выдающейся роли, которую играл Дерсу в моих путешествиях, я опишу сначала маршрут 1902 г. по рекам Цимухе и Лефу, когда произошла моя первая с ним встреча, а затем уже перейду к экспедициям 1906 и 1907 гг.» [2, с. III]. Из текста книги «По Уссурийскому краю» также следует, что встреча с Дерсу произошла в 1902 г., а затем повторилась в 1907 г. [12; 2, с. 13, 21—22, 59, 172, 319], причем текст не исключает возможности их встреч и в год (или годы), предшествовавший 1907 г.

Вслед за В. К. Арсеньевым эту дату признают и повторяют три биографа В. К. Арсеньева, лично его знавшие: Ф. Ф. Аристов, Н. Е. Кабанов, М. К. Азадовский. Вот что пишет первый из них: «В 1902 г. В. К. Арсеньев в истоках реки Лефу встретился с гольдом Дерсу из рода Узала и совершил с ним маршрут до озера Ханка. Во время этой экспедиции В. К. Арсеньев заблудился в болотах и едва не погиб во время пурги, если бы не находчивость Дерсу... Вторая встреча с Дерсу произошла в 1906 г. на реке Тадушу, к северу от залива Ольги» [18, с. 222]. По этому же поводу Н. Е. Кабанов писал: «В 1902 году в истоках р. Лефу произошла встреча В. К. Арсеньева с гольдом Дерсу Узала, сыгравшая исключительно крупную роль в осуществлении почти всех последующих экспедиций Арсеньева» [27, с. 14]. Наконец, третий биограф Арсеньева, М. К. Азадовский, писал: «Из всех экспедиций по Уссурийскому краю самыми популярными и наиболее известными являются его экспедиции 1902—1907 гг. Причины эти вполне понятны: эти экспедиции связаны с именем Дерсу Узала» [16, с. 23].

Между тем в дневниковой записи Владимира Клавдиеви-

ча, в тетради № 3 от 3 августа 1906 г. (публикация Л. И. и Ю. А. Сем), действительно рассказывается о том, как вечером этого дня к костру подошел гольд, назвавший себя Дерсу Узала [6, № 8, с. 138—139]. В предисловии к публикации Л. И. и Ю. А. Сем сообщали: «Тетрадь № 3, в отличие от двух первых, начинается с дневниковых записей, которые охватывают период немногим более полугода, т. е. с 9 июля по 17 октября 1906 года... В этой же тетради помещено воспоминание В. К. Арсеньева о совместной охоте с Дерсу Узала в 1902 году близ озера Ханка в низовьях реки Лефу, которая для Арсеньева чуть не стала роковой (с. 48—56)» [33, с. 129—130].

Вероятно, последняя запись — столько же воспоминание о реальных событиях, сколько и часть задуманного тогда научно-художественного труда, для которого не нужно было менять факты, но потребовалось сдвинуть хронологию. Свидетельства в пользу этого предположения весьма убедительны⁶.

После 1905 г. В. К. Арсеньев обращается к изучению северных районов Приморья — от хребта Сихотэ-Алинь до Японского моря. Его путешествия 1906—1910 годов стали всемирно известными. Владимир Клавдиевич предпринял три сложнейшие экспедиции в Сихотэ-Алинь. Первая экспедиция (1906 г.) проводилась В. К. Арсеньевым в южной части Сихотэ-Алиня. В. К. Арсеньев девять раз пересекал его водораздел. Во время второй экспедиции (1907 г.) в центральной части Сихотэ-Алиня В. К. Арсеньев четыре раза пересекал главный водораздел. Третья экспедиция, начатая в 1908 г., осуществилась с северной части Сихотэ-Алиня.

Об этих экспедициях в письме к А. М. Иванову от 20 июля 1910 г. Владимир Клавдиевич сообщал следующее: «Первое мое путешествие длилось 180 дней, второе — 210 суток и последнее, третье — 19 месяцев. По моим расчетам во время последней экспедиции на дневки ушло 4 месяца и 6 дней, а на чистые маршруты — 14 месяцев и 24 дня. 4 раза я погибал с голода. Один раз съели кожу, другой раз набивали желудок морской капустой, ели ракушки. Последняя голодовка была самой ужасной. Она длилась 21 день. Вы помните мою любимую собаку Альпу — я ее съел в припадке голода, и этим мы спаслись от смерти. Три раза я тонул, дважды подвергался нападению диких зверей (тигр и медведь). Глубокие снега едва не погубили весь отряд. Страшно истомленные мы вышли к Амуру в 1910 году. Подряд 76 дней мы шли на лыжах и тащили за собой нарты... Теперь я закончил свои путешествия. Стану делиться с людьми виденным»⁷.

⁶ См. настоящую книгу, с. 7—8.

⁷ ЦГАЛИ СССР, ф. 104, оп. 1, ед. хр. 24; см. также письмо В. К. Арсеньева к Н. Е. Михайлову от 9 июля 1928 г. — Архив ГЛМ, ОФ $\frac{4807}{1-7}$.

Важной особенностью этого периода деятельности Владимира Клавдиевича является теснейший контакт с научными учреждениями Петербурга и Москвы, с видными географами и этнографами. Особенно большое значение для В. К. Арсеньева имела его постоянная связь с Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук в Петербурге и его сотрудником, а впоследствии и директором Л. Я. Штернбергом. Последний оказал большое содействие, посылая необходимую литературу, давая практические и методические советы. Это был дружеский союз больших ученых⁸. В. К. Арсеньев регулярно отправлял в МАЭ часть собранных им коллекций⁹, а позднее, в 1926 г., когда возник вопрос о его временном переезде в Ленинград, был избран «научным сотрудником первого разряда».

В. К. Арсеньев стремился к тому, чтобы познакомить широкую общественность с добытыми им в экспедициях сведениями по географии, археологии, этнографии, ботанике, зоологии, геологии Дальневосточного края. С этой целью в 1910—1911 гг. Владимир Клавдиевич Арсеньев едет в Петербург на Общероссийскую этнографическую выставку, организованную в отделе этнографии Русского музея, куда он представил свои коллекции, а затем — в Москву. Его лекции об исследовательской работе, проделанной им в Восточной Сибири, делают его имя все более известным. В. К. Арсеньев обращает на себя серьезное внимание многих ученых: в Петербурге это — П. К. Козлов, С. Ф. Ольденбург, В. В. Радлов, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Д. К. Зеленин, Д. А. Клеменц, Ю. М. Шокальский; в Москве — Д. Н. Анучин, В. В. Богданов, А. А. Борзов и др. С помощью этих ученых, а также Л. Я. Штернберга, С. А. Бутурлина, Л. С. Берга, И. В. Палибина и некоторых других В. К. Арсеньев по возвращении в 1910 г. в Хабаровск приступил к обработке собранных им материалов. Обобщающим трудом В. К. Арсеньева о его экспедициях явился опубликованный в 1911 г. «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края» — чрезвычайно ценное научное исследование, в котором не только систематизирован конкретный материал, но и сделаны важные теоретические выводы [9].

⁸ Материал о связях В. К. Арсеньева с МАЭ и Л. Я. Штернбергом содержится в опубликованных М. К. Азадовским письмах В. К. Арсеньева Л. Я. Штернбергу [4, с. 215—231] и его предисловии к этой публикации [16], в публикуемых А. И. Тарасовой в настоящей книге письмах Л. Я. Штернберга к В. К. Арсеньеву (см. с. 57—80), а также в статье Б. П. Полевого и А. М. Решетова [31]. Отметим здесь лишь, что в статье Полевого и Решетова Л. Я. Штернберг подан как «столичный учитель», а В. К. Арсеньев — как «провинциальный ученик». В статье методически неправомерно использованы некоторые частные письма и отдельные высказывания, что ведет к искажению отношений между двумя учеными и что уже было отмечено М. В. Воробьевым [24] (подробнее см. Приложение 2 к настоящей статье).

⁹ О коллекциях В. К. Арсеньева, представленных в МАЭ, см. в статьях В. В. Антроповой и Ч. М. Таксами [17] и Т. В. Станюкович [34].

Очередная экспедиция В. К. Арсеньева в горы Сихотэ-Алиня в 1911 и 1912 гг. открыла ученому новые просторы для исследований, особенно памятников старины Уссурийского края. В 1913 г. В. К. Арсеньев принимает в Хабаровском музее Фритьофа Нансена, который назвал его «знатоком этих краев» [30, с. 338].

В 1918 г. неутомимый путешественник отправляется на Камчатку. Во время этой экспедиции в селе Верхне-Камчатском он нашел следы старого русского острога (бывшую резиденцию открывателя Камчатки Владимира Атласова) и водрузил памятный столб. В селе Камаки он осмотрел места древних камчадалских поселений, описанные С. Г. Крашенинниковым еще в 1728—1729 гг. На Камчатке В. К. Арсеньев познакомился с А. И. Рублевым — участником многих экспедиций Н. М. Пржевальского, рассказавшим Владимиру Клавдиевичу много интересного о крае и прошлых путешествиях.

Все увиденное и услышанное во время экспедиций В. К. Арсеньев тщательно записывал, аккуратно систематизировал. Собранные коллекции он бережно передавал, как уже говорилось, в Хабаровский краеведческий музей, в МАЭ имени Петра Великого, в этнографический отдел Русского музея в Петербурге-Петрограде, в Румянцевский музей в Москве, в Музей Казанского государственного университета. В. К. Арсеньева за его выдающуюся исследовательскую и собирательскую деятельность Комитет Общероссийской этнографической выставки 1913 г. удостоил Большой серебряной медали; Русское географическое общество — Малой серебряной медали, а позднее — премией им. М. И. Венюкова; Главный комитет выставки Примурского края наградил Большой золотой медалью; а Главный комитет Первой Всероссийской сельскохозяйственной выставки в Москве в 1923 г. — Дипломом первой степени. За успешное проведение экспедиций, а также за военную службу он имел несколько орденов и медалей, полученных им еще до 1917 г. [27, с. 71—72].

Строго подчинив свою деятельность сбору фактического материала по всем сторонам жизни Дальневосточного края, В. К. Арсеньев среди многих проблем имел возможность с особым тщанием изучать историческую этнографию, а также современные культуру и быт малых народов Дальнего Востока, в первую очередь Приморья. В его значительном неопубликованном наследии этнограф может почерпнуть ценнейший материал о хозяйстве и материальной культуре, семейном и общественном быте, о средствах передвижения, о религиозных верованиях как коренного населения края, так и пришлых народов (китайцы, корейцы, японцы и другие). Например, в ходе нескольких экспедиций Владимир Клавдиевич среди прочих задач изучал местных таежных жителей — орочей, о расселении и исторической этнографии которых он оставил подробные записи,

в значительной мере дополняющие и исправляющие материалы С. Н. Браиловского, опубликованные им в 1901 г. в статье «Тазы, или Удихэ» в журнале «Живая старина» (вып. 2—4). В частности, В. К. Арсеньев показал, что первоначальным местом обитания орочей являлась р. Хади, откуда они расселились далее, преимущественно на юг. Изучение орочей было продолжено младшим товарищем В. К. Арсеньева этнографом И. А. Лопатыным. Этнографическому исследованию малых народов была посвящена также написанная им совместно с Е. И. Титовым работа «Быт и характер народностей Дальневосточного края», опубликованная в Хабаровске в 1928 г.

Что касается неаборигенных народов, в частности китайцев, то и им путешественник-ученый также посвятил специальные труды [7 — предварительная публикация; 8 — полный текст]; материал о китайцах есть также в «Кратком... очерке Уссурийского края» [9]. Работу В. К. Арсеньева о китайцах в 1918 г. РГО отметило премией им. М. И. Венюкова (кстати, В. К. Арсеньев — единственный лауреат этой премии).

Главным трудом Владимира Клавдиевича в этнографии, равным подвигу Миклухо-Маклая, рисковавшего жизнью во имя изучения папуасов и распространения знаний о них, было изучение удэгейцев, которым В. К. Арсеньев посвятил 25 лет неустанных путешествий и исследований. Он изучил язык удэгейцев, расположение и хозяйственную деятельность удэгейских стойбищ, семейные и общественные отношения, религиозные верования; он вел подробнейшие записи их эпоса, сказок, преданий и т. д. Его заветной мечтой было опубликовать фундаментальный труд «Страна Удэхе», который явился бы результатом многолетнего изучения этого народа. Об этой своей мечте Владимир Клавдиевич писал и говорил многим своим корреспондентам — профессору Н. В. Кюннеру в 1928 г. [32, с. 175—178]; Л. Я. Штернбергу [4, с. 215 и сл.]; Ф. Ф. Аристову (письмо от 27 июня 1930 г.)¹⁰ и другим. Правда, небольшая работа об удэгейцах была им опубликована [10], но рукопись большой монографии «Страна Удэхе» света не увидела и, по всей вероятности, ныне не сохранилась¹¹.

Уже первые публикации В. К. Арсеньева о народах Дальнего Востока России встретили положительные отзывы видных этнографов и географов. Так, В. В. Богданов писал: «Характерной особенностью материалов и заметок В. К. Арсеньева надо признать их проникновение в такие детали быта и с таким наглядным воспроизведением, которые доступны только очень внимательному и вдумчивому исследователю» [22, с. 153].

¹⁰ ЦГАЛИ СССР, ф. 196, оп. 1, ед. хр. 8.

¹¹ Об истории подготовки этой рукописи, сохранившихся ее фрагментах, которые, по всей вероятности, должны были составить часть задуманной капитальной монографии, см. статью В. Г. Пузырева [32, с. 122—129] (особенно с. 129).

Труды В. К. Арсеньева стали необходимым пособием для всех этнографов-сибиреведов, потому что этнографических работ было мало и порой этнографией занимались люди, не имевшие никакого отношения к этой науке. Так, этнограф и лингвист Е. И. Титов писал В. К. Арсеньеву в письме от 10 февраля 1927 г.: «За этнографию берется кто угодно, ее поручают лицам случайным, не видя в том особой беды. Вы не должны удивляться тому, что Ваша смелая и прекрасная работа для нас, начинающих, является путеводным знаком и одобрением» (АФА).

С победой Великой Октябрьской революции В. К. Арсеньев получает широкую возможность осуществлять свои научные замыслы, в том числе и этнографические, и проводить необходимую практическую работу для строительства социалистического Дальнего Востока как в области народного хозяйства, так и в сфере культуры. В 20-х годах, когда только начиналось проведение ряда дальневосточных железных дорог и создание населенных пунктов на путях, впервые проложенных В. К. Арсеньевым, особенно остро ощущалась нужда в специалистах, хорошо знающих край. Единственный в своем роде знаток Дальнего Востока, он охотно, с полной отдачей сил и знаний выполнял самые различные задания советских учреждений, связанные с хозяйственным и культурным строительством.

Его деятельность в 1922—1930 гг. необыкновенно активна и инициативна. Назовем здесь лишь несколько основных его экспедиций. Владимир Клавдиевич выполняет весьма ответственные задания. Он обследует Гижигинский район, выезжает на Командорские острова и совершает восхождение на Авачинскую сопку, принимает деятельное участие в дальневосточной экспедиции Наркомзема, сменившей следуюющей, очень трудной экспедицией по маршруту Советская Гавань—Хабаровск. Об этой экспедиции В. К. Арсеньев писал 22 декабря 1927 г. Н. Е. Михайлову: «Маршрут от Советской Гавани (бывшей Императорской) до г. Хабаровска я совершил в 116 суток. На этом пути я перешел пять больших горных хребтов и выдолбил девять лодок. На моем пути нигде людей не было. Это путешествие совершено при весьма неблагоприятных обстоятельствах: лето было весьма дождливое. Ненастные дни составляют 61,3%. Один раз неожиданно на нас выбежал тигр...»

(Архив ГЛМ, ОФ $\frac{4807}{1-7}$). Описана экспедиция в книге «Сквозь тайгу» [13] и т. д. Среди важнейших задач, порученных этим экспедициям, было обследование таежных пространств и выяснение их доступности и пригодности для заселения, а также нахождение более низких перевалов через хребты, в том числе через Сихотэ-Алинь. Задания, которые поручались В. К. Арсеньеву, носили преимущественно географический и экономический характер, их приходилось осуществлять в очень тяжелых

условиях. Но все же экспедиции были успешными, потому что возглавлявший их человек был воодушевлен идеями служения науке и Родине и обладал обширными познаниями. В этих экспедициях Владимир Клавдиевич продолжал пристально изучать этнографию края.

В. К. Арсеньев — не только выдающийся путешественник, но и талантливый педагог, блестящий популяризатор науки, неутомимый музейный работник. В 1917 г. он начал преподавательскую деятельность в Хабаровском народном университете, с 1919 г. — во Владивостокском учительском институте, через год преобразованном в Дальневосточный государственный педагогический институт им. К. Д. Ушинского, а в 1921 г. был избран профессором этого института по кафедре географии и этнографии. В 1927 г. В. К. Арсеньев получил звание профессора Дальневосточного государственного университета.

В 1917—1929 гг. В. К. Арсеньев читал лекции по истории первобытной культуры, археологии, антропологии, этнографии, географии Дальнего Востока в самых различных организациях и учебных заведениях. В неопубликованных материалах В. К. Арсеньева, находящихся в архиве Ф. Ф. Аристова, содержится перечень более двадцати учреждений, где он читал лекции. Это Дальневосточный государственный университет, Дальневосточный краеведческий научно-исследовательский институт, Владивостокский отдел Русского географического общества, Владивостокское отделение Общества туристов, Владивостокское отделение Осоавиахима, Общество юных краеведов при Владивостокском географическом обществе и пр.

В 1921—1926 гг. В. К. Арсеньев возглавлял краеведческую и музейную работу в крае: был директором Общества изучения Амурского края во Владивостоке, директором Хабаровского музея и т. д. Владимир Клавдиевич, по сути, явился первым организатором музейного дела на Дальнем Востоке. Умело сочетая музейно-лекторскую работу с экспедиционной, он все более и более углублял этнографические и географические исследования. В. К. Арсеньев сумел воспитать множество учеников и последователей.

Владимир Клавдиевич всегда проявлял особую заботу о коренном населении, нужды которого находились постоянно в поле его зрения, и среди этого населения снискал огромное уважение и любовь. Биографы В. К. Арсеньева единодушно приводят многочисленные примеры, показывающие глубокую и искреннюю любовь его к аборигенам края и его постоянную готовность оказать помощь. Так, избранный в 1917 г. на должность комиссара по делам инородцев Приамурского края, В. К. Арсеньев поставил задачу скорейшего выявления жизненных нужд и оказания помощи¹² орочам, удэгейцам и другим

¹² Подробнее об этом см. две докладные записки В. К. Арсеньева Временному правительству, публикуемые в настоящей книге (с. 50 и сл.).

народам. А представители этих народов неоднократно обращались к В. К. Арсеньеву со своими нуждами. Известен случай, когда два ороча, Намука и Хутунка, отправились к Владимиру Клавдиевичу в Хабаровск, за 700 км от своих селений на реках Тумнин и Копь, у Советской Гавани, потратив на труднейший путь два месяца [5; 20, с. 141].

В письме, датированном 26 февраля 1926 г., орочи с Тумнина и Копи писали ему: «Мы всегда были благодарны Вам и... по первому Вашему зову пойдем, куда Вы прикажете. Только Вы один человек, который... всегда помогал и учил хорошему... Мы с большой радостью примем от Вас помощь... Жизнь наша незавидная... потому что неразвиты и нет человека, который мог бы нас учить... нам нет места, где бы можно было посадить картофель для себя. Семейное положение у нас... изменилось: у кого из орочей было две или три жены, отобрали и оставили только по одной... Мы не знаем, правильно поступили с нами или нет, а потому обращаемся к Вам за советом, как к другу и брату орочей» (АФА).

Глубокая любовь к Дальнему Востоку и его населению, всестороннее знание края, явившееся результатом многолетней самоотверженной работы, ярко отразились в публичных лекциях В. К. Арсеньева. В октябре 1928 г. В. К. Арсеньев приехал в Москву, где выступил с несколькими лекциями об Уссурийском крае и об удэгейцах — «лесных людях».

Одновременно в Москве показывали кинофильм «Лесные люди» («Удэ»), который консультировал Владимир Клавдиевич, помогавший также и написать сценарий этой ленты. Вступительное слово В. К. Арсеньева к фильму превратилось в двухчасовую лекцию, захватившую внимание тысячной аудитории. Картина, снятая в таежных глубинах, рисовала жизнь угасавшей народности удэхе, насчитывавшей тогда 1370 человек. Вот ее краткое содержание.

Предстоит появление на свет маленького удэхе. Будущую мать переселяют в отдельную юрту; общение с ней прекращается, лишь женщины приносят ей еду, но в разговоры не вступают. Ребенок рождается, и через два года он не только все еще сосет материнскую грудь, но уже курит понемногу отцовскую трубку. Но вот маленькому удэхе четыре года; он незаменимый помощник на охоте; он прекрасно правит лодкой-долбленкой. Сцены охоты, разделение труда между мужчиной и женщиной, праздники удэгейцев, шаманское камлание, ритуальное торжество съедения медвежьей головы — все это нашло место в фильме и было ярко прокомментировано В. К. Арсеньевым [см. 18, с. 242].

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР послал в Совкино похвальный отзыв о фильме. В отзыве отмечалось, что фильм заслуживает исключительного внимания как первая удачная кинокартина, показавшая быт удэгейцев.

«Безусловная подлинность всех снимков делает фильм ценным не только для просвещения широких масс, но и для специалистов-этнографов» (АФА). Владимир Клавдиевич консультировал также фильмы «По дебрям Уссурийского края», «Тумгу», «Оленные люди»; ему предложили быть редактором фильмов «Ламу» и «Коряки» [27, с. 24; 35, с. 126].

Научные интересы Владимира Клавдиевича не ограничились изучением Дальнего Востока. Одно время В. К. Арсеньев думал перенести свою исследовательскую работу за Полярный круг к эскимосам. В связи с этим друг В. К. Арсеньева врач и этнограф Н. В. Кирилов писал ему в 1913 г.: «Меня трогает, видимо, Ваша непреклонная решимость поехать на Чукотский Север, и я с удовольствием вижу все Ваши заблаговременно обдуманые планы будущей работы. Конечно, энергии для трехлетней работы у Вас хватит... школу Вы прошли чудную. Думаю, что Вы теперь штудируете не только издания Музея Естественной истории в Нью-Йорке, касающиеся Азии, но и по северо-американским инородцам, особенно по Америке» [23, № 2, с. 173].

* * *

Неузнаваемо изменился облик Дальнего Востока и его населения за годы Советской власти. Во многих глухих таежных местах, куда с огромным риском для жизни прокладывал дорогу Владимир Клавдиевич, были заложены поселки и города.

Эти изменения начинались еще на глазах В. К. Арсеньева. Сам путешественник писал Ф. Ф. Аристову: «Когда я впервые прибыл в край, ближайшие окрестности Владивостока были покрыты лесом, в котором водилось множество диких зверей. Тогда не было ни дорог, ни троп, и потому путешествие по тайге сопряжено было с лишениями и даже с опасностями для жизни. Помню, с каким трудом я пробирался на „Лысую гору“ в истоках р. Седанки. Через двадцать восемь лет я снова попал туда и увидел каких-то молодых людей и девиц, приехавших на автомобиле... Все они были веселы, шутили и смеялись. Им и в голову не приходило, что мимо них проходит человек, который с тяжелой котомкой за плечами, в изорванной одежде и с потным лицом впервые проложил сюда путь» [20, с. 142].

В 1930 г. Владимиру Клавдиевичу поручили руководящую должность по изысканиям трассы уссурийской железной дороги, строительство которой было призвано сыграть огромную роль в хозяйственной жизни края. Он возглавил сразу четыре ответственные экспедиции по обследованию таежных районов, тяготеющих к направлениям проектируемых новых железных дорог. Об этом задании Владимир Клавдиевич писал в «Воспоминаниях»: «Думаю, что это будет „моя лебединая песнь“.

Десять маленьких отрядов работают в тайге: инженеры, техники, землемеры, экономисты и лесоводы. В начале 1931 года я должен сдать все отчеты, поблагодарить и распустить своих сотрудников, съездить на Кавказ, в Москву и, пробираясь от города к городу через всю Сибирь, вернуться к пенатам» [20, с. 142].

Эта экспедиция действительно оказалась для В. К. Арсеньева последней. Жизнь замечательного человека, неутомимого путешественника, глубокого исследователя и талантливого писателя, каким был Владимир Клавдиевич Арсеньев, прервалась 4 сентября 1930 г. О подробностях смерти Владимира Клавдиевича его жена М. Н. Арсеньева писала 9 сентября 1930 г. Ф. Ф. Аристову: «Владимир Клавдиевич умер от паралича сердца, последовавшего на третий день после кризиса при крупном воспалении легких, которое он схватил в низовьях Амура во время своей последней экспедиции... Хоронил его весь город, за гробом шли тысячи людей... Я знала, что Владимир Клавдиевич очень популярен и любим многими, но все же я не знала, что у него столько друзей, что его так ценили и уважали все» (АФА).

Огромные заслуги В. К. Арсеньева, снискавшего к тому времени не только всесоюзную, но и мировую известность, были высоко оценены целым рядом научных обществ и учреждений на заседаниях, посвященных его памяти. Одно из них — ученое заседание географического факультета Московского государственного университета и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии — состоялось 22 октября 1930 г. С докладами выступили: проф. Ф. Ф. Аристов — «Жизнь В. К. Арсеньева»; проф. С. Г. Григорьев — «В. К. Арсеньев как географ»; проф. В. В. Богданов — «В. К. Арсеньев как этнограф». В заключительной речи проф. А. А. Борзов сказал: «Еще не раз русским географам, этнографам и археологам, да и не одним

В. К. Арсеньев в последние годы жизни

русским, придется возвращаться к трудам Владимира Клавдиевича, но на нас, лично знавших покойного и имевших счастье увлекательного общения с ним, лежит особая обязанность сохранить для наших преемников и учеников самый образ этого чудесного человека, отдавшего всего себя без остатка и без оглядки познанию родной страны и наиболее забытых ее народностей» [18, с. 20].

Широко известны высокие (нередко восторженные) оценки, которые получила деятельность В. К. Арсеньева со стороны ученых коллег. За исключительные заслуги в изучении Дальнего Востока он был избран действительным членом ряда научных обществ: Русского географического общества в Ленинграде и Антропологического общества при Петербургском университете; Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете; Русского орнитологического комитета в Москве; Российской Академии истории материальной культуры; Дальневосточного краевого научно-исследовательского института при Дальневосточном университете во Владивостоке; а также почетным членом таких обществ, как: Приморское лесное и Приморская губернская архивная комиссия во Владивостоке; Владивостокский отдел и Дальневосточный краевой отдел¹³ Русского географического общества; Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Общество ориенталистов в Харбине в 1916 г. также избрало его своим почетным членом, а харбинское Общество изучения Маньчжурского края — пожизненным членом; он был также избран действительным членом Национального географического общества в Вашингтоне.

Прекрасную характеристику В. К. Арсеньева — путешественника, исследователя Уссурийского края, ученого и лектора-педагога — дал известный знаток Дальнего Востока проф. Н. В. Кюннер, который в своем отзыве при избрании В. К. Арсеньева профессором писал: «Среди исследователей местного края Владимир Клавдиевич Арсеньев уже давно пользуется широкой и заслуженной репутацией опытного и искусного исследователя и превосходного популяризатора устным и печатным путем собираемого им научного материала... Научная деятельность Владимира Клавдиевича тесно связывается с этим краем почти с самого момента его прибытия сюда в 1900 г., причем район его научных изысканий простирался на весь Уссурийский край до Амура и на Камчатку. Многочисленные лекции, собранные им во время долголетних путешествий во всей этой обширной области, естественносторические, этнографические и археологические, обогатили столичные и местные музеи и вместе с прочими результатами их доставили ему звание члена и сотрудника многих научных обществ здесь и в сто-

---

¹³ В Хабаровске.

лица и ряд премий и почетных наград... Не менее заслуженной известностью В. К. Арсеньев пользуется и в качестве лектора... Лично я убежден, что выступление В. К. Арсеньева в преподавательский состав факультета явится для факультета весьма существенным приобретением, позволяя организовать достойным образом ряд курсов по краеведению как чисто географического, так и этнографического и археологического содержания не только теоретически, но и практически» [18, с. 240].

Научные заслуги и научное творчество В. К. Арсеньева высоко оценивали и зарубежные ученые, например такие всемирно известные исследователи, как Фритьоф Хансен, Свен Гедин, Георг Швейнфурт, Альфред Вегенер. Его работы переводили и переводят за рубежом. Так, его книги «По Уссурийскому краю» (1921) и «Дерсу Узала» (1923) были сразу же по выходе переведены в Германии и изданы в 1924—1925 гг. с предисловием Фритьофа Хансена под названием «В дебрях Восточной Сибири. Путешествия и исследования в Уссурийском крае» [14]; книга «Китайцы в Уссурийском крае» также была издана в переводе на немецкий [15].

Говоря об этнографических работах В. К. Арсеньева, необходимо отметить, что его исследования и собранные им материалы отличаются скрупулезной документальностью, что обеспечивает их непреходящую научную ценность. Ценность материалов В. К. Арсеньева определяется в настоящее время и тем, что он собирал их в тот период, когда традиционная культура аборигенных дальневосточных народов еще в значительной мере сохранялась, являя собой единый комплекс из примитивных форм материальной культуры (жилище, орудия труда и т. д.), социальной (различные обряды в сфере семейного и общественного быта) и духовной (анимизм, шаманство). В трудах В. К. Арсеньева этнограф находит материал, объясняющий роль и место многих пережиточных явлений, сохранившихся в традиционной культуре малых народов Дальнего Востока.

Но научное значение его трудов значительно шире. Специалисты по первобытной истории и проблемам развития человеческой культуры черпают в работах В. К. Арсеньева большой материал, отражающий отдельные и зачастую далекие стадии развития человечества, например описание отдельных обрядов, связанных с тотемистическими и анимистическими представлениями и др. Этнограф-теоретик, занимаясь проблемами развития культуры и быта народов в широком плане, может найти в трудах В. К. Арсеньева отправные точки, моменты, от которых можно проследить трансформацию традиционной культуры народов отдельного региона в процессе социалистического переустройства жизни. Изучаемые этнографами процессы изменения быта народов под влиянием промышленного освоения края и связанной с ним урбанизации могут быть исследованы лишь при точном знании состояния культуры и быта народов Дальне-

го Востока в конце XIX — начале XX в., столь документально зафиксированном В. К. Арсеньевым.

В связи с тем что в настоящее время, после коренных социалистических преобразований культуры и быта народов Дальнего Востока, для этнографов сохранился лишь материал, отражающий отдельные элементы традиционной культуры (например, в народном искусстве, в одежде и др.), научная значимость этнографических исследований В. К. Арсеньева особенно возрастает.

В. К. Арсеньев не только посвятил свою жизнь изучению Дальнего Востока и народов, его населяющих, но и бескорыстно и с полной отдачей сил стремился помочь этим народам, содействуя их приобщению к культуре, а после революции — и к советскому строительству.

В 1972 г. в связи со столетием со дня рождения В. К. Арсеньева по решению Советского правительства было проведено всесоюзное празднование этой даты. В г. Арсеньеве (б. село Семеновка) открыт памятник выдающемуся путешественнику и исследователю и его верному спутнику в скитаниях по тайге Дерсу Узала. Широко отметила эту дату советская общественность¹⁴. После 1972 г. были опубликованы неизвестные до того письма и документы В. К. Арсеньева, напечатаны новые исследования о нем, которые открыли нам новые страницы замечательной жизни этого замечательного человека.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Федор Федорович Аристов — профессор Московского университета, славист и востоковед, был большим другом и первым биографом В. К. Арсеньева. Помимо цитируемой нами печатной биографии Ф. Ф. Аристов подготовил монографию о В. К. Арсеньеве на основе неизданных источников, в том числе «Воспоминаний», написанных В. К. Арсеньевым специально по просьбе Ф. Ф. Аристова, а также на основе обширной переписки путешественника, в том числе и с самим Федором Федоровичем, его семейного архива, часть которого была передана в распоряжение Ф. Ф. Аристова. «Воспоминания» В. К. Арсеньева, как и монография Ф. Ф. Аристова о В. К. Арсеньеве, опубликованы не были.

Остановимся несколько подробнее на взаимоотношениях обоих ученых и на личности самого Ф. Ф. Аристова.

О личном знакомстве с ним и о своем глубоком уважении к нему В. К. Арсеньев писал: «Я не могу не вспомнить профессора Ф. Ф. Аристова. В газете „Известия“... появилась его рецензия на мою книгу, после кото-

---

¹⁴ См. Приложение 3, статью Н. И. Гаген-Торн [125], а также «Перечень названий городов, населенных пунктов... [и т. д.], посвященных В. К. Арсеньеву» в настоящей книге (с. 91—92).

рой она стала быстро раскупаться». В знак глубокой признательности за публикацию рецензии на книгу «В дебрях Уссурийского края» В. К. Арсеньев послал автору отзыва письмо следующего содержания¹⁵:

Многоуважаемый профессор!

Я только что возвратился из экспедиции и на столе у себя нашел № 223 (2856) «Известий ВЦИКа» от 30/9 сего 1926 г., где напечатан был Ваш отзыв о моей книге «В дебрях Уссурийского края». Покорно благодарю за этот отзыв. Он весьма способствовал распространению моей книги. После него в «Книжное дело» г. Владивостока стали поступать многочисленные запросы из разных частей Союза ССР. Как знак признательности и уважения к Вам не откажите принять от меня авторские экземпляры первого издания «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала», напечатанные в 1921 и 1923 гг. Обе эти книги гораздо полнее, хотя значительно хуже, чем «В дебрях Уссурийского края», которая, по существу, есть переработанное и сокращенное издание первых двух.

При этом посылаю также несколько своих брошюр, напечатанных во Владивостоке за годы революции.

Примите мои уверения в искреннем к Вам уважении

В. Арсеньев.

Впоследствии В. К. Арсеньев не раз с благодарностью отзывался о своем друге. «Когда я был в Москве...— писал он однажды,— меня посетил человек среднего роста, средних лет, чрезвычайно милый и воспитанный. Есть люди, которые как-то особенно и сразу запечатлеваются в памяти: их фигура, выражение глаз, манера говорить и т. д. ... Профессор Ф. Ф. Аристов — высоко и всесторонне образованный человек... Точность, систематичность и планомерность во всем образцовые... Это ценный и глубоко оригинальный ученый» (АФА). В другой раз он писал: «Проф. Ф. Ф. Аристов много труда затратил на популяризацию моих научных достижений по исследованию Уссурийского края и очень внимательно и во всех отношениях точно описал мою жизнь и деятельность. Помимо этого Федор Федорович убедил меня приступить к изданию полного собрания моих сочинений в Москве и любезно взял на себя все дела с издательством по чтению научно-ответственной (авторской) корректуры, подбору и размещению рисунков, составлению указателей и разного рода примечаний, чем избавил меня от множества редакционно-издательских хлопот. За это бескорыстное, дружеское содействие я считаю своим приятным долгом принести дорогому и глубокоуважаемому Федору Федоровичу свою сердечную, самую искреннюю благодарность» (АФА).

Искренняя дружба В. К. Арсеньева и Ф. Ф. Аристова была основана на глубоко принципиальном, бескомпромиссном отношении к науке, готовности ради ее интересов поступиться внешней славой и материальной выгодой, на горячем желании служить обществу.

---

¹⁵ Текст письма приводим по работе Ф. Ф. Аристова [18, с. 241—242].

В статье Б. П. Полевого и А. М. Решетова «В. К. Арсеньев как этнограф» («Советская этнография». 1972, № 4) взаимоотношения двух крупных исследователей и их роль в науке поданы в некоторых случаях в неверном свете. К примеру, авторы пишут, что благодаря помощи Л. Я. Штернберга В. К. Арсеньев «смог преодолеть узость и опасную самоуверенность провинциального мышления, стать ученым с мировым именем» [31, с. 87]. Такая оценка В. К. Арсеньева, ученого, прославленного во многих областях русской и советской науки, уже со времени выхода первых его работ признанного у нас и за рубежом авторитета в изучении Дальнего Востока, неправомерна. В. К. Арсеньев как этнограф показан авторами несколько односторонне, тем более в основном на архивных материалах только МАЭ и Ленинградского отделения Архива АН СССР, а ведь о В. К. Арсеньеве как об этнографе существует немало документов и вне этих архивов и учреждений.

Л. Я. Штернберг — крупный ученый-этнограф; он высоко ценил В. К. Арсеньева и охотно помогал ему, выступал одним из консультантов некоторых работ В. К. Арсеньева, как это и принято в научных кругах. Работы В. К. Арсеньева также неоднократно консультировали С. Ф. Ольденбург, В. Л. Комаров, Ю. М. Шокальский, С. А. Бутурлин, П. В. Шкуркин и очень многие другие ученые и специалисты в самых разных областях, к которым В. К. Арсеньев обращался и которым постоянно был благодарен. Так, в предисловии к книге «По Уссурийскому краю» (Владивосток, 1921) В. К. Арсеньев писал: «Не владея китайским языком *в такой степени, чтобы разбираться в иероглифах* (курсив мой.— С. Ф.), я обратился к ориенталисту П. В. Шкуркину... с просьбой транскрибировать китайские названия, записанные землемерами, военными топографами, различными исследователями и мной во время путешествий. Благодарю П. В. Шкуркина за услугу» [12, с. II]. Подобного рода высказываний В. К. Арсеньева с выражением благодарности многим ученым можно привести немало. Большую роль в научной деятельности В. К. Арсеньева сыграл заведующий Этнографическим отделом Русского музея С. И. Руденко, по заданию которого В. К. Арсеньев выполнял огромную работу в составлении этнографических карт Дальнего Востока (о чем в статье, кстати, не упомянуто), и др.

Б. П. Полевой и А. М. Решетов приводят в своей статье острокритические высказывания Л. Я. Штернберга о В. К. Арсеньеве, ссылаясь на воспоминания самого Владимира Клавдиевича в его докладе, посвященном памяти Л. Я. Штернберга. Но, *во-первых*, это некролог — жанр (!), который не только позволяет, но и требует подчеркивания заслуг покойного при известном самоуничижении говорящего. *Во-вторых*, в те годы В. К. Арсеньеву приходилось отбиваться от людей, пытавшихся опорочить его ссылками на то, что он — офицер армии царской России, проводник «великодержавного шовинизма» и т. п. На эти обстоятельства специально обращает внимание В. Г. Пызырев [32, с. 189—191], И. Кузьмичев [29, с. 226—228] и другие авторы (см., например, настоящую книгу, с. 49—50). Поэтому ему необходима была опора на крупные ученые авторитеты. *В-третьих*, существует достаточно свидетельств о самой высокой оценке Л. Я. Штернбергом трудов В. К. Арсеньева, на фоне которых только и должно рассматривать его критические замечания.

Авторы не видят, что подобные высказывания, хотя бы и принадлежавшие самому Владимиру Клавдиевичу, находятся в вопиющем противоречии с ролью В. К. Арсеньева в мировой науке, с оценкой этой роли, данной выдающимися учеными, путешественниками, писателями. Более того, они находятся в противоречии с тем, что неоднократно говорил и писал сам Л. Я. Штернберг. В 1925 г. он писал В. К. Арсеньеву: «Ваша книга взволновала меня. Она воскресила в моей памяти то прошлое, когда я, будучи молодым, впервые начал свои работы по этнографии и имел непосредственное общение с туземцами. Последнее время Вы мало (? — см. перечень работ Арсеньева за 1924—1925 гг.— *Отв. ред.*) пишете по этнографии, но и то, что Вы сообщаете, представляет из себя настоящие шедевры» (курсив мой. — С. Ф.) [11, с. 104; см. также 31, с. 79, 82, 84].

Приложение 3

Советская общественность горячо и единодушно откликнулась на знаменательную дату — 100 лет со дня рождения великого русского исследователя Дальнего Востока Владимира Клавдиевича Арсеньева. Свое глубокое уважение к памяти В. К. Арсеньева отметили центральные газеты:

Ю. Макеев. Край преображенный. Репортаж из города Арсеньева. — «Правда», 10.IX.1972.

Т. Аристова. Певец Дальнего Востока. — «Известия», 9.IX.1972.

Я. Голованов. Владимир Арсеньев. Сквозь тайгу. — «Комсомольская правда», 10.IX.1972.

Макс Поляновский. Арсеньев в моей памяти. — «Советская культура», 9.IX.1972.

Т. Аристова. Зов Сибири [публикация документов]. — «Литературная газета», 6.IX.1972.

Она же. В. К. Арсеньев вспоминает. — «Неделя», № 36, 4—10 сентября 1972 г., с. 14.

Немало теплых строк посвятили В. К. Арсеньеву также и другие газеты:

А. Корчевой. Ученый, литератор, патриот. — «Красное знамя». Владивосток, 10.IX.1972.

Н. В. Усенко. На кафедре — В. К. Арсеньев. — «Тихоокеанская звезда». Хабаровск, 16.IX.1972.

Воспоминания о встречах с автором книги «Дерсу Узала» поместила «Курортная газета». Ялта, 5.X.1972.

Серия важных статей и публикаций источников появилась в журналах. Отметим лишь основные:

Т. Ф. Аристова. Арсеньев и советский Дальний Восток. — «Вопросы истории». 1972, № 8.

Она же. В. К. Арсеньев о значении современных ему исследований по славяноведению. — «Советское славяноведение». 1972, № 6.

Кроме того, она опубликовала статью «Землепроходец, следопыт, писатель» в журнале «Турист». М., 1972, № 8.

Л. К. Д о в б ы ш. Следопыт Дальнего Востока.— «Природа». 1972, № 9.

Н. Е. К а б а н о в. Исследователь природы и населения Дальнего Востока (К 100-летию со дня рождения В. К. Арсеньева).— «Известия Сибирского отделения АН СССР». Серия биологических наук. Вып. 2. Новосибирск, 1972, № 10.

А. И. М е л ь ч и н. В. К. Арсеньев (к 100-летию со дня рождения).— «Среднее и специальное образование». М., 1972, № 8.

Б. П. П о л е в о й и А. М. Р е ш е т о в [31].

Публикацию путевых дневников и записных книжек В. К. Арсеньева осуществили Л. И. и Ю. А. Сем [6; 33].

А. И. Т а р а с о в а. Исследователь и певец земли дальневосточной.— «Земля и люди». М., 1972.

Она же. Письма В. К. Арсеньева секретарю Этнографической секции Тихоокеанского комитета.— «Сибирские огни». Новосибирск. 1972, № 9.

Широко отметило юбилей В. К. Арсеньева Географическое общество СССР: во Владивостоке, Хабаровске, Ленинграде, Москве и других городах были прочитаны многочисленные доклады как лицами, непосредственно знавшими В. К. Арсеньева, так и учеными — специалистами по Дальнему Востоку.

Довольно полную сводку юбилейных мероприятий и изданий сделала Н. И. Гаген-Торн [25].

После 1972 г. появились новые публикации, особенно на Дальнем Востоке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Произведения В. К. Арсеньева¹⁶

1. В горах Сихотэ-Алиня. М., 1937.
2. В делях Уссурийского края. Владивосток, 1926.
3. Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 г. Владивосток, 1923.
4. Жизнь и приключения в тайге. [Вступит. ст., подготовка текста и примеч. М. К. Азадовского. Под общей редакцией С. В. Обручева.]. М., 1957.
5. Зов Сибири [Публикация Т. Ф. Аристовой].— «Литературная газета», 6.IX.1972, № 36, с. 5.
6. Из путевых дневников [Публикация и предисловие Л. И. и Ю. А. Сем].— «Дальний Восток». Хабаровск, 1972, № 8, 9.
7. Китайцы в Уссурийском крае. 1900—1908 гг. (Читано в заседании Отделения Этнографии И. Р. Г. О. 25 февраля 1911 г.).— ИРГО. Т. XVIII. Вып. 6. 1912, с. 395—443.
8. Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914.
9. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края. Хабаровск, 1912.
10. Лесные люди — удехейцы. Владивосток, 1926.
11. Памяти Льва Яковлевича Штернберга.— «Записки Приморского филиала Географического общества СССР». Т. XXV. 1966, с. 103—106.
12. По Уссурийскому краю. Владивосток, 1921.

¹⁶ Даны в алфавите названий.

13. Сквозь тайгу. Путевой дневник экспедиции по маршруту от Советской Гавани к городу Хабаровску. М.—Л., 1930.
14. Arseniew W. K. In der Wildnis Ostsibiriens. Forschungsreisen in Ussurigebiet. Geleitwort von Fritijof Nansen. B. 1—2. Mit 155 Abbild u. 6 Karten. В., 1924—1925.
15. Arseniew W. K. Russen und Chinesen in Ostsibirien. Mit 103 Abbild. u. 1 Karte. В., 1926.

II. Работы о В. К. Арсеньеве

16. Азадовский М. К. В. К. Арсеньев — путешественник и писатель. — В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге. М., 1957, с. 7—72 (есть отдельное издание. Чита, 1955).
17. Антропова В. В., Таксами Ч. М. Коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР по народам Тихоокеанского побережья СССР.— Страны и народы Востока. Вып. VI. Страны и народы бассейна Тихого океана. М., 1968.
18. Аристов Ф. Ф. Владимир Клавдиевич Арсеньев (Уссурийский).— «Землеведение». Т. XXXII. Вып. III—IV. М., 1930, с. 208—243.
19. Аристов Ф. Ф. [Рец. на кн.:] В. К. Арсеньев. В делях Уссурийского края.— «Известия», 30.IX.1926.
20. Аристова Т. Ф. Владимир Клавдиевич Арсеньев.— «Советская этнография». 1963, № 1.
21. Аристова Т. Зов Сибири.— «Литературная газета», 6.IX.1972.
22. Богданов В. В. [Рец. на кн.:] В. К. Арсеньев. Китайцы в Уссурийском крае.— Этнографическое обозрение. М., 1915, № 1—2.
23. Владимир Клавдиевич Арсеньев (Документы к биографии). Подготовили к печати В. Г. Виноградов, С. Ш. Бурнатная.— «Дальний Восток». 1961, № 1, 2.
24. Воробьев М. В. О месте В. К. Арсеньева в этнографии (по поводу одной юбилейной статьи).— «Известия Всесоюзного Географического общества». Т. 105. Вып. 6, 1973.
25. Гаген-Торн Н. И. К столетию со дня рождения В. К. Арсеньева.— «Советская этнография». 1973, № 2.
26. Горький А. М. Письмо В. К. Арсеньеву 24 января 1928 г.— Собрание сочинений в тридцати томах. М., 1955.
27. Кабанов Н. Е. Владимир Клавдиевич Арсеньев — путешественник и натуралист, 1872—1930. М., 1947.
- 27а. Кабанов Н. Е. Владимир Клавдиевич Арсеньев.— В делях Уссурийского края. Владивосток, 1926.
28. Комаров В. Л. [Рец. на кн.:] В. К. Арсеньев. По Уссурийскому краю; он же. Дерсу Узала.— ИРГО. Т. VI. Вып. 2, 1925.
29. Кузьмичев И. Писатель Арсеньев. Личность и книги. Л., 1977.
30. Нансен Фритьоф. В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Пг., 1915.
31. Полевой Б. П., Решетов А. М. В. К. Арсеньев как этнограф.— «Советская этнография». 1972, № 4.
32. Пузырев В. Г. Проблемы истории русской советской литературы на Дальнем Востоке (20-е годы).— «Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института». Т. XXV. Вып. 3, 1969.
33. Сем Л. И., Сем Ю. А. О «путевых дневниках» и «записных книжках» В. К. Арсеньева.— «Дальний Восток». 1972, № 8.
34. Станюкович Т. В. Музей антропологии и этнографии за 250 лет.— 250 лет Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Сборник Музея антропологии и этнографии. XXII). М.—Л., 1964.
35. Тарасова (Васина) А. И. Этнографические исследования В. К. Арсеньева на Дальнем Востоке.— Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. VI («Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая». Новая серия. Т. 102). М., 1974.

**ПИСЬМА В. К. АРСЕНЬЕВА
В ЗАЩИТУ ГИЛЯЦКОГО (НИВХСКОГО) НАРОДА
Публикация Т. В. Станюкович**

В Ленинградском отделении Архива АН СССР хранится значительное число материалов, связанных с жизнью и деятельностью выдающегося исследователя Дальнего Востока Владимира Клавдиевича Арсеньева.

В числе не публиковавшихся ранее документов имеются две докладные записки, датированные 12 августа 1917 г. и характеризующие деятельность В. К. Арсеньева, направленную на защиту прав малых народов Дальнего Востока.

Происхождение этих документов следующее: на состоявшемся в апреле 1917 г. в Хабаровске I съезде депутатов городских и уездных Советов положение малых народов Уссурийского края было признано критическим. По общему признанию, единственным человеком, который «может справиться с задачей предоставления им возможности свободного культурного существования и защиты от бесчеловечной эксплуатации», был знаток края и его населения В. К. Арсеньев. Участники съезда и Южноуссурийское отделение Географического общества обратились с просьбой к Временному правительству утвердить специальную должность «комиссара по инородческим делам». Они единогласно избрали В. К. Арсеньева на эту должность, мотивируя тем, что Арсеньев является не только лучшим знатоком этнографии края, но и пользуется громадным авторитетом у населения, «к коему они (т. е. представители местного населения.— Т. С.) неоднократно обращались за разбором своих семейных дел, приезжая из-за этого в Хабаровск за сотни верст глухой тайгой, тратя на дорогу три месяца», ибо здесь, «где вмешательство обыкновенного чиновника бесполезно и только ускорит вымирание людей... никто не сможет заменить его» [6, с. 108—109].

В июне 1917 г. В. К. Арсеньев был утвержден в должности «комиссара по делам инородцев» и приступил к работе. 17 июня он собирает совещание (в котором принимают участие М. К. Азадковский, В. А. Қотов, Г. Н. Могилецкий, А. А. Шильников), на котором были утверждены программа работ на ближайшие два года и инструкция по работе на местах (Протокол заседания Совещания по вопросу о выработке программы работ по инородческим делам...) ¹. В программе определялись направление и очередность работ; в инструкции оговаривалось, что «только при активном участии самих инородцев возможна плодотворная работа в деле переустройства их быта на

---

¹ ЛОАН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918). № 71, л. 66.

новых началах» (Инструкция помощникам комиссара по инородческим делам для работы на местах летом 1917 года)².

В числе первоочередных задач, стоявших перед «защитниками прав инородцев», был вопрос о снабжении продовольствием, который не мог быть успешно разрешен без устранения хищнических форм эксплуатации. Особенно циничными грабителями местного населения в этот период были местные китайские купцы³, контрабандисты, скупавшие за бесценок рыбу у населения и распространявшие среди него опикурение, спаивавшие местных жителей водкой, варварски, из поколения в поколение грабившие его, а также отечественные рыбопромышленники и скупщики, обиравшие аборигенов.

Публикуемые документы, адресованные комиссару Временного правительства на Дальнем Востоке А. Н. Русанову, хотя и датированы одним числом, однако показывают разные стороны конкретных форм этой чудовищной эксплуатации, громадный урон, который она наносит как местному населению, так и стране в целом, а также те меры, которые В. К. Арсеньев предлагал для их устранения. Стиль, в котором они выдержаны, говорит не только о высоких деловых и организаторских качествах автора, но также о любви его к простым людям и о ненависти ко всяким хищникам.

В результате настойчивых требований В. К. Арсеньева в его распоряжение было откомандировано 40 бойцов Амурской минной роты, которые и смогли отогнать пришлых хищников от нивхских селений.

Однако вскоре В. К. Арсеньев понял, что такого рода разовые мероприятия не решат проблемы. Эксплуатация населения и естественных богатств края ведется как в явных, так и в скрытых формах, и в ней принимают активное участие не только купцы, кулаки, но и в ряде случаев чиновники Временного правительства. «Хотелось бы сделать многое для инородцев, но товарищи не хотят признавать их за людей и чинят насилия,— пишет он в одном из писем этого периода.— Свободу они поняли как свободу эксплуатации, свободу торговли спиртом, как свободу самых жестоких и грубых насилий» (Письмо Л. Я. Штернбергу. Без даты)⁴. И в отчаянии восклицает: «Нет законов, не на что опереться! Нет власти, и нечем подкрепить свои распоряжения».

Убедившись, что все его старания безрезультатны, что Временное правительство защищает интересы буржуазии, а не интересы народа и поэтому закрывает глаза на эксплуатацию «ясачных инородцев», В. К. Арсеньев за несколько недель до победы Великой Октябрьской революции отказывается исполнять обязанности комиссара. «Вертеть колесо, от которого нет привода,— объяснял он впоследствии свою добровольную отставку,— и быть равнодушным свидетелем безобразий и насилий, которые чинились над инородцами,— числиться их шефом — я не могу» [1, с. 241].

В свете публикуемых документов особенно очевидна недобросовестность критиков-рапповцев И. Шабанова и А. Зонина [3], Г. Ефимова [4], С. Глаголя (Леонова) и других, которые в конце 20-х — начале 30-х годов подверга-

² Там же, л. 68 об.

³ В. К. Арсеньев в книге «Китайцы в Уссурийском крае» [2] подробно говорит об этом в главах «Эксплуатация инородцев» (с. 83—91), «Ханшин» (с. 131—138), «Опиум и врачевание» (с. 138—149).

⁴ ЛОАН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 71, л. 70.

ли В. К. Арсеньева прямой травле, обвиняя его в «великодержавном шовинизме», в «реакционном мировоззрении» и т. п. (подробности см. [5, с. 189—191]).

Действия В. К. Арсеньева на посту комиссара Временного правительства по делам инородцев, меры, предпринятые им для защиты их интересов, служат дополнительным ярким штрихом ко всей деятельности этого замечательного ученого-гуманиста.

Комиссар по инородческим
делам в Приамурском крае
12 августа 1917 г.
№ 147
г. Хабаровск

Комиссару
Временного Правительства
по делам Дальнего Востока,
члену
Государственной думы
А. Н. Русанову

Близ мыса Пуэр в Амурском лимане расположилось старинное гиляцкое стойбище того же имени и рядом с ним бок о бок вплотную одна из самых больших рыбалок, принадлежащая Люри. После острова Лангра мыс Пуэр является в рыболовном отношении самым бойким. Около него всегда проходит главная масса рыбы. Тут же стоят два небольших гиляцких заездка и один длинный, принадлежащий рыбопромышленнику Люри.

Посредниками по перекупке рыбы между рыбопромышленником и гиляками являются два лица: Терентьев и Бассерман; деятельность последних направлена к созданию только собственного благополучия за счет инородцев.

Согласно рыболовным правилам, рыбопромышленники не имеют права подъезжать на катерах к гиляцким заездкам и выбирать там рыбу. Гиляки должны сами доставлять рыбу своему стойбищу и в свежем виде сдавать ее на засольню.

Это, конечно, не соблюдается. Передача рыбы происходит всегда у заездок. В инородческую лодку обыкновенно входит несколько рабочих, которые перебрасывают рыбу в кунгас рыбопромышленника. Эта переброска происходит так быстро, что и опытный человек легко сбивается со счета.

Согласно условия, счет рыбы, принятой от инородцев, ведется бочками. На самом же деле рыба, привезенная с гиляцких заездок, сваливается в одну кучу с рыбой, пойманной на заездке рыбопромышленника. Кроме того, рабочие на рыбалке, в числе более 200 человек, имеют право ежедневно, по уходе с работ, взять по одной рыбине. Вследствие этого самый подсчет рыбы и указание числа бочек, полученных от гиляков, является вполне произвольным. Сами гиляки решительно не знают, сколько у него от них принято рыбы. В результате получают такие ненормальные явления: гиляки ловят месяц рыбу, поймали более 43 тысяч рыб и сдали Терентьеву, сами ююлы

вовсе не имеют и кроме того еще должны рыбопромышленнику.

Достоинно удивления, к каким приемам прибегают эти посредники между рыбопромышленниками и гиляками. Например, на засольне Белокопытова в заборных книжках умышленно не проставляется стоимость выданных им старых прошлогодних неводов. Такой невод с грехом пополам может прослужить только еще один сезон, и, следовательно, гиляк ежегодно вынужден просить новый невод у своего кредитора. При выдаче невода происходит словесная сделка, на основании которой рыбопромышленник входит пайщиком к гиляку на рыбу в размере $\frac{1}{5}$. Таким образом, часть рыбы он получает бесплатно. При окончательном подсчете с гиляками за невод в книжке подписывается такая цена, чтобы гиляк непременно остался должен на будущий год. Делается это для того, чтобы гиляк постоянно оставался в кабале и не мог перейти к другому рыбопромышленнику.

Даже выдача инородцам конфет в виде подарков записывается им в книжки. Гиляки совершенно не знают ни о количестве сданной ими рыбы, ни расценки товаров, ни стоимости неводов, ни размеров своего долга. Также записывается в книжки починка заездков. Поражает разница в записях за одни и те же материалы, сделанных разными лицами в один и тот же день. Из этого явствует, что цены решительно на все устанавливаются вполне произвольно.

Среди гиляков ныне появились малограмотные. Некоторые из них завели денежные книги, но вести их не умеют: записи прихода путаются с записями расхода, рядом с цифрами нарисованы разные животные, иногда одно слово, которое, по-видимому, понравилось гиляку, написано подряд раз тридцать и т. д.

Угроза дать гилякам бочки, соль и инструкторов для осеннего лова кеты и принять рыбу в кооператив привела к тому, что цена на нее стала быстро подниматься: из 60 руб. за сотню достигла в короткий срок 125 руб., а скупщик Копейкин поднял цену до 200 руб.

В будущем при таких заработках гиляков и при надзоре со стороны Комиссариата вполне можно обеспечить продовольствием все инородческое низовое население Амура на зиму без затрат со стороны казны.

К устранению всех этих ненормальных явлений мною приняты надлежащие меры.

Об изложенном Вам докладываю.

Комиссар (подп.) Арсеньев.

Верно: заведывающий делопроизводством

(подпись)

*Лен. отделение Архива АН СССР, ф. 142, оп. 1
(до 1918), № 71, лл. 64—65.*

Комиссар по инородческим
делам в Приамурском крае
12 августа 1917 г.
№ 148
г. Хабаровск

Доклад
Комиссару
Временного Правительства
по делам Дальнего Востока,
члену
Государственной думы
А. Н. Русанову

Остров Лангр расположен в северной части Амурского лимана на границе пролива Невельского и Охотского моря. В ширину Лангр имеет около 3-х и в длину 10-ти верст.

Издrevле на острове живут гиляки — два стойбища. В свое время Управление Государственными Имуществами в Приамурском крае образовало на Лангре засольный участок, который и эксплуатирует путем сдачи его в аренду.

Благодаря крайне выгодному положению Лангра в отношении рыбного лова, засольня охотно арендуется рыбопромышленниками и даже в плохие годы бывает обеспечена рыбой в количестве достаточном для выгодного ведения дела. Рыбные богатства Лангра издавна привлекали сюда стаи хищников, находивших здесь для себя даже при условии преследования всегда выгодные заработки.

В текущем году сведения о хищниках, поселившихся около гиляцких стойбищ, были получены рыболовным надзором в гор. Николаевске и общественными организациями. Предварительное ознакомление с вопросом вполне определенно показало, что помимо хищников в водах Лангра эксплуатацией инородцев усердно занимаются, как это будет видно из последующего, и рыбопромышленники-арендаторы, и рыбопромышленники-арендаторы засолен.

Для очистки островов Лангр, Чеуч и Уд с согласия Исполнительного Комитета Сахалинской области, Крестьянского Комитета и Совета солдатских и офицерских депутатов пришлось применить вооруженную силу.

Большая часть хищников (преимущественно осетины), узнав о том, что к инородческим стойбищам на пароходе «Фарватер» идет сорок человек команды Амурской Минной Роты, поспешили уплыть с острова на шхуне «Волна». Тем не менее на острове Лангр были задержаны два осетина и тридцать четыре корейца.

В целях установления характера взаимоотношений между рыбопромышленниками и гиляками был произведен поголовный обход всех юрт на стойбищах Лангр, Авры и Чеуч и просмотрены все бумаги, заборные и расчетные книжки, ордера квитанций и прочие документы гиляков. Собранный материал является интересным и заслуживает детальной обработки.

Количество юколы, заготовленной гиляками на стойбищах Лангр, Уд, Авры, Чеуч и Чарбах, обеспечивает гиляков продо-

вольствием на два месяца — не больше. Количество сданной гиялками кеты рыбопромышленникам установлено только для стойбища Чарбах = 14 491 штука. На остальных стойбищах узнать эти цифры пока не удалось. Кроме рыбопромышленников рыба сдается еще и хищникам. Количество последней установить точно в высшей степени трудно, но положительно можно утверждать, что около 60% всей выловленной рыбы уходит к хищникам. На Лангре они ухитрялись увозить до 75%.

В расчетных книжках гиялкам с рыбопромышленниками в большинстве случаев усматривается небрежное ведение таких. Часто нет указаний цен и полное отсутствие записей в получении рыбы. За взятую рыбу гиялкам выдаются на руки особые ордера. Во многих случаях они написаны небрежно, часто не выставляются номеров, нет дат времени и др. существенных указаний. В большинстве случаев ордера написаны простым карандашом, цифры вычищаются резиной, нет записей цифр прописью.

Принимая во внимание, что счет рыбы при приемке не всегда отличается точностью, такие ордера дают полный простор к дальнейшим злоупотреблениям если не со стороны самих рыбопромышленников, то со стороны их посредников (служащих людей неинтеллигентных и не всегда отвечающих своему назначению).

Официально отношения между гиялками и рыбопромышленниками фиксируются в определенных договорах, которые подписываются обеими сторонами с разрешения Крестьянского Начальника и свидетельствуются у нотариуса. Случаи судебных тяжб по неисполнению договоров бывали, но не доводились до конца и все ликвидировались в форме мирных сделок. Характер таких сделок выяснить не удалось, так как гиялки на задаваемые по этому поводу вопросы стереотипно отвечали: «чорт его знает, хозяин сам писал».

Посредниками между рыбопромышленниками и гиялками являются часто хищники очень высокой марки. К числу таких в текущем сезоне нужно отнести гг. Терентьева, Бабенко, Шевченко и Вассермана. Засольный участок на острове Чеуче был арендован Белокопытовым, который дал Терентьеву 5000 руб. отступного, чтобы первый отказался от скупки рыбы у гиялков. Белокопытов заключает с инородцами новый договор, по которому к нему переходит вся рыба в свежем виде. Начальник телеграфа на острове Лангр, чиновник Черемисинов тоже оказался ростовщиком обоих островных стойбищ.

Доход этих кулаков по оборотам достигает чудовищных процентов (1200—1500%), создавая, таким образом, кабальную зависимость.

Основным принципом при уплате долгов является отказ в получении денег и требование свежей рыбы..., которую Черемисинов расценивал: летнюю кету по 5 руб., а осеннюю — по

10 руб. за сотню, т. е. в шесть раз меньше, чем она принималась рыбопромышленниками на засольных участках.

Имея в виду, что эти хищники живут бок о бок с гиляками (иногда даже прямо среди гиляков), их кабала является наиболее тяжелой и часто принимает уродливые формы... Долговые отношения Черемисинова с инородцами были на месте ликвидированы по расценке, признанной на засольных участках.

Основываясь на вышеизложенном, приходится прийти к следующим выводам:

1) Если теперь же не принять каких-либо мер по обеспечению гиляков юколой, то по крайней мере в течение шести месяцев придется снабжать их продовольствием за счет казны.

2) Главная масса рыбы не поступает к рыбопромышленникам и не остается у гиляков, а проходит через руки хищников. Значительная часть ее не попадает на русские рынки. Много рыбы увозится куда-то (быть может, в Корею и Японию) на корейских шаландах. На это обстоятельство тем более надо обратить внимание, что способ засолки рыбы корейцами близок к японскому.

3) Все лица, не принадлежащие к инородцам и живущие в их стойбищах, обычно выступают в роли самых беззащитных эксплуататоров инородческого населения и являются элементом, губительно действующим на экономическое и моральное состояние инородцев.

4) Эксплуатацией инородцев занимаются не столько рыбопромышленники (их вина в том, что они, будучи в курсе дела, смотрят на все сквозь пальцы), сколько посредники (перекупщики рыбы) между ними и гиляками.

В соответствии с этим единственным выходом из создавшегося положения на ближайшем будущем являются следующие меры.

1. Учреждение во всех стойбищах, где имеются рыбопромышленные предприятия, на август месяц текущего года должностей инородческих комиссаров, на обязанности коих будет лежать:

а) надзор за правильным использованием договоров между гиляками и рыбопромышленниками;

б) установление точного количества юколы, потребной для пропитания каждой гиляцкой семьи в течение всего зимнего сезона; в) руководство заготовкой юколы гиляками и выпуск на засольню только излишнего количества рыбы; г) надзор и недопущение на промысле хищников и спекулянтов всякого рода; д) наблюдение над торговыми оборотами товарных складов рыбопромышленников на местах промысла; е) контроль над расчетами рыбопромышленников с гиляками; ж) участие в окончательных расчетах между ними и з) ликвидация старых долговых отношений между хищниками, ростовщиками и гиляками.

II. Решительная борьба с хищниками, для чего необходимо:
а) установление военных постов на о-ве (л. 62об.) Лангр, Уд, Чеуч и Сахалине и на материке (Мысе Пронге, Пуэр, Озерках);
б) скорейший приход крейсера «Лейтенант Дыдымов» для осмотра корейских и японских шхун и их грузов, и два моторных катера для дежурства с теми же целями в устье Амура.

При устройстве этих дежурств будет пресечена всякая возможность вывозки рыбы хищниками из мест ее лова, и этим самым общее количество рыбы на рынке и у гиляков возрастет по крайней мере на 60%. При современном положении продовольственного вопроса указанные меры могут быть решающими для всего государства.

Из обмена мнений с представителями крупной рыбопромышленности определено выяснилось, что указанные мероприятия являются и для них вполне желательными.

В отношении инородцев стойбищ, расположенных по Амуру выше гор. Николаевска, вопрос о недостатке продовольствия стоит в более острой форме, так как кета туда теперь не доходит вовсе. В целях обеспечения их продовольствием необходимо организовать их в артели для ловли в лимане Амура.

Примерный расчет стоимости содержания 10 комиссаров на рыбалках определяется так:

Суточные за 30 дней, считая по 5 руб в сутки —	1500 руб.
По 100 руб. разъездных и подъемных	— 1000 руб.
Телеграфные расходы	— 300 руб.

2800 руб.

Расходы эти приняли на себя рыбопромышленники путем внесения денег в депозит Областного Комиссара.

К 10-му августу большая часть этого плана была уже выполнена.

К этому времени семь комиссаров уже прибыло в гор. Николаевск, остальные находились в дороге. Это большею частью были народные учителя, пожелавшие свой летний досуг посвятить защите обездоленных инородцев.

Комиссар (подп.) Арсеньев.

С подлинным верно: заведывающий делопроизводством
(подпись).

ЛО АН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 71,
лл. 60—63.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев В. К. Жизнь и приключения в тайге. М., 1957.
2. Арсеньев В. К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический. Хабаровск, 1914.

3. «Дальневосточный парработник». Хабаровск, 1931, № 1—2.
4. Ефимов Г. В. К. Арсеньев как выразитель идеи великодержавного шовинизма.— «Красное знамя». Владивосток, 16.VII.1931.
5. Пузырев В. Г. Проблемы истории русской советской литературы на Дальнем Востоке (20-е годы).— «Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института». Т. XXV. Вып. 3. Ульяновск, 1969.
6. Шнейдер Е. Е. К биографии В. К. Арсеньева.— «Советские архивы». 1968, № 1.

ПИСЬМА Л. Я. ШТЕРНБЕРГА К В. К. АРСЕНЬЕВУ

Публикация А. И. Тарасовой (Васиной)

Среди многочисленных учеников известного этнографа члена-корреспондента АН СССР Льва Яковлевича Штернберга (1861—1927) был и замечательный исследователь Дальнего Востока Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872—1930). Во время своей экспедиции на Дальний Восток¹ Л. Я. Штернберг летом 1910 г. посетил краеведческий музей в Хабаровске, где впервые состоялось их личное знакомство. «4 июня [1910 г.] прибыли из Владивостока в Хабаровск, исходный пункт нашего путешествия,— писал Л. Я. Штернберг в своем отчете.— На подготовку к экспедиции ушло здесь 5 дней. Их мы использовали для подробного ознакомления с Хабаровским музеем и для бесед с местными знатоками края. Из них особенно полезным оказался директор музея В. К. Арсеньев, связи которого с местными людьми оказались очень ценными для нас»². Далее путь Л. Я. Штернберга и его помощников лежал по Амуру с остановкой в Николаевске и оттуда на Сахалин.

21 июля 1910 г. В. К. Арсеньев написал письмо Л. Я. Штернбергу из Хабаровска в Николаевск-на-Амуре, положившее начало их переписке. Имеются сведения о том, что в августе того же года В. К. Арсеньев выехал в служебную командировку и был попутчиком экспедиции Л. Я. Штернберга от Николаевска до Александровска на Сахалине³.

В конце 1910—начале 1911 г. В. К. Арсеньев посетил Петербург и Москву, где сделал несколько докладов о результатах своих экспедиций 1906—1910 гг. На заседании Отделения этнографии Русского географического общества (РГО) 18 марта 1911 г. в Петербурге он прочел сообщение «Орочи-удэхе», с замечаниями по которому выступил присутствовавший здесь Л. Я. Штернберг. Состоялась и еще одна их личная встреча — в Ленинграде в начале лета 1924 г. Это была их последняя встреча, но переписка их продолжалась с некоторыми перерывами в течение 17 лет (1910—1926).

Большая часть этой переписки сохранилась: 4 телеграммы и 15 писем Л. Я. Штернберга за период 25 июля 1913 г.—12 мая 1926 г. и 3 телеграммы и 20 писем В. К. Арсеньева за период 21 июля 1910 г.—30 апреля 1926 г.

---

¹ Кроме Л. Я. Штернберга в экспедиции участвовали студенты Петербургского университета И. И. Зарубин и И. М. Аншелес.

² Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933, с. 453.

³ В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге. М., 1957, с. 274. Выдержка из письма И. И. Зарубина к М. К. Азадовскому.

Из них опубликовано 16 писем В. К. Арсеньева (М. К. Азадовским)⁴ и только одно письмо Л. Я. Штернберга от 31 марта 1914 г.⁵

В сохранившейся части переписки упоминается несколько телеграмм и писем, которые, по-видимому, надо считать утраченными. Это телеграммы (1910, 1915, 1924, 1925 гг.) и письма (1924, 1925 гг.) Л. Я. Штернберга, а также одна телеграмма (1925 г.) и два письма (от 15 февраля и не ранее 12 мая 1926 г.) В. К. Арсеньева. Кроме того, в регистрационном журнале исходящих бумаг Музея антропологии и этнографии значатся: бандероль (от 1 апреля 1914 г.) и письмо (от 7 октября 1914 г.) Л. Я. Штернберга В. К. Арсеньеву, тоже не сохранившиеся⁶.

Опубликование одних лишь писем В. К. Арсеньева (притом не всех) к Л. Я. Штернбергу, конечно, не могло дать полного представления о характере и содержании переписки в целом. Письма Л. Я. Штернберга, хранящиеся во Владивостоке (местный филиал Географического общества СССР), до сих пор не введены в научный оборот. В этом кроется основная причина однобокого освещения в советской литературе характера взаимоотношений ученых: преувеличивается роль Л. Я. Штернберга в становлении В. К. Арсеньева как этнографа.

Нет сомнения в том, что Л. Я. Штернберг оказал большое влияние на формирование этнографических взглядов В. К. Арсеньева. Известна и его практическая помощь путешественнику: снабжение специальной литературой, этнографическими программами и инструкциями, методическими указаниями, советами. Об этом свидетельствуют и их переписка, и письма В. К. Арсеньева к другим ученым.

Однако не следует забывать и тот факт, что В. К. Арсеньев еще до знакомства с Л. Я. Штернбергом был уже достаточно искусственным полевым этнографом, имевшим 10-летний опыт самостоятельной работы в изучении коренных народностей Дальнего Востока. Во время своих знаменитых экспедиций 1906—1910 гг. он собрал огромный материал. Его экспедиционные дневники тех лет насыщены ценнейшими этнографическими сведениями, а тетради с записями слов удэгейского и ороцкого языков показывают, что путешественник собирал материалы для словаря. Весь этот богатейший экспедиционный материал составил основную базу для написания научных трудов и научно-художественных произведений В. К. Арсеньева⁷.

---

⁴ Кроме 4 писем и 3 телеграмм, как не представляющих большого интереса; из них 2 письма сохранились полностью (от 2 февраля 1915 г. о высылке изданий Приамурского отделения РГО в Музей антропологии и этнографии Академии наук и от 7 марта 1924 г. об организационных разногласиях между Дальневосточным университетом и Владивостокским отделом РГО), а 2 письма — в отрывках (см.: В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге, с. 215—231).

⁵ В. К. Арсеньев. Сочинения. Т. 6. Владивосток, 1949, с. 232—233.

⁶ Архив АН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 69, л. 342, 479.

⁷ Экспедиционные дневники В. К. Арсеньева за период 1906—1927 гг. (всего 26 ед. хр., в том числе 18 общих тетрадей в клеенчатых переплетах, 3 блокнота, 4 записные книжки и 1 самодельная тетрадь без обложки) сохранились достаточно полно.

Судьба ранних дневников (1901—1905 гг.) остается неизвестной (см.: А. И. Тарасова. Обзор документальных материалов фонда В. К. Арсеньева. — «Советские архивы», 1973, № 6, с. 68—69).

В. К. Арсеньев занимался самообразованием всю свою жизнь и всегда был рад случаю пополнить знания путем общения (личного и письменного) с учеными-специалистами. Первыми его наставниками в этнографии были члены Общества изучения Амурского края ботаник Н. А. Пальчевский и врач Н. В. Кирилов, сами небезуспешно занимавшиеся этнографическими исследованиями. Путешественник знакомится и ведет переписку с видными этнографами и антропологами: Б. Ф. Адлером, Л. Я. Штернбергом, Д. Н. Анучиным, В. В. Богдановым, Ф. К. Волковым, П. П. Шмидтом, С. М. Широкогоровым, Е. М. Челурковским, С. Ф. Понятовским, Б. Э. Петри, С. И. Руденко и др.

Из этого перечня имен самым близким и дорогим для него было имя Л. Я. Штернберга, с которым его связывала кроме научных интересов большая личная дружба. Поэтому ничего нет удивительного в том, что в докладе «Памяти Л. Я. Штернберга», прочитанном на заседании Владивостокского отдела РГО 19 мая 1928 г., В. К. Арсеньев, отдавая справедливую дань уважения и благодарности своему учителю и другу, несколько «завысил» оценку его влияния на свои этнографические работы. Такая необъективность автора доклада усугублялась довольно-таки произвольным цитированием имевшихся у него писем Л. Я. Штернберга и изменением действительной датировки некоторых из них. Возможно, была и другая причина, заставившая В. К. Арсеньева прибегнуть к некоторой необъективности. Как свидетельствуют современники В. К. Арсеньева М. К. Азадовский⁸ и Н. В. Усенко⁹, а также В. Г. Пузырев, автор одной из работ об Арсеньеве-писателе¹⁰, в 20-х годах имела место попытка со стороны отдельных недоброжелателей В. К. Арсеньева опорочить его труды, объявить их научно несостоятельными. Особенно резким нападкам подверглись его этнографические работы, опубликованные в 1926—1928 гг.¹¹

Беспокоясь о своем научном престиже, В. К. Арсеньев неоднократно обращался к известным ученым Л. Я. Штернбергу, В. Г. Богоразу, А. А. Борзову и другим с просьбой о написании и напечатании отзывов о его книгах и статьях. Л. Я. Штернберг намеревался это сделать (см. здесь письмо № 19), но смерть помешала ему исполнить это намерение. В докладе «Памяти Л. Я. Штернберга»¹² В. К. Арсеньев, сильно преувеличивая роль Л. Я. Штернберга как своего учителя, становился как бы под защиту его авторитета, бесспорно признанного в мировой науке.

---

⁸ В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге, с. 280. Комментарий М. К. Азадовского.

⁹ Н. В. Усенко. На кафедре — В. К. Арсеньев. — «Тихоокеанская звезда». Хабаровск, 16.IX.1972, с. 4.

¹⁰ В. Г. Пузырев. Проблемы жанра, традиций и новаторства в творчестве В. К. Арсеньева. — «Ученые записки Ульяновского госпединститута им. И. Н. Ульянова». Т. XXV. Вып. 3. Ульяновск, 1969, с. 179—247.

¹¹ В. К. Арсеньев, Е. И. Титов. Население, как производительный фактор. — Экономика Дальнего Востока. М., 1926, с. 50—77; они же. Быт и характер народностей Дальневосточного края. Хабаровск — Владивосток, 1928, 83 с. В начале 30-х годов раздавались даже голоса, обвинявшие В. К. Арсеньева в том, что он был «выразителем идей великодержавного шовинизма» (!) (см. статью Т. В. Станюкович в данном сборнике, а также прим. 40 к настоящей статье).

¹² Доклад опубликован в «Записках Приморского филиала Географического общества СССР». Т. 25. Владивосток, 1966.

Переписка Л. Я. Штернберга и В. К. Арсеньева позволяет убедиться в том, что истинные их отношения носили скорее характер научного содружества, чем научного руководства одного другим. Конечно, В. К. Арсеньев очень ценил советы Л. Я. Штернберга, но это не мешало ему иметь и свободно высказывать свои суждения, спорить по принципиальным научным вопросам.

Известно, что В. К. Арсеньев одним из первых установил этнографическую самостоятельность удэгейцев и их самоназвание, ставшее общепринятым. Л. Я. Штернберг неправоммерно считал удэгейцев, которых называл кекарями, южной этнографической группой ороческой народности (письмо № 6). По этому поводу В. К. Арсеньев писал: «Отчего Вы, Лев Яковлевич, орочей-удэхе называєте кекарями? Сами себя они так никогда не называют. Уверю Вас, что название удэхе будет правильное. Слово „орочи“ я прибавляю, чтобы указать, о ком именно идет речь. Орочи Императорской гавани только в насмешку называют их кякала, кяка, кякари и кека, кекари. Я думаю, что если народ этот названия такие считает для себя обидными, они (то есть названия) не будут истинными»¹³.

Л. Я. Штернберг был суровым, но справедливым критиком работ В. К. Арсеньева (письмо № 12), что последний особенно ценил в нем. Указывая на отдельные недостатки, Л. Я. Штернберг оценивал этнографические труды и материалы В. К. Арсеньева в целом очень высоко¹⁴. В своих письмах к путешественнику он нередко обращался за помощью в разработке маршрутов студенческих экспедиций, поручал сбор сведений по интересовавшим его вопросам, в частности «о родственных названиях и нормах брака у орочей», просил о высылке коллекций в Музей антропологии и этнографии. В личном архиве Л. Я. Штернберга, хранящемся в Архиве АН СССР в Ленинграде, имеются материалы для его статьи «Народы Приамурского края» с подробными выписками из этнографических докладов В. К. Арсеньева, прочитанных и опубликованных в Харбине в 1916 г.¹⁵

Впервые публикуемые здесь письма Л. Я. Штернберга В. К. Арсеньеву вносят существенный штрих в биографии обоих ученых и помогут правильное осветить некоторые факты из истории науки. Письма печатаются без сокращений. Почти все они датированы автором, кроме двух, даты которых (30 июля 1924 г. и 1925 г.) установлены нами и заключены в квадратные скобки. В конце каждого письма указан его архивный шифр. Слова, подчеркнутые автором, набраны курсивом. Явные описки исправлены без специальных оговорок. Краткий комментарий к письмам дан в конце публикации.

¹³ В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге, с. 221. Письмо В. К. Арсеньева к Л. Я. Штернбергу от 28 мая 1914 г.

¹⁴ Л. Я. Штернберг. Этнография — Тихий океан. Русские научные исследования. Л., 1926, с. 159.

¹⁵ Архив АН СССР, ф. 282, оп. 1, № 87, л. 102—108. См. примечание № 22 к помещенной здесь публикации.

№ 1

25 июля 1913 г.

г. Петербург

Дорогой Владимир Клавдиевич!

Сейчас приехал с дачи и получил Ваше письмо, которое меня очень обрадовало¹. Жаль мне было в свое время, что так вдруг все оборвалось, да я от Вас и права особенного не имел ожидать специального расположения, хотя я лично к Вам совершенно сердечно в свое время привязался. Ну, не будем вспоминать о прошлом. Словом, очень рад и лично за себя, за Ваши добрые чувства, и за Музей, которому Вы можете быть так полезны, и за этнографию, наконец.

Очень рад буду получить от Вас ороческие вещи. Кстати, если Вы еще можете общаться с орочами, я попросил бы Вас узнать от них по некоторым специальным вопросам, о которых напишу в другой раз.

Осенью мы вскрыли железный ящик, в котором умещен гроб, и произведено разыскание, хотя очень боюсь, что деньги если и были, то могли истлеть или быть присвоены служителям во время дезинфекции². Очень тороплюсь: спешу к поезду и потому кончаю. Еще раз очень-очень рад. Крепко жму руку и буду ждать писем.

Ваш
Л. Штернберг.

*Автограф на офиц. тип. бланке МАЭ.
ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 1.*

№ 2

14 августа 1913 г.
№ 282

Из Петербурга в Хабаровск Музей
подполковнику
Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву

Переведено телеграфом 150 рублей³.

*Машинописный отпуск телеграммы, без подписи.
ААН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 66, л. 56.*

№ 3

16 октября 1913 г.
№ 348

г. Петербург

Дорогой Владимир Клавдиевич!

Сейчас получил Ваше письмо и спешу ответить хотя бы кратко (сейчас завален работой).

Отвечаю по пунктам: 1) 15 рублей оставьте на последующие покупки. 2) Пришлите только расписку на все 150 рублей за свою гольдскую коллекцию. 3) *Пня* от Кирилова⁴ мы не получили. Если их пара, то мы будем весьма признательны, если Вы пришлете нам еще другой. Очень рад, что Вы беретесь за Уди⁵ со всей душой. Но не находите ли Вы, что Вам для дополнения следовало бы хоть на пару месяцев еще съездить к ним? Относительно проекта северного⁶ я сейчас затрудняюсь сказать что-либо определенное. Нужно обмозговать все это и притом поговорить с Йохельсоном и Богоразом, знатоками этих мест и народов⁷. Что касается средств на эту экспедицию, то, думается мне, что Гондатти⁸ за чашкой чаю с нарочно приглашенными лицами легко может собрать на месте такую небольшую сумму. Но об этом тоже впереди. Пока позвольте Вас поблагодарить за Ваше сердечное письмо и Ваше содействие Музею и просить Вас приобретать для Музея *все*, что попадается из области этнографии, говорю все, так как все, что будет для нас лишнее, мы всегда можем обменять с другими музеем.

Желаю всего хорошего, радуюсь Вашей жизнерадостности и бодрости, а ведь это все.

Жму руку. Преданный
Л. Штернберг.

*Подлинник. Машинопись на офиц. тип. бланке
МАЭ, с авт. подписью.
ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 2.
Имеется и машинописный отпуск, с авт. подписью.
ААН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 66, л. 110.*

№ 4

22 февраля 1914 г.
№ 95

Из Петербурга в Хабаровск
Музей Арсеньеву

Куплены ли костюмы сколько денег выслать ороческие посылки не получены

Л. Штернберг.

*Рукописный отпуск телеграммы.
ААН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 66, л. 262.*

№ 5

31 марта 1914 г.
№ 181

г. Петербург

Дорогой Владимир Клавдиевич!

Очень благодарен за письмо. Пожалуйста, скупите все, что можно, с выставки (чукотские, коряцкие, ламутские и т. д.)⁹

и вообще у тех инородцев, которые к Вам являются, в частности орнаментированные костюмы из рыбьей кожи. Деньги вышлем. Телеграфируйте. Пень ждем с нетерпением, пересылка не играет роли, адресуйте нам (Академии наук, Музей этнографии) с уплатой здесь, в Хабаровске ничего платить не нужно. Когда будете у орочей, покупайте и у них для нас все, что попадется, не считаясь с тем, что у нас имеется уже в Музее. Книги вышлю Вам, но их нужно поискать у антикваров, в продаже их уже нет¹⁰. Очень рад, что у Вас образовался кружок этнографии и археологии¹¹. Иван Иванович Зарубин¹² тоже увлекся этнографией, и я его устроил в экспедицию на Памир.

Очень рад, что Вы еще раз едете к орочам и заполните работу. Большая просьба к Вам: соберите как можно подробнее ответы по родственным названиям (по таблице имеющейся у г. Азадовского¹³ инструкции) и если поделитесь со мною, буду очень благодарен.

Снова Вас беспокою распиской. Нам нужна расписка на 150. Вы прислали на 135 (15 у Вас осталось). Вы понимаете, что за гольдские и другие вещи 150 получим. Извините за беспокойство. Привет г. Азадовскому.

С сердечным приветом и лучшими пожеланиями Ваш

Л. Штернберг.

*Автограф на офиц. тип. бланке МАЭ.
ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 5.
Опубл. в кн.: В. К. Арсеньев. Соч. Т. 6. Владивосток, 1949, с. 232—233.*

№ 6

26 апреля 1914 г.
№ 215

г. Петербург

Дорогой Владимир Клавдиевич!

На днях Вы получите 300 рублей из Академии. Эти 300 рублей назначены Вам для покупки предметов из быта инородцев; прежде всего, конечно, Вы закупите все заслуживающие внимание вещи, которые остались с выставки из быта разных инородцев. На остальное покупайте предметы у гольдов. Весьма желательно прежде всего, чтобы Вы покупали одежды из *рыбьей кожи с орнаментом* и затем все, что относится к костюму, сапоги, штаны, шапки и т. д. Гольдских костюмов из *рыбьей кожи* нам желательно иметь в возможно большем количестве, конечно, орнаментированные экземпляры. Пришлите расписку в получении денег. Да, сообщаю Вам, что мы получили одну посылку, в которой Вы прислали три предмета из быта кекарей¹⁴,

между прочим два идола. Эти крайне интересные предметы не имеют никакого описания, так что их и невозможно зарегистрировать. Вы, должно быть, забыли прислать таковое. Очень прошу Вас сообщить мне все те сведения, которые Вы имеете об этих предметах. Затем, если еще у Вас есть предметы, купленные Вами на те товары, которые я Вам в свое время оставил, то будьте добры выслать их с объяснениями. Далее, по моему поручению Вам высланы книжки с опросными листками. Вы, вероятно, в недоумении, в чем дело и зачем они присланы. Хочу Вам объяснить. Это связано с делом, которое Вас тоже заинтересует. Дело в том, что при Этнографическом отделении Географического общества в Петербурге образовалась Комиссия для составления *этнографических* карт Российской империи. При этой Комиссии образовалась специальная подкомиссия для составления этнографической карты *Сибири*. Эта Комиссия состоит и работает под моим председательством. И вот эта Комиссия для собирания точных сведений о различных населенных пунктах Сибири отпечатывает эти книжки с опросными листками и раздает их всевозможным лицам, которые отправляются в разные части Сибири. Поэтому покорнейшая просьба, чтобы Вы эти книжки раздавали надежным лицам, которые по тем или другим причинам отправляются в разные места Приамурского края: чиновникам, инженерам, священникам, учителям и т. д., и пусть они заполняют эти книжки, и затем исписанные — прислать в Петербург или по адресу Музея, или в Географическое общество. Имейте в виду, что мы предполагаем составить не одну только карту распределения племенных языков, но мы составим целый ряд карт, прежде всего по племенам это будет одна карта, затем по распространению разных типов одежды, затем по типам хозяйственного быта, по верованиям и т. д. и т. д. Работа очень сложная и требует сотрудников среди всех людей и вообще интеллигентных людей Сибири. Очень важно, таким образом, заинтересовать местных людей и администрацию, и духовенство, преподавательский персонал и вообще разъезжающих или живущих на месте людей, которые могут быть полезны. Конечно, на опросном листе ответы подробные не могут уместиться. Поэтому [на] те вопросы, на которые нельзя помещать ответы на самом листе, можно отвечать более подробно в особых приложениях, причем на этом приложении надо написать номер опросного листка. Дело в том, что каждая книжка имеет свой номер. Но, кроме того, на каждом отдельном листке надо поставить дополнительный номер. Например, если книжка носит № 150, то первый опросный листок будет иметь № 150—1 и т. д. Таким образом, добавления нумеруются соответственно номеру опросного листка. Более подробно о программе составления карты и о том, что местные учреждения могли бы сделать для нас в организованном виде, будет нами прислано потом. А пока надо раздавать эти книжки, что-

бы собрать как можно больше предварительных сведений. Прошу Вас, как любителя края, обратить внимание особенно на тех лиц, которые едут в такие места, относительно которых сведения сомнительны. Например, сведения крайне сомнительны относительно реки Горыни, Кура и относительно названия тех народностей, которые там живут. Совершенно мало сведений об инородцах Амурской области. Затем очень интересны места, которые лежат между Охотском и между Николаевском-на-Амуре. Это побережье населено разными тунгусскими народами, но точного распределения их мы не знаем. Если бы Вы частным образом узнали в Канцелярии генерал-губернатора о сведениях, имеющихся относительно этих мест, сведениях новейших и более-менее достоверных, то Сибирская комиссия была бы Вам крайне благодарна за эти сведения. Но пока используйте те книжки, которые мы послали. Жду от Вас ответа и еще раз напоминаю Вам об объяснениях к уже высланным предметам и просьба выслать дополнительно предметы.

Ну, желаю всего хорошего и всяких успехов. Кстати, еще одна просьба: напишите мне подробно, в какие пункты орочей Вы собираетесь, едете ли Вы к кекарям или к северным орочам. Если поедете к северным орочам, то можно было бы дать Вам специальное поручение относительно сборов коллекций для нас. Да и от кекарей нам не мешало бы иметь полные коллекции, на что мы могли бы Вам ассигновать особую сумму.

Ну, всего хорошего. Жду. Ваш

Л. Штернберг.

*Подлинник. Машинопись на офиц. тип. бланке МАЭ, с авт. подписью.
ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 3—4.
Имеется и машинописный отпуск, с авт. правкой и подписью.
Архив АН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 66, л. 362—364.*

№ 7

М.Н.П.

Имп. Академия наук
Музей антропологии
и этнографии им. Петра Великого
30 апреля 1914 г.
С.-Петербург.

Дорогой Владимир Клавдиевич, податель сего, польский антрополог Станислав Понятовский, едет на Амур для антропометрических измерений. Очень прошу Вас оказать свое товарищеское содействие своим опытом, советами и связями. В свою

очередь, быть может, г. Понятовский будет и Вам полезен своими знаниями и антропологическими опытами¹⁵.

Всего хорошего.

Ваш
Л. Штернберг.

*Машинописная копия с копии, заверенная
В. К. Арсеньевым.
АГО, ф. 1, оп. 1 (1917), № 1, л. 227.*

№ 8

11 февраля 1915 г.

г. Петроград

Дорогой Владимир Клавдиевич!

Очень рад Вашей экспедиции¹⁶. Втройне рад. Во-первых, она очень важна для нашей Картографической комиссии, потому что как раз о народностях этого края мы не имеем никаких точных сведений, даже о самоназвании их. У Шренка терминология сомнительна. Кой-какие сведения о маршрутах найдете и у Шренка, и у Миддендорфа¹⁷. В частности, очень сомнительно название *килей*. Только советую уже исчерпать сведения об этом крае, т. е. по возможности выяснить точно (лучше всего личным осмотром, а в крайнем случае опросами) по крайней мере *территорию и границы распространения каждой народности*. В частности, обращаю Ваше внимание кроме рр. Куры и Горыни, на территорию от *верховьев Амгуни* (от ст. Кербй) до *устьев Тугура*. В этом последнем районе обратите особенное внимание на предания о происхождении и расселении местных народностей. Особенно подробно и точно выясните самоназвание каждого народа и как его другие народы называют и предания об их происхождении и прошлые судьбы народа в целом и отдельных родов в частности. Ответьте подробно на все вопросы *опросного листка* и попытайтесь собрать сведения согласно моей программе, посланной Вам в прошлом году (Общество изучения Сибири, 2-е издание). Старайтесь все, что важно (в частности, жилища, одежды, обряды и пр.), фотографировать и старайтесь составить словарик (хотя бы маленький) каждой народности; материал для словаря постарайтесь собрать по всем отраслям быта. Был бы очень благодарен, если бы для меня лично собрали подробно родственные названия и *нормы брака* по моей программе.

Во-вторых, рад за Музей, который Вы обогатите коллекциями. Надеюсь, конечно, что Вы будете собирать (кроме Вашего Музея) только для нашего, ибо всякая разбивка материала по разным учреждениям в научном отношении, как Вы сами убедились, только вредна. *Что собирать* — трудно сказать, потому что мы бы хотели все иметь и по быту, и по орнаменту, и по

религии. На предметы религии обратите особое внимание, кстати, когда Вы будете записывать инородческие названия божеств, постарайтесь добиться буквального значения этих названий. Обращаю Ваше внимание на то, что на Горыни особо развито искусство орнамента по бересте, и Вы нам соберите *побольше* изделий из этого материала. Затем соберите изделия (одежда, обувь и пр.), украшенные орнаментом из волос лося или оленя (чаще всего он на погребальных одеждах), и выясните, где больше всего процветает этот орнамент (интересны предания по этому вопросу). Собирайте специальные парадные *охотничьи* костюмы, в которых идут на осеннюю охоту. Но, кроме того, повторяю, собирайте по возможности *все*. А все, что собираете и изучаете, изучайте во всех деталях, в частности все типы жилищ и одежды. Посылаю Вам специальную программу по оленеводству. Посылаю также листы для измерений на всякий случай, если будете мерить, и еще несколько опросных книжек. Высылаем Вам пока 600 рублей. Если успеете заполнить и выслать заполненные книжки по орочам, будем очень благодарны. Лодочки получили, спасибо.

Кстати о народе *намука*. Это, по-видимому, совсем не особый народ, а тунгусы *приморские* (от наму — море).

Желаю всего хорошего и успехов в работе.

Крепко жму руку. Ваш
Л. Штернберг.

Не забудьте расспрашивать, не находятся ли где старые «ямки» — остатки древних жилищ (если возможно, раскопать), и расспросить, не находят ли где каменные орудия.

Подлинник. Машинопись на офиц. тип. бланке МАЭ.

ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 6—8.

Имеется и машинописный отпуск, с авт. правкой и подписью.

ААН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 69, л. 47—49.

№ 9

18 апреля 1915 г.
№ 99

Из Петрограда в Хабаровск
Музей Арсеньеву

Сообщите получили ли деньги письмо Когда выезжаете

Штернберг

Рукописный отпуск телеграммы.

ААН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 69, л. 96.

20 апреля 1916 г.
№ 112

Из Петрограда в Хабаровск
Директору Музея Арсеньеву

Нетерпеливо жду известий

Л. Штернберг

Рукописный отпуск телеграммы.
ААН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 69. л. 306.

№ 11

10 сентября 1916 г.

г. Петроград

Дорогой Владимир Клавдиевич!

Я отсутствовал в течение лета из Петрограда, и письмо Ваше поэтому только теперь в моих руках. Прежде всего должен Вам сказать, что это *первое* от Вас письмо со времени высылки Вам денег. Не имея от Вас известий, я был вполне уверен, что Вы в экспедиции, и, полагая, что Вы наконец вернулись, я Вам телеграфировал. Очевидно, Ваши письма не дошли до меня.

Что касается денег, то, если этой осенью экскурсии не состоится, перешлите деньги на имя Музея, т. к. они при нынешних обстоятельствах, в конце бюджетного года, окажутся очень кстати.

Затем, когда Ваша экспедиция наконец состоится, то телеграфируйте, и деньги сейчас Вам будут высланы из сумм 1917-го года.

Вы спрашиваете моего совета, стоит ли по окончании войны, если Г[ондатти] будет и впредь препятствовать, выйти в отставку и предпринять экспедицию¹⁸. Насчет отставки мне трудно советовать, разумеется, а насчет экспедиции, конечно, всемерно одобряю.

Впрочем, думаю, что и после выхода в отставку Вам нетрудно будет вновь попасть на службу при любом генерал-губернаторе. На Амур сейчас не собираюсь, время теперь неподходящее, а со временем, конечно, поеду. Ив. Ив. Зарубин еще на Памире и очень успешно работает, а Аншелес, другой мой спутник, тоже по ученой части состоит — оставлен при Университете и состоит ассистентом при Горном Институте. Видите, из моих спутников вышел толк.

Очень прошу Вас не замедлить ответом. Хочу знать, что с

Вами. Не распространяюсь о Г[ондати], ибо с его биографией еще с давних пор знаком слишком хорошо.

Всего хорошего.

Вам преданный

Л. Штернберг.

*Автограф на офиц. тип. бланке МАЭ.
ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 9.*

№ 12

20 февраля 1917 г.

г. Петроград

Дорогой Владимир Клавдиевич!

Простите, что так долго не отвечал на Ваше письмо¹⁹. Все обдумывал, что Вам предпринять в ближайшее время. Пришел к заключению, что без предварительного ответа от Вас ничего не придумаю. Дело в том, каковы Ваши намерения относительно уже собранного Вами материала. Считаете ли необходимым его пополнить или же считаете достаточным для того, чтобы приступить к обработке? Если да, то самое благоразумное прежде всего закончить обработку старого, а то копить и запустать старое опасно.

А что Вы думаете насчет экспедиции на территорию между Горыном и Амгунью? Остались ли у Вас фонды, которые Вы получили от какой-то компании²⁰? Если Вы собираетесь возобновить эту экспедицию, то мы примем охотно в ней участие.

О возвращенных Вами С. М. Широкогорову²¹ суммах мне было сообщено, так что можете быть спокойны. Ваши «Этнологические проблемы» и доклады в «Вестнике Азии»²² я читал и должен Вам сказать, как преданный Вам человек, что на этих вещах лежит печать спешности и вследствие этого некоторой несерьезности. Сейчас под рукой у меня нет «Этнологических проблем» и потому о них не буду распространяться. Но вот припоминаю, что доклад об удехе у Вас назван «Американоиды» и в «Проблемах» Вы их таковыми считаете, а Ваши доводы по меньшей мере недоказательны. Ваша сравнительная таблица составлена из случайных сопоставлений и вдобавок не совсем верных. Фигурные столбы, например, есть и у орочей, и, между прочим, они вовсе не «обиталище чорта». По-Вашему, шаманские маски, изображения духов (помогающих) шаману и т. д.— все это напоминает американцев, но Вам, очевидно, неизвестно, что у забайкальских и других тунгусов имеются такие маски, а духи для борьбы имеются у всех сибирских народов. Неточно у Вас описание нарт: у Вас, например, коряцкие и гиляцкие нарты выходят тождественными. Между тем они совершенно отличного устройства.

Много, много неточного и поспешного в Вашей статье: это все результат провинциальной работы, и это жаль. Между прочим, по этой работе можно думать, что Вам еще многое следовало бы дополнить и у удыхе. А хотелось бы, чтобы эта работа (об удыхэ) вышла образцовой. Тяжело мне огорчать Вас своим отзывом, но думаю, что для Вас полезно выслушать искренний голос весьма расположенного человека. Так что не огорчайтесь, а примите просто к сведению.

Очень, очень обрадовался я, что Вы наконец освободились от своей «гражданской» службы²³. Надеюсь, что материально Вы не очень пострадали. Ну, всего хорошего.

Буду ждать от Вас ответ.

Ваш
Л. Штернберг.

*Автограф на офиц. тип. бланке МАЭ.
ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 5—6.*

№ 13

8 апреля 1923 г.

г. Петроград

Дорогой Владимир Клавдиевич!

Вдвойне Вам признателен за Ваши книги: во-первых, за Вашу память обо мне, во-вторых, за то удовольствие, которое Вы мне доставили своей книгой²⁴. Ваша книга напомнила мне старое дорогое прошлое, самые лучшие дни жизни, моих милых друзей инородцев, а затем неподражаемый образ Дерсу, который мне так душевно близок и дорог.

Это, так сказать, интимная сторона книги. Но для меня она имела и специальный интерес. Хотя этнографии уделено в ней мало места, но то немногое, что Вы сообщаете со слов Дерсу, подлинные перлы примитивной психологии. Я крайне рад за Вас, что Вам посчастливилось увидеть в печати Ваши дневники...

Отчего Вы ничего не написали о себе? Я интересуюсь не только книгами, но и Вами лично. Кое-что о Вас мне рассказали приезжие, но все же этого мало. Мне интересно, далее, знать, что случилось с Дальним Востоком, который я люблю, как вторую Родину. Не знаете ли что про Николаевск? Что с Музеями в Хабаровске и Владивостоке?

Не собираетесь ли на время сюда? Возможно, что я сам приеду на короткое время. О, как хорошо это было бы!

О себе скажу кратко. Кроме Музея у меня работа большая в Университете и на этнографическом факультете Географического института, где я вдобавок деканом, так что я страшно завален работой. За эти годы благодаря исключительным обстоятельствам напечатать ничего не удалось, хотя работ у меня

накопилось достаточно. Хорошо, что посчастливилось выжить эти годы и сохранить здоровье более или менее и бодрость. Моя семья также пребывает благополучно. Самое приятное, что есть хорошие ученики, которые, надеюсь, будут продолжать дело этнографии.

Когда будете писать, не откажите сообщить 1) где и какой адрес Мерварта²⁵, 2) каково Ваше положение во Владивостоке, 3) каково положение Университета и играет ли он какую-нибудь роль в жизни Владивостока, кто из профессоров остался и т. д. В частности, Музей наш крайне заинтересован в двух сотрудниках, которые работали на Д. В. и до сих пор не вернулись, именно в Широкогорове и Мерварте, не откажите сообщить, если что-нибудь знаете про них, *есть ли надежда на скорое их возвращение.*

Наконец, вообще сообщите о старых знакомых, если таковые еще сохранились.

Затем, в ожидании Вашего скорого ответа, желаю всего хорошего.

Ваш преданный и любящий

Л. Штернберг.

Мой адрес: Р[оссийская] Академия наук, Музей.

Автограф.

ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 12—13.

№ 14

19 апреля 1924 г.

Ленинград

Дорогой Владимир Клавдиевич!

Не писал Вам так долго по многим и многим причинам, о которых распространяться не стану. Во всяком случае я надеюсь, что г. Семенов²⁶ кое-что Вам сообщил обо мне.

Меня очень расстроила вся история с Музеями, и я старался сделать что возможно. Вам уже телеграфировали (Шокальский), что Главнаука приняла Вашу сторону и сделала соответствующие распоряжения во Владивосток. Сегодня я еду в Москву и еще подогрею в этом смысле. Хабаровский Музей Главнаука не считает возможным перевезти в Ленинград. Она требует подробных сведений, каких я не имею. Хлопочу я, чтобы Вы получили рублей 500 на орочей, но не знаю, чем кончится в связи с нынешними финансовыми затруднениями. Вы пишете, что охотно перебрались бы сюда. У нас в Музее, если утвердят штаты, нашлось бы место, и я был бы пресчастливы иметь Вас здесь, но ведь это не устроит Вас, многосемейного человека, плюс расходы по переезду. Кроме того, здесь по части квартир дело нелегкое.

Теперь о следующем. Вы знаете, что здесь есть комиссия при Академии для составления племенных карт²⁷. Теперь мы дошли до карты Амурского края. Есть материалы по переписи [18]97 г., если бы имелся переписной материал более или менее полный последнего времени со включением китайского и корейского населения, то взялись ли бы Вы дать нам такую карту? Если да, то сообщите. Некая сумма будет уплачена за эту работу. Затем, Вы писали, что Ваши сотрудники по Главырбе могли бы содействовать Музею. Я страшно благодарен Вам за это предложение. Но как насчет денег? Конечно, им легко разные не ценные в денежном отношении вещи и так достать, а эти-то «неденежные вещи» могут быть очень ценны для Музея. Нам особенно важны предметы культа, идолы, шаманские фигуры, столбы, предметы из гробниц и затем предметы техники, искусства, но если бы пришлось потом доплатить, то это было бы возможно, если только это будет в пределах весьма скромных. Ваш музейный опыт подскажет Вам, какие указания дать. Нельзя ли чего-нибудь по части археологии? Раскопки ведь часто денег не стоят. Кстати, на имя Академии наук Музеем этнографии пересылка до пуда посылки и письма идут бесплатно. Ужасно интересно, что алеуты на Командорских островах! Я бы охотно пристроил кого-нибудь из студентов туда на службу, если это возможно, и он бы там изучил их быт.

Ну, конечно, тороплюсь к отъезду. Сообщите, как теперь дела Общества и Музея, в частности, подробно о Хабаровском музее. С личностью Л[ипского] постараюсь тут познакомить и в Москве²⁸.

Всего хорошего, спасибо за Вашу память обо мне.

Ваш Л. Штернберг.

Автограф.

ЛФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 14—15.

№ 15

[30 июля 1924 г.]

Дорогой Владимир Клавдиевич!

Пользуюсь случаем, что еду для практики в Ваши края наши студенты, чтобы послать Вам привет. Признаюсь, очень удивляюсь, что до сих пор не получаю ответа ни на телеграммы, ни на письма. Что же случилось с Вами? Надеюсь, что у Вас все благополучно. В партии студентов нет ни одного этнографа, все чистые географы, но надеюсь, они будут Географическому обществу полезны и Вы их с обычной теплотой встретите. Кстати, следующая просьба. Меня очень интересует р. Горин и связь ее с Куром, с одной стороны, и Амгунью — с другой,

конечно, главным образом с точки зрения распределения населения. Хотелось бы выяснить, по крайней мере, возможные маршруты с Горина на Амгунь. Нельзя ли хоть для предварительных разведок использовать наших студентов, в частности того этнографа студента, который на несколько дней позже приедет.

Итак, еще раз привет и просьба ответить на мои вопросы и желаю всего хорошего, а за студентов наших я уверен, что Вы их отечески тепло примите.

Ваш Л. Штернберг.

Р. С. Не приедете ли на юбилей нашей Академии?²⁹ Было бы очень приятно!

Автограф.

ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 16.

№ 16

18 мая 1925 г.

г. Ленинград

Дорогой Владимир Клавдиевич!

Спасибо за Ваше письмо, но не могу понять, почему Вы не ответили на мои две телеграммы³⁰ в ответ на Вашу о помощнике в Музее. Я Вам в телеграмме рекомендовал мою ученицу, кончившую Географический институт по этнографическому факультету и которая имеет музейный опыт. Единственное объяснение, что Вы уехали из Хабаровска. Надеюсь все-таки, что в конце концов Вы телеграммы получите и ответите, согласны ли Вы. Она пока работает у нас в Музее, но уже раньше осени ехать не может, так как ввиду неизвестности она осталась работать на все лето.

За новогвинейскую коллекцию мы можем только спасибо сказать³¹. Вышлите ее наложенным платежом малой скоростью. Ваши книги в переводе я еще видел за границей и сердечно радовался за Ваши успехи, вполне заслуженные³². О своих впечатлениях от Ваших книг я Вам писал.

Теперь у меня просьба особая. Мне очень нужна небольшая гольдская коллекция, состоящая из *орнаментированной рыбьей* одежды, берестяной орнаментированной посуды и деревянных, травяных и других религиозных фигур. Сколько будет стоить, сейчас вышло. Желательно, чтобы обошлось рублем 50, точнее 75. При Ваших связях с гольдами это легко сделать. Особенно важны орнаментированные рыбы одежды и берестяные изделия. Эта коллекция нужна мне спешно к началу сентября. Очень, очень прошу Вас оказать мне эту дружескую услугу. Очень рад, что Вы заняли такое положение в деле изучения дорогого для Вас, да и для меня Края. Скоро Вам вышло свою статью о шаманстве, в которой много уделено гольдам.

У нас большая работа по перестановке в Музее по случаю расширения помещения в связи с 200-летним юбилеем Академии.

Взяли бы да приехали к юбилею. В кои-то веки такое событие, и свиделись бы кстати.

Надеюсь на Ваш скорый ответ.

Ваш
Л. Штернберг.

P. S. Если новогвинейская коллекция удобопересылаема по почте, то ее можно бесплатно переслать пудовыми посылками.

Автограф.

ИФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 17—18.

№ 17

26 ноября [1925 г.]

г. Ленинград

Дорогой Владимир Клавдиевич!

Я недавно только вернулся с Кавказа и узнал обо всем происшедшем в Музее, и ждал Совета, чтобы узнать его настроение относительно Ваших планов. Вы знаете, что теперь положение в Музее не то, что было раньше. Теперь так называемый Совет, разбившийся на партии, больше думает о своих личных мелких интересах, чем о Музее и хороших людях. Но это Вам не интересно, а важно то, что надежды добиться от Совета, чтобы *сейчас* Вам дали 6-месячную командировку, нет. Это можно было бы сделать несколько позже, после того, как Вы приедете и некоторое время послужите. Тогда я бы помимо Совета через Ольденбурга³³ бы дело устроил. Директор, как я узнал, послал Вам телеграмму о приезде. Не знаю теперь, как быть. Вы спрашиваете моего совета относительно переезда сюда³⁴. Прежде всего о материальной стороне. Вы бы получали как научный сотрудник 1-го разряда 150 (сто пятьдесят руб.), гораздо больше, чем ожидали. Но других источников в ближайшее время ожидать трудно. В Университете все занято. Другие на такую сумму с семьей живут. Очень трудно будет только с квартирой. Здесь тоже начался квартирный голод. Все же, если не сразу, квартиру — я думаю — найти можно будет. Конечно, здесь жизнь дороже, чем в Хабаровске, но жить, думаю, можно будет и досуга для работы довольно будет. Труднее решить вопрос, к какой работе Вас приспособить в Музее, но придумаю, ведь Вы по моему Отделу будете. Главным образом работа будет по устройству нового Отдела по эволюции культуры. Так что решайте насчет приезда, не откладывая. *Я склоняюсь в пользу Вашего переезда.*

Тороплюсь с письмом, потому что и без того запоздал с ответом, желал ориентироваться в настроениях Совета. Но Вы считайтесь только с Вашими интересами, и если Ваш интерес в окончании работы, то колебаться не нужно. Об одном я должен Вас предупредить: здесь печататься (особенно большую работу да с фотографиями) почти невозможно. В этом отношении у Вас там дело куда лучше обстоит. Ваши просьбы насчет Липского и благодарности заведующему Нарообразом исполню³⁵. Всего хорошего.

Ваш
Л. Штернберг.

Р. С. Привет Серкам³⁶. Надеюсь, что Вы ими довольны.

Р. С. Я не писал о своем личном настроении, поскольку я лично буду рад иметь общение с Вами здесь и быть чем-нибудь полезным Вам, но Вы, надеюсь, сами это чувствуете и знаете.

Автограф.

ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 19—20.

№ 18

12 января 1926 г.

г. Ленинград

Дорогой Владимир Клавдиевич!

Обращаюсь к Вам по следующему вопросу: мы снаряжаем экспедицию, которой поручается подняться вверх по Горину и с верховьев этой реки перебраться в бассейн Амгуни. Очень важно знать предварительно, возможно ли это выполнить в летнее время (сходятся ли настолько близко верховья Амгуни и Горина, что можно без особенных затруднений проделать путешествие по обоим рекам на лодке. В случае невозможности возможно ли летом передвигаться в этих местах на оленях). Если оба эти способа представляются невозможными, то окажется ли возможным совершить этот переезд зимою на собаках. В последнем случае в какое время необходимо выехать на Горин.

Другой вопрос, какой наиболее удобный путь, чтобы перебраться с верховьев Горина к верховьям Кура, а также сообщить сведения хотя бы самого общего порядка о составе, численности населения по реке Куру.

Еще прошу, что известно о кочевом населении верховьев Амгуни, Горина и Кура. И наконец сообщить сведения о ценах по передвижению и можно ли пользоваться содействием администрации для бесплатного или по крайней мере льготного проезда на оленях, собаках и на лодке. Сведения эти нужны крайне срочно, и мы будем весьма признательны за возможно

скорое исполнение нашей просьбы. Просимые сведения, мы полагаем, можно добыть только расспросным путем у местных гольдов, еще лучше от самогиров, которые с Горина приезжают в Хабаровск за покупками, и, наконец, от агентов разных торговых учреждений, особенно от скупщиков мехов, но возможно, что такие сведения имеются и у административных органов и в топографическом отделе. Необходимо использовать все эти источники. Наконец, большая просьба — прислать подробную карту того сектора реки Амура, в который входит река Горин.

С приветом
Ваш Л. Штернберг.

Р. С. Сообщите Ваш владивостокский адрес. Очень жалею, что на съезд не сумею приехать, но в октябре рассчитываю быть по пути в Японию у Вас³⁷. Сердечный привет.

Л. Штернберг.

*Машинопись на офиц. тип. бланке МАЭ, с авт. подписью.
ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 22.
На полях с левой стороны помета В. К. Арсеньева:
«Отвечено 15.II.1926 г.».*

№ 19

12 мая 1926 г.

г. Ленинград

Дорогой Владимир Клавдиевич!

Очень благодарен Вам за сообщенные сведения для экспедиции, которые оказались очень полезными. Очень извиняюсь, что своевременно не ответил. Теперь получил второе Ваше письмо³⁸. Очень жалею, что лично принять участие в экспедиции не могу, надеюсь, что мои ученики справятся с предварительной работой. Что касается Ваших просьб, я их с удовольствием исполню как относительно редактирования, так и рецензии³⁹. Я очень жалею, что в ближайшую книжку нового журнала «Этнография» мне не удалось поместить рецензии, т. к. она спешно составилась. В следующей книжке обязательно помешу. А может быть, в Краеведении. Очень жаль, что Л[ипский] назначен секретарем Туземного отдела, хотя на официальный запрос я дал отрицательный отзыв. Его хулы не бойтесь. Вас достаточно знают. Наконец, Вас читали, а будут ли его брошюру читать, это еще вопрос⁴⁰. Здесь мне попала какая-то статейка о народах Амурского края, где все слишком уж грубо наврано.

Сейчас еду спешно в Москву для защиты программы этнографического отдела. И поэтому заканчиваю. Всего лучшего, дорогой Владимир Клавдиевич!

Ваш Л. Штернберг.

Автограф.

ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 21.

ПРИМЕЧАНИЯ

№ 1

¹ Письмо от 12 июля 1913 г., написанное после трехлетнего перерыва в переписке.

² В 1910 г. В. К. Арсеньев послал в Музей антропологии и этнографии Академии наук (МАЭ) не вскрытую гробницу, в которой был захоронен ороцкий старшина Ингину, от сына которого В. К. Арсеньев узнал позднее, что в рукавицах и чулках покойника были зашиты золотые монеты на сумму 250—280 руб. В. К. Арсеньев написал об этом В. В. Радлову и просил проверить достоверность этого сообщения.

№ 2

³ Музей антропологии и этнографии АН выслал В. К. Арсеньеву 150 руб. на приобретение нанайских вышивок и костюмов с закрывшейся в Хабаровске выставки, посвященной 300-летию царствования дома Романовых.

№ 3

⁴ Врач-этнограф Н. В. Кирилов в 1913 г. послал в МАЭ один фигурный пень с корневищами, а другой передал в Хабаровский музей. Так как пни эти парные, то В. К. Арсеньев предложил прислать и второй пень, поскольку в Хабаровском музее уже имелось два пня, привезенных В. К. Арсеньевым в 1911 г.

⁵ «Уди» — так Л. Я. Штернберг назвал в этом письме удэгейцев, монографию о которых В. К. Арсеньев намеревался закончить зимой 1914 г., вложив в нее «всю свою душу». Вообще, Л. Я. Штернберг употреблял в своих письмах термин «удэгейцы» в разных вариантах: «уди», «кекари», «удыхэ», «удыхе», «удехе».

⁶ «Северный проект» экспедиции В. К. Арсеньева предусматривал маршрут: Берингов пролив, остров Св. Лаврентия, остров Врангеля. Осуществлен не был.

⁷ Йохельсон Владимир Ильич (1856—1942), народоволец, ссыльный, участник экспедиций Джексона (1900—1902) и Рябушинского (1910—1913) на Камчатку и Алеутские острова; с 1900 г. был связан с Академией наук; занимался этнографическими исследованиями северных народностей. С 1922 г. жил в Северной Америке.

Богораз (Тан) Владимир Германович (1865—1930) — народоволец, ссыльный, этнограф, языковед, фольклорист, писатель. Изучал этнографию и фольклор чукчей, один из организаторов высшего этнографического образования в СССР.

⁸ Гондатти Николай Львович (1861—1945) — этнограф, приват-доцент Московского университета, анадырский окружной начальник (1893—1898), тобольский (1905—1908) и томский (1908—1909) губернатор; с 5 ноября 1909 по 1917 г. — приамурский генерал-губернатор. После революции эмигрировал в Харбин. Известен своей реакционной политикой на посту приамурско-

го генерал-губернатора. В. К. Арсеньев по службе был в непосредственном подчинении у Н. Л. Гондатти, всячески препятствовавшего исследованиям путешественника.

№ 5

⁹ Имеется в виду выставка 1913 г. в г. Хабаровске, организованная в ознаменование 300-летия царствования дома Романовых.

¹⁰ В. К. Арсеньев просил прислать книги Д. Леббока «Начало цивилизации» и «Доисторические времена».

¹¹ В 1913 г. в Хабаровске В. К. Арсеньев образовал кружок любителей этнографии, в который входили: М. К. Азадовский, И. А. Лопатин, К. А. Гомоюнов, А. Н. Свириин. В 1914 г. В. К. Арсеньевым было организовано историко-археологическое отделение при Амурском отделе РГО.

¹² Зарубин Иван Иванович — участник экспедиции Л. Я. Штернберга 1910 г., сотрудник МАЭ, профессор Ленинградского университета, знаток языков народностей Памира.

¹³ Азадовский Марк Константинович (1888—1954) — литературовед, фольклорист, друг В. К. Арсеньева и автор работы о нем (В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге. М., 1957. Вступительная статья и комментарии М. К. Азадовского).

№ 6

¹⁴ «Кекари» — так называл Л. Я. Штернберг удэгейцев. См. примеч. № 3.

№ 7

¹⁵ О приезде С. Ф. Понятовского В. К. Арсеньев сообщал в ответном письме от 28 мая 1914 г.: «Был у меня от Вас Понятовский. Мы хорошо познакомились, измеряли инородцев и лепили с них маски. Полное содействие я ему оказал. Подробно о встрече С. Ф. Понятовского с В. К. Арсеньевым см.: Б. П. Полевой. С. Понятовский о В. К. Арсеньеве.— «Дальний Восток», 1976, № 9, с. 130—135.

№ 8

¹⁶ Имеется в виду экспедиция на север от нижнего Амура, в которую В. К. Арсеньев так и не смог выступить тогда из-за препятствий со стороны Н. Л. Гондатти. Осуществлена уже после революции, в конце 1917 — начале 1918 г.

¹⁷ Шренк Л. Об инородцах Амурского края. Т. I—III. СПб., 1883—1899; Миддендорф А. Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. СПб., 1860.

№ 11

¹⁸ См. примеч. № 16.

№ 12

¹⁹ Письмо В. К. Арсеньева от 4 января 1917 г., в котором сообщалось о разрыве В. К. Арсеньева с Н. Л. Гондатти. См. примеч. № 23.

²⁰ Деньги на эту экспедицию предоставил Организационный комитет лесных и горных предприятий в Приморской области, находившийся в Петрограде. Кроме того, 600 руб. В. К. Арсеньев получил от МАЭ на приобретение коллекций во время экспедиции, откладывавшейся из года в год по вине Н. Л. Гондатти.

²¹ Широкогоров Сергей Михайлович (1887—1937), ученик Л. Я. Штернберга, сотрудник МАЭ, в 1916—1917 гг. был командирован в Приамурский

край для исследования местных народностей, где неоднократно встречался с В. К. Арсеньевым, передавшим ему полученные от МАЭ 600 руб. С. М. Широкогоров в 1922 г. эмигрировал в Китай.

²² В. К. Арсеньев 6—15 июня 1916 г. выступал в Обществе русских ориенталистов в г. Харбине с пятью докладами, один из которых опубликован полностью («Этнологические проблемы на востоке Сибири»), а остальные — в конспективном виде (см. «Вестник Азии». Харбин, 1916, № 38—39, с. 50—76, 331—339).

²³ Убедившись в том, что Н. Л. Гондатти не дает разрешения на экспедицию, В. К. Арсеньев в конце 1916 г. порвал с ним всякие отношения и уволился из его канцелярии. В начале 1917 г. он поступил на военную службу в Штаб Приамурского военного округа.

№ 13

²⁴ В. К. Арсеньев. По Уссурийскому краю. Владивосток, 1921; см. также его книгу «Дерсу Узала». Владивосток, 1923.

²⁵ Мерварт Александр Михайлович — этнограф, сотрудник МАЭ, в 1914—1918 гг. находился в экспедиции в Индии и на Цейлоне, при возвращении из которой вынужден был задержаться во Владивостоке.

№ 14

²⁶ Семенов Илья Иванович — сослуживец В. К. Арсеньева по Управлению дальрыбхоты, в 1923 г. ездил в Петроград и виделся там с Л. Я. Штернбергом.

²⁷ Имеется в виду Комиссия по изучению племенного состава народов России и сопредельных стран при Академии наук (сокращенно КИПС), в работе которой принял участие и В. К. Арсеньев.

²⁸ Липский Альберт Николаевич — этнограф. См. также примеч. 40.

№ 15

(Дата этого письма установлена на основании ответного письма В. К. Арсеньева.)

²⁹ В. К. Арсеньев был командирован от дальневосточных научных организаций на 200-летний юбилей Академии наук СССР в 1925 г., но ввиду задержки командировочных документов прибыл на юбилей с опозданием и уже не застал в Ленинграде Л. Я. Штернберга, уехавшего на Кавказ в санаторий.

№ 16

³⁰ Упомянутые телеграммы не сохранились. Молчание В. К. Арсеньева было вызвано неопределенностью с вакантной должностью в Хабаровском музее, на которую он сначала предполагал взять этнографа П. П. Хороших, а затем по просьбе Л. Я. Штернберга устроил Н. А. Серк (Богданову), ставшую впоследствии профессором Хабаровского педагогического института. См. примеч. № 36.

³¹ В Хабаровском музее имелись новогвинейские коллекции, которые В. К. Арсеньев предложил выслать в МАЭ.

³² Книги В. К. Арсеньева «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» были переведены на немецкий язык и изданы в Берлине в 1924 г.

№ 17

³³ Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934) — академик, востоковед, неперменный секретарь Академии наук СССР; с ним В. К. Арсеньев также состоял в переписке.

³⁴ В письме от 20 октября 1925 г. В. К. Арсеньев просил совета у Л. Я. Штернберга относительно возможности своего переезда в Ленинград.

Несмотря на то что В. К. Арсеньев был уже зачислен в штат МАЭ на должность научного сотрудника 1-го разряда, все же переезд не состоялся. Путь-шественник остался на Дальнем Востоке до конца жизни.

³⁵ В. К. Арсеньев обращался к С. Ф. Ольденбургу и Л. Я. Штернбергу с просьбой прислать от имени Академии наук благодарность заведующему Дальневосточным отделом народного образования М. П. Малышеву за его постоянную заботу о научно-исследовательских учреждениях Дальнего Востока.

³⁶ Ученики Л. Я. Штернберга Н. А. Серк (Богданова) и Н. Ю. Серк были устроены В. К. Арсеньевым на работу в Хабаровске.

№ 18

³⁷ Имеется в виду I конференция по изучению производительных сил Дальнего Востока 1926 г. в Хабаровске. Осенью 1926 г. Л. Я. Штернберг был в Токио на III Тихоокеанском конгрессе, но предполагавшаяся его встреча с В. К. Арсеньевым не состоялась.

№ 19

³⁸ Упомянутые сведения В. К. Арсеньев сообщил в письме от 15 февраля 1926 г. Ни это письмо, ни следующее не сохранились.

³⁹ В. К. Арсеньев в письме от 30 апреля 1926 г. просил Л. Я. Штернберга быть редактором его монографии об удэгейцах «Страна Удэхе» и дать отзывы о книгах «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала». Просьба не была исполнена из-за болезни и смерти Л. Я. Штернберга.

⁴⁰ А. Н. Липский систематически выступал с резкой и зачастую неправомерной критикой этнографических работ В. К. Арсеньева. Это обстоятельство принуждало В. К. Арсеньева обращаться к Л. Я. Штернбергу, В. Г. Богоразу и другим ученым за отзывами о его работах.

В. А. Петрицкий

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОГРАФ В. К. АРСЕНЬЕВА

(В. К. Арсеньев и М. К. Азадовский)

Жизнь и творческое наследие Владимира Клавдиевича Арсеньева еще недостаточно изучены, особенно первый период его деятельности на Дальнем Востоке — с 1900 по 1917 г. В эту пору, когда В. К. Арсеньев предпринимал свои первые экспедиции, когда материалы их еще только обрабатывались и ждали обобщения, имя его вовсе не было известно читающей российской публике: первые научные работы В. К. Арсеньева, относящиеся к этому периоду, печатались очень малыми тиражами [3, с. 183]. Широкая известность пришла к В. К. Арсеньеву лишь в середине 20-х годов, после выхода в свет его книг «По Уссурийскому краю» (1921) и «Дерсу Узала» (1923).

Архив В. К. Арсеньева, а многое из него погибло в конце 30-х годов [8, с. 318; 9], не позволяет исследователям документально восстановить некоторые факты, весьма важные для характеристики именно начального периода научной и творческой деятельности ученого. С кем из коллег В. К. Арсеньев, родившийся в Петербурге, сохранял и поддерживал научные и дружеские связи? Как складывался круг его научного и духовного общения в Хабаровске?

На эти вопросы мы в настоящее время не можем пока ответить полно и достаточно убедительно. Поэтому находки и изучение каждого нового документа, связанного с жизнью, научной и литературной работой В. К. Арсеньева, имеют немаловажное культурно-историческое значение.

Автору этих строк посчастливилось отыскать одну из ранних работ В. К. Арсеньева с дарственной надписью ученого, адресованной историку литературы и сибирского фольклора М. К. Азадовскому¹. Исследование истории автографа В. К. Арсеньева позволяет ввести в научный оборот новые факты, каса-

---

¹ В. К. Арсеньев. Китайцы в Уссурийском Крае. Очерк историко-этнографический. — «Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества». Т. X. Вып. 1. Хабаровск, 1914. Книга была приобретена в июне 1976 г. в ленинградском магазине «Букинист» и хранится в библиотеке автора настоящей статьи.

ющиеся взаимоотношений В. К. Арсеньева и М. К. Азадовского, известных исследователей Сибири и Дальнего Востока, датировать начало их знакомства и проследить становление многолетней и прочной творческой дружбы.

Дарственная надпись на книге гласит: *Марку Константиновичу Азадовскому от глубокоуважающего его автора. В. Арсеньев. 8.VIII.1914 г. Г. Хабаровск* [см. илл. на с. 86].

В тот момент, когда была сделана эта надпись, В. К. Арсеньева и М. К. Азадовского разделяло громадное расстояние. Первый жил и служил в Хабаровске. Второй учился, а затем работал в Петербурге. Разделяла их и весьма существенная разница в возрасте: В. К. Арсеньев был на 16 лет старше М. К. Азадовского. Кроме того, один был уже сложившийся ученый, а другой — всего лишь вчерашний студент. Но факт — дарственная надпись — существует. И небезынтересно выяснить, на чем он основывается. Не простое ли это проявление вежливости?

М. К. Азадовский родился 5 (18) декабря 1888 г. в Иркутске, здесь же окончил гимназию. Высшее же образование получил на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Незаурядные творческие способности юноша обнаружил уже на студенческой скамье. Общение с выдающимися учеными — историком литературы и библиографом С. А. Венгеровым, этнографом и революционером Л. Я. Штернбергом, академиком А. А. Шахматовым и другими — содействовало раннему формированию серьезных научных интересов Азадовского студента. История, культура и быт народов Сибири и Дальнего Востока — вот что привлекло его. Еще студентом М. К. Азадовский участвовал в экспедициях Общества изучения Сибири и ее быта, а в 1913—1915 гг. совершил самостоятельные поездки по Лене и Амуру с целью сбора фольклорных материалов.

В 1913 г. М. К. Азадовский приехал в Хабаровск на каникулы к родным. От них он узнал, что местный ученый — этнограф В. К. Арсеньев, бывший с 1910 г. директором Хабаровского краеведческого музея (Гродековского), — создал при музее научный кружок, для того чтобы знакомить с новейшей литературой по этнографии и истории края. На одно из занятий кружка и пришел М. К. Азадовский. Здесь, в музее, летом 1913 г. состоялась первая встреча будущих друзей и единомышленников [3, с. 182]. В. К. Арсеньев расспрашивал начинающего ученого о его творческих планах и одобрил их. Особенно заинтересованно отнесся он к намерению М. К. Азадовского заняться сбором материала по устному народному творчеству в Приамурском крае. Впоследствии М. К. Азадовский стал членом кружка при Гродековском музее.

Знакомство В. К. Арсеньева и М. К. Азадовского вскоре перешло в дружбу. В. К. Арсеньев внимательно следил за научной работой молодого ученого и стремился помочь ему. В янва-

ре—марте 1914 г. по поручению Отделения русского языка и словесности Академии наук М. К. Азадовский совершил большую поездку по казачьим деревням от Хабаровска до станицы Радде. Он записал несколько тысяч народных песен, частушек, заговоров, похоронных причитаний, а в последующие месяцы 1914 г. и весь 1915 год, уже в Петрограде, занимался обработкой и подготовкой к печати собранных материалов².

Именно в первой четверти 1914 г. произошло дружеское сближение ученых. В. К. Арсеньев был в курсе научных интересов и планов М. К. Азадовского, помогал ему советами и высоко оценил результаты экспедиции по Приамурью. Через полгода, когда М. К. Азадовский был уже в Петрограде, В. К. Арсеньев отправил ему книгу с дарственной надписью. Можно утверждать: эта дарственная надпись не была простой любезностью. Она — свидетельство начала творческой и личной дружбы ученых. Подтверждение этому мы находим в переписке В. К. Арсеньева и М. К. Азадовского.

Круг научных знакомств В. К. Арсеньева в ту пору был достаточно широк и представительен. В предисловии к первому изданию книги «По Уссурийскому краю» В. К. Арсеньев называет имена некоторых ученых-специалистов, с которыми он консультировался и на помощь которых опирался: «Первые свои три путешествия я закончил в 1910 году. Следующие три года мной были посвящены обработке собранных материалов при любезном содействии известных специалистов Л. С. Берга, И. В. Полибина, С. А. Бугурлина и Я. С. Эдельштейна». [1, с. 11—12]. Но круг ученых, с которыми В. К. Арсеньев общался в этот период, не исчерпывается названными именами. В письме В. К. Арсеньева М. К. Азадовскому читаем: «Теперь со своей стороны хочу обратиться к Вам с покорнейшей просьбой. Выполнить ее Вы можете: где по телефону, где при свидании, где письменно, а где и при помощи других знакомых. Дело в следующем: разослал я в Петрограде свою книжку „Китайцы в Уссурийском крае“ знакомым. Некоторые лица уведомили меня, что получили книжку, а некоторые — ни гу-гу! Быть может, книжки не дошли до них и затерялись по дороге. Пожалуйста, дорогой Марк Константинович, окажите мне товарищескую услугу, наведите справки, получили ли они эти книжки или нет. Я мог бы теперь же предпринять поиски. Спросите С. Ф. Ольденбурга, Ю. М. Шокальского, Глинку (товарища министра земледелия), А. Н. Самойловича» [3, с. 183]. В заключительных строках письма В. К. Арсеньев просит кланяться Л. Я. Штернбергу, который был одним из наставников

² Из большого количества материалов были опубликованы только: Амурская частушка.— «Приамурье», 22.XII.1913 (№ 2186); Заговоры амурских казаков.— «Живая старина». 1914 (приложение 1); Песнь о переселении на Амур.— «Сибирский Архив». 1916, № 4, с. 157—172. Остальные материалы не опубликованы и погибли в Петрограде в 1918 г.

М. К. Азадовского-студента. Таким образом, круг научных знакомств В. К. Арсеньева пополняется именами С. Ф. Ольденбурга, выдающегося ученого — этнографа, востоковеда, фольклориста, кстати, уроженца Забайкалья, уже в те годы академика; А. Н. Самойловича, этнографа, лингвиста-тюрколога, историка литературы; Ю. М. Шокальского, впоследствии президента Географического общества СССР; Л. Я. Штернберга, революционера и ученого-этнографа.

Характерно, что именно к М. К. Азадовскому, своему младшему коллеге, обращается В. К. Арсеньев с деликатной просьбой — навести справки о получении посланных им книг: «по телефону, письменно или *при свидании*» (курсив наш. — В. П.). Можно предположить, что некоторые из названных здесь лиц были к тому времени общими знакомыми В. К. Арсеньева и М. К. Азадовского.

Из того же письма мы узнаем, что В. К. Арсеньев знаком и с семьей Азадовских. Автор письма упоминает о встречах с В. Н. Азадовской, матерью М. К. Азадовского, и беседах с ней [3, с. 182]. В этом письме В. К. Арсеньев дает оценку властителям края — людям, далеким не только от науки, но даже и от дилетантского знакомства с краем. «Я стою к ним в оппозиции», — подчеркивает он [3, с. 182].

Но самое важное — отношение В. К. Арсеньева к научной работе молодого ученого: «Я радуюсь Вашим успехам и мысленно говорю: „По плечу молодцу работа тяжелая“. Ваши работы об изучении народной словесности и диалектологических особенностей в Амурском крае *оригинальны и единственны*. Я не знаю, кто бы еще когда-либо работал в этой области» [3, с. 182].

Прослеживаются в письме, что для нас особенно интересно, отзвуки встреч и бесед с М. К. Азадовским в 1913—1914 гг., заинтересованность изданием в Хабаровске результатов исследований молодого ученого, относящихся к этому времени. Оказывается, В. К. Арсеньев помогал М. К. Азадовскому не только советом и доброжелательным, заинтересованным отношением к его работе, но и всячески содействовал ее публикации: «Думаю, что мне удастся провести Вашу интересную работу в печать, если она не будет превышать 300 страниц» [3, с. 182]. В. К. Арсеньев готов взять на себя все переговоры с руководителями Приамурского отдела Имп. Русского географического общества, того самого отдела, в котором двумя годами ранее вышла его книга, подаренная М. К. Азадовскому. В. К. Арсеньев полон решимости, как он пишет, доказать необходимость печатать эту работу, «ибо она, как я понимаю, глубоко научно интересна. Я Вашу мысль по письму очень хорошо понял и, повторяю, употреблю все усилия, чтобы работу Вашу провести. — О результатах переговоров буду телеграфировать. Я мог бы на себя взять корректуру Вашей работы при условии, если она будет

напечатана» [3, с. 183]. Более того, он пытается напечатать работу М. К. Азадовского не за счет автора, как это обычно делалось, а за счет отдела³.

Такое отношение более опытного и старшего товарища может быть объяснено только тем, что между учеными к этому времени существовали тесные дружеские связи, что оба они видели друг в друге единомышленников и что, наконец, старший, как мы убедились, высоко ценил труды младшего и потому относился к нему с глубоким уважением.

Дружбе, начало которой было положено в Хабаровске в 1913 г., В. К. Арсеньев и М. К. Азадовский оставались верны на протяжении жизни. Более 20 лет их связывала переписка. В письмах они делились творческими планами; выходящие из печати работы обязательно посылали друг другу. В одном из последних писем к М. К. Азадовскому от 19 сентября 1929 г. В. К. Арсеньев сообщал из Владивостока: «На днях я вторично отправил Вам брошюру и книжку...⁴ Не найдете ли возможным дать о ней рецензию. Что хорошо — похвалите, что плохо — укажите. Ваши замечания я без всякого огорчения приму к сведению... Ваша беспристрастная рецензия оказала бы мне услугу» [4, с. 185].

В том же письме В. К. Арсеньев подчеркивает, насколько дорожит он дружбой М. К. Азадовского, с которым его «разделило расстояние в 4000 верст» [4, с. 186]⁵. «Давненько не имею от Вас писем, — пишет он. — В наши и в особенности в мои годы сходитья с людьми все труднее и труднее, а друзей все меньше и меньше» [4, с. 185—186].

Через год В. К. Арсеньева не стало. Он умер 4 сентября 1930 г. М. К. Азадовский свято хранил память о друге. Он неоднократно писал о В. К. Арсеньеве, высоко оценивая его заслуги как ученого и как писателя [6, с. 179—180]. Его отношение к В. К. Арсеньеву вполне солидарно с оценкой А. М. Горького, который считал, что В. К. Арсеньеву «удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера» [5, с. 70]. Незадолго до кончины⁶, уже будучи очень больным, М. К. Азадовский «подготовил книгу о В. К. Арсеньеве — блестящий сплав литературоведения и этнографии» [7, с. 178].

Таковы некоторые факты из истории большой творческой дружбы выдающихся советских ученых и писателей, которую

³ Книга М. К. Азадовского не вышла в Приамурском отделе Имп. Русского географического общества по не зависящим от В. К. Арсеньева причинам.

⁴ Речь идет о сборнике «Производительные силы Дальнего Востока» (вып. 5. Человек. Хабаровск—Владивосток, 1927), в котором была помещена статья В. К. Арсеньева «Колонизационные перспективы Дальнего Востока», и о книге «Быт и характер народностей Дальневосточного края» (Хабаровск, 1928).

⁵ М. К. Азадовский жил и работал в то время в Иркутске.

⁶ М. К. Азадовский скончался 25 ноября 1954 г. в Ленинграде.

*Марку Колотампиновичу Снегдовскому от публикатора
это автограф*

Восток

ЗАПИСКИ 8 тт 1914. Г. Хабаровск

**Приамурского Отдѣла Императорскаго Русскаго
Географическаго Общества.**

Томъ X, в. I.

В. К. Арсеньевъ.

Китайцы въ Уссурийскомъ Краѣ.

Les Chinois dans la région de l'Oussouri.

Очеркъ историческо-этнографическій.

1914.
ХАБАРОВСКЪ.

ТИПОГРАФИЯ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИАМУРСКАГО ГЕНЕРАЛЬ-ГУБЕРНАТОРА.

Титульный лист книги В. К. Арсеньева «Китайцы в Уссурийском крае»
(автограф публикуется впервые)

позволил восстановить и проследить первый известный документальный знак этой дружбы — автограф на одной из ранних работ В. К. Арсеньева.

Историк и литературовед Е. Д. Петряев, занимающийся, в частности, изучением творческого наследия В. К. Арсеньева, замечает: «Весьма интересно учесть, кому и когда Арсеньев присылал и дарил свои книги, так как это освещает интеллектуальные и личные симпатии писателя» [8, с. 309]. Е. Д. Петряев описывает известные ему книги с дарственными надписями В. К. Арсеньева, в частности ученому-геологу И. А. Преображенскому (1926 г.), литератору-дальневосточнику Н. К. Костареву (1927 г.), М. К. Азадовскому (1922 г.).

Среди описанных Е. Д. Петряевым книг, на которых имеются дарственные надписи В. К. Арсеньева, нет ни одной, относящейся к 10-м годам нашего века. Можно поэтому предположить, что обнаруженная нами дарственная надпись является одним из самых ранних сохранившихся в настоящее время автографов писателя.

Книга В. К. Арсеньева «Китайцы в Уссурийском крае» вышла тиражом 500—600 экземпляров [3, с. 183] и более не переиздавалась. Ныне это библиографическая редкость.

С момента выхода книги минуло более полувека, но содержание ее сохранило не только научную ценность, но и актуальность. В. К. Арсеньев, досконально изучив в ряде экспедиций 1906—1912 гг. население края и проштудировав большое количество исторических и литературных источников (работы Боголюбского, Венюкова, Глазунова, Надарова, Фишера, Шренка и др.), пришел к выводу о том, что Уссурийский край издавна населяли гольды и орочи (удэге). Местные жители никогда не признавали над собой верховной власти Китая и не платили китайцам дани. В подтверждение В. К. Арсеньев приводит ряд исторических свидетельств. «Инородцы Нижнего Амура в то время (середина XVII в.—В. П.) были еще мало известны маньчжурам...,— цитирует он работу Л. И. Шренка, изданную в 1883 г.—Ольчи, негидальцы, гиляки и северные орочи не признавали над собой непосредственной верховной власти маньчжуро-китайцев» [2, с. 41]. Аналогичные материалы приводит он из работы И. Э. Фишера, опубликованной в 1774 г. [2, с. 42]. Небезынтересны сведения из изданной Н. И. Новиковым в 1773—1775 гг. (в расширенном виде в 1778—1791 гг.) «Древней Российской Вивлиофики» [2, с. 41]. Уже эти ранние данные отражают реальную историческую картину, сложившуюся к середине XVII в., т. е. накануне освоения края русскими.

Наконец, после известной экспедиции Г. И. Невельского Приамурский край по Пекинскому договору 2(14) ноября 1860 г. был окончательно присоединен к России.

Китайцев в крае в древнейшие времена не было. «Первые сведения об Уссурийском крае мы встречаем у китайских исто-

риков и в китайской географии династии Цзинь. Сведения эти крайне смутные и часто противоречащие друг другу. Китайские историки были плохо осведомлены о том, что происходило в Уссурийском крае в древнейшие времена» [2, с. 35—36].

Даже в начале XIX в. китайцы почти ничего не знали об Уссурийском крае, так как массовых поселений китайцев в крае не было. Здесь жили отдельные искатели женщины и лица, бежавшие на север от преследования властей. В 1878 г. секретарь русского посольства в Пекине Леонтьев издал «Описание городов, доходам и протчему Китайского государства, а при том и всем государствам, королевствам и княжествам, кои китайцам ведомы. Выбранное из китайской *государственной* (курсив мой.— В. П.) географии, коя перепечатана в Пекине на китайском языке при нынешнем хане Кянь-луне». Ознакомившись с этим описанием, В. К. Арсеньев подчеркивает: «О землях, лежащих от нее (т. е. от Уссури.— В. П.) к востоку, и о народах, там обитающих, у китайцев сведений тогда никаких не было» [2, с. 47].

Первые поселения китайцев в Уссурийском крае В. К. Арсеньев датирует лишь серединой XIX в. Они «на памяти у старожилорочей и гольдов, живущих в верхнем течении Уссури. Старики эти живы еще и теперь» [2, с. 47]. Напомним, что материал к книге ученый собирал в начале 900-х годов нашего столетия. Но даже тогда пекинское правительство не знало, как пишет Арсеньев, «о самовольных засельщиках в Уссурийском крае» [2, с. 50].

В главе «Эксплоатация инородцев» В. К. Арсеньев рассказывает о том, как жестоко пришельцы (китайцы) обращались с коренными жителями (орочами). Китайские купцы продавали орочам жестяные чашки за серебряные, скупали за бесценок соболей. Разбогатевшие землепашцы отбирали у орочей дома и землю, а их самих превращали в рабов. «В то время (1890—1910 гг.) здесь можно было видеть рабство в таком же безобразном виде, в каком оно было когда-то в Америке в отношении к неграм: отнимание детей у матерей, насильная продажа жен, бесчеловечные пытки и увечья» [2, с. 85].

Хищнически относились пришельцы-китайцы и к природе края. Многие из них стремились как можно быстрее разбогатеть и вернуться в Китай, а потому не пренебрегали никакими — в том числе и незаконными — источниками обогащения. В. К. Арсеньев замечает: «О размерах хищничества китайцев в Уссурийском крае можно судить из записей... Якубовского, добытых им в верхнем течении реки Имана» [2, с. 103]. Из этих записей видно, что за время с 1 ноября 1912 по 15 февраля 1913 г., т. е. за 107 дней, через руки *только одного* китайского торговца Лю Ван-ина прошло около двух тысяч хорьков, двухсот пятидесяти соболей, десять рысей, двадцать медведей, пять тигров — на сумму восемнадцать с половиной тысяч рублей.

Ученый-патриот, В. К. Арсеньев, работая над книгой, нацеливал ее в будущее. Подытоживая исследования, он писал: «Вспреки ни на чем не основанному мнению, будто бы китайцы владели Уссурийским краем с незапамятных времен, совершенно ясно можно доказать противное: китайцы в Уссурийском крае появились весьма недавно. Это важное обстоятельство всегда надо иметь в виду, когда приходится говорить о прошлом и будущем нашей далекой окраины» [2, с. I—II].

Помимо большого историко-этнографического материала, представленного и обобщенного автором, книга содержит для того времени нетипичный, но для нас чрезвычайно важный материал экологических наблюдений и выводов ученого о взаимовлиянии и взаимозависимости различных видов растительного и животного мира дальневосточной тайги. В. К. Арсеньев рассматривает население как один из важнейших элементов экосистемы края, анализируя весь комплекс экономических и природных факторов: ремесла и сельское хозяйство, пути сообщения, климат, почвы, флору и фауну тогдашнего Уссурийского края.

Некоторые предостережения и прогнозы ученого сегодня не менее злободневны, чем полвека назад. В. К. Арсеньев предостерегает, в частности, от нерационального использования природных богатств, которое ведет к нарушению сложившихся в природе процессов, указывает на настоятельную необходимость борьбы с лесными пожарами. «С исчезновением лесов,— пишет В. К. Арсеньев,— начинает быстро исчезать и жизнь: улетают птицы, соболь уходит... Если так будет продолжаться дальше, если не будут приняты меры к тушению пожаров, если сами жители не станут заботиться о тайге, не станут беречь ее от огня,— Уссурийский край очень и очень скоро очутится без лесов и без зверя, но зато с наводнениями» [2, с. 11—12].

Много полезного и ценного найдут в книге В. К. Арсеньева не только востоковеды-этнографы, но и экономисты, историки, природоведы.

Следует сказать, что уже в этой работе, которая создавалась в начале века, можно выявить черты стиля будущих книг В. К. Арсеньева, доставивших ему широкую известность. В свое время ученый сам отмечал, что книги «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» созданы на материале путешествия, предпринятого в горную область Сихотэ-Алиня в 1906 г. [1, с. 9]. Тот же материал лег и в основу работы «Китайцы в Уссурийском крае» [2, с. II]. Но не только общность материала сближает эту раннюю и малоизвестную работу с более поздними книгами В. К. Арсеньева. В таких главах, как «Охотники и звероловы», «Искатели жень-шеня» и др., нетрудно заметить умение автора сочетать научную глубину описаний с увлекательностью изложения. Даже эпизодически встречающиеся в книге лица выписаны так живо и выразительно, что невольно хочется пред-

восхитить горьковскую оценку образа Дерсу Узала: «Гольд написан Вами отлично, для меня он более живая фигура, чем „Следопыт“, более „художественная“» [5, с. 70].

Таким образом, знакомство с одной из ранних работ В. К. Арсеньева — книгой «Китайцы в Уссурийском крае» — дает возможность проследить становление ее автора не только как ученого, но и как писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев В. К. Дерсу Узала. Хабаровск, 1969.
2. Арсеньев В. К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический. — «Записки Приамурского Отдела Императорского Русского географического общества». Т. X. Вып. 1. Хабаровск, 1914.
3. Арсеньев В. К. Письмо М. К. Азадовскому от 15 января 1916 г. — «Литературное наследство Сибири». Т. 1. Новосибирск, 1969.
4. Арсеньев В. К. Письмо М. К. Азадовскому от 29 сентября 1929 г. — «Литературное наследство Сибири». Т. 1.
5. Горький А. М. Письмо В. К. Арсеньеву. — Собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 30. М., 1957.
6. Литературное наследство Сибири. Т. 1. Новосибирск, 1969.
7. Петряев Е. Д. М. К. Азадовский и Сибирь. — «Литературное наследство Сибири». Т. 1.
8. Петряев Евг. Впереди — огни. Очерк культурного прошлого Забайкалья. Иркутск, 1968.
9. Тарасова А. И. Обзор документальных материалов фонда В. К. Арсеньева. — «Советские архивы», 1973, № 6.

**СПИСОК ГЕОГРАФИЧЕСКИХ, БИОЛОГИЧЕСКИХ,
ПРОМЫШЛЕННЫХ И ИНЫХ ОБЪЕКТОВ,
НАЗВАННЫХ ИМЕНЕМ В. К. АРСЕНЬЕВА**

1. Город Арсеньев (б. село Семеновка) Приморского края РСФСР.
2. Любительская киностудия им. В. К. Арсеньева в г. Арсеньеве.
3. Поселок Арсеньев Нанайского района Хабаровского края РСФСР.
4. Село Арсеньевка (в бассейне среднего Амура) Михайловского района Хабаровского края.
5. Удэгейская охотничье-сельскохозяйственная артель им. В. К. Арсеньева Красноармейского района Приморского края.
6. Улица Арсеньева (б. Производственная) во Владивостоке.
7. Приморский краеведческий музей им. В. К. Арсеньева во Владивостоке.
8. Улица Арсеньева в поселке Кавалерово Кавалеровского района Приморского края.
9. Дом культуры им. В. К. Арсеньева в поселке Кавалерово.
10. Переулок Арсеньева (б. Портовый) в Хабаровске.
11. Дизель-электроход «Арсеньев», построенный в 1960 г. на Балтийском заводе в Ленинграде (название дано в честь города Арсеньева). Приписан к Владивостокскому рыбному порту.
12. Сухогрузное судно (теплоход) «Владимир Арсеньев», построенное на верфях в Польше в послевоенные годы и приписанное к Сахалинскому морскому пароходству.
13. Пассажирский пароход «Владимир Арсеньев», построенный в Венгрии в 1953—1954 гг., курсирующий по маршруту Уфа — Москва. Приписан к Бельскому речному пароходству.
14. Месторождение им. В. К. Арсеньева оловянного камня касситерита в верховьях р. Тумбайцы Приморского края.
15. Рудное месторождение Арсеньевское на р. Рудной Приморского края и рудник Арсеньевский.
16. Река Арсеньевка (б. Даубихе) в Приморском крае.

17. Гора Арсеньева в Среднем Сихотэ-Алине в Приморском крае.
18. Гора Арсеньева на о-ве Парамушир (Курильская гряда).
19. Вулкан Арсеньева на Курильских островах.
20. Ледник Арсеньева на северном склоне Авачинской сопки на Камчатке.
21. «Линия Арсеньева» — биогеографическая граница между маньчжурской и охотской флорой и фауной в Сихотэ-Алине.
22. Новый для науки вид бабочки эребии.
23. Красно-серая полевка (мышь).
24. Полуподземный бокоплав неизвестного для Азии рода, найденный в родниках системы р. Хор в Хабаровском крае.
25. Маленькое крапивное растение *Pilea Arseniewi*.
26. Растение из сборов в Приморье Н. А. Десулави названо в 1913 г. И. В. Палибиным именем В. К. Арсеньева.
27. Животноводческий совхоз «Арсеньевский» Яковлевского р-на Приморского края.

Названо именем Дерсу Узала

Поселок Дерсу (б. Лаулю) Красноармейского района Приморского края.

Составила А. И. Тарасова

II. ИЗ ИСТОРИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПУТЕШЕСТВИЙ

Б. П. Полевой

ОБ УТОЧНЕНИИ ДАТЫ ПЕРВОГО ВЫХОДА РУССКИХ НА ТИХИЙ ОКЕАН

С походом 20 томских и 11 красноярских казаков, во главе которых стоял томич И. Ю. Москвитин, связан ряд важнейших событий в истории нашей страны конца 30-х годов XVII в. Перевалив с запада через хребет Джугджур, участники этого похода первыми из русских вступили на земли, которые впоследствии стали частью русского, теперь — советского Дальнего Востока. Спустившись вниз по р. Ульи, москвитинцы первыми из русских вышли к Тихому океану. Основав Устьульинское зимовье — самое первое русское поселение на Дальнем Востоке, — они тем самым положили начало освоению русским народом берегов Тихого океана. Они же явились зачинателями и русского тихоокеанского мореходства: сперва 20 казаков совершили двухнедельное плавание от устья Ульи до р. Охоты, а в следующую навигацию москвитинцы, как это выяснилось в 1958 г., на двух кочах «по осьми сажен» (около 17 м длиной!), построенных зимою, пошли в первое крупное плавание по Охотскому морю — по меньшей мере до района устья р. Амур [7, с. 64—76]. «А то де устье Амура видели через кошку», — сообщал участник этого похода Нехороший Иванов Колобов [4, с. 140; 7, с. 65; 13, с. 52]¹. В результате этих походов его участники смогли собрать обширную информацию по географии Дальнего Востока: от р. Тауй — на севере до Амура и «остро-

---

¹ «Скаска» Н. И. Колобова была найдена еще в XIX в. Впервые о ней написал Д. Н. Анучин в 1890 г. [1, с. 309]. С купюрами она была напечатана в 1951—1952 гг. [4, с. 139—141; 13, с. 50—53]. Полный ее текст был опубликован Н. Н. Степановым лишь в 1958 г. [14, с. 446—448]. Тогда же выяснилось, что москвитинцы на «плотбище» у устья Ульи зимой 1639—1640 года построили «два коча». В том же, 1958 г. появилось первое сообщение о находке записанных в 1645 г. в Томске «распросных речей» И. Ю. Москвитина [15, с. 17—21]. В этом ценнейшем документе оказались подробные сведения о южном плавании москвитинцев [9, с. 13—14]. Полный текст этого документа был впервые опубликован лишь в 1963 г. [8, с. 21—37].

вов Гилятцкой орды» (Лангр, Удд и Сахалин) — на юге — и при этом открыть множество «новых земель».

По мнению большинства историков, это произошло в 1639 г., но есть и такие историки, которые относят это событие к 1638 и даже... к 1641—1642 гг.

Автор настоящей статьи уже не раз [5; 8; 10; 12] указывал, что первый выход русских на Тихий океан имел место в августе 1639 г. Здесь впервые дается объяснение, какие именно документальные данные позволили сделать это уточнение.

Главный организатор похода И. Ю. Москвитина томский атаман Д. Е. Копылов и сами москвитинцы неизменно отмечали, что поход «на Ламу» (Тихий океан) начался из Бутальского острожка на верхнем Алдане «в 147 году», т. е. в году, который начался 1 сентября 1638 и закончился 31 августа 1639 г. [8, с. 26; 13, с. 35; 14, с. 446]. В 1645 г. сам И. Ю. Москвитин о своем переходе с Алдана на Охотское море рассказывал так: «...он, Ивашко, пошел из Бутальского острогу рекою Маею в вершину шесть недель в дощанике до речки, до подволошной, и тут дощаник покинули, а зделали два струга по шти сажень и шли тою речкою вверх воды десять дён и прошли по волоку и те суды на волоку покинули, и до Ульи реки шли волоком день и на Улье зделали бударку, а Ульей рекою до моря плыли пять дён и на усть Ульи реки, недошедчи моря зимовали, а кормились рыбою» [8, с. 28].

В январе 1646 г. москвитинец Н. И. Колобов сообщал о том же переходе: «А шли они Алданом вниз до Майи реки восьмеры сутки. А Маею рекою вверх шли до волоку семь недель, а из Майи реки малою речкою до прямого волоку в стружках шли шесть дён. А волоком шли день ходу и вышли на реку Улью, на вершину. Да тою Ульем рекою шли вниз стругом, плыли восьмеры сутки. И на той же Улье реки, зделав лодью, плыли до моря, до устья той Ульи реки, где она пала в море, пятеры сутки» [14, с. 446].

Из этих двух сообщений ясно видно, что томские и красноярские казаки весь переход из Бутальского острожка до Охотского моря совершили водным путем *за один навигационный сезон*. По данным И. Ю. Москвитина, они в движении находились 58 дней, по данным Н. И. Колобова — 77 дней или, быть может, 71 день (по-видимому, Н. И. Колобов включал шестидневный переход «малою речкою до прямого волоку» в многонедельный переход с Алдана «до волоку»). Несомненно, дополнительные дни им потребовались на постройку двух стругов, «бударки» (байдарки) и «лодья». Поэтому очевидно, что даже в том случае, если бы москвитинцы отправились бы в плавание 1 сентября 1638 г., они все равно не смогли бы до замерзания рек дойти до Охотского моря. Да и изучение документов XVII в. ясно показывает, что на речных судах в большие походы в неведомые земли казаки предпочитали отправляться вес-

ной, летом и очень редко осенью. Следовательно, правы те историки, которые считают, что москвитинцы отправились в поход на Тихий океан лишь в 1639 г. [2, с. 333; 3, с. 239].

Из Бутальского острожка участники похода отправились на крупном речном дощанике (вероятно, на одном из тех дощаников, которые были сделаны для Д. Е. Копылова на р. Куте, в верховьях Лены, в начале 1637 г.). Поэтому несомненно, что поход мог начаться только после весеннего ледохода по Алдану. В предполагаемом районе Бутальского острожка (100 км выше устья Май) Алдан вскрывается не ранее двадцатых чисел мая. Даже если мы допустим, что Москвитин и его товарищи на дощанике отправились в конце мая, то до берегов Тихого океана они никак не могли бы добраться ранее начала августа (58—71 день похода плюс дни, необходимые для постройки речных судов). Попытаемся теперь определить возможную наиболее позднюю дату выхода русских на Тихий океан.

Сам И. Ю. Москвитин указывал, что, после того как они построили свое зимовье вблизи устья Ульи, «он, Ивашко, в зимовье оставил десять человек и из зимовья в Покров Богородицы он, Ивашко, с товарищи дватцать человек ходил на море на усть Охоты реки» [8, с. 28]. Н. И. Колобов указывал, что этот поход был совершен «морем» [14, с. 447]. Именно эти данные позволили Н. И. Циммеру сделать совершенно правильный вывод о том, что это первое плавание по Тихому океану было начато в «Покров Богородицы», т. е. 1 (по новому стилю — 11) октября 1639 г. [11]. До начала своего плавания москвитинцы успели поставить на Улье зимовье и даже объяснить ульинских эвенгов. На все эти действия должен был уйти примерно месяц. Это опять-таки говорит о том, что москвитинцы появились на Улье скорее всего в августе (во всяком случае, не позднее первой половины сентября) 1639 г.

Теперь обратим внимание на еще одну характерную деталь. В августе 1640 г. на Ленском волоке томский атаман Д. Е. Копылов сообщил якутскому воеводе П. П. Головину о том, что еще на Алдане «сказывали де ему, Дмитрею, ясачные иженские тунгусы, которые, государь, переходят на Ламу, что де те служивые люди, Москвитин и его товарищи, на Ламу перешли и на Ламе де, государь, они взяли три человека в аманаты и тебе де, государь, ясак збирают» [13, с. 35].

Из документов видно, что Д. Е. Копылов сдал Бутальский острожек томскому сыну боярскому Остафию Михалевскому 4 октября 1639 г. и сразу отправился в Якутск². Поэтому ясно, что Копылов мог все это услышать на Алдане не позднее первых чисел октября, а для того, чтобы это известие могло дойти с Тихого океана (с «Ламы»), требовалось при самых благоприятных условиях дней 10—15. Да и само это известие отно-

² Архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. Якутские акты, карт. 1, стб. 1, состав 360.

силось к тому периоду, когда уже москвитинцы начали собирать ясак на Улье и уже смогли взять в аманаты трех человек. На это, безусловно, требовалось дополнительное время. Поэтому создается впечатление, что со времени появления москвитинцев на Улье до получения о них сведений Копыловым на Алдане от «иженских тунгусов» (эдян, эджен) должно было пройти около месяца. Следовательно, и эти данные говорят о том, что русские смогли впервые выйти на берег Тихого океана скорее всего в августе — начале сентября 1639 г.

Наконец, последнее. Недавно найдены две новые челобитные участников похода И. Ю. Москвитина — Ивана Бурлака и Тимофея Евдокимова. Оба челобитчика утверждали, что они уже в «147 году» служили «на море»³. Но мы знаем, что «147 год» закончился 31 августа 1639 г.

Вот данные, позволившие нам сделать вывод, что русские впервые вышли на берега Тихого океана, открыли и начали осваивать территорию Дальнего Востока в августе 1639 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. А н у ч и н Д. Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака.— «Древности» (Труды Московского археологического общества). Т. XIV. М., 1890.
2. Г р е к о в В. И. Очерки по истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960.
3. Л е б е д е в Д. М. Землепроходцы на берегах Тихого океана.— «Земля и люди». М., 1959.
4. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. Сб. документов. М., 1951.
5. П о л е в о й Б. П. Амур — «слово московское».— Амур — река подвигов. Изд. 2-е. Хабаровск, 1971.
6. П о л е в о й Б. П. Великий подвиг томских казаков.— Газ. «Красное знамя». Томск, 22.II.1960.
7. П о л е в о й Б. П. Доходил ли Иван Москвитин до устья Амура? — «Материалы отделения истории географических знаний Географического общества СССР». Вып. I. Л., 1962.
8. П о л е в о й Б. П. Новый документ о первом русском походе на Тихий океан.— «Труды Томского областного краеведческого музея». Т. VI. Вып. 2, 1963.
9. П о л е в о й Б. П. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959.
10. П о л е в о й Б. П. Первые известия об Амуре. Новые архивные находки.— «Амурская правда». Благовещенск, 25.X.1959.
11. П о л е в о й Б. П. Первые плавания русских по Тихому океану.— «Советский флот». М., 11.X.1959.
12. П о л е в о й Б. П. Русскому тихоокеанскому мореходству — 320 лет (новое о первом походе на Дальний Восток).— «Красное знамя». Владивосток, 21.X.1959.
13. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сб. документов. М.—Л., 1952.
14. С т е п а н о в Н. Н. Первая русская экспедиция на Охотском побережье в XVII веке.— «Известия Всесоюзного географического общества». Л., 1958, № 5.
15. Я к о в л е в а П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958.

³ Архив Академии наук СССР (Ленинградское отделение), ф. 21, оп. 4, кн. 30, док. № 154, л. 339; Центральный гос. архив древних актов, ф. Якутской приказной избы, оп. 3, 1650, № 556, л. 96—98, 100—102.

Р. Г. Ляпунова

**НОВЫЙ ДОКУМЕНТ О РАННИХ ПЛАВАНИЯХ
НА АЛЕУТСКИЕ ОСТРОВА
(«ИЗВЕСТИЯ» ФЕДОРА АФАНАСЬЕВИЧА КУЛЬКОВА
1764 г.)**

Изучение источников по истории открытия и исследования русскими северо-западных берегов и территорий Америки органически связано с исследованием русских географических открытий, ряда вопросов истории России этого периода (включая внешнеполитические аспекты), а также с изучением коренного населения Северо-Западной Америки. Как отмечал С. Б. Окунь, в советское время сложилась своеобразная школа, руководствующаяся в своих исследованиях принципами тщательного и всестороннего анализа источников на основе методов географического и исторического исследования и критического подхода к документу [3, с. 3, 4]. Основатели этой школы географ акад. Л. С. Берг, источниковед проф. А. И. Андреев и историк чл.-кор. АН СССР А. В. Ефимов ввели в научный оборот множество ценнейших новых источников, состоящих из официальных документов, эпистолярного и мемуарного наследия и из картографических материалов. Эти источники послужили основой многих важных исследований и отправной точкой дальнейших публикаций.

Наиболее ранними из этой серии источников являются документы, связанные с историей открытия и исследования Алеутских островов. Продвижение русских дальше на восток после освоения огромных пространств северо-востока Азии и выхода на берега Тихого океана привело к составившим целую эпоху в истории открытия и освоения русскими Северо-Западной Америки плаваниям во второй половине XVIII в. в северной части Тихого океана, к открытию и освоению русскими первопроходцами сначала Алеутских островов, а затем и всей Северо-Западной Америки в целом.

Вторая Камчатская экспедиция во главе с В. Берингом и А. И. Чириковым (1733—1743), проложившая путь к Алеутским островам и в Северо-Западную Америку, явилась началом многочисленных плаваний предприимчивых русских купцов, мореходов и промышленников на Алеутские острова. Привезенные спутниками Беринга ценные меха и сведения о пушном богатстве вновь открытых земель послужили толчком к организации артелей, а позже и более крупных торгово-промысловых компаний для экспедиций на Алеутские острова. Во время этих промысловых плаваний один за другим были

открыты новые острова, пока вся цепь Алеутских островов, п-ов Аляска, о-в Кадьяк, а далее и вся территория Аляски не стали известны русским. В результате этих плаваний (общее число их за вторую половину XVIII в. было свыше 100) мореходы, купцы и промышленники подавали «сказки», «репорты» и «доклады» в канцелярию Охотского порта и Большерецкую канцелярию со сведениями о вновь открытых островах, их природе, жителях. Публикация этих интересных документов была начата лишь в наше время. Л. С. Бергом были опубликованы «репорт» П. Васютинского и М. Лазарева, «описания» А. Толстых [2]. А. И. Андреев осуществил публикацию донесений С. Пономарева и С. Глотова, С. Черепанова, И. Коровина, И. Соловьева, В. Шилова [5]. Все еще обнаруживаются новые интересные рукописи, но число сохранившихся от этого времени документов весьма невелико. Поэтому введение каждого такого нового источника важно для дальнейших исследований.

Одним из таких источников и являются «Известия, собранные из разговоров вологодского купца Федора Афанасьевича Кулькова о так называемых Олеуцких островах в Санкт-Петербурге 1764 году» [1, д. 17, л. 245—251]. Сведения из этого документа относятся к плаванию 1759—1762 гг. судна «Захарий и Елизавета», мореходом которого был Степан Черепанов, компании купцов: шуйского — Степана Постникова, тульского — Семена Красильникова, яренского — Степана Тюрина, вологодских — Федора и Василия Кульковых. Этому плаванию была посвящена публикация А. И. Андреева «1762 г. августа 3. „Сказка“ тотемского купца Степана Черепанова об его пребывании на Алеутских островах в 1759—1762» [4, с. 113—120]. Эта «сказка» засвидетельствована Судором Кульковым: «В вышеописанной же точной силе и компанейщик судовой вологодский купец Федор Кулков объявил и засвидетельствовал» [4, с. 120]. В Архиве внешней политики России хранится дело, содержащее кроме опубликованного А. И. Андреевым и другие, не публиковавшиеся документы этого плавания [1, д. 6]. Так, имеется датированный более ранним числом (31 июля) «В канцелярию Охотского порта от купцов тотемского Степана Черепанова и вологодского Федора Кулькова — Репорт» со сведениями о привезенных мехах. Здесь же приводится и «Реестр прибывшим на купецком промышленном судне „Св. Захарий и Елисавета“ людям». Есть в деле и «Высокородному господину высокопревосходительному господину гайному советнику и сибирскому губернатору Федору Ивановичу Соймонову из Охотска флота капитана Ртищева Всепокорнейший репорт» о прибытии 24 июля 1762 г. этого судна, с описью привезенных мехов. И, наконец, поданный 13 августа 1762 г. «В канцелярию Охотского порта камчатской команды от казака Афанасия Перебьина с описанием плавания — Репорт».

Рассматриваемый нами документ является еще одним источником сведений по этому плаванию — одному из первых к Ближним островам Алеутской гряды. Кроме исторических сведений все эти документы содержат первые известия о расположении островов, их природе и жителях. Сведения Кулькова, не расходясь в главных утверждениях с данными «Сказки» С. Черепанова (опубликованной А. И. Андреевым) и перечисленных выше непубликовавшихся документов, в ряде случаев расширяют и уточняют их. Но вместе с тем «Известия» Ф. Кулькова представляют и дополнительный исторический интерес.

Здесь необходимо остановиться на том, что именно привлекает внимание в рассматриваемом документе уже при первом брошенном на его заглавие взгляде: он записан со слов Ф. Кулькова в Петербурге в 1764 г. (но, к сожалению, подпись записавшего отсутствует).

Известно, что промысловая деятельность на Алеутских островах купеческих компаний проходила при благожелательном отношении правительства к стремлению открыть новые земли. Уже в 1749 г., когда в Петербурге стало известно об открытии М. Неводчиковым трех Ближних островов, стали приниматься меры (путем снабжения соответствующими инструкциями отправляющихся в новые плаванья) к выяснению возможности приведения в российское подданство жителей новооткрытых земель, выявлению естественных богатств островов.

Русское правительство всемерно поддерживало и поощряло деятельность частных предпринимателей, выдавая ссуды на организацию плаваний, награждая целые компании и отдельных купцов и даже возводя их в дворянство. Но вместе с тем готовились и более активные действия для освоения открытых русскими мореплавателями земель. Результатом их была первая правительственная экспедиция 1764—1769 гг., возглавленная капитанами П. К. Креницыным и М. Д. Левашовым, на Алеутские острова. За ней последовали и другие экспедиции.

К планируемым правительственным экспедициям тщательно готовились в адмиралтейской коллегии: составляли карты на основе карт и данных промышленников, изучали подробности плавания к островам, природные условия и т. д. В подготовке экспедиций принимала участие и Академия наук. Повидимому, именно в связи с этими событиями и появился документ с «Известиями» Ф. Кулькова. Примечательно, что в тексте документа есть строки о том, что Кульков сведения об одежде островитян сообщил уже в «здешнюю императорскую Кунсткамеру». Не случайно поэтому то, что данная рукопись привлекла внимание историка Б. П. Полевого, обнаружившего ранний вариант второй циркумполярной карты М. В. Ломоносова, на которой в качестве дополнения обозначен «путь Кулькова» [4].

Первые страницы рукописи посвящены определению географического положения Ближних островов относительно Камчатки, о-ва Беринга, а также других Алеутских островов, необходимого к ним в пути времени и наиболее благоприятных для плавания месяцев. Следует отметить, что все эти сведения отсутствуют и в «сказке» С. Черепанова, и в других указанных документах.

Затем в «Известиях» подробно описываются природные условия островов, животный мир, растительность главного и самого большого острова (Атту), на котором промышленники вели промысел морских животных — котиков и морских бобров. Даются сведения о численности островитян, особенностях их быта, другие этнографические подробности (одежда, специфические украшения, пища, обычаи при вступлении в брак, особенности ухода за младенцами и т. д.). Характеризуется физический тип островитян, особо при этом отмечается хорошее здоровье и долголетие алеутов. Останавливается также Кульков и на особенностях быта на островах русских промышленников.

Имеющиеся в рукописи этнографические данные могут пополнить наши

знания о традиционной культуре алеутов, ибо они относятся к тем ранним годам, когда влияние русской культуры на культуру алеутов еще не распространилось.

Для лингвистов могут быть интересны следующие рассказы Кулькова. Он отмечает, что жители говорят «языком по сие время в Российском государстве никогда не слышанном» и что «камчадалы... онаго [языка] нимало не разумеют». И, наконец, «те же из олеутцов, которые больше с промышленниками нашими обращаются и им прислуживают, нарочито уже могут на нашем языке изъяснить свои мысли». Особенно интересно утверждение Ф. Кулькова о том, что эти люди «сами себя на своем языке называют Олеут», хотя ряд исследователей утверждают, что это название было дано алеутам русскими или народами азиатского побережья. Следует отметить при этом, что вопрос о происхождении названия «алеуты» до сих пор еще остается неясным и дискутируемым в науке.

И, наконец, за сведениями «как самовидца» идет «слышанное»: об открытии другими промышленниками множества более дальних от Камчатки больших и малых островов с многолюдным населением, где промышленники по этой причине побоялись высаживаться. Упоминает Ф. Кульков и земли «матерой земли Америки, из которой де следы, может быть, уже не безизвестны некоторым промышленникам, особливо тем, которые, прежде всего искав Олеутские острова, блудили долго по морю и заходили весьма далеко».

Предлагаем публикацию этой рукописи.

Сколько мог он, Кульков, о положении тех островов заметить, то оные, ежели пуститься к Американским берегам с Берингова острова, который они (т. е. русские промышленники — *Р. Л.*) обыкновенно называют Командорским, склоняясь против в пути своем нарочито в правую сторону, расстоянием от того острова лежат втрое или вчетверо далее, нежели оной от Камчатки. В добрую и сильную поветеру (погоду.— *Р. Л.*) некоторым промышленникам удавалось с Берингова до тех островов доезжать в семь, восемь и девять суток, но в переменную и по большей части противную погоду многие принуждены были на море оставаться пять и шесть, а иные и семь недель. Сам он, Кульков, в таком своем пути проехал около четырех недель. Числом оных островов, которые теперь известны под именем Олеутских, три, и лежат один от другого неподалеку так, что в тихую погоду греблю на тамошних кожаных байдарках можно легко с одного на другой в летний день переезжать, что нередко и делают тамошние жители, которые перемененно на оных кочуют. Ныне главная часть из их, равно как и наши промышленники, держатся более того же острова, на котором сам он, Кульков, с компаниею своею жил два года. Лучшее и безопасное время, по его объявлению, как ездить на те острова, так и с оных возвращаться, продолжается почти четыре месяца, то есть, июнь, июль, август и сентябрь почти весь. Жителей на сем острове (то есть на котором Кульков жил.— *Р. Л.*) как

мужеска, так и женска полу, наберется около ста человек. Из оных по сие время не токмо многие объясашены (объясачены.— *Р. Л.*), но один уже и приведен в православную нашу Греко-российскую веру, которого Кульков оный вывозил в Охоцк, и оттуда по окрещении его опять на свою (т. е. его.— *Р. Л.*) родину отправил, что сам я мог видеть из данной ему при указе от Охоцкой Канцелярии инструкции.

Остров оный состоит единственно из каменных хребтов. В длину он простирается, по объявлению Кулькова, верст на девяносто, а в ширину будет около девятнадцати. Подошва сей горы, особливо к берегу морскому, почти по всей ея окружности покрыта нехудою наносною землею в вышину на четверть аршина, а в иных местах и до полуаршина, в ширину от берега до подъема горы на версту и на полторы, на которой растет великое множество разных и при том с хорошими цветами трав. Некоторые из оных имеют большие коренья наподобие нашей моркови и петрушки, которые, будучи сварены в какой-нибудь похлебке, как оной придают хорошей вкус, так и сами остаются еще вкусны и мякки; другие же, хотя подобны видом прежним, однако в пищу употребляемы быть не могут иначе, как только сырыя; понеже, как скоро сварятся, то теряют и вкус свой, и сверх того, еще твердеют или древеенеют так, что не можно бывает и ужовать их больше. Хребты самые, особливо верьхи их, состоят почти из одного только гольца, на котором по всему острову не примечено никакого дерева, ниже травы, кроме одного и то мелкого моху. Да и на подошве горы, которая покрыта землею, не растет никаких дерев, кроме небольшого рябинового прутника, который будучи весьма гибок и при том тонок, как от собственного своего в летнее время плода или ягод, которая на нем растут весьма густы и крупны, так и от случающихся там в зимнюю пору сильных бурь и ветров, наклонены всегда к земле, почти стелется по оной; почему промышленники наши и называют его там сланцом. Ягоды на нем гораздо крупнее, сочнее и вкуснее наших.

Хотя лесу там удобного к строению или к варению пищи так, как здесь (т. е. в России.— *Р. Л.*) дрова, никакого не растет, однако в оном наши почти никогда недостатку не имели, потому что много там случается наноснаго, которой иногда целыми лесинами или деревьями с моря к острову прибывает погодами. Знак, может быть, что в недалежном оттуда расстоянии находятся и места лесистыя. Между прочими деревьями нашли они на берегу один большой отломок, чаятельно от кормы какого-нибудь иностранного разбитого судна, на котором вырезаны большия литеры и вызолочены; а на каком языке, разобрать они не могли. Отломок сей так, как он был найден, привезли они в Охоцкую Канцелярию, где он чаятельно и поныне хранится. В пресной воде также нужды там никогда не бывает по причине многих речек, которые из хребтов протекают.

В соли такожде, которую наши, сколько когда им надобно, вываривают из морской воды, и о которой жители тамошние до приезде к им русских никакого понятия не имели.

Земных зверей на сем острове никаких не примечено, кроме одних песцов; да и те завелись там случайно от завезенной туда одной пары некоторым из наших промышленников. Следующее о сем звере некоторым покажется, может быть, невероятно, но мне оно объявлено за подлинное, а имянно: от одной сей песцов пары чрез малые годы такое множество расплодилось там их, что теперь не только тамошние жители, но и самые промышленники наши принуждены сносить иногда крайнее от их беспокойство, и от набегов их никогда неможно уберечь вещей своих довольно: ибо они все, что только могут сыскать, кроме камня, железа и дерева, или совсем уносят и съедают, или, по крайней мере, портят, особливо байдары, которые там шьются из сивучевых кож и в которых состоит почти все бедных оных жителей богатство. Часто на их спящих объедают платье, и, будучи почти в пустой земле, особливо зимою, голодны. Ночную порою, когда люди заснут, подкравшись тихонко угрызают их за руку или ногу; иногда случится, что и за нос; и, таким образом, нередко и притом нарочито вредят у людей тело. Таким случаем завелись песцы на том острове, а до того времени никаких зверей там не бывало, по объявлению самих жителей.

Морских зверей, которые бы там множеством водились, щитается только два рода: бобры и сивучи. Первых промышляют наши, как огнестрельным оружием, так и сетями и особливыми некоторым заколами; а вторых добывают разными способами, но больше огнестрельным же оружием. Киты являются там редко, а морские коровы и того реже, которых промышленники называют Командорскими коровами, потому что они по большей части водятся около Берингова или Командорского острова. Птиц на сем острове находится такожде немало и притом разных родов, особливо морских. Рыбы безмерное множество всякой и при том крепкой, как трески и ей подобной, особливо при тихой погоде в заводах и речках.

В рассуждении руд или минералов не мог я от одного Кулькова, как человека в сем деле ничего не знающего, наведаться ничего почти примечания достойного. Объявил он мне только, где во многих там местах находятся с песком и древесью смешены светлые некакия белыя и желтоватыя, величиною с булавочную головку, иныя и вдвое против оной, твердыя и легкия или тяжелья шарички, которыя хотя и пытались они выплавливать, однако ж по ожиданию их ничего годного из того не выходило, но все згорало и обращалось в пепел. Напротив того, много, и в некоторых местах целыми буграми по хребтам, лежит чистой горючей серы, которую тамошние жители выкалывают оттуда кусками наподобие камней, и которых употреб-

ление в достовании огня было им известно еще до приезде к ним русских. Достают они огонь помощью оных следующим образом. Разослав по земле несколько сухой осоки или камышу морского, усыпают их сверху толченою серою, после чего, взяв в руки два камня или кремня, бьют их один о другой, пока из них посыплется на серу искры, от которых она загоревшись зажигает напоследок и камыш или осоку.

Воздух на сем острове показался нашим чист и здоров. Из заезжавших туда во время Кулькова редко кто немог, а все находившиеся на его судне, выключая только одного их водшего, люди были тогда небывалые; и сверх того, все они должны были во всю их там двухлетнюю бытность питаться единственно рыбою, бобровиною и сивучевиною, не евши хлеба, как только раз пять или шесть. Летняя и притом весьма теплая погода стоит там почти целые девять месяцев, а зима начинается в начале марта или в исходе февраля и продолжается только три месяца, то есть март, апрель и май, иногда, по объявлению некоторых промышленников, захватывает почти и половину июня; однако и тогда стужа весьма сносная так, что жители тамошние могут ея сносить без дальней нужды, будучи босы и не имея на себе вместо всего одеяния, как только одинаковое и то тонкое платье, зделанное наподобие рубашки, только с капюшоном, из сивучевых кишок или рыбьих пузырей. Снег хотя выпадает иногда на четверть аршина вышиною, однако стоит недолго, и морозов там больших не примечено. По чему можно рассудить, под каким климатом или градусом широты должны лежать острова сии. Иногда случаются там сильные землетрясения так, что от оных в некоторых местах не только расседают хребты, но и совсем рушатся. Зимнею порою нередко бури, вихри и наводнения бывают ужасныя. Ветры в то время дуют иногда столь сильны, что мочному человеку не можно на ногах устоять от оных. Приключение сие случилось один раз с самым Кульковым, котораго нечаянный вихрь, подхватив, вертел и мчал его по хребту около доброй полверсты.

Что касается до сложения, нравов и количества тамошних жителей, число оных на том острове в рассуждении его величины весьма невелико; ибо, как уже о том объявлено было выше, как мужеска, так и женска полу больше ста человек не наберется. Росту они по большей части среднего, больших мало; но плечисты и мочны. Мушины лицом смугловаты с носами больше покляповатыми, без бород, да и на голове волосы всегда догола бреют, и то каменными, или, что еще удивительнее, костяными ножами. Женской пол лицом красен, только чист и пригож. Волосы имеют черные, которые ныне больше заплетает в косы. Вместо украшения своего по тамошнему вкусу между прочим в нижней губе носит по два большия из рыбьих или сивучевых костей зделанныя зуба (или клыки), котория они вставляют в проверченныя еще с младенчества их в той губе

дыры или лунки. Мушины нравы имеют тихие, просты или безхитростны, в исполнении данного своего обещания безмерно суетливы и постоянны. Напротив чего, женской пол примечен очень весел, ветрен, и к непозволительным с мушинами обхождениям безмерно склонен. В платье как мушины, так и женщины разности почти никакой не имеют, зимою и летом носят тоже, какое я сообщил в здешнюю императорскую Кунсткамеру. Называют они его на своем языке камлей. Обуви никакой не имеют, но зиму и лето ходят босы. Холи около себя, да и ни в чем, чистоты никакой не наблюдают, почему смрадны и вшивы. Пищу употребляют и ныне почти всегда сырую, а до приезда к им наших о варении оной никогда не помышляли. Питаются по большей части рыбою, также бобрами и сивучами, временем и китовиною, ежели, когда выбросит им на берег море мертвого кита (та же самая пища там обыкновенно бывает и для наших промышленников, выключая, что сии едят оную больше вареною). В летнюю пору много также едят из вышеобъявленных кореньев. И как в то время довольно имеют они пищи, то отъедаются тогда сильно, и чрезмерно бывают тучны. Напротив того, зимою за недостатком оных крайне худеют и претерпевают иногда великой голод, особливо, ежели когда зима бывает бурная и снег стоит долго. Тогда они все то время почти безвыходно лежат в хребтах, где вместо юрт или кабанов, которых они не знают, служат им расселины и норы между разваленными камнями, а вместо постели камыш или осока. Да и новорожденных своих младенцев вместо пеленок обертывают в одеяльцы из той же осоки плетеная, или которые по-промышленнее, в зделаныя из сивучевых кишок или рыбьих пузырей. Несмотря на нужное такое и суровое содержание живут всегда почти здоровы и, сверх того, как приметили по лицу их наши, долговечны. Сами себя на своем языке называют Олеут. О предвечном и всемогущем мира сего творце никакого понятия не имеют; однако, идолопоклонничества, ниже шаманства никакого у их не примечено. Не усмотрено также нашими никаких особых обрядов в посягании женского их пола за мужа; но лишь бы объявилась между какою парюю друг к другу склонность и любовь, то и начинают жить вместе, как муж с женою. И так часто случается, что в замужестве сестра живет с родным своим братом. Девки посягают замуж весьма молоды, будучи лет тринадцати или четырнадцати, а много что пятнадцати. Народ сей языком говорит, по сие время в Российском государстве никогда еще не слыханным. Камчадалы, может быть, близкие их соседи, онаго нимало не разумеют. Те же из олеутцов, которые больше с промышленниками нашими обращаются и им прислуживают, нарочито уже могут на нашем языке изъяснять свои мысли.

В сем состоит все то, что я мог упомянуть из разговоров онаго Кулькова об одном из Олеутских островов, как самовидца;

прочее за сим следующее сказывал он мне, как слышанное, а имянно.

Некоторые промышленники пробрались по тому же морю за Олеутския острова вчетверо или пятеро далее, нежели как оные отстоят от Командорского, где напоследок открыли они великое множество больших и малых островов; однако ж на берега оных выходить не посмели для того, что усмотрели они на всех их много народа, сами будучи немногочлюдны и не имея при себе никакого кроме ружей и копьев оружия. Ежели бы де, говорил он при том, дозволено было промышленникам иметь на судах своих пушки, то бы, конечно, отважились они не только те острова изведать, но пробрались бы и до матерой земли Америки, из которой де следы, может быть, уже не безизвестны некоторым промышленникам, особливо тем, которые, прежде всего искав Олеутские острова, блудили долго по морю и заходили весьма далеко.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики России. Собрание документальных материалов по истории Российско-Американской компании и русских владений в Северной Америке (1733—1928), ф. 339, оп. 888.
2. Берг Л. С. Из истории открытия Алеутских островов.— «Землеведение». 1924, т. 26, в. 1—2, с. 114—132.
3. Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968.
4. Полевой Б. П. Ранний вариант второй полярной карты М. В. Ломоносова 1764 г.— «Известия АН СССР». Серия географическая, 1977, № 2.
5. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX вв. М.—Л., 1944; Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в., М., 1948.

Б. П. Полевой

**ОТКРЫТИЕ И ЗАСЕЛЕНИЕ РУССКИМИ
ЗАЛИВА ХАДЖИ в 1853 г.
(Из истории Советской Гавани)**

Город-порт Советская Гавань расположен в удивительно удобном закрытом заливе, который местными жителями, орочами, издавна назывался заливом Хаджи (Хадя, Ходье, Ходжо). Но самое поразительное, что залив стал известен мореплавателям и географам только в середине XIX в. Даже Карл Риттер в первом томе своего «Землеведения Азии», изданном впервые на немецком языке в 1832 г., весьма неосторожно утверждал: «Со стороны моря, крайний уступ нагорной Азии от восточного Корейского мыса до самого устья р. Амур, представляет [собой] непрерывный крутой берег, который, сколько густые туманы позволяли судить о нем Лаперузу и кап. Броутону*, имеет совершенно негостеприимный вид... Ни одна речная долина не ведет из внутренности страны к береговой полосе, от которой туземцы отделены скалистыми горами и густыми лесами» [14, с. 186].

Честь открытия залива Хаджи, безусловно, принадлежала русским морякам — сподвижникам Г. И. Невельского. Хотя об этом важном географическом открытии уже писали десятки авторов [1; 2; 5; 6; 9—12; 15; 17; 18], все же в неопубликованных документах 1852—1853 гг. удалось обнаружить некоторые новые данные, позволяющие, во-первых, более полно установить, каким образом русские моряки смогли узнать от местных жителей (орочей, нивхов и их соседей) о существовании этого залива, а во-вторых, уточнить историю создания в нем самого первого русского поселения. Об этих документальных уточнениях и пойдет речь в настоящей статье.

---

* Французский мореплаватель Ж. Ф. Лаперуз в 1787 г., а английский мореплаватель У. Р. Броутон в 1797 г. плавали в южной части Татарского пролива. Однако, как видно из описаний их плаваний [20; 22] и карт, составленных ими, они не смогли обнаружить залива Хаджи. Карты японского разведчика Мамия Ринзо [8; 24] показывают, что он тоже не знал о существовании залива Хаджи. Нет изображения этого залива и на всех китайских картах, составление которых было закончено до 60-х годов XIX в. Японские и китайские картографы смогли впервые нанести на карту этот залив только на основании русских и западноевропейских карт, изданных лишь после Крымской войны.

1. НАИБОЛЕЕ РАННИЕ РУССКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЗАЛИВЕ

Еще в 1851 г. до сподвижника Г. И. Невельского — Н. М. Чихачева — дошли первые туманные сведения о существовании какого-то закрытого залива южнее залива Де-Кастри. Но первые вполне определенные сведения о заливе «Ходье» были получены русскими на оз. Кизи весной 1852 г. от южных орочей — «кегальцев» (ороче-удэхе), которые прибыли на озеро для ловли стерляди. На вопрос русских, как можно попасть в этот залив, орочи-«кегальцы» объявили: «Из озера Кизи надобно ехать до хребта по реке, в него впадающей, Хиосе, а перевалив хребет, следуют по речке Дуджи, по которой и достигают первого кегальского селения. Пространство это проезжают в 15-ть суток, т. е. оно заключает в себе до 350 верст» [28, д. 415, л. 270—271]. Под «речкой Дуджи», несомненно, подразумевается р. Тумджи, которая впадает в Тумнин. Путь до Тумджи и Тумнину действительно ведет в район залива Хаджи, т. е. современной Советской Гавани. Под «рекой Хиосе», видимо, подразумевается р. Хуюл.

Вскоре там же, на оз. Кизи, другой сподвижник Г. И. Невельского, Г. Д. Разградский, получил от орочей с «реки Кофье» (вероятно, Коппи) тревожное сообщение о том, что они видели в море два судна, что одно из них будто бы «подходило к соседнему с ними селению Ходье и что с этого судна в селение на большой лодке съезжали люди». При этом Разградский пояснял: «Означенное место, судя по их рассказам, находится около 200 верст к S от з. де-Кастри» [28, д. 415, л. 270]. Это известие, естественно, не могло не встревожить Г. И. Невельского, и он отдал распоряжение продолжать собирать новые сведения о заливе Хаджи-Ходье-Ходжо.

Уже в середине 1852 г. топограф 2-го класса П. Попов начертил для Г. И. Невельского любопытную цветную карту, на которой впервые (очень примитивно) была изображена будущая Советская Гавань. Между двумя мысами в Татарском проливе был показан залив с пояснением в условных обозначениях: «АВ. Залив по словам туземцев закрыт и глубокий. Предлагается описать». На карте показано, что в залив впадают две речки: с севера — «Дата» и с юго-запада — «Хотьжа» (Хадя), по имени которой и сам залив стали называть «заливом Хаджи». На этой же карте был показан и речной путь с оз. Кизи по «реке Педан» (Яй, включавшей в свое изображение даже р. Тумнин). Несомненно, здесь нашли отражение сведения, собранные сподвижниками Г. И. Невельского еще в 1851—1852 гг., что подтверждает и само название карты: «Краткая Карта Обследований и Частию собранных сведений Произведенных С 1851-го по 1852 год до 1-го Июня с показанием путей Гг. Офицеров и Топографическою съемкою». Внизу под картой имеется автограф самого Г. И. Невельского: он лично «утвердил» ее [подлинная карта: 28, д. 415, л. 243].

19 октября 1852 г. Г. И. Невельской сообщал генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву (будущему графу Муравьеву-Амурскому): «От приезжающих ныне в наши посты самагирцев, мангунцов (ульчей) и проч. туземцев собраны следующие сведения: з. Ходжи имеет соединение с р. Амур двумя путями. Первый Северный от оз. Кизи посредством р. Яй (Педана погиляцки), впадающей в озеро Кизи и р. Тальяца, вливающейся в залив Ходжи; второй, Южный — через оз. Гиссла (по словам туземцев около 100 верст,

не доходя устья Усури). Из р. Тальци вступают в р. Бутда, а по сей последней спускаются в р. Пур, а из сей последней по р. Нека спускаются в оз. Гасли, которое протоками, подобно оз. Кизи, соединяется с р. Амур» [28, д. 415, л. 272].

Река Яй сохранила и теперь свое прежнее название. Упоминание Г. И. Невельского о том, что нивхи ее называли Педана, очень любопытно: оно еще раз свидетельствует о том, что в прошлом нивхи прекрасно знали весь район оз. Кизи и даже по-своему называли реки этих мест. Под р. Тальца, видимо, подразумевается Тумнин (уж очень часто тогда повторялось ошибочное утверждение, что Тумнин впадает прямо в залив Хаджи).

Особенно интересно сообщение о втором пути к заливу Хаджи.

Из р. Тумнин есть путь на ее приток — Хуту, с Хуты — на Будду («Бута», или «Бутда»), затем через перевал к Гуру и Пиру с переходом на «реку Нейха» (она же — Анюй, Дондонь и др.), а оттуда близко оз. Гасси, или Гассиен, т. е. упомянутое в тексте «оз. Гасли», или «Гиссла». Любопытно отметить, что именно эти оба пути к заливу Хаджи (Императорской гавани) в 1908—1909 гг. были обследованы В. А. Арсеньевым и его спутниками.

В начале лета 1908 г. В. К. Арсеньев выехал из Хабаровска (оставив в стороне оз. Гасси) к устью Анюя («Нейха») и оттуда поднялся вверх по Анюю и Гобилли до перевала. Затем он вышел к верховьям Буты, где чуть было не погиб. На второй день плавания по бурной Буте; здесь лодка экспедиции опрокинулась, и на дно реки рухнуло все имущество экспедиции с оружием, инструментами и припасами. Участники экспедиции жестоко голодали 21 день, и, возможно, некоторые из них погибли бы, если б не подоспела помощь со стороны Императорской гавани [16, с. 24].

В следующем, 1909 г. В. К. Арсеньев смог пройти первый путь, указанный Г. И. Невельским: от оз. Кизи в июле пошел по реке «Хююле (Яя)», добрался до Сихотэ-Алиня, нашел перевал, который назвал именем Русского географического общества, затем спустился в Тумнин и уже 27 июля был в Императорской гавани [16, с. 31].

Естественно, В. К. Арсеньев тогда даже не догадывался о том, что самую первую информацию об этих двух путях собрали еще в 1852 г. Г. И. Невельской и его помощники. Оказалось, что они не только знали о реке Яй, но даже о далекой «реке Будта», реке, на которой В. К. Арсеньев чуть было не погиб от голода.

Но в 1852 г. Г. И. Невельской решил не рисковать и не начинать поиска пути к заинтересовавшему его морскому «закрытому заливу» по внутренним водоемам. Он отдал предпочтение морскому пути. Уже 19 октября 1852 г. он сообщил Н. Н. Муравьеву о своем намерении послать лейтенанта Бошняка на поиски по морю закрытого залива «Ходжо». Г. И. Невельской писал: «Бошняк из Де-Кастри в исходе апреля или начале мая должен следовать на гиллякской лодке (она куплена г. Разградским в Кастри) к S от Кастри, если возможно до р. Самальги, описать з. Ходжо с его притоками, собрать сведения о действиях в этих местах иностранцев равно и о путях, какими достигают с этих берегов миссионеры р. Амур» [28, д. 415, л. 275].

Дело в том, что Н. М. Чихачев еще 14 января 1852 г. сообщил Г. И. Невельскому тревожное известие, исходившее от местных жителей, о проникновении в низовья Амура иностранных миссионеров. Н. М. Чихачев в своем

рапорте писал: «Во всех деревнях по Амуру, где мне приходилось останавливаться, рассказывали туземцы о 5 европейцах, несколько лет уже здесь путешествующих, из них трое были убиты жителями выше селения Кизи, один оставался долго в селении Тыр, пятый же, по рассказам жителей, собирал сведения о лимане и южной оконечности Сахалина и направлялся, по-видимому, туда на лодке гиляцкой конструкции, но между селениями Войт и Сабах на мысе Вайбах был убит двумя гиляками Хайгуном и Окджоном. Эти самые гиляки нашли у убитого компас и часы, но, будучи приведены в страх стуком колес часовых и движением магнитной стрелки, приняли это за действие души покойника, в испуге все вещи побросали в воду, тело же зарыли в землю» [11, с. 104].

Здесь невольно переплелись сведения об убийстве миссионера Ла-Брюньера в 1846 г. [4, с. 788] в селении Вайт и о краже компаса и часов у миссионера Вено в 1850 г. [25, с. 222—224]. Оба прибыли на Амур со стороны р. Сунгари. Но Н. М. Чихачев и позднее продолжал уверять Г. И. Невельского, что иностранные миссионеры проникают на Амур со стороны Татарского залива. Эти сообщения усиливали тревогу Г. И. Невельского за будущую судьбу «закрытого залива Ходжи». Он считал, что при промедлении со стороны русских эта замечательная пустующая гавань может быть занята какими-либо иностранцами. Эти опасения Г. И. Невельского полностью разделял и сам генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев.

В 1852 г. Н. Н. Муравьев был особенно встревожен сообщением об отправке в дальневосточные воды крупной военно-морской эскадры американского коммодора Месью Перри. 28 апреля он писал: «Время показало теперь, что ни китайцы, ни даже англичане не считают себя вправе не только мешать нам, но даже входить в какие-либо рассуждения против занятия нами мест, издревле русскими приобретенных; но ныне являются на этом поприще новые соперники: парходная экспедиция северо-американцев в Японию достаточно указывает на стремление их к этим странам: Сахалин и его гавани неминуемо войдут в круг ее занятий, и нет причины, чтобы противулежащие ему берега Татарского залива, а может быть, и самый Амурский лиман не привлекли их любознательных и корыстных исследований и предприятий... Сила и пушки нужны там для того, чтобы, останавливая предприимчивость американцев, тем именно предупредить войну, которая, конечно, должна возникнуть, если иностранцы насильно займут эти места» [28, д. 415, л. 137—138].

Еще более тревога за безопасность южной части Татарского пролива («Татарского залива») возросла после того, как в начале 1853 г. было получено сообщение об отправке в дальневосточные воды еще одной американской морской экспедиции — экспедиции коммодора К. Ринголда, который получил задание заняться подробной описью русских дальневосточных вод. Морской министр США Джон Кеннеди в отчете конгрессу, говоря о задачах экспедиции Ринголда, подчеркивал: «Особое внимание будет уделено обследованию морей, через которые и у берегов которых наши китобойные корабли занимаются своим опасным промыслом. При этом тщательно будут обследованы берега Японии, Курильские острова, Охотское море и неисследованные берега Северной Азии» [19, с. 10]. Н. Н. Муравьев и Г. И. Невельской опасались, что американцы могут попытаться овладеть некоторыми незанятыми заливами для создания в них своих «портов-убежищ». В связи с обострением отноше-

ний с Англией стали казаться подозрительными и планы англичан. Поэтому Н. К. Бошняку было предложено как можно раньше в навигацию 1853 г. начать с моря поиск залива «Ходье» (Хаджи).

Уже весной 1853 г. во время подготовки плавания на юг Н. К. Бошняк смог получить от одного жителя залива Де-Кастри (Н. М. Чихачева) новые, достаточно подробные сведения о заливе «Хаджи-ту» [5, с. 211]. Они еще более усилили интерес русских к этому «закрытому заливу».

28 апреля 1853 г. Н. К. Бошняк начал свое плавание из залива Де-Кастри. В пути он постоянно «пользовался всякими благоприятными обстоятельствами, чтобы собрать всевозможные сведения о свойстве берегов, рек, впадающих в море, зимниках, которыми пользуется местное население, о характере и образе его жизни» [5, с. 217]. Около селения Хой Н. К. Бошняк встретил китобойное судно из Бремена. Шкиперу этого судна он объявил, что русские намерены в Татарском проливе «во всех закрытых бухтах, которые окажутся удобными и безопасными для стоянки судов, поставить надлежащие посты, как уже и начали с залива Де-Кастри» [5, с. 217]. Это заявление Н. К. Бошняка было принято к сведению. Бошняк писал: «Шкипер оказался человеком весьма образованным: он с любопытством выслушал мои объяснения и дал мне слово передать это и другим, а для большей основательности просил меня записать подобного рода заявление на бумаге, что я и исполнил» [5, с. 217—218].

В пути Н. К. Бошняк смог исправить ошибку, появившуюся на карте 1852 г.: он убедился, что «Дата» (устье Тумнина) не впадает в залив Хаджи и что на самом деле с северо-запада в него впадает «река Ми» (Ма).

23 мая (4 июня) Н. К. Бошняк, первым из русских, вошел в залив Хаджи («Ходье») и был поражен удобствами открытой им гавани. В течение недели он проводил глазомерную съемку всего залива с несколькими бухтами. Составил первую достоверную карту залива. Поскольку Н. К. Бошняк знал, что некоторые царедворцы, особенно министр иностранных дел К. В. Нессельроде, относятся отрицательно к посылке новых русских экспедиций в район южнее залива Де-Кастри, он совершенно сознательно решил назвать эту замечательную гавань именем царя — гавань Императора Николая I, а ее бухтам присвоить имена других членов царской фамилии: в честь императрицы Александры была названа Александровской главная бухта залива, бухта, в которую впадала р. Хадя, почему она и называлась, «собственно, заливом Хаджи»; лучшая же бухта залива, бухта Ма, была им названа Константиновской, по имени генерал-адмирала русского флота в. кн. Константина Николаевича. Именно в Константиновской бухте Н. К. Бошняк наметил создание в будущем первого русского военного поста в Императорской гавани. Для того чтобы предупредить попытки иностранцев завладеть этим районом, Н. К. Бошняк счел необходимым на видном месте воздвигнуть большой крест с надписью «Гавань Императора Николая, открыта и глазомерно описана лейтенантом Бошняком 23 мая 1853 года, на туземной лодке, со спутниками казаками Семеном Парфентьевым, Киrom Белохвостовым, амгинским крестьянином Иваном Мосеевым» [1, с. 65—66]. Местным жителям, орочам, Н. К. Бошняк передал официальное письмо на трех языках (русском, немецком и французском), в котором указывалось, что Императорская гавань принадлежит России.

Составленные карты гавани с подробным рапортом Н. К. Бошняк отправил Г. И. Невельскому вместе с казаком С. Парфентьевым. Г. И. Невельской был в восторге от сообщений Н. К. Бошняка и его карт, и только беспокоило то обстоятельство, что ему пока еще не дали официального разрешения на создание в Императорской гавани первого русского поселения. Но он решил, не теряя времени, основать уже в ближайшее время первый русский военный пост в Константиновской бухте. Более того, он решил принять личное участие в этом важном акте. Уже в июле 1853 г. он отправил Н. Н. Муравьеву рапорт, в котором объявил, что он отправляется на транспорте «Байкал» в плавание вокруг Сахалина, с тем чтобы лично основать первое русское поселение в Императорской гавани [7, с. 374—375].

2. ОСНОВАНИЕ ПЕРВОГО РУССКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА МЕСТЕ СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ГАВАНИ

Замысел Г. И. Невельского был осуществлен: в начале августа 1853 г. в заливе Хаджи («залив Императора Николая I»), в Константиновской бухте, был основан первый русский военный пост — самое первое русское поселение на месте современной Советской Гавани. И, естественно, многие на Дальнем Востоке, особенно в Советской Гавани, не забывают об этом важном событии. Но до сих пор еще ведутся споры: в какой именно день должен отмечаться юбилей этого события. Г. И. Невельской в своих воспоминаниях писал, что Константиновский военный пост был основан 6(18) августа 1853 г. [5, с. 235]. Но эту дату оспаривали некоторые авторы. Так, Д. Романов и акад. Л. И. Шренк утверждали, что на самом деле Константиновский пост был основан еще 1(13) августа 1853 г. [15, с. 130; 18, с. 89]. Шренк, который лично бывал в Императорской гавани летом 1854 г., уверял, что Г. И. Невельской просто ошибся. Наши исследования показали, что Г. И. Невельской действительно иногда приводил неверные данные, например при описании своего плавания 1849 г. [11, с. 95]. Причина простая: он многое писал по памяти, а она его иногда подводила.

Чтобы установить подлинную дату основания первого русского поселения на месте современной Советской Гавани, автор этой статьи еще в 1953 г. предпринял специальные поиски в архивах. И они увенчались успехом: в Центральном государственном историческом архиве Военно-Морского Флота ему удалось найти рапорт Г. И. Невельского от 30 августа 1853 г., из текста которого впервые стало известно о том, что на самом деле Константиновский военный пост был основан 4(16) августа 1853 г. Автор статьи уже трижды упоминал в печати об этом [9; 11, с. 105; 12]. Тем не менее до сих пор в книгах и статьях о Г. И. Невельском чаще всего это событие датируется неправильно. Истину восстановить помогает текст весьма интересного рапорта Г. И. Невельского от 30 августа 1853 г.; который мы приводим здесь в полном виде.

Этот рапорт Г. И. Невельского уточняет и датировку других событий во время нового плавания Г. И. Невельского на историческом транспорте «Байкал» в июле—августе 1853 г. В своих воспоминаниях Г. И. Невельской отнес начало этого плавания к 14 июля 1853 г. [5, с. 235]. Но в рапорте он утверж-

дает, что это плавание началось лишь 17 июля. Согласно воспоминаниям, он вошел в залив Лаперуза 30 июля [5, с. 235], а из рапорта следует, что это произошло еще 27 июля. Из рапорта мы неожиданно узнаем, что, обогнув мыс Крыльон, Г. И. Невельской вскоре исполнил свой старый замысел и высадил в южной части западного берега Сахалина четырех человек с унтер-офицером во главе. И лишь после этого пошел к Императорской гавани. В воспоминаниях он ничего об этом не говорит, хотя на первой схеме своего плавания 1853 г. на транспорте «Байкал» он отметил эту высадку [7, с. 125]. В самой Императорской гавани он, как оказалось, высадил 11, а не 8 человек. Продовольствия выгрузил он здесь 800 пудов, а не 350, как он писал в своих воспоминаниях [5, с. 236]. На самом деле 350 пудов продовольствия он оставил в Де-Кастри. Это был небольшой запас, поскольку значительная его часть была предназначена и для Марининского поста.

В рапорте от 30 августа 1853 г. имеются и другие ценные подробности плавания Г. И. Невельского в июле—августе 1853 г., которые достойны особого внимания биографов Г. Н. Невельского. Напомним здесь, что в самих воспоминаниях Г. И. Невельского история этого важного плавания изложена, к сожалению, предельно кратко.

Господину генерал-губернатору Восточной Сибири генерал-лейтенанту Муравьеву

капитана 1-го ранга Невельского

Рапорт

Из предыдущего рапорта моего касательно исполнения Высочайшей воли о занятии острова Сахалина, селения Кызи и залива Де-Кастри¹ Ваше Высокопревосходительство изволили усмотреть все мои предположения, какия я считал необходимым исполнить при следовании моем на военном транспорте «Байкал» в эти места, а потому вследствие этого, снявшись с якоря из Петровского рейда 17-го числа июля, пошел вдоль восточного берега острова Сахалина, осмотрев залив Терпения, устья реки Ты² (как главный восточный пункт на острове) и оттуда, следуя вдоль восточного же берега, вошел 27 июля в залив Анива, восточной части которого сделал лично осмотр на байдарке в пасмурность, дабы, пользуясь ею, не подать никакого подозрения японцам, которые (как носят здесь слухи) напуганы американцами³. О присутствии же последних и о намерении их быть в Татарском проливе сведения подтверждаются⁴, и даже самим мною было усмотрено около западного берега острова Изэсо (Мацмай)⁵ судно. Из залива Анива я пошел вдоль западного берега острова Сахалина и в первой бухте, попавшейся от юга в широте около 49°N, высадил четырех человек при унтер-офицере, поднял русский флаг в знак занятия острова⁶. Оттуда по изложенным Вашему Высокопревосходи-

тельству причинам в предыдущем же рапорте моем и по опасениям моим неминуемо могущего последовать предупреждения нас в занятии иностранцами превосходнейшей и единственной в этом крае гавани Императора Николай I я отправился в эту гавань, исследовав ее, 4 августа сего года занял ее и по просьбам жителей оставил там 11 человек с урядником⁷, товары, 800 пуд. продовольствия, одним словом, все, что следует для самого скорого основания положительной оседлости, и при мне начато уже там первое русское строение. Выйдя оттуда августа 6-го и следуя вдоль Татарского берега к северу 7 числа августа вечером, пришел в залив Де-Кастри (Александровский рейд), подкрепил Александровский пост⁸, оставив там 12 чел., пушку, товары, 350 пуд. продовольствия, и дал надлежащие наставления офицеру, содержащему этот пост, г. мичману Разградскому⁹. Г. командиру транспорта «Байкал» предписал немедленно следовать с подпоручиком Орловым¹⁰ к западному берегу Сахалина в широту 49° к началу заливов Йоунок, откуда г. Орлов под прикрытием «Байкала» на гиляцкой лодке должен сделать тайную рекогносцировку под видом коммерческого предприятия. На пути этом он должен встретить оставленных мною с весны нанятых гиляков, знающих японский язык, для завязывания торговых сношений наших с японцами, приезжающих на Сахалин,— и по встрече с этими гиляками г. Орлов должен следовать тайно с ними к заливу Анива, где и стараться быть около 1-го сентября для соединения со мною; к этому времени я надеюсь быть в этом месте с десантом и с г. майором Буссе¹¹ начать положительные действия для исполнения Высочайшей воли, т. е. занять залив Анива и войти в миролюбивое соглашение и объяснение с японцами,— соглашение и объяснение, направленные единственно к тому, чтобы мы пришли не завоевывать их и не стеснять их торговлю; но, напротив, в случае каких-либо им неприятных действий со стороны других иностранных пришельцев отстранять эти покушения и защищать их, японцев, от подобных насилий и, наконец, посредством торговых связей с ними в этих местах увеличить их интересы. По встрече г. Орлова с вышеназначенными гиляками транспорт «Байкал» должен немедленно следовать через Лаперузов пролив в Петровское зимовье¹². Сделав эти распоряжения и дав надлежащие наставления гг. Семенову (командиру «Байкал[а]») ¹³, Орлову и Разградскому, как вести себя в отношении иностранцев (т. е. право объявления, что эти места русския,— разумеется, только в случаях решительного обнаружения ими намерения занять там какой-либо пункт), так и в отношении коммерческого миролюбивого сношения с туземцами, я сам 8-го августа, утром, перенеся через хребет байдарку, пришел из залива Де-Кастри на озеро Кызи, где 9-го числа у селения Кызи встретил г. мичмана Петрова¹⁴, прибывшего туда с 6-ю человеками во исполнение известного Вашему Вы-

сокопревосходительству предписания моего г. Петрову занять этот пункт¹⁵, осмотрев местность Кызе и сделав надлежащие распоряжения, приказать сменить ему г. Разградского в Кастри, оставя в Кызе торговать прикащика Овчиникова¹⁶, а г. Разградскому по смене следовать в Николаевский пост, имея намерение (не надеясь, чтоб компания прислала пароход) отправить его на барказе с окончательным довольствием, товарами и людьми в Кызи, и того же числа к вечеру отправился вниз по Амуру в селение Аур, в 50 верстах от Кызи, встретил маньчжур, от них и от жителей узнал о прибытии в Петровское парохода¹⁷, они, казалось, радовались не менее меня, надеясь, что я употреблю его для их пользы и выгод; во всех селениях я встречал выражение тех же самых надежд.

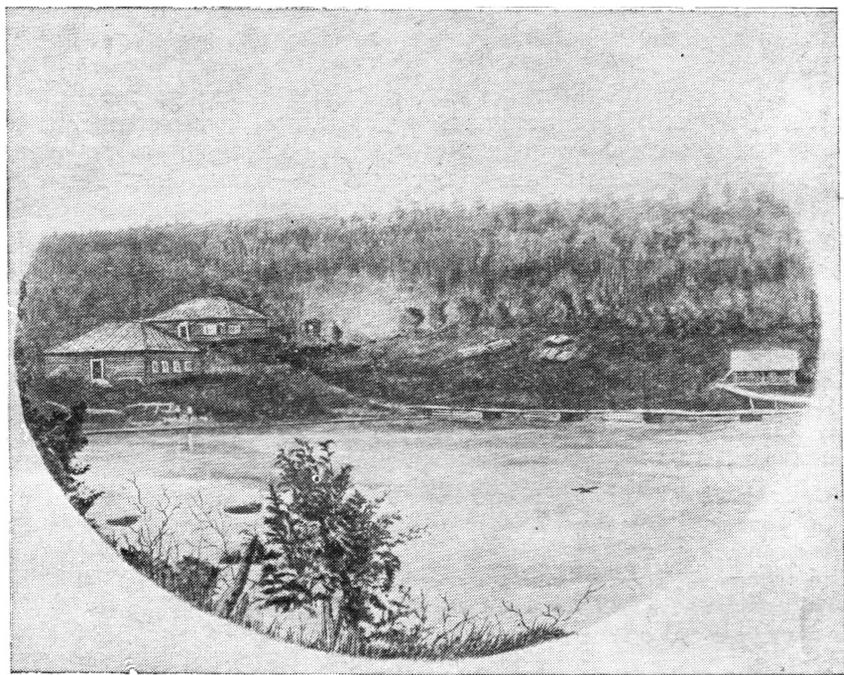
Ночью 11-го числа прибыл в Николаевский пост, где, сделав нужные распоряжения г. Бошняку, прибывшему в Николаевск 27-го июля, отправился в Петровское зимовье, куда и прибыл августа 13 числа, надеясь, что товары для экспедиции и десант придут в Петровское зимовье в скором времени. В Петровском нашел пароход и г. капитан-лейтенанта Бачманова¹⁸. При осмотре парохода я убедился, что он для экспедиции совершенно бесполезен, прислан в противность всем моим требованиям, какие я представлял о пароходе в главное правление компании и в особенности лично объяснял его превосход-ву Этолину¹⁹.

Пришедший пароход по своей конструкции может ходить только по малым речкам, а не по лиману и Амуру, где его при первой волне зальет. Но, желая в крайности воспользоваться пароходом, чтобы поддержать влияние на жителей, произведенное прибытием его, обтянув пароход по совету г. Бачманова парусиновыми фалшбортами, дабы предохранить его от неминуемого заливания, рискнул пройти на нем в Николаевский пост. 15-го числа августа мы отправились и через 1½ часа возвратились с поврежденным котлом на буксире у бота. Причины этого Вашему Высокопревосходительству разъяснят приложенные при сем бумаги²⁰.

Благодаря деятельности и знанию г. капитан-лейтенанта Бачманова пароход был приведен в возможно лучший вид в Аяне, доставлен в экспедицию, его же находчивостью мы были спасены от неминуемо предстоящей нам гибели на пути из Петровска в Николаевский пост на этом пароходе.

В Петровском я не нашел ни судов, ни товаров, ни продовольствия от компании, пакгаузы были пусты, ибо, что было, все взято было со мною, находясь в таком положении, мне оставалось ожидать с терпением.

25-го августа показался корабль «Николай» в 5 часов пополудни, прибыл ко мне г. майор Буссе. Из донесений Вашему Высокопре-ву г. Буссе усмотрите всю возможную деятельность как его, так и г. Камчатского губернатора. Люди присланы с годовым казенным продовольствием и со всеми необходимей-

Константиновский военный пост (фотография 60-х годов XIX в.)

шими орудиями и материалами для первоначальных построек. Все, что мог уделить Петропавловский порт, было дано. И если бы не был снят в Аяне груз с корабля «Николай» по распоряжению г. кап.-лейт. Кашеварова²¹ для неуместной расценки товаров, экспедиция могла бы начать действовать немедленно.

Но с чем предстояло мне отправиться с солдатами и пушками в место, где должны мы производить наше влияние иными средствами. Пушки еще должны быть в строю. От майора Буссе получил я следующие сведения: бриг «Константин», задержанный в Ситхе, может совсем не прийти в Аян. Кругосветному кораблю «Цесаревич» по непонятным для меня распоряжениям запрещено приближаться к Петровскому; иностранный экипаж его не есть причина²². Вам известно, что зимовье постоянно посещается иностранными судами. Груз, задержанный в Аяне, ожидает казенных судов, таким образом, может быть доставлен ко мне, когда уже не будет решительно никакой возможности извлечь из него какую-либо пользу, кроме только разве для существования живущих единственно в Петровском. «Байкал» не может быть в Аяне ранее 15 сентября. «Иртыша»²³ до сих пор в Петровском нет, когда же он будет в Аяне? И по все этому ранее 20 сентября ожидать обоих судов из Аяна

нельзя. Одно из судов должно перевезти в Камчатку переселенцев и их скот, так много ли же у него останется места для нашего груза [?]

Николаевский пост без ничего, Кызи почти то же самое²⁴. После 20 сентября посылать туда товары невозможно, и это значит оставить в холоде и голоде; на зимний путь на санках рассчитывать нечего, оне у нас колеют — корму нет. Вот следствия распоряжений Российско-Американской компании. Что ж остается мне делать: идти на корабль «Николай» в Аян и взять во что бы то ни стало все, что следует для экспедиции, и заставить г. Кашеварова бросить уже ныне и [...] ²⁵ и неуместную расценку, которая, может быть, до сих пор еще не кончена, и оттуда возвратиться в Петровское, отдать там груз Амурской экспедиции, приказать г. Бачманову со всеми привозными средствами, состоящими в катере и барказе, обезпечить товарами и припасами Николаевский пост и Кызи, сделать в этих пунктах согласно моего наставления надлежащая распоряжения.

Я же сам немедленно с Петровского рейда иду на «Николае» вместе с г. майором Буссе и десантом в залив Анива, заняв там избранный уже мною пункт, долженствующий быть главным на Сахалине, и другой на западном берегу в одном из заливов Идунок (между 47 и 48 сев. шир.), который, по сведениям, доставленным мне г. Орловым, окажется более удобным²⁶. Оставив начальствовать этими пунктами и островом Сахалином г. майора Буссе, я полагаю сам следовать в залив Императора Николая I, в котором оставив начальствовать лейтенанта Бошняка, идти на «Николае» же в Кастри и из Кастри через Кызи на чем и, как господь поможет, возвратиться в Петровское, а корабль «Николай» обратить зимовать в залив Императора Николая I в Константиновский порт²⁷. Вследствие этого плана моего 27 августа я снялся с якоря с Петровского рейда, иду в Аян, оставив Бачманову в Петровском приказание на случай прибытия «Иртыша» или «Байкала» задержать до моего возвращения из Аяна одно из этих судов. Судну этому по возвращению моему из Аяна я предпишу следовать в Аниву для охранения и усиления нашего заселения и оставаться там до последней возможности, ибо кроме этих причин оставить в глухую осень значительный десант, как нам предстоит без судна, т. е. без дома, где бы можно было обсушиться, сохранить продовольствие и дать помощь больным, — значит сгубить людей, на зимовку же этому судну я предпишу последовать в залив Императора Николая I-го в Константиновский порт, как в единственную и совершенно безопаснейшую пристань. На Сахалине близ этих мест гавани не предвидится. Вахту слишком отдалена и не исследована в отношении безопасной в ней зимовки судов, да и подобные значительного ранга суда, особенно в глубокую осень, войти туда не могут²⁸.

Ваше Высокопре-во, изволите усмотреть из всего вышеска-

занного, что, будучи поставлен действиями Российско-американской компании в положение, в котором все расчеты потеряются, я должен был, возложив упование на бога, прибегнуть к решительным мерам для точного исполнения высочайшего повеления для удержания нашего влияния на Приамурский край и для ограждения главных пунктов и ключей его от иностранных покушений. Далее будет, что богу угодно, но я не теряю надежды, что этим и Высочайшая воля будет вполне исполнена и благая цель правительства достигнута.

В заключение имею честь донести Вашему Высокопревосходительству, г. майор Буссе по предписанию Вашему должен возвратиться с последним судном в Аян, [но] оставлен мною на Сахалине, потому что я признаю невозможным возложить на кого-либо другого (особенно одного офицера) при первоначальных действиях этот важный пограничный с Япониею пост при настоящих действиях американцев в этих краях. Капитан-лейтенант Бачманов необходим мне, как морской офицер в Амурской экспедиции при увеличении постов ее и значении их на юге он в настоящее время помощник мой, занимающий мое место при неминуемо беспрестанно могущих быть отлучек моих. Впоследствии этого штаб-офицеры эти получают от меня предписание от имени Вашего Высокопревосходительства принять на себя временно возложенные на них обязанности для успешнейшего исполнения Высочайшей воли. С открытием навигации г. майор Буссе будет уволен для следования в Иркутск к месту его служения²⁹. О распоряжениях этих испрашиваю разрешение Вашего Высокопревосходительства, о чем Вашему Высокопревосходительству донести честь имею.

№ 285

Капитан I ранга Невельской

30 августа 1853 г.

на корабле Российско-Американской компании «Николай» [29].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь имеется в виду официальный рапорт Г. И. Невельского, отправленный Муравьеву в июле 1853 г. Тогда же Г. И. Невельской послал личное письмо Н. Н. Муравьеву, в котором так определял основную часть своих задач в новом плавании на транспорте «Байкал»: «Путь мой таков: по восточному берегу Сахалина через пролив Лаперуза и, обогнув Сахалин на юге, поднимаюсь вдоль западного берега, начинаю осмотр его. Избрав место — Один из заливов Идунки, по сведениям, около 47° лежащий, т. е. на южной почти оконечности Сахалина, оставляю тут г. Орлова с 20 человеками: иду в залив Императора Николая I в 48¹/₂° широты на Татарском берегу, оставляю тут трех человек с унтер-офицером, приказав им заготовлять лес, делать рубленку и везде ставить флаги, и даю нужные наставления согласно с тем как объявлено в официальных бумагах моих» [7, с. 372]. В том же письме он вполне определенно указал: «Занятием залива Императора Николая I поставлю неизбежную опору восточного материка Российских владений» [7, с. 372].

Под «Высочайшей волей о занятии острова Сахалина, селения Кызи и залива Де-Кастри» здесь имеется в виду решение Николая I о создании военных постов на Сахалине, принятое 11 апреля 1853 г., а также дополнительное предписание Н. Н. Муравьева от 23 апреля относительно оз. Кызи и залива Де-Кастри [5, с. 231].

² Река Ты, Тый — название р. Поронай у ороков.

³ Японцы полагали, что в заливе Анива могут появиться военные корабли, включенные в состав эскадры американского командора М. Перри. Именно поэтому, когда в сентябре 1853 г. Г. И. Невельской и его спутники высадились в заливе Анива, первым вопросом, какой местные жители задали русским морякам, был: «Америка?» [6, неоф. часть, с. 60]. Тогда-то Г. И. Невельской и объявил, что будет их защищать «от американцев» [3, с. 24]. Г. И. Невельской искренне верил, что американцы могут попытаться захватить залив Анива. Он писал: «Нельзя не опасаться, чтобы они [американцы], посетя залив этот и видя его нами незанятым, не воспользовались бы этим важным, по своему положению пунктом, с занятием которого приобретает значительное влияние на Японию, и решительное влияние на весь Сахалин — остров, богатый каменным углем, который для них необходим» [6, неоф. часть, с. 60]. Любопытно отметить, что в 1855 г. залив Анива посетил американский пароход «Джон Генкок» и его командир лейтенант Г. Стивенс, составив карту залива Анива, несколькими месяцами позже предложил правительству США попытаться создать в этом заливе американский «порт-убежище» [21, с. 161; 26, с. 152]. Но это предложение не было поддержано правительством США, так как еще в 1853 г. русский посланник в Вашингтоне А. А. Бодиско официально предупредил американского государственного секретаря В. Мерси о том, что Россия считает залив Анива владением России.

⁴ Еще 22 мая 1853 г. Г. И. Невельской получил записку от Н. К. Бошняка, в которой тот уведомлял, что в заливе Хой в Татарском проливе китобой из Бремена ему сообщил: «Американцы нынешним летом будут в Татарском проливе и хотят занять бухту для пристанища своих китобойных судов» [5, с. 213].

⁵ «Остров Иэссо (Мацмай)» — о-в Хоккайдо. «Иэссо» по-японски означает «дикие», т. е. айны. Такое название остров получил еще в те времена, когда был населен лишь одними айнами. Название «Мацмай» происходит от феодалов Мацумае, которые первыми из японцев стали заселять южную оконечность острова.

⁶ Высадка в южной части западного берега Сахалина в заливе «Идунка» (Невельского) подтверждается и собственноручным наброском Г. И. Невельского карты плавания «Байкала» осенью 1853 г. [7, с. 125].

⁷ Начальником первого русского поселения на месте современной Советской Гавани был урядник Дмитрий Хороших.

⁸ Александровский пост в заливе Де-Кастри (в прошлом — Нангмар, теперь — Чихачева) был основан 4(16) марта 1853 г. Н. К. Бошняком.

⁹ Мичман Григорий Данилович Разградский (1830—1898) возглавил Александровский пост в заливе Де-Кастри вскоре после отплытия Н. К. Бошняка на поиски залива Хаджи.

¹⁰ Подпоручик Дмитрий Иванович Орлов (1806—1859) — один из самых деятельных сподвижников Г. И. Невельского. Краткую биографию Орлова см. в книге А. И. Алексеева «Сподвижники Г. И. Невельского» [2, с. 26—43].

¹¹ Майор Николай Васильевич Буссе (1828—1866) — первый военачальник Сахалина. О своей деятельности на Сахалине оставил довольно любопытные записки [3].

¹² Д. И. Орлов вернуться на транспорт «Байкал» не смог. Позднее он перешел в Томари-Аниву, в Муравьевский пост, поставленный в конце сентября 1853 г., и оттуда на судне «Иртыш» перешел в Императорскую гавань.

¹³ Подпоручик Алексей Порфирьевич Семенов (1824—?) в 1853—1854 гг. командовал историческим транспортом «Байкал».

¹⁴ Мичман Александр Иванович Петров (1828—1899) — деятельный сподвижник Г. И. Невельского в 1852—1855 гг. Автор ценнейших воспоминаний, которые были впервые опубликованы лишь в 1974 г. [7].

¹⁵ История основания на оз. Кизи Маринского поста подробно описана А. И. Петровым [7, с. 128—132].

¹⁶ Краткие сведения о деятельности приказчика Овчинникова имеются в воспоминаниях А. И. Петрова [7, с. 126—140].

¹⁷ Это был небольшой, 10-сильный пароход «Надежда».

¹⁸ Капитан-лейтенант Александр Васильевич Бачманов (1823—1864) — сподвижник Невельского в 1853—1855 гг.

¹⁹ Имеется в виду Адольф Карлович Этолин, в прошлом совершивший ряд плаваний по Тихому океану. Его биография недавно была опубликована в США [23, с. 19—23].

²⁰ Г. И. Невельской писал об этом: «Только что мы вышли из залива, пароход начало заливать, и более половины дымогарных труб в котле, оказавшихся перержавленными, лопнуло» [5, с. 238]. Упомянутые в рапорте документы, объясняющие причины аварии, в архивном деле отсутствуют.

²¹ Капитан-лейтенант Александр Филиппович Кашеваров (1803—1866) — в прошлом известный мореплаватель, в 50-х годах начальник Аянского порта.

²² Ни бриг «Константин», ни фрегат «Цесаревич» так и не смогли тогда попасть в дальневосточные воды.

²³ Транспорт «Иртыш» сперва пришел в Аян и оттуда прошел в Петровское. Невельской его нашел в Петровском после своего возвращения из Аяна.

²⁴ По вине Российско-американской компании в Маринском посту на оз. Кизи начался настоящий голод [7, с. 136—138].

²⁵ Одно слово неразборчиво.

²⁶ Под «главным пунктом на Сахалине» Г. И. Невельской считал Томари-Аниву (теперь г. Корсаков). Д. И. Орлов по приказу Г. И. Невельского на западном побережье Сахалина основал Ильинский военный пост.

²⁷ Зимой 1853—1854 года в Императорской гавани зимовали и корабль «Николай», и транспорт «Иртыш». В ЦГАВМФ сохранились чертежи гавани с точным обозначением места зимовки обоих судов [28, оп. 2, д. 179, между лл. 53 и 54]. Аналогичный чертеж имеется и в ЛО ААН СССР [27]. Зимовка в заливе оказалась исключительно тяжелой [1, с. 89—92; 5, с. 268—270].

²⁸ Предположение о том, что около Виахту имеется удобный залив, было впервые высказано Н. К. Бошняком на основании неверно понятых сообщений нивхов. Окончательно опровергнута была эта легенда В. А. Римским-Корсаковым.

²⁹ Подробные сведения об этой первой русской зимовке в заливе Анива имеются в записках Н. В. Буссе [3] и неопубликованных дневниках Н. В. Рудановского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. И. Н. К. Бошняк и открытие Советской Гавани. Хабаровск, 1955.
2. Алексеев А. И. Сподвижники Г. И. Невельского. Южно-Сахалинск, 1967.
3. Буссе Н. В. Остров Сахалин и экспедиция 1853—1854 гг. с ответом Ф. Буссе гг-м. Невельскому и Рудановскому. СПб., 1872.
4. Г. В. Смерть католического миссионера де Ла Брюньера в 1846 г.— газ. «Амур» [Иркутск], 1860, с. 780—794.
5. Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России, 1849—1855. Хабаровск, 1969.
6. [Невельской Г. И.] Рапорт капитана I ранга Невельского генерал-губернатору Восточной Сибири и командующему войсками в оной расположенными, 16 октября 1853 года по делу занятия острова Сахалина.— «Морской Сборник». 1899, № 12.
7. Петров А. И. Амурский щит. Хабаровск, 1974.

8. Позднеев Д. М. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России. Т. 2. Ч. 3. Иокохама, 1909.
9. Полевой Б. П. Из истории Советской Гавани.— Газ. «Советский флот». 5.II.1955.
10. Полевой Б. П. К истории открытия Татарского пролива.— Страны и народы Востока. Вып. VI. М., 1968.
11. Полевой Б. П. Новое о Г. И. Невельском.— Путешествия и географические открытия в XV—XIX веках. М.—Л., 1965.
12. Полевой Б. П. Открытие и заселение залива Хаджи.— Газ. «Советская звезда». Советская Гавань, 26.I и 1.II.1955.
13. Полевой Б. П. Первые попытки США захватить острова Рюкю, Бонин и Тайвань (1853—1857).— «Вопросы истории». 1952, № 12.
14. Риттер К. Землеведение Азии. Ч. I. Общее введение и восточная окраина Азии. СПб., 1856.
15. Романов Д. Присоединение Амура к России.— «Русское слово». СПб., 1859, № 7.
16. Сведения об экспедициях капитана Арсеньева (В. К.) (Путешествия по Уссурийскому краю). 1900—1910 гг.— Записки Приамурского отделения ИРГО. Т. VIII. Вып. II. Хабаровск, 1912.
17. Чернов Ю. И. Советская Гавань (к 100-летию открытия бухты Советская Гавань).— «Дальний Восток». 1953, № 3.
18. Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. Т. I. СПб., 1883.
19. Appendix to the Congressional Globe, 32 congress, 2 session. Wash., 1853.
20. Broughton W. R. Voyage of Discovery to the North Pacific Ocean, in which the coast of Asia from the latitude of 35° N to latitude of 52° N the island of Insu (commonly known under the name of the land of Jesso); the north, south and east coast of Japan, the Liexuchieux and the adjacent isles, as well as the coast of Corea, have been examined and surveyed performed in H. M. Sloop Providence and her tender in the years 1795—6—7—8. Vol. II. L., 1804.
21. Cole A. B. The Ringgold—Rodger—Brooke Expedition to Japan and the North Pacific 1853—1859.— «The Pacific Historical Review». Vol. XVI, № 2, may 1947.
22. La-Perouse J. F. Voyage autour du Monde, redigé par Milet-Mureau. Vol. III. P., 1797.
23. Pierce R. A. Alaska's Russian governors à Etholen and Tebenkov.— «The Alaska Journal». Anchorage, 1972, vol. 2, № 2.
24. Siebold Ph. Fr. Atlas von Land-und Seekarten vom Japanischer Reiche. Amsterdam, 1851.
25. Venault. Excursion dans les parties intérieures de la Mandchourie.— «Nouvelles annales des voyages et des sciences géographiques». V ser., t. XXX. P., 1852, t. II.
26. Yankee Surveyors in the Shogun's Seas: Records of the United States Surveying Expedition to the North Pacific Ocean, 1853—1856. Princeton, 1947.
27. ЛО ААН СССР, ф. 82 (К. И. Максимовича), д. 3, л. 30.
28. ЦГАВМФ, ф. Канцелярии морского министерства, 410, оп. 2.
29. ЦГАВМФ, ф. Канцелярии генерал-адмирала в кн. Константина Николаевича (ф. 147), д. 154, док. № 285, лл. 20—28.

И. А. Сенченко

**НАУЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ
НА СЕВЕРНОМ САХАЛИНЕ
в 1906—1917 гг.**

Поражение царизма в русско-японской войне и отторжение Японией Южного Сахалина породили тревогу за северную часть острова. Русская общественность требовала усилить исследования естественных богатств Северного Сахалина, упразднить законодательным путем каторгу на острове (фактически на остров не ссылали после начала военных действий с Японией в 1904 г.). Правительство было вынуждено выделить средства на изучение Сахалина, организацию новых экспедиций.

В 1906 г. на Северном Сахалине была отменена каторга, а в 1908 г. остров был объявлен местом вольного заселения. Сюда потянулись крестьяне-переселенцы, сельское хозяйство стало развиваться на новых, добровольных основах, а не на принудительных, как это было во времена каторги (1869—1905 гг.).

Все это способствовало развитию промышленности не только на богатом нефтью, углем, лесом, рыбой Сахалине, но и в некотором отношении промышленному развитию на Дальнем Востоке. Однако успехи промышленности в значительной степени зависели от научной, особенно геологической, изученности острова.

Русские ученые хорошо понимали экономическое значение Сахалина для нашей страны. Но отечественная наука была скована реакционной политикой царизма и последствиями военно-феодалного империализма в России. Научное исследование Сахалина своими успехами в огромной мере было обязано энтузиазму отдельных ученых, организовавших сахалинские экспедиции, и исследователей острова.

Среди тех, кто в тот период самоотверженно трудился на острове, преодолевая многочисленные препятствия и трудности, встающие перед каждым путешественником на Сахалине и теперь, необходимо назвать прежде всего П. И. Полевого и Н. Н. Тихоновича — замечательных русских геологов, чьи рабо-

ты не потеряли своего значения и в наши дни, а также исследователей Сахалина Э. Э. Анерта, Б. В. Давыдова, М. Е. Семягина, В. А. Штейгмана.

В рассматриваемый период наибольшее значение придавалось организации и посылке на остров геологических экспедиций.

§ 1. ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

За 40 лет, предшествовавших русско-японской войне (в 1864—1904 гг.) о-в Сахалин серьезно изучался в научном отношении. Организация экспедиций приняла широкий размах. На Сахалин в тот период почти ежегодно направлялись различные экспедиции. Подчас они снаряжались на частные средства, как, например, большая Сибирская экспедиция 1855—1858 годов, сахалинский отряд которой (Ф. Б. Шмидт, П. П. Глен, картограф Шебунин, топограф Рашков [Рожков] и этнограф и доктор Брылкин) доставил самые обширные и разнообразные сведения об острове¹.

Русская наука продолжала интенсивные исследования острова и в последующий период. В течение почти трех лет, предшествовавших войне с Японией, Сахалин изучал горный инженер С. А. Козлов, который в своем докладе Горному департаменту настойчиво проводил мысль о необходимости продолжать геологическое изучение острова. Правда, С. А. Козлов сделал ошибочные, весьма пессимистические выводы относительно богатств Сахалина и его изученности [11, с. 123—126].

С 1906 по 1917 г. и во время первой мировой войны на Северном Сахалине почти ежегодно работала какая-нибудь экспедиция.

Еще не была окончательно проведена демаркационная линия на острове, а на Северный Сахалин в 1906 г. уже отправилась экспедиция иркутского горного инженера К. Н. Тульчинского². В составе экспедиции были горный штейгер В. В. Батурин, десятники П. Т. Попов и В. С. Романов, бывший технический надзиратель Тымовского округа на Сахалине. К. Н. Тульчинский был командирован Горным департаментом министерства торговли и промышленности в июне 1906 г. на пять месяцев. В июле он уже был во Владивостоке и в августе на военном транспорте «Алеут» прибыл со своими спутниками

---

¹ Экспедиция была организована на средства графа Гуттен-Чапского и советника коммерции Голубкова. Результаты экспедиции были использованы русским правительством в переговорах с Японией о Сахалине в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. Большую роль в ее проведении сыграло Русское географическое общество.

² Позднее К. Н. Тульчинский служил на Ленских золотых приисках, где в 1912 г. пытался предотвратить расстрел рабочих. О нем см. книгу Г. Черепихина «Годы борьбы» (М., 1956).

на Сахалин (ЦГА РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 2, д. 210, л. 24—51). Экспедиция К. Н. Тульчинского в результате работы пришла к выводу, что в северной части острова имеются «огромнейшие запасы» угля, в том числе бурого и коксующегося.

Экспедиция обследовала также нефтеносные площади в районе залива Чайво. К. Н. Тульчинский выразил надежду на то, что на северо-востоке Сахалина может в будущем развиться и «большой нефтеносный промысел». Он подчеркивал: «Невольно удивляешься, что в течение полувекового периода времени... минеральные его (Сахалина.— И. С.) богатства оставались тунележащими,— так ничтожна была там в прошлом добыча каменного угля. И действительно, не до развития было на месте серьезной горной или какой-либо иной промышленности, когда богатейший остров обращен был нами на долгие годы в обширную тюрьму со своими обычаями, особыми нравами и своеобразным жизненным укладом, несомненно препятствовавшими нормальному ходу и развитию там всякой промышленности» [26, с. 4].

На наш взгляд, геолог Д. В. Соколов был не совсем прав, когда утверждал, что экспедиция К. Н. Тульчинского носила «совершенно рекогносцировочный характер» [22, с. 90], что она почти ничего нового не дала: здесь уже говорилось, что эта экспедиция сделала вполне определенные выводы о запасах нефти и особенно угля на острове.

В 1907 г. на Сахалин была послана Геологическим комитетом экспедиция горного инженера Э. Э. Анерта [1]. Целью экспедиции было провести геологическую разведку тех районов восточного берега острова, где известны выходы нефти. Съемку этой части побережья производил топограф С. Г. Кусов. Экспедиция открыла новые, однако не имевшие промыслового значения месторождения нефти. Она открыла и новые месторождения угля.

В течение трех последующих лет (в 1908—1910 гг.) на Сахалине работали две геологические партии Сахалинской геологической экспедиции. Обе партии возглавили крупные ученые-геологи Н. Н. Тихонович и П. И. Полевой. Экспедиция явилась весьма плодотворной. В первую партию экспедиции под руководством Н. Н. Тихоновича входили топограф Д. Е. Панфилов и коллектор Д. В. Соколов (студент Московского университета). Эта партия обследовала северную оконечность Сахалина, которую Н. Н. Тихонович назвал п-овом Шмидта (в честь акад. Ф. Б. Шмидта, одного из первых естествоиспытателей и геологов, изучавших Сахалин). Это название полуостров носит и поныне.

Во вторую, так называемую восточную партию под руководством П. И. Полевого входили коллектор и горный техник Н. А. Жемчужников (студент Горного института) и штабс-капитан С. Г. Кусов, который продолжил съемку острова, нача-

тую им в экспедиции Э. Э. Анерта. Эта партия обследовала нефтеносные районы северо-восточной части Сахалина и бассейна р. Тымь (от Адо-Тымова до Рыковского, ныне Кировское) и верховья р. Пороная.

В 1909—1910 гг. состав партий изменился. К Н. Н. Тихоновичу пришли два новых топографа — И. В. Роханский и Е. М. Хоста и второй помощник — Б. Ю. Бринер. В партии П. И. Полевого также стали работать два новых военных топографа — М. С. Соловьев и С. М. Блинов и два новых помощника — С. И. Мионов³ и Н. И. Сарсадских (оба — студенты Горного института) [15; 23; 24].

Сахалинская геологическая экспедиция 1908—1910 годов дала большие результаты. На северо-востоке острова были открыты новые выходы нефти (но на п-ове Шмидта новых районов нефти не обнаружили). Была проведена съемка обследованной территории в двухверстном масштабе, были открыты новые озера, заливы, изучены истоки ряда рек. Экспедиция внесла серьезные коррективы в контуры северной и восточной частей Сахалина. Был уточнен рельеф, определены формы и размеры гор, хребтов и т. п. «Многие вопросы геологии, — писал П. И. Полевой, — получили новое освещение, и вопрос о полезных ископаемых был поставлен на твердую почву» [16, с. 12 (576)].

Одним из побочных результатов этой экспедиции явилось обнаружение Н. Н. Тихоновичем в 1909 г. плезиозавра (гигантского ископаемого пресмыкающегося). Палеонтолог и геолог А. Н. Рябинин сделал вывод о сходстве этого древнего сахалинского пресмыкающегося с некоторыми представителями ископаемых животных Северной Америки [20, с. 82—84].

Что касается качества сахалинской нефти, обнаруженной как в 1909—1910 гг., так и в течение всего предшествующего времени, то оно было невысоким (так называемая тяжелая нефть). Химические лабораторные данные сахалинской нефти помещены в большой «Таблице твердых и жидких битумов, исследованных с 1835 по 1909 г.» [9, с. 246—247].

Итоги трехлетней работы геологической экспедиции на Сахалине (в 1908—1910 гг.) были обобщены в работе Н. Н. Тихоновича и П. И. Полевого «Геоморфологический очерк русского Сахалина» [25].

Успех в геологическом изучении Сахалина способствовал оживлению горной промышленности на острове. Усилился поток заявок на разрешение заниматься горным промыслом на Сахалине. К октябрю 1909 г. более 100 человек получили такое право.

Вскоре после открытия новых месторождений нефти на острове ими заинтересовались представители иностранного капита-

³ С. И. Мионов — известный геолог-нефтяник, с 1946 г. — академик.

ла. В Петербурге представители английской компании вели переговоры с русским правительством о передаче части Северного Сахалина в аренду этой компании сроком на пять лет: компания собиралась разрабатывать здесь нефтеносные площади. Но русское правительство поставило условие, чтобы «в компанию вошли и русские капиталисты» [4, с. 18]. Английская компания не была допущена на Сахалин. Но «интерес» иностранного капитала к Сахалину не угас. В начале 1910 г. в русской горной прессе указывалось на внимание китайских предпринимателей к сахалинской нефти [8, № 2, 3]. В том же году «Журнал общества сибирских инженеров» сообщал об интересе англичан к Сахалину. В кратком сообщении говорилось: «На восточном берегу Сахалина обнаружены новые месторождения нефти. На этот же берег прибыла партия английских инженеров из Тяньцзина» [8, № 9, с. 405].

К 1913 г. на северо-востоке Сахалина было известно 14 основных районов месторождения нефти. Горная пресса подчеркивала необходимость обратить внимание на сахалинскую нефть и начать ее по-настоящему разрабатывать: производилась лишь опытная добыча нефти на участках, отведенных предпринимателю Ф. Ф. Клейе [2, с. 9—13].

В годы первой мировой войны, в частности в 1914—1917 гг., продолжалось исследование острова. В 1914 г. П. И. Полевой снова приехал на Северный Сахалин, в том же году была издана его работа «Русский Сахалин». В 1915 г. вышло в свет большое исследование В. М. фон Дервиз «Кристаллические породы русского Сахалина» [6], в котором обобщены данные ряда сахалинских экспедиций, особенно экспедиции Н. Н. Тихоновича и П. И. Полевого 1908—1910 годов. В 1916 г. П. И. Полевой вновь побывал на Северном Сахалине, но это не была экспедиция в точном значении этого слова. В отчете о состоянии и деятельности Геологического комитета в 1916 г. о Сахалине не говорится [10, с. 1—722].

В 1916 г. представитель японской торговой палаты Сакурай вел переговоры с Геологическим комитетом в Петрограде, во время которых он предложил комитету организовать совместные разведки нефти на Сахалине [13, с. 9—11]. Очевидно, японцы, не довольствуясь захватом Южного Сахалина, решили проникнуть на Северный, в особенности к нефтяным участкам. Но Октябрьская социалистическая революция прервала эти переговоры.

В 1917 г., после Февральской революции, на Сахалине работала экспедиция Геологического комитета в составе П. И. Полевого и А. Н. Криштофовича — выдающегося геолога и палеоботаника. Она более детально обследовала некоторые месторождения угля и нефти на Северном Сахалине [17], но не закончила свою работу в 1917 г. Лишь после окончания гражданской войны и освобождения Северного Сахалина от японских

оккупантов (в 1925 г.) большой знаток геологии Сахалина П. И. Полевой вновь прибыл на остров, но уже во главе партии советских геологов.

Таким образом, на протяжении небольшого периода, в 1906—1917 гг., т. е. в течение 11—12 лет, осуществлялось тщательное, серьезное геологическое исследование Северного Сахалина. В этом заслуга прежде всего Геологического комитета (ныне Всесоюзный научно-исследовательский геологический институт), который возглавлял выдающийся русский геолог, ученый-энтузиаст акад. Ф. Н. Чернышев. С Геологическим комитетом была также связана деятельность А. П. Карпинского, И. М. Губкина, В. А. Обручева, С. Н. Никитина и других выдающихся ученых-геологов.

Русские геологические экспедиции на Сахалине, как видно из изложенного, внесли серьезный вклад в науку и способствовали хозяйственному и культурному освоению этой далекой окраины России. Однако раскрыть все богатства острова предстояло экспедициям, организованным уже в советское время.

§ 2. ГИДРОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Немалое значение во всестороннем изучении Сахалина имели и другие научные экспедиции, в частности гидрографические и гидрологические.

До 1904 г. в прибрежных водах острова побывало несколько гидрологических экспедиций. Наиболее значительные из них — экспедиция адмирала С. О. Макарова на корабле «Витязь» (80—90-е годы XIX в.), экспедиция полковника М. Е. Жданко (начало 900-х годов) и др.

Экспедиции 1906—1917 годов, как и предшествующие экспедиции, доставили ряд весьма ценных гидрологических сведений для русской и мировой науки.

В 1907 г. был открыт новый пролив на северном берегу Сахалина, который соединяет залив Байкал (открытый Г. И. Невельским) с открытыми водами. Этот пролив находится к юго-западу от пролива (около Москальво), обследованного Г. И. Невельским. Таким образом, выяснилось, что у входа в залив находится маленький остров. Глубина второго пролива — 4 сажени. Обнаружил этот пролив охранный крейсер Главного управления землеустройства и земледелия «Лейтенант Дыдымов» [18, с. 499—500].

В 1908—1910 гг. в водах Сахалина продолжала работы гидрографическая экспедиция генерал-майора М. Е. Жданко. Выдающийся русский гидрограф-геодезист М. Е. Жданко был начальником Гидрографической экспедиции Восточного (Тихого) океана (1898—1913), в сферу которой входило и Охотское море

с его островами⁴. Эта экспедиция в 1908—1909 гг. исследовала Татарский пролив и Амурский лиман. В 1910 г. она приступила к изучению восточного берега Сахалина.

В 1909 г. Япония начала обследование вод Южного Сахалина. Она возбудила перед русскими властями ходатайство о разрешении японскому сторожевому судну обследовать и воды Северного Сахалина. Однако, как выяснилось, судно ставило не научные, а разведывательные цели, и его не пустили в русские воды. В связи с этим командующий войсками Приамурского военного округа и генерал-губернатор Приамурского края инженер-генерал Унтербергер в секретном представлении в министерство иностранных дел от 18 марта 1909 г. писал следующее: «Необходимо, однако, иметь в виду, что все наше восточное побережье Сахалина почти не населено, вследствие чего, казалось, не может представлять японцам какого-либо интереса, за исключением устья р. Тыми и участка севернее, так как там открыта нефть, которую с будущего года предполагается разрабатывать. Ввиду этого есть много оснований думать, что высылка сторожевого судна японцами с целью промера до 50-й параллели есть только предлог. Быть может, истинная цель посылки судна — желание произвести разведку всего берега Сахалина с целью ближайшего ознакомления с его естественными богатствами, чего, конечно, допускать ни в коем случае нельзя. Точно так же невозможен допуск японских судов на западное побережье острова.

С целью предупредить производство разведок японцами крайне желательна высылка, в свою очередь, нашего судна для должного наблюдения и сторожевой службы, что зависит уже от согласия Морского министерства» (ЦГА РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 6, д. 157, л. 87—87об.).

В 1912 г. в Татарском проливе проводил гидрографические работы транспорт «Охотск» — судно Гидрографической экспедиции Восточного океана.

В годы первой мировой войны продолжала свои работы Гидрографическая экспедиция Восточного океана под начальством известного русского гидрографа-геодезиста Б. В. Давыдова, автора образцовой лоции дальневосточных морей [5]. Два года, 1915 и 1916 гг., были посвящены обследованию и морской съемке побережий Охотского моря, в том числе и вод острова Сахалина. Эта экспедиция обследовала и осуществила съемку северных берегов острова со всеми его мысами и заливами, провела глубоководные наблюдения. Б. В. Давыдов определил также точные координаты мыса Елизаветы и мыса Марии — очень важных ориентиров для мореплавания, а также

---

⁴ После Великой Октябрьской социалистической революции М. Е. Жданко участвовал в организации полярных экспедиций. Его именем назван хребет на Сахалине. В 1913 г. начальником указанной экспедиции стал полковник Б. В. Давыдов.

залива Надежды и т. п. Исследования этой экспедиции явились одними из крупнейших в русской и мировой гидрогеографии [19, с. 32—41].

Необходимо отметить, что во время некоторых геологических экспедиций изучались реки и озера Сахалина, т. е. проводилась определенная часть гидрографических работ. Однако описание подробных результатов всех экспедиций не входит в нашу задачу.

§ 3. ЗООЛОГИЧЕСКИЕ И БОТАНИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Ввиду полной неизученности в нашей науке вопроса о естественнонаучных экспедициях 1906—1917 гг. на Сахалине остановимся лишь на орнитологических исследованиях и одной ботанической экспедиции 1909 года.

В 1911 г. орнитологическую экспедицию по Северному Сахалину совершил Борисов, который собрал коллекцию птиц в разных пунктах северной части острова. Им были обнаружены новые виды птиц.

В 1912 г. судно Гидрографической экспедиции Восточного океана «Охотск» предприняло исследование Татарского пролива. В составе экспедиции на транспорте «Охотск» был препарат В. А. Белоусов. Он собрал 198 экземпляров сахалинских и частично материковых птиц. На острове сборы птиц производились в районе поселка Дуэ и на мысе Погиби, на материке — на берегах залива Де-Кастри и на мысе Лазарева. Его коллекция была передана в музей Общества изучения Амурского края во Владивостоке.

В 1913 г. вышла работа зоолога Ф. А. Дербека «Отчет по естественно-историческим работам в гидрографической экспедиции Восточного океана во время кампании 1912 года» [7, с. XXIII—LV]. В этой работе Ф. А. Дербек привел сведения о животных и птицах островов Охотского моря.

В 1913 г. на Северный Сахалин вновь приехал орнитолог Борисов и дополнил новыми экземплярами свою коллекцию птиц 1911 года.

Материал Борисова представил большую научную ценность, к нему проявила интерес и зарубежная наука. Вся его коллекция сахалинских птиц была приобретена в начале 1914 г. Берлинским зоологическим музеем. Уже в годы войны, в 1915 г., немецкий зоолог Эрих Гессе обработал коллекцию Борисова и опубликовал специальную работу «Новое о птицах Сахалина» («*Neuer Beitrag zur Ornithologie von Sachalin*») [28, с. 341—402].

В 1915 г. русский ученый А. И. Черский опубликовал перечень экспонатов коллекции сахалинских и курильских птиц, хранящихся во Владивостокском музее Общества изучения Амурского края. Кроме того, некоторые данные о фауне Саха-

лина доставили и геологические экспедиции 1906—1917 годов, в особенности экспедиция Н. Н. Тихоновича и П. И. Полевого.

В 1914 г. Южный Сахалин посетил один из ученых России — финн Л. Мунстергельм. Он собрал птиц в районах Стародубска (тогдашнее японское название — Саказама), Корсакова, Южно-Сахалинска и Холмска. Совершил поездку на остров Монерон (недалеко от юго-западного берега Сахалина). Всего им собрано 150 видов и подвидов птиц. Его коллекция была разделена на три части. Наибольшая часть была куплена музеем в Гетеборге, часть находится в Зоологическом институте Университета в Хельсинки, третью часть Л. Мунстергельм продал американцу Д. Э. Тейеру. На основе обработки этой части коллекции Д. Э. Тейер и О. А. Бенгс в 1916 г. опубликовали работу «Коллекция птиц с острова Сахалина» [31].

В 1920 г. Л. Мунстергельм опубликовал статью «Несколько орнитологических заметок о поездке на Сахалин в 1914 году» [30].

Японцы в 1906—1917 гг. направляли на Южный Сахалин лишь две орнитологические экспедиции — экспедиции профессора И. Идзумы (в 1906 г.) и препаратора Саппорского университета Мурата (в 1910 и 1912 гг.). И. Идзума собрал 99 видов и подвидов птиц на Южном Сахалине⁵. Его коллекция была передана шведскому ученому Э. Леннбергу, который обработал ее и опубликовал в 1908 г. статью «О птицах Сахалина» («Contributions to the Ornithology of Saghalin») [29]. Часть коллекции И. Идзумы Э. Леннберг передал Зоологическому музею в Берлине. Мурата в 1910 и 1912 гг. собрал гораздо больше птиц, чем экспедиция И. Идзумы: в общей сложности несколько сот. Однако эта коллекция не была тщательно обработана [3, с. 8].

Таким образом, сами японцы мало исследовали Южный Сахалин, это делали в основном иностранные ученые.

Из ботанических экспедиций необходимо отметить крупную экспедицию ботаника М. Е. Семягина, входившего в переселенческую экспедицию Н. А. Пальчевского. М. Е. Семягин обследовал бассейн р. Набиль и весь восточный берег Сахалина к северу от Набильского залива, подробно изучил флору этого района и описал 162 вида растений [21, с. 13—26].

Изучение русскими учеными фауны и флоры Сахалина явилось серьезным вкладом в мировую науку и способствовало его освоению.

---

⁵ Других данных об исследованиях И. Идзумы на Сахалине обнаружить не удалось, так как сведений об этом нет даже в многотомном японском «Большом биографическом словаре» (Т. I. Токио, 1953). См. справку об Идзуме Исао (зоолог. 1861—1921 гг.) в «Дай дзиммэй дзитэн» (Т. I. Токио, 1953, с. 136). Японские имена, географические названия и термины даем в транскрипции, общепринятой в СССР. Например, Идзума, но не Ижима (Ijima). В тех случаях, когда фамилия японского ученого уже утвердилась в русской научной литературе в неточной транскрипции, то последняя сохраняется.

§ 4. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Кроме рассмотренных выше на острове работали в тот период и другие научные экспедиции — две этнографические, переселенческая и археологическая экспедиции.

В 1908 г. сахалинский врач В. А. Штейгман совершил этнографическую экспедицию, во время которой были проведены также и некоторые санитарные мероприятия среди коренного населения Северного Сахалина: нивхов (гиляков), эвенков (тунгусов), ороков⁶ и др. В. А. Штейгман обследовал племенные группы, описал их хозяйственную жизнь, провел перепись (подворно и по каждому селению). По его данным, на Северном Сахалине насчитывался 1861 человек (нивхи, ороки, эвенки, якуты и метисы, которых В. А. Штейгман насчитал лишь 88) [27, с. 38, 40; см. также: ЦГА РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 3, д. 317, л. 57—80]. Так что представителей только коренных народностей было 1773 человека. Но его данные неточны: он не все стойбища обследовал тщательно.

Более подробно и точно произвел перепись коренных жителей Северного Сахалина В. В. Меркушев во время своей этнографической экспедиции в 1912 г. По его данным, в этом году на Северном Сахалине насчитывалось 2277 представителей коренных народностей, в том числе 1923 нивха, 129 ороков, 225 эвенков. Разница в цифровых показателях 1908 и 1912 гг. объясняется более точным подсчетом в 1912 г. [12, с. 21—63, 64—65].

В. В. Меркушев подробно обследовал хозяйственную жизнь этих народностей, охотничий промысел, рыболовство и другие стороны их хозяйственной деятельности.

В 1908—1910 гг. на Северном Сахалине работала экспедиция Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия⁷. В нее входили представители Переселенческого управления Приморской области. Экспедицией руководил Н. А. Пальчевский. В ее задачи входило выяснение возможности сельскохозяйственной колонизации Сахалина. Эта экспедиция обследовала частично животный и растительный мир некоторых районов Сахалина, провела подворную перепись части русского населения, определила размеры свободной пахотной земли ряда районов острова и т. п. Переселенческая

⁶ Необходимо иметь в виду, что на Сахалине живут ороки (самоназвание — «ульта», «нани»), но не орочи (самоназвание — только «нани»), которые живут на берегах нижнего Амура. А «орочоны» (реже «орочены») — самоназвание эвенков-оленьеводов Забайкалья и эвенков Китайской Народной Республики, где существует Ороchonский автономный район. До Великой Октябрьской социалистической революции название «орочоны» очень часто неправильно распространялось на ороков, орочей и удэгейцев.

⁷ Главное управление землеустройства и земледелия было образовано в 1905 г. Функции переселения ему были переданы из министерства внутренних дел.

экспедиция широко развернула работу в 1909 г., но в 1910 г. Н. А. Пальчевский умер, и ее работа прекратилась.

В 1916 г. член Приамурского отдела Русского географического общества А. З. Федоров возбудил ходатайство о разрешении ему производить археологические раскопки на Северном Сахалине. Разрешение ему было дано в январе 1917 г. (ЦГА РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 1394, л. 8). Но до установления Советской власти на Северном Сахалине археологических экспедиций здесь не было.

Таким образом, многочисленные русские научные экспедиции, посылавшиеся на Сахалин в 1906—1917 гг., проводили всестороннее исследование этого острова. Все эти экспедиции — геологические, гидрографические, зоологические, ботанические, этнографические и др. — сделали выдающийся вклад не только в русскую, но и в мировую науку. Многие из экспедиций совершили важные научные и практические открытия, которые способствовали раскрытию богатейших недр Сахалина.

Русские научные экспедиции сделали очень многое для раскрытия естественных ресурсов богатейшего острова и их изучения, но они сделали, разумеется, не все. А то, что было открыто ими, не было использовано царским правительством в интересах народа, во многом не было реализовано. Справедливо писал посетивший Сахалин А. А. Панов: «Будем же надеяться, что в непродолжительном будущем Сахалин займет то положение, которое предназначила ему природа, и сделается одной из драгоценнейших жемчужин среди сокровищ русского народа» [14, с. 32].

Русские экспедиции имели еще и другое значение: они способствовали развитию на самом острове элементов научной жизни, дальнейшему развитию народного образования и медицинского обслуживания.

Изложенное выше опровергает измышления японской буржуазной историографии о том, что Россия якобы не осваивала Сахалин, что почти не было исследования Сахалина русскими, что России остров якобы не был нужен. А вот Япония будто бы облагодетельствовала Сахалин, отторгнув его южную часть в 1905 г., что она подвергла его всестороннему исследованию и т. п. Однако проведенное в данной статье сопоставление русских и японских исследований Сахалина за один и тот же период показывает, сколь малы были усилия Японии в исследовании Сахалина.

Передовые общественные деятели и ученые, представители прогрессивной части русского общества действовали в значительной степени на свой риск и страх, подчас вразрез с политикой официальных кругов императорской России. Надо подчеркнуть, что русская наука, русские экспедиции в тех исторических условиях, в которых они находились, сделали очень много для исследования Сахалина, для его научного изучения и

хозяйственного освоения. Естественно, тогдашний размах научного изучения и освоения Сахалина был небольшим по сравнению с современным, широко поставленным, комплексным исследованием и освоением острова.

Придать широкий размах научным исследованиям на Сахалине, поставить его богатства на службу народу предстояло русской науке уже после Октября.

Лишь в наше время многочисленные научные экспедиции, работавшие и работающие на острове, все полнее раскрывают его большие природные богатства и ставят их на службу народу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анерт Э. Э. Геологические исследования на восточном побережье русского Сахалина. Отчет Сахалинской горной экспедиции 1907 г.— «Труды Геологического комитета». Новая серия. Вып. 45. СПб., 1908.
2. Г. Б. Извлечение из доклада о нефтяных месторождениях о. Сахалина.— «Известия общества горных инженеров». СПб., 1913.
3. Гиенко А. И. Птицы Сахалинской области. М., 1955.
4. «Горные и золотопромышленные известия». СПб., 1909, № 2.
5. Давыдов [Б. В.]. Лоция побережий РСФСР, Охотского моря и восточного берега полуострова Камчатки с островом Карагинским включительно. Владивосток, 1923.
6. Дервиз В. М. Кристаллические породы русского Сахалина.— «Труды Геологического комитета». Новая серия. Вып. 102. Пг., 1915.
7. «Ежегодник Зоологического музея Императорской Академии наук». СПб., 1913, т. XVIII, № 2.
8. «Журнал общества сибирских инженеров». Томск, 1910.
9. «Записки Имп. Санкт-Петербургского минералогического общества». Серия II. Ч. 49. СПб., 1912.
10. «Известия Геологического комитета». СПб., 1917, т. XXXVI, № 1.
11. Козлов С. А. Горное дело на Сахалине.— «Горные и золотопромышленные известия». СПб., 1906, № 12—13.
12. Меркушев В. В. Статистическое обследование инородцев Сахалинской области.— «Сахалин. Сборник статей о прошлом и настоящем». Вып. III. О. Сахалин, 1913.
13. Н. С.-ов. Сахалинская нефть и японцы.— «Экономический бюллетень». Харбин, 1926, № 9.
14. Панов А. А. Что такое Сахалин и нужен ли он нам? СПб., 1905.
15. Полевой П. И. Нефтеносный район северо-восточного Сахалина.— «Известия Геологического комитета». СПб., 1909, т. XXVIII, № 5.
16. Полевой П. И. Русский Сахалин. Краткий географический очерк. Пг., 1914. Оттиск из «Известий Имп. Русского географического общества». СПб., 1913, т. XLIX, вып. VII—X.
17. Полевой П. Месторождение каменного угля у мыса Рогатого на Сахалине.— Материалы по общей и прикладной геологии (вып. 23). Пг., 1918.
18. Пролив на Сахалине.— «Вестник рыбопромышленности». СПб., 1907, № 11.
19. Работы Гидрографической экспедиции Восточного океана в Охотском море в 1915 и 1916 гг. (Выдержки из рапортов Главному гидрографическому управлению начальника экспедиции полковника Давыдова).— Записки по гидрографии. Т. XLI. Вып. 1. Пг., 1917.
20. Рябинин А. Заметка о плезизавре с о. Сахалина.— «Геологический вестник». Пг., 1915, № 2.

21. Семягин М. Е. Описание растительности Охотского побережья о. Сахалина.— Материалы по исследованию колонизационных районов Азиатской России. Вып. 3. СПб., 1911.
22. Соколов Д. В. Русский Сахалин.— «Землеведение». Кн. I—II. М., 1912.
23. Тихонович Н. Предварительный отчет об экспедиции на полуостров Шмидта в северном Сахалине в 1908 г. СПб., 1909.
24. Тихонович Н. Полуостров Шмидта. Материалы по исследованию русского Сахалина.— «Труды Геологического комитета». Новая серия. Вып. 82. СПб., 1914.
25. «Труды Геологического комитета». Новая серия. Вып. 120. Пг., 1915.
26. Тульчинский К. Н. Очерки полезных ископаемых русского Сахалина. СПб., 1907.
27. Штейгман. Экспедиция на север о-ва Сахалина для санитарных мероприятий среди инородцев и попутного сбора статистико-экономического материала о них, командированная военным губернатором острова летом 1908 г. Доклад о действиях экспедиции начальника ее, врача, коллежского советника Штейгмана. О. Сахалин, 1909.
28. Hesse E. Neuer Beitrag zur Ornithologie von Sachalin.— «Journal für Ornithologie». Lpz., 1915, Bd 63, № 3.
29. Lönnberg E. Contributions to the Ornithology of Saghalin.— «The Journal of the College of Science Imperial University Tokyo». Tokyo, 1908, vol. XXIII, Article 14.
30. Munsterhjelm L. Some ornithological notes from a journey to Saghalin in 1914.— «Göteborgs Kungliga Vetenskaps och Vitterhets Samhälles Handlingar». Fjärde följden. Göteborg, 1920, vol. XXIII.
31. Thayer J. E. et Bangs O. A. A Collection of birds from Sachalien islands. Auckland, 1916.

Е. П. Орлова

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬ УДЭГЕЙЦЕВ
ЕВГЕНИЙ РОБЕРТОВИЧ ШНЕЙДЕР (1897—1937)**

**К 80-летию со дня рождения
(Материалы к биографии)¹**

Евгений Робертович Шнейдер родился 3 (15) июля 1897 г. в Красноярске Енисейской губернии. В 1916 г. отлично окончил Красноярскую гимназию.

Летом 1921 г. Е. Р. Шнейдер участвовал в экспедиции Томского университета под руководством известного археолога С. А. Теплоухова, отправлявшейся в Минусинский край для изучения древних культур, антропологии и этнографии коренного населения этого края. В экспедиции им были собраны коллекции предметов времени енисейского палеолита и неолита, сделаны зарисовки жилищ, одежды, орудий труда, вышивок, предметов домашнего обихода и многое другое. Зимой 1921—1922 года Евгений Робертович работал в Томске над классификацией и описанием собранного материала и готовил его к экспозиции в Музее Томского университета. Обративший на Е. Р. Шнейдера внимание С. А. Теплоухов пригласил его на работу в Этнографический отдел Русского музея.

В 1923 г. Евгений Робертович принимал участие в подготовке отчетной выставки Русского музея в Петрограде и в составлении чертежей по минусинским раскопкам. С тех пор вся жизнь Е. Р. Шнейдера и его деятельность были связаны с Ленинградом.

13 апреля 1924 г. Евгений Робертович окончил курс по археологическому отделу Ленинградского университета и в сентябре того же года был зачислен научным сотрудником в отделение Сибири и Дальнего Востока Этнографического отдела

---

¹ Часть материалов хранится в архиве Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде (например «Личное дело» — ф. 1, оп. 2, д. № 309), часть в архиве ЛЧ ИЭ АН СССР (см. примеч. к настоящей статье), многое предстоит разыскать в других архивах, а также у лиц, знавших Е. Р. Шнейдера.

Русского музея², где специализировался по этнографии тунгусо-маньчжурских племен и палеоэтнологии Приморья, уделяя особое внимание южной группе народностей: удэ, орочам, негидальцам, самагирам.

За время работы в музее (1924—1932) ученый принял участие во многих экспедициях музея, работавших в восточных районах нашей страны, а также имел самостоятельные командировки.

В 1924 г. Е. Р. Шнейдер работал в Минусинском крае в палеоэтнологической экспедиции Русского музея под руководством С. А. Теплоухова. Совместно с М. П. Грязновым он исследовал каменные изваяния Минусинских степей, о чем в 1928 г. вышла статья его.

В 1925 г. состоялся новый выезд этнологической экспедиции в Минусинский край. По окончании работы экспедиции ученый выполнил ряд самостоятельных поручений по изучению некоторых вопросов этнографии минусинских тюрок.

В 1926 г. музей откомандировал Евгения Робертовича для работы в Казахстанской экспедиции Академии наук СССР, поручив ему изучение орнаментального искусства казахов.

В 1927 г. он получил командировку в низовья Амура к самагирам и негидальцам. В этот сезон он проводил как этнографическое изучение этих малых народностей Севера, так и самостоятельные археологические разведки. Ему удалось собрать свыше тысячи предметов по этнографии самагиров и негидальцев. Это уникальное собрание явилось основой коллекций ГМЭ по этим народам.

В 1928 г. в составе Амурско-Уссурийской экспедиции Русского музея Е. Р. Шнейдер руководил отрядом, работавшим по этнографическому изучению народности удэ, в этнографии и особенно в изучении языка которых было еще очень много белых пятен, несмотря на превосходные и самоотверженные исследования, начатые В. К. Арсеньевым, продолжавшим свою работу и в эти годы. С этих пор Евгений Робертович тесно и на всю жизнь связал себя с изучением этой народности, разбросанно живущей на крайнем юго-востоке Советского Союза, в Уссурийской тайге.

Этнографические и археологические коллекции, собранные Евгением Робертовичем во время экспедиций Русского музея, были им описаны и вошли в научный оборот, обогатили фонды Русского музея и постоянную выставку Этнографического отдела.

---

² Этнографический отдел был создан при Русском музее в 1895 г. В 1901 г. отдел начал свою организационно-практическую работу (сбор коллекций, подготовка экспозиций и пр.). В 1934 г. на базе этого отдела был создан Государственный музей этнографии, с 1948 г., после расширения, получивший название Государственный музей этнографии народов СССР (ГМЭ).

Кроме текущих работ с фондами музея и очередных экспедиционных работ в отделении Сибири и Дальнего Востока, в которых Е. Р. Шнейдер принимал постоянное участие, он самостоятельно подготовил в 1929 г. этнографическую часть экспедиции на тему «Искусство народностей Сибири».

Каждый выезд Е. Р. Шнейдера в экспедицию обогащал музей уникальными коллекциями, фотографиями, зарисовками, акварелями. Все эти работы всегда выполнялись ученым на самом высоком профессиональном уровне. Его отчеты в отделении Сибири, где работал ученый, обогащали работников отделения новыми ценными знаниями.

Добрую славу снискал Е. Р. Шнейдер среди народностей Приамурья, где он вел этнографические и лингвистические исследования. Он пользовался глубоким уважением удэ, орочей и других народов. Удэ почтительно называли его «мафа», что значит «старик», хотя ему было в это время около 30 лет.

За время работы в Этнографическом отделе Русского музея Евгений Робертович опубликовал следующие работы:

Казакская орнаментика.— Казаки. Антропологические очерки. (Материалы особого комитета экспедиционных исследований союзных и автономных республик. Вып. II. Серия казахстанская.) Л., 1927, с. 135—171, с илл. и табл.

Древние изваяния Минусинских степей.— Материалы по этнографии. (Этнографический отдел Государственного русского музея.) Т. IV. Вып. 2. Л., 1927, с. 63—93 (совместно с М. П. Грязновым). Аналогичная работа была опубликована ими в журнале «Природа» (1929, № 11—12).

Выставка «Искусство народностей Сибири. [Путеводитель]». Л., 1927, 7 с.
Искусство народностей Сибири.— Искусство народностей Сибири. Л., 1930, с. 57—100, с илл.

Программа по собиранию предметов изобразительного искусства туземных племен Сибири. Новосибирск, 1930.

Изобразительное искусство туземных племен Сибири.— Сибирская советская энциклопедия. Т. 2. Новосибирск, 1930.

Украшения туземных племен Сибири.— Сибирская энциклопедия. Т. 2.

Кроме текущей работы в фондах музея и очередных экспозиционных работ в отделении Сибири и Дальнего Востока, в которых Е. Р. Шнейдер принимал постоянное участие, он самостоятельно подготовил в 1929 г. этнографическую часть экспозиции на тему «Искусство народностей Сибири».

Ряд работ не был завершен и остался в рукописи: это исследовательские работы, полевые записи, подборки материалов, отчеты о командировках. Среди них:

Показатели множественного числа в тунгусо-маньчжурских языках (рукопись канд. дисс. с отзывами ряда специалистов в области этих языков).

Жилища и постройки удэ.

Родственная номенклатура удэ.

Жилища населения минусинской курганной эпохи.

Программа по собиранию материалов для изучения мировоззрения и религиозных представлений тунгусо-маньчжурских племен.

Схема программы для изучения представлений о душе.

Материалы из командировки к удэ в 1933 г. Тетради 1—3 (36, 7 и 17 с.).
Материалы командировки к удэ в 1933 г. Словарь (49 с.)³.

Кроме выполнения прямой музейной работы Е. Р. Шнейдер выступал с лекциями в Рабочем университете при музее о тунгусо-маньчжурских племенах СССР; прочел 9 лекций на этнографических вечерах, проводимых музеем; готовил экскурсоводов; занимался со студентами-практикантами Ленинградского университета; проводил культурно-шефские экскурсии; работал в политпросветячейке Этнографического отдела музея.

Евгения Робертовича можно считать первопроходцем по ряду глубинных районов, заселенных удэ, который открыл перед учеными многие сложности и особенности быта и культуры народов бассейна Амура. Он вслед за В. К. Арсеньевым был в числе первооткрывателей удэ, глубоко и исчерпывающе изучил язык удэ и их этнографию. Для того чтобы представить себе объем и качество собирательской работы Е. Р. Шнейдера только по одной народности удэ, привожу сведения о составе четырех коллекций, собранных им в период с 1928 по 1931 г.

Коллекция № 4985 собрана по поручению Этнографического отдела Гос. Русского музея летом 1928 г. (рисунки исполнены О. Н. Лесючевской) (5 рисунков культовых предметов с подробным научным описанием). ДВК (Дальневосточный край). Удэ.

Коллекция № 4987. Собрана летом 1928 г. Содержит 14 предметов культа; 15 предметов семейного быта, среди которых — родильный шалаш; летнее и зимнее двухскатные жилища; 5 хозяйственных построек; нарты для езды на собаках. Сделаны на натуре фотографии всех предметов, ставших позднее экспонатами музея.

Коллекция № 4988. Собрана летом у удэ с р. Хор Хабаровского округа. Содержит 19 номеров при большем числе предметов, так как часто под одним номером записано два и более предметов, не употребляемых отдельно. Состав коллекции — хозяйственные принадлежности, предметы культуры, берестяные трафареты и др.

Коллекция № 5656. Собрана по поручению Государственного этнографического музея в 1931 г. у удэ в Некрасовском районе Хабаровского округа. Собрание уникально по качеству и полноте: оно содержит 180 регистрационных номеров и гораздо большее количество предметов. Это орудия охоты, рыболовства, образцы пищи, наркотиков. Орудия труда представлены приспособлениями для обработки кожи, дерева, коры, металла, для

---

³ Первая и две последние из перечисленных здесь рукописных работ находятся в Архиве ЛЧ ИЭ АН СССР (ф. К-11, оп. 1, № 250—251 и 255—257). Названия остальных упомянуты в «Личном деле» (см. примеч. 1 к настоящей статье).

Е. Р. Шнейдер

плетения, изготовления ниток, раскрашивания. Представлены также средства передвижения, образцы жилища; есть одежда, прически и украшения, шитье и вышивка, музыкальные инструменты, игры и игрушки, предметы личной гигиены. Интересны предметы культа, в том числе шаманский костюм. Собирателем даны подробные научные описания предметов, их назначение и применение. Это одна из лучших коллекций, отражающих жизнь удэ.

С коллекциями, собранными Евгением Робертовичем, еще долгие годы будут работать и на них станут учиться будущие поколения этнографов, изучающих быт и культуру племен южной ветви тунгусо-маньчжурской

группы народностей Дальнего Востока.

В результате многолетнего изучения быта, культуры, искусства, религии удэ Е. Р. Шнейдер стал одним из лучших знатоков не только этнографии, но и языка удэ и поэтому в 1931 г., когда назрела необходимость создать письменность для ранее бесписьменных народностей Севера, в том числе и для удэ, закономерно встал вопрос о привлечении Евгения Робертовича к работе над созданием алфавита языка удэ и системы их письменности и для написания букваря и первых книг на языке удэ.

31 декабря 1931 г. из Института народов Севера в Ленинграде было отправлено отношение в дирекцию Русского музея следующего содержания: «В связи с созывом 1-й Всероссийской конференции по развитию языков и письменности народов Севера 2—6 января 1932 года, которая будет работать в Институте Народов Севера, ИНС просит отпустить сотрудника Музея т. Шнейдер[а] для участия в работе конференции; т. Шнейдер работает в ИНС'е преподавателем удэгейского языка с 2 по 7 [месяц] 1931 года». Документ подписали директор ИНС и секретарь. Резолюция с согласием была получена заведующей Этнографическим отделом.

Поскольку работа по созданию письменности для бесписьменных народов Севера стала в нашей стране внеочередной по важности, Сектор науки Наркомпроса РСФСР уже 2 февраля 1932 г. направил директору Русского музея следующее отношение: «Сектор науки предлагает Вам освободить от работы не

позднее 15 февраля с. г. научного сотрудника Сибирского отделения Этнографического отдела Русского музея т. Шнейдер[а] Е. Р. на время составления им учебников для народностей удэ и орочей. О сроке продолжительности его работы договоритесь на месте»⁴.

Е. Р. Шнейдер был переведен в Научно-исследовательскую ассоциацию Института народов Севера (НИА ИНС) на должность старшего научного сотрудника и погрузился всецело в лингвистическую работу с целью помочь созданию письменности. Работа велась с большим напряжением сил, ибо ему пришлось идти непроторенными путями.

К этому времени относится новый цикл моих встреч с Е. Р. Шнейдером (впервые встретившись с ним в 1928 г., я проработала вместе с этим ученым в отделении музея Сибири два года). Мы оба были заняты, как и многие наши коллеги, работой по созданию письменности для бесписьменных в то время народов Севера, развернувшейся особенно интенсивно с 1931 г. Я как руководитель северной секции Дальневосточного комитета нового алфавита неоднократно приезжала в командировки в Институт народов Севера, где уже работал Е. Р. Шнейдер, для обработки и утверждения систем письменности и алфавита для эскимосов, алеутов, ительменов: я составляла тогда с группой учащихся Дальневосточного техникума первые учебные пособия⁵. Здесь я встречалась с ним на обсуждениях, обменивалась радостями и огорчениями, получала деловые советы.

Собственная исследовательская (и просветительская, стоит добавить) работа Е. Р. Шнейдера шла весьма напряженно и нашла отражение в целой серии публикаций. Перечислю их:

Minti oꞗofi. Bongo kniga udihæzi oꞗowæ tatusiuji. Л., 1932, 64+24+16 с. (Наша грамота: Книга по обучению грамоте на языке удэ.)

Tariuji kniga... Gagda obo. М.—Л., 1934, 60+48 с. (Книга для чтения. Ч. II. Учебник для второго класса начальной школы. Составлен на основе учебника Е. Я. Фортунатовой.)

Udihæ kähæwæni tatusiŋku. (Учебник удэйского языка. Ч. I. Для 1-го и 2-го классов начальной школы. Грамматика и правописание. В работе над учебником принимал участие студент ИНСа Дзюанси Кимонко). М.—Л., 1935.

Он издал шесть пособий для учителей, работающих среди удэ:

В помощь учителю, работающему с книгой на языке удэ Minti oꞗofi (Наша грамота). Л., 1933.

П. Н. Жулев. Книга для чтения. Ч. I. Перевод с удэйского языка Е. Р. Шнейдера. Л., 1933.

Н. С. Попова. Учебник арифметики. Ч. I. Перевод с удэйского языка Е. Р. Шнейдера. Л., 1934, 85 с.

⁴ Архив ГМЭ. Входящий журнал № 2—33—16, 6 февраля 1932 г.

⁵ Подробнее см.: Е. П. Орлова. Роль Дальневосточного техникума народов Севера в создании и внедрении письменности этих народов.— «Известия Сибирского отделения АН СССР». Серия общественных наук. 1972, № 11, вып. 3.

Объяснительная записка к учебникам арифметики для 1-го и 2-го классов начальной школы [Н. С. Поповой. С удэйского языка]. Л., 1934, 52 с.

Книга для чтения. Ч. II. Перевод с удэйского языка. М.—Л., 1934, 48 с.

Объяснительная записка и перевод к учебнику удэйского языка. С приложением грамматических таблиц и кратких указаний. Грамматика и правописание. Ч. I. Для первого и второго классов начальной школы. (В помощь учителю удэйской школы). Л., 1935, 88 с.

Он перевел на язык удэ следующие работы:

P. N. Zulew. Tariji kniga. Omoiti obo. (П. Н. Жулев. Книга для чтения. Ч. I. Первый год обучения). Л., 1933, 64+23 с.

N. S. Porowa. Arifmetika... Omoiti obo. Л., 1933, 78+34 с. (Н. С. Попова. Учебник арифметики для начальной школы. Ч. I. Первый год обучения).

N. S. Porowa. Arifmetika... Gagda obo. Л., 1934, 72+32 с. (Н. С. Попова. Учебник арифметики для начальной школы. Ч. I. Первый год обучения).

Čarusin. Namahi buadu bihi buji. Л., 1936 (Чарушин. Звери разных стран).

Ему принадлежит подготовка к изданию удэйских сказок:

Selamaga. Udihe nim'ar'kun'i. (Сказки народа удэ, записаны Е. Р. Шнейдером). Л., 1935, 23 с.

Наконец, он подготовил к изданию словарь и грамматику удэйского языка:

Краткий удэйско-русский словарь. С приложением грамматического очерка. М.—Л., 1936, 148 с. (прим.: «Грамматический очерк», с. 83—146).

Такова работа, проделанная Е. Р. Шнейдером за 15 лет экспедиционной, научной, просветительской деятельности, трагически прерванной в конце 1937 г. Многие разделы этой работы — непреходящий вклад в науку. Всегда и всюду Е. Р. Шнейдер выступал как настоящий исследователь, первооткрыватель, всесторонне одаренный человек, как прекрасный товарищ. В моей памяти он сохранился как образец ученого, полностью отдающего любимому делу, служению науке, как достойный пример для подражания. Этнографы — сибиреведы, лингвисты, искусствоведы, музейные работники сохраняют память об этом первопроходце в изучении проблем, связанных с народами Сибири.

И. К. Федорова

ОКЕАНИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В ДРЕВНОСТИ

(По материалам фольклора народов Океании и Перу)

Несмотря на большие достижения последних лет в области геологии, биогеографии, климатологии, археологии, антропологии и этнографии, проблема заселения Американского континента, его связей со Старым Светом не решена еще до конца. Научная литература, посвященная спорным аспектам этногенеза Америки, обширна, и обзор ее не входит в задачи автора этой статьи. Цель автора, не касаясь вопросов заселения, показать на материале фольклорных версий полинезийцев и американских индейцев, живущих на побережье Тихого океана, характер контактов, существовавших между населением Нового и Старого Света.

Тихий океан отнюдь не представлял собой безбрежной, непреодолимой для аборигенов Океании и Америки пустыни без «дорог» и попутных ветров. В Тихом океане идет постоянная циркуляция масс воды благодаря теплым и холодным течениям и под действием пассатов и ветров, которые в определенное время года бывают довольно постоянными. В северной части океана течения образуют замкнутое кольцо, несущее воды по часовой стрелке из тропиков к берегам Филиппин, Японии и далее к северо-западному побережью Северной Америки.

Дрейфы небольших судов аборигенов в этих довольно холодных и бедных морской фауной широтах практически не играли никакой роли в морских связях населения Океании и Америки. Особенности течений и ветровой режим в этой части Тихого океана приводили лишённое управления, примитивное суденышко к трагическому концу у труднодоступных скалистых берегов Северной Америки. В наиболее благоприятных случаях течение прибывало мореплавателя к Гавайским островам [1, с. 83—87; 21].

В южной части Тихого океана существуют два устойчивых и мощных течения — Южное пассатное (образуемое под воздействием юго-восточных пассатов) и течение Западных ветров. Южное пассатное течение следует с востока на запад от бере-

гов Южной Америки. Южные ветви его, огибая острова юго-восточной и западной Полинезии, сливаются с течением Западных ветров, несущим воды от берегов Австралии к узкому проливу Дрейка (между Огненной Землей и Антарктидой). Часть холодных вод отклоняется на север и образует у берегов Южной Америки мощное Перуанское течение. По мнению ученых, Южное пассатное течение (в сочетании с устойчивыми юго-восточными ветрами) представляет собой удобный трансокеанский путь с востока на запад. Однако ветровой режим и высокое навигационное искусство допускали плавание под любым углом к основному направлению этого течения и даже против него [2, с. 18—20].

Океанографические и метеорологические данные показали, что в районе экватора, к востоку от Филиппин, преобладают ветры западных румбов [1, с. 89]. Следовательно, экваториальное, или Межпассатное, противотечение благоприятствовало плаваниям на восток к берегам Южной Америки.

Течение Западных ветров проходит в холодных широтах (южнее 40°) и не могло в древности служить путем из Океании в Южную Америку [2, с. 20—21]. Не исключено, что полинезийцы проникали и в высокие широты Тихого океана [8, I, с. 40].

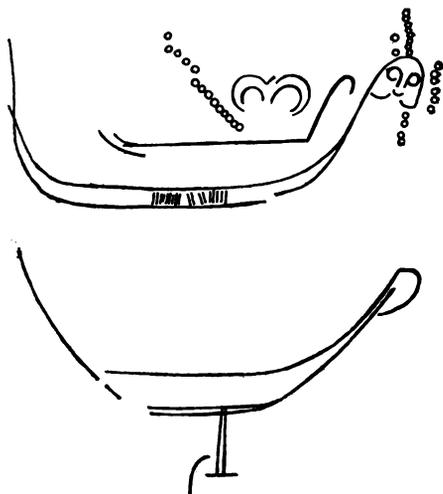
Юго-Восточная Океания лежит вне Южного пассатного течения, внутри великого Южного кольца. К тому же ветровой режим в этих районах таков, что создает неблагоприятные условия для плавания как на запад, так и на восток [2, с. 21—22].

Можно считать вполне доказанным, что лодка с аутригером или двойная лодка с парусом или без него были теми транспортными средствами, пользуясь которыми предки народов, населяющих ныне острова Океании, двигались с запада на восток.

Меланезийцы плавали главным образом на лодках-однодеревках, держась обычно вблизи островов, редко уходя далеко от берегов своих архипелагов. Микронезийцы, и особенно полинезийцы, были отважными мореходами и располагали более развитыми транспортными средствами. Поэтому иногда они уходили и далеко от берега (доплывая даже до Фиджи).

Помимо долбленых челноков, использовавшихся при плаваниях вдоль берегов и во время рыбной ловли, полинезийцы строили дощатые лодки (см., таит. *va'a*, тонг. *vaka*, гав. *wa'a*, маор. *waka*, рап. *vaka*, марк. *vaka, vaa, poti*) с балансиром-аутригером и двойные лодки (таит. *taurua, tipa'irua, tau'ali, tau'ipiri*, сам. *'alia*). Балансир (тонг., сам., гав., маор., рап. *ata*) — длинный кусок легкого дерева, державшийся на поверхности на небольшом расстоянии от лодки и придававший ей большую остойчивость. Соединялся балансир при помощи горизонтальных перемычек (рап. *kiato*), прикреплявшихся одним концом к балансиру, другим — к верхним краям бортов лодки.

Прикреплялся балансир обычно справа. Лодка оснащалась мачтой, парусами, веслами-гребками, ковшами и каменными якорями. На некоторых ладьях устанавливали до трех мачт (сам. *ʃana*, тонг. *ʃanā*, сам. *tila*, тонг. *tira*, марк. *tiā*, таит. *tira*, маор. *rewa*, *tira*, гав. *kila*, рап. *tu'u*). Паруса (сам., тонг. *lā*, маор. *rā*, таит. *ʃano*, *ra*, *tere*, *tuara*, рап. *kahu vaka*) полинезийцы изготовляли из циновок, сплетенных из пандуса, которые сшивали, придавая им форму треугольника, и натягивали на деревянные реи. Ладьи оснащались иногда парусом-непринтовом с вершиной треугольника с основания мачты или латинским парусом с реями, укрепленными на мачте, причем вершина находилась впереди на носу.

Наскальные изображения лодок с высоким носом и кормой (о-в Пасхи)

Полинезийцы гребли веслами-гребками (сам. *foe*, тонг. *fohe*, марк. *hoe*, рап. *hoe*), смотря все время вперед на убегающий горизонт. Вместо руля полинезийцы употребляли рулевое весло.

Хотя полинезийцы и смолили лодки, течь все же бывала сильной и воду приходилось вычерпывать ковшами (марк. *ko-ko*). Отправляясь в плавание, полинезийцы брали с собой каменные якоря (сам. *tauva'a*, тонг. *taula*, маор. *punga*, гав. *kau*, таит. *tau*, *tutaro*, *tutau*, *ti atau*, рап. *aka*); в них просверливали отверстия для каната. Во время шторма носовые якоря бросали за борт, чтобы ладья всегда была обращена носом к волне; легкие якоря применялись для определения направления течения (вероятно, в виде буйков) [3, с. 45, 51—52].

Из преданий известно, что полинезийцы отправлялись в море на лодках с балансиром (сам. *paopaо*, рап. *vaka ата*); эти лодки были легкими, двигались быстро, а балансир не давал лодке опрокинуться. Для дальних плаваний, для перевозки людей с запасами пищи и воды строились более крупные суда: в этих случаях на борта лодок нашивали ряды досок или заменяли балансир второй лодкой, превращая тем самым простую лодку в двойную [3, с. 46, с. 53].

По сообщениям первых европейских мореплавателей, побывавших в Полинезии, можно представить себе размеры полинезийских судов. Длина их достигала обычно 60—80 футов, а некоторые из них были свыше 100 футов в длину. В музее Оклен-

да хранится лодка маори длиной 83 фута. Две лодки от 70 до 80 футов, соединенные палубой, могли вместить большое количество людей. Некоторые военные таитянские суда выдерживали, как пишет Те Ранги Хироза, вес около ста воинов [3, с. 54; 8, с. 26—30]. Полинезийские лодки, даже средней величины, могли перевозить большое количество людей, животных, растений, пищу, воду.

В одной из легенд, приводимой Теаурой Хенри, рассказывается о том, как две сестры отправились в Хити-По за невестой для одного из своих братьев. На палубе большой лодки — пахи, на которой они поплыли по океану, были сделаны четыре маленькие хижины для принцесс, лодка была нагружена провиантом и подарками для невесты [15, с. 608].

О переселении легендарного Хоту Матуа на о-в Пасхи в одной из фольклорных версий говорится следующее:

«На лодках прибыли люди, куры, кошки, черепахи (?), собаки; бананы, растения махуте, хибискус, ти, торомиро, мариктуру, макои, сандал, тыква, ямс, бананы пукапука, каротеа, хихи, онахоа, паху. Сотни, сотни подданных прибыли в эту страну на лодках» [16, с. 60].

Отправляясь в плавание, полинезийцы брали с собой муку из плодов пандануса, вяленую рыбу, печеные плоды, заготовленные впрок, сухой сладкий картофель, воду в калебасах или в сосудах из кокосовых орехов. Брали они с собой и домашнюю птицу, которую кормили мякотью кокосового ореха, а потом резали по мере надобности. По пути ловили рыбу, огонь разводили в лодке на подстилке из песка, дрова они всегда брали с собой [см. 3, с. 55].

Полинезийские мореплаватели, отправлявшиеся в океан, брали с собой опытную команду.

Легендарный гавайский мореход Рата решил отправиться в лодке по океану, с тем чтобы отомстить за своих родителей:

«Он притащил свою лодку к лагуне, чтобы убедиться, что она обладает хорошими мореходными качествами. Лодка плыла лучше, чем любая другая лодка из тех, которые можно было видеть здесь раньше. Но у Рата не было ни одного человека, который бы поплыл с ним в лодке. Тогда к нему подошел какой-то человек и окликнул его:

— О Рата, куда ты направляешься?

— Я отправляюсь в океан, чтобы отомстить за смерть моей матери и моего отца.

Человек сказал тогда:

— Я хочу с тобой.

— А ты кто?

— Я — гребец.

— Садись в лодку, гребец,— сказал Рата.

Подошел другой человек и сказал:

— О Рата, куда ты держишь путь?

- Я плыву в океан, чтобы отомстить за смерть матери и отца.
- Я хочу плыть с тобой.
- Ты кто?
- Я делаю канаты.
- Садись в лодку!
- Подожли еще люди.
- Кто вы?
- Я делаю паруса.
- Садись в лодку!
- Я тот, кто вычерпывает воду из лодки.
- Садись в лодку!
- Подожли еще трое.
- Кто вы?
- Я — штурман.
- Я — гребец.
- Я — рулевой.

Когда эти сели в лодку, в команде Рата стало семь человек. Они подняли парус, взялись за весла и приготовились отплыть через океан» [11, с. 77—78].

Пользуясь своими быстроходными лодками, отличающимися большой грузоподъемностью, народы Океании открывали в Тихом океане один остров за другим. Дальше других продвинулись на восток полинезийцы. Причины и цели плаваний были разными: были плавания с целью найти необитаемые острова и заселить их (переселение было вызвано плохими условиями жизни на родном острове или перенаселенностью); потерпев поражение в междоусобных войнах, полинезийцы также отправлялись в дальние странствия, ища спасения в водах Тихого океана; наконец, плавания служили средством общения между населением разбросанных островов. Мотивы эти нашли отражение и в фольклоре Океании. О плавании с целью открыть новые острова в очень поэтической форме рассказывает, например, легенда о вожде Рата, записанная у жителей о-ва Аитутаки (о-ва Кука):

«В волшебной стране Куполу жил знаменитый вождь Рата, который решил построить большую двойную ладью и отправиться на поиски других земель. Взяв топор на плечо, он пошел в долину, где рос отличный строевой лес. У самого берега горной речушки росло огромное дерево, у подножия которого шла борьба не на жизнь, а на смерть между белой цаплей и пятнистой морской змеей...

Прекрасная птица лежала, уже измученная, [на земле]. Ее неутомимый враг, уверенный в победе, уже приготовился к последней атаке, но Рата зарубил его на части и таким образом спас жизнь белой цапле... С ветки дерева, растущего на некотором расстоянии, цапля весь день наблюдала за работой Рата. Как только вождь ушел вечером, благодарная птица полетела и собрала всех птиц Куполу, чтобы выдолбить лодку для Рата. Они с удовольствием исполнили приказание и долбили клювами до тех пор, пока не

выдолбили огромный ствол. Начало уже светать, прежде чем они закончили свою работу. Наконец они решили переправить лодку на берег, к жилищу Рата. Чтобы сделать это, все птицы сели по краям лодки, по сигналу они распростерли крылья, одним [крылом] держали лодку, другим [взмахивали, чтобы] лететь. Летя с лодкой по воздуху, они пели на разные лады. Добравшись до песчаного берега, напротив хижины, птицы осторожно опустили лодку и мгновенно исчезли в чаще леса. Рата быстро снабдил лодку, построенную птицами, матой и парусом, созвал своих друзей, положил в лодку пищу и запасы воды, необходимым в задуманном им путешествии. Когда все было готово, он сел в лодку. Хитрый Нганаоа, видя, что лодка готова отплыть без него, схватил пустую калебасу, выдолбил дно, влез в нее и поплыл по Океану, пока не оказался впереди лодки... Из калебасы раздался голос:

— О Рата, возьми меня в свою лодку!

— Куда ты направляешься? — спросил вождь.

— Я направляюсь, — ответил бедняга из калебасы, — в Страну Лунного Света, чтобы отыскать там своих родителей...

Рата снова спросил [его]:

— Какую услугу окажешь мне, если я возьму тебя с собой?

[Нганаоа обещал] уничтожить всех морских чудовищ, которыми, возможно, кишит путь...

Быстро и весело, подгоняемые легким ветерком, летели они по волнам океана в поисках новых земель. Однажды Нганаоа закричал: „О Рата, страшный враг показался в море“. Это было чудовище огромной величины. В один момент ужасное чудовище могло раздавить их всех в своей пасти. Но Нганаоа был уже начеку. Он схватил свое длинное копье и быстро пронзил им рыбу...

Снова спокойно продолжили они свой путь. Но еще одна опасность поджидала их. Однажды храбрый Нганаоа закричал: „О Рата, вон огромный кит!“. Огромная пасть была широко открыта, одна челюсть — под лодкой, другая — над ней. Кит намеревался проглотить их всех живыми. Нганаоа, убийца чудовищ, сломал свое копье пополам и в критический момент, когда кит готов был раздавить их, ловко вставил обе палки в пасть врага, так, что тот не мог сдвинуть челюстей. Нганаоа ловко прыгнул огромному киту в пасть и осмотрел его желудок, и вот! Там сидели его давно пропавший отец Таиритокерау и его мать Ванароа, которых, когда они ловили рыбу, проглотило это чудовище морских пучин. [Чудовище поплыло к ближайшей земле, где отец, мать и сын вышли на берег из раскрытой пасти кита.]

Утверждают, что это был остров Ити-те-Марам — Остров Лунного Света. Здесь лодку Рата вытащили на берег, и некоторое время все они весело жили здесь. Они ежедневно подкрепляли свои силы фруктами, которые росли на деревьях, и рыбой, украшали себя огромными цветами. Наконец они стали тосковать по своей родине Аваики¹ и решили туда возвратиться. Была приготовлена и спущена на воду лодка, туда погрузили пищу и воду. Поставили большой парус, сделанный из циновки, и смелый мореплаватель Рата вместе с родителями Нганаоа и всей командой наконец, снова отплыл от бе-

---

¹ Легендарная родина полинезийцев.

рега. Спустя много дней, не встречаясь больше с опасностями, они в конце концов достигли своего родного дома в Стране Заходящего Солнца» [20, с. 91—92].

Другая легенда, записанная также на о-вах Кука, повествует о том, что о-в Аитутаки был открыт мореплавателем Ру. Видя, что его родная земля перенаселена, он собрал свою семью, мужчин, женщин, детей, всего около 200 человек, и отправился в океан искать новые удобные острова, где бы можно было обосноваться. Ветер прибил путешественников к о-ву Аитутаки. Остров понравился Ру, и он решил здесь обосноваться [3, с. 99—100; 15, с. 465].

Верховный арики рапануйцев Хоту Матуа покинул свою родину, потерпев военное поражение. Отправляясь в океан, Хоту Матуа знал о том, что где-то на востоке находится необитаемый остров. Более того, он направил туда разведчиков, чтобы те выяснили, каковы там условия для жизни [16, с. 58—60].

Тайтяне в одной из легенд рассказывают о том, как их хитроумный предок Мауи, полубог-получеловек, совершил плавание к близлежащим и дальним островам:

«После того как Ру и Хина заселили земли, Мауи и его команда снова отплыли в океан навстречу своему королю Ама-таи-атеа (Аутриггер обширного океана). Когда он со своими людьми подходил к земле, то строил там храмы и передавал их жрецам. Они плыли к берегам [океана]. Они шли на восток, к Туамоту и Мангареве. Они отправились на юг — к Тубуаи, Руруту, к островам Длиннохвостых Попугаев, [островам] Риматара, Мангаиа, Раротонга и к Те-ло-Теа-Роа (Длинная Белая Страна)² Маори (Новая Зеландия). Они обошли все [острова] в этих направлениях. Они пошли на запад, к Тутуила, Уполу, Савани (Самоа), а также к Вавау, Атиу, Ахуаху и Маатеа (или Макатеа, который раньше называли Папатеа). Они пошли на север к далеким Маркизским островам и к жаркому 'Аихю (Гавайям)» [15, с. 464].

В Полинезии совершались плавания и с военно-политической целью. На многих островах Полинезии (Таити, Маркизских, Мангарева, Раротонга) вплоть до последней четверти XIX в. существовали союзы ареоев, поддерживавшие интересы верхушки полинезийского общества. Число ареоев было значительным. Согласно преданиям, у о-ва Раиатеа, например, сходились иногда до 150 лодок, в каждой из которых редко бывало менее 30—40 человек ареоев, а зачастую находилось человек 100 [17].

Переезжая с острова на остров, ареои давали театрализованные представления. Верховные вожди и знать с нетерпением ждали прибытия ареоев и их представлений. По существу же ареои были военной и политической силой, стремившейся подчинить своим интересам вождей и знать того или иного остро-

---

² Аустральные (Тубуаи) и близлежащие острова славились попугаями, перья которых полинезийцами очень ценились. Пояснения автора версии даются в круглых скобках.

ва. Возможно, что им случалось овладеть целым островком (например, о-вом Пасхи) [4].

Хорошее знание возможностей транспортных средств полинезийцев, изучение особенностей плаваний в тропических широтах Тихого океана, направлений течений, ветров позволяют исследователям сделать вывод о том, что полинезийские мореплаватели бороздили воды океана со скоростью 120—140 миль³ в день, а иногда и быстрее. Следовательно, при благоприятных условиях расстояние между Таити и Гавайскими островами можно было покрыть за 16 дней, между Таити и Новой Зеландией — за 17,3 дня, между Тонгатабу и Новой Зеландией — за 8,7 дня, между Нукухива (Маркизские острова) и Гавайскими островами — за 13,4 дня [14].

Навигационное искусство народов Океании (особенно полинезийцев и микронезийцев) стояло на высоком уровне. Полинезийцы были большими знатоками звездного неба, особенно-стей океана, морских течений, ветров [5; 7]. По звездам они определяли направления частей света, широту местности, время. Маори Новой Зеландии, как и остальные полинезийцы, различали на небе Южного полушария многие звезды и созвездия, а также планеты (к сожалению, многие названия современными маори уже забыты). Приведем некоторые из этих названий:

Млечный Путь — 'те Ика-Матуа-а Тангароа'

'те Икароа'

'те Мангороа'

'Мокороа-и-ата'

'те Паероа-о-Фануа'

'те Ика-а-Мауи'

Магеллановы облака 'Нга Патари'

Большое Магелланово облако 'Тиореоре'

Малое Магелланово облако 'Тикатаката'

Солнце 'Ра'

Группа звезд близ Ориона 'Хао о Руа'

Плеяды 'Матарики', 'Хуихуи о Матарики', 'Ао-каи', 'Хококу-мара'

Сириус 'Такуруа'

Юпитер 'Пареарау'

Венера 'Копу', 'Тавера'

Луна 'Махина'

Хотя никаких навигационных приборов у полинезийцев не было (кроме, возможно, так называемой «магической калебасы» гавайцев), они, тем не менее хорошо ориентируясь в океане, всегда вели свои ладьи по намеченному ранее курсу. Совершая ближние межостровные плавания, выходя в океан на рыбную ловлю, полинезийцы старались не терять из виду землю.

³ Морская миля (Великобритания, США) равна 1,853 км.

При дальних же плаваниях они ориентировались прежде всего по солнцу, звездам, а также учитывая направление течений и ветров [14, с. 70].

Полинезийцы знали 8 стран света; в соответствии с этим они различали ветры 8 или 16 румбов. Определение севера и юга было возможно по созвездиям Большой Медведицы и Южному Кресту, остальные румбы тоже определялись по точке восхождения определенных звезд и по моменту захода их (например, Альтаира, Антареса, Альдебарана).

Любопытная диаграмма (своеобразный небесный компас маорийцев), составленная со слов Мохи Туреи из племени Нгати-Пороу (Новая Зеландия), приводится с принятыми латинскими обозначениями румбов и ветров в книге Э. Беста [8, II, с. 211]. Приводим ее здесь и мы.

Легендарный Ру, отправившийся из Гавайки, обращается к богу — покровителю рыбаков и мореходов с такими словами:

«О Тангароа, в безбрежном пространстве

Разгони ты дневные тучи,

Разгони ты ночные тучи,

Пусть увидит Ру звезды на небе,

Чтобы привели они его в страну его желаний» [3, с. 100].

Ведь темное небо, покрытое тучами, было главным врагом мореплавателя, который терял свой основной ориентир — звезды. Герои полинезийских преданий, направляясь с Таити на Гавайские острова, плыли, держа курс лодки на Пояс Ориона (Меремере): «Кама-хуа-леле направил судно на север под Пояс Ориона, и в одно прекрасное утро мореплаватели опустили свой парус из циновки в бухте Хило» [3, с. 203, 214].

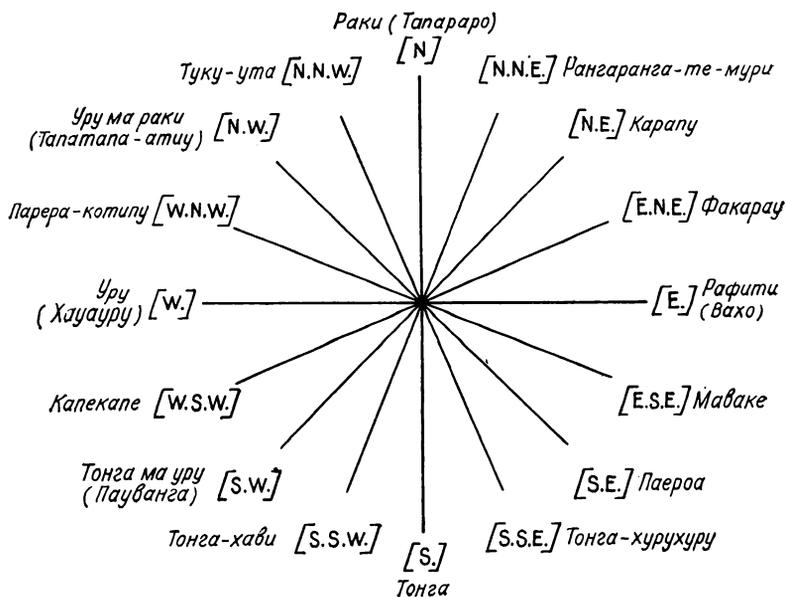
Вполне вероятно, что предки полинезийцев открывали острова, плывя в том или ином направлении, ориентируясь на какое-либо созвездие. Вот как об этом говорится в одном таитянском предании:

«Поплывем, но куда же нам плыть?

Поплывем на север, под Пояс Ориона» [3, с. 124].

В ясную погоду мореплаватели, находясь далеко от родного берега, легко могли по звездам определить широту нахождения их лодки. Для этого необходимо было найти кульминационное положение звезды, вытянув вперед к горизонту палку, в том случае, конечно, если на родном острове высота этой звезды над горизонтом была отмечена и сделана соответствующая зарубка. Определить долготу более сложно. Для этого точно нужно знать, какая звезда бывает в зените в ту или иную ночь (т. е. необходим своеобразный звездный календарь, которого, как считают, у полинезийцев не было). Приблизительно узнать долготу можно было при помощи свинцового отвеса [14, с. 70].

Полинезийцы узнавали о приближении земли издалека, по едва уловимым запахам, по пучкам водорослей, по косякам рыб, по полету птиц. Тропики — это зона циркуляции таких

Названия румбов у маори Новой Зеландии

птиц, как фрегаты (*Fregatidae*) (таит. *otaha*, рап. *makohē*), фаэтоны (*Phaetontidae*) (маор., рап. *tavake*, таит. *tava'e*), олуши (*Sulidae*) (таит. *nano*, *nao*, рап. *kena*), крачки (*Sternae*) (маор. *tara*, рап. *manutara*) и др. Как правило, утром птицы летят в сторону моря, а вечером возвращаются к островам. Полинезийцы могли следовать в своих плаваниях и за такими птицами, как золотистые ржанки: эти материковые птицы зимой переселяются с Аляски на юг, а летом возвращаются обратно на земли северных морей [14, с. 90; 3, с. 124].

На близость земли указывают и облака. Над большими островами часто бывают скопления облаков и туч. Лагуны маленьких атоллов отражаются зеленоватыми бликами на небе и в облаках [14, с. 89].

Очень опытными мореплавателями были жители Маршалловых островов. Известно, что у них была и своеобразная карта, сделанная из прутьев в виде шара; прутья обозначали широту и долготу, волокна растений, вплетенные в основу из прутьев, показывали направление течений и ветров. Прикрепленными к шару раковинами были отмечены острова [14, с. 69].

Полинезийцы могли безошибочно предсказывать погоду на завтра, и делать это им помогало знание различных примет, связанных с силой морского прилива и состоянием облаков. По цвету воды они различали в океане моря, знали направления течений, хорошо различали приливы и отливы, зная их особен-

ности. Полинезийцы всю свою жизнь проводили на море, и удивительно, что в их языках много терминов для определения различного состояния моря, как, например, в рапануйском:

‘бурное море’	<i>таи ваве</i>
‘рябь, зыбь’	<i>таио</i>
	<i>таи вананга</i>
‘шквал’	<i>таи парилари</i>
	<i>таи поко</i>
‘буруны’	<i>таи хати</i>
	<i>таи каукау</i>
‘морской прилив и отлив’	<i>таи ненгоненго</i>
	<i>таи парера</i>
	<i>таи тити</i>
‘прилив’	<i>таи уа</i>
‘начинающийся прилив’	<i>таи рану</i>
‘нарастающий прилив’	<i>таи уа хини</i>
‘прилив, достигающий высшей точки’	<i>таи хахати</i>
‘отлив’	<i>таи папаку</i>
‘начинающийся отлив’	<i>таи хори</i>
‘отлив, достигающий высшей точки’	<i>таи мау</i>
‘волны бурного моря’	<i>пари</i>
‘волны, налетающие друг на друга’	<i>попо</i>
‘вихрь, водяной смерч’	<i>охиохио (охи роохиро)</i>

В языке рапануйцев зарегистрировано также большое количество терминов для обозначения состояния облаков в зависимости от их формы, величины, цвета (в связи с атмосферными изменениями):

‘небо, покрытое красноватыми облаками’	<i>ранги ата меа ахи-ахи</i>
‘светлые облака’	<i>ранги ата теа</i>
‘красные облака’	<i>ранги е ата</i>
‘перистые облака’	<i>ранги хое каи</i>
	<i>ранги каи</i>
‘дождевые облака’	<i>ранги керекере</i>
‘слоисто-кучевые облака’	<i>ранги кирикири миро</i>
‘облака в форме статуй (моаи)’	<i>ранги моамоаи</i>
‘кучевые облака’	<i>ранги пунга</i>
	<i>ранги пунгапунга</i>
‘высокие кучевые облака’	<i>ранги теа</i>

'белые облака'	<i>ранги театеа</i>
'темные облака'	<i>ранги ури</i>
	<i>ранги уриури</i>
'слоистые облака'	<i>ранги вири</i>
'туча'	<i>ранги амоанга</i>
'грозовые тучи'	<i>ранги попоро</i>
'темные тучи'	<i>ранги хакамаире па</i>

Перистые облака указывали на возможное изменение погоды в ближайшее время; слоисто-кучевые, кучевые облака говорили о приближающейся непогоде; красноватые блики на облаках вечернего неба предсказывали, что штиль скоро сменится резкими порывами ветра [12, с. 314].

Вот что писал испанский мореплаватель XVIII в. Андриа-и-Варела об искусстве полинезийских навигаторов: «Выходя из гавани, кормчий мысленно отсчитывает должные румбы, ведя эти отсчеты с востока. Он знает, в каком направлении нужно вести судно, он учитывает, дует ли ветер с кормы, в левую или правую скулу или под острым углом к заданному курсу. Он знает, откуда идет волнение на море, и учитывает, в какой мере все эти обстоятельства влияют на его курс. И по тому, откуда дует ветер и идет волнение, выбирает наиболее выгодный курс, учитывая снос под ветер. Задача осложняется, если день облачный, ибо тогда у кормчего нет ориентиров. Перемену ветра он улавливает, пользуясь флюгерками — султанами из перьев или пальмовых волокон...

Больше всего меня поразило, когда два островитянина, которых я взял на Раиатеа, еженощно предсказывали мне, какая завтра будет погода — ветер ли, дождь, ясное небо — и будет ли на море большая или малая волна, причем они ни разу не ошибались в своих прогнозах»⁴.

Учитывая все сказанное здесь о навигационном искусстве народов Океании, о возможностях их транспортных средств, мы вполне можем допустить, что отдельные экипажи мореплавателей, прежде всего полинезийцы, освоившие крайние форпосты в Тихом океане, доходили и до берегов Южной Америки, пользуясь Экваториальным противотечением. «Конечно, отдельные струи и частые штили в узкой полосе, именуемой Экваториальным противотечением, на определенных участках, — отмечает норвежский путешественник и исследователь Тихого океана Тур Хейердал, — облегчают продвижение на восток по сравнению с плаванием против быстрых западных течений южнее и севернее этой полосы, и при известных усилиях полинезийцы, бесспорно, могли пройти этими широтами в Южную Америку» [6, с. 33].

Те Ранги Хироа считал нелепой теорию тех ученых, которые

⁴ Цитируется по книге Я. М. Свет [2, с. 34—35].

полагали, что при существующих пассатах (дующих с юго-востока) полинезийцы не могли плыть на восток: капитаны, плавающие на шхунах в южных морях, подтвердили бы, отмечал он, что, если бы им нужно было отправиться в исследовательское плавание, они предпочли бы плыть против господствующих ветров. В этом случае после истощения продовольственных запасов они могли бы, подгоняемые попутным ветром, быстрее вернуться домой [3, с. 72].

Так поступать должны были, очевидно, и опытные полинезийские мореходы.

Не только быстроходные полинезийские ладьи бороздили просторы Тихого океана. Индейцы тихоокеанского побережья Южной Америки на бальсовых плотках, управляемых рулями-гуарами, выходили в океан на лов рыбы, плавали вдоль берегов от одного порта до другого. Испанские конкистадоры встречали большие индейские парусные плоты (грузоподъемностью до 36 т) и вдали от тихоокеанского берега. Перуанцы плавали, очевидно, и с разведывательной целью — найти новые острова, места обильного лова.

Вопросы мореходства у перуанцев подробно освещены в статье Т. Хейердала «Бальсовый плот и роль гуар в аборигенном мореходстве Южной Америки» [6, с. 76—97]. Основываясь на преданиях, сообщениях хронистов, мореплавателей, он показал, что плоты из свежесрубленной бальсы, управляемые гуарами, отличались большой плавучестью и что индейцы могли на них выходить далеко в открытый океан и достигать островов Полинезии. Правильность своей гипотезы Т. Хейердал попытался подтвердить смелым историческим экспериментом — плаванием на плоту «Кон-Тики».

Распространение различных культурных растений — батата, кокосовой пальмы, хлопчатника, бутылочной тыквы и других — тоже указывает на существование контактов между народами Полинезии и Южной Америки еще в доколумбову эпоху. Можно предпологать при этом, что аборигены Южной Америки смогли достичь некоторых островов Океании [6, с. 90].

Своеобразное подтверждение того, что между народами Полинезии и Южной Америки издавна существовали морские связи, мы находим и в сообщениях ранних испанских хронистов (Бетаноса, Акосты, Сиеса де Леона, Сармьенто де Гамбоа, Гарсиласо де ла Вега и других), которые приводят много перуанских легенд.

Версии легенд, относящиеся к данной теме, можно объединить в три группы: это легенды о боге Вира-коче, легенды о гигантах и легенды о плаваниях Топа Инки Юпанки.

Бетанос был среди тех испанцев, которые начали завоевание Перу. Последние годы жизни он провел в Куско, женившись на индейке. В своей книге «Очерки и рассказы об инках» [9, с. 82—83] Бетанос приводит версию о том, как бог

Ви́ра-коча, творец всех вещей, создал вселенную и первых людей:

«В древние времена мрак окутывал, как рассказывают, землю и провинции Перу; не было ни огня, ни дневного света. В те времена жили здесь какие-то люди во главе с каким-то вождем, которому они подчинялись. Названия этого народа и имени вождя, который ими правил, они не помнят. И вот в то время, когда все в этой стране было покрыто тьмой, со стороны лагуны, что в Перу, в провинции Колльясуйо, пришел, как рассказывают, вождь, которого звали Кон-Тики Ви́ра-коча⁵; с ним пришли люди, о числе которых упоминаний нет. Выйдя из лагуны, он приблизился к тому месту, где сейчас находится деревня Тиахуанако упомянутой выше провинции Колльясуйо. Когда он со своими людьми пришел туда, он сразу же, рассказывают они, создал солнце и день и заставил солнце двигаться по тому пути, по какому оно движется и сейчас; потом он создал звезды и луну. О Кон-Тики Ви́ра-коче рассказывают, что он появлялся и до этого и создал небеса и землю, которые оставил во мраке; и когда он создал людей, [обреченных] на жизнь в потемках, как сказано выше, то люди поступили плохо по отношению к Ви́ра-коче; так как он был рассержен, то он снова вернулся и превратил первых людей и их вождя в камни в наказание за то зло, которое они причинили ему».

Кон-Тики Ви́ра-коча послал своих учеников в разные провинции Перу, с тем чтобы они помогли людям, которых он создал, заселить эту пустынную местность вплоть до тех мест, где восходит солнце. Сам же Кон-Тики Ви́ра-коча отправился по направлению к Куско. По пути он продолжал заселять страну, создавая мужчин и женщин из скал, источников, рек. Дойдя до Куско, бог создал им вождя.

Кон-Тики Ви́ра-коча дошел до провинции Пуэрто-Вьехо и здесь (на побережье Эквадора) встретился со своими учениками. Там они все вместе вошли в воду, пошли по ней, как по земле, и исчезли [9, с. 85—89].

Сиеса де Леон был современником Бетансосо, но прибыл в Перу позднее, несколько лет спустя после завоевания страны. В версии, которую приводит Сиеса де Леон (а она намного подробнее предыдущей), творцом вселенной назван Ви́ра-коча.

Его версия также представляет собой контаминацию каких-то древних перуанских легенд о сотворении мира и христианских сказаний о чудесах, совершаемых Иисусом Христом и его учениками. В ней индейцы рассказывают о том, что в течение долгого времени они жили, не видя солнца, и очень страдали из-за этого; с молитвами и обетами обращались они к своим богам, моля вернуть свет, которого им недоставало. «И вот с острова Тигикака, который находится на большом озере Колья, поднялось солнце во всем своем великолепии, чему все очень обрадовались. После того как это произошло, с юга пришел и

⁵ Имя Кон-Тики Ви́ра-коча упоминается лишь этим хронистом. Что значит морфема *кон* и *тики*, сказать трудно.

поселился среди них, как рассказывают, белый человек высокого роста, сам вид и фигура которого требовали большого уважения и преклонения. Человек этот (они знали его в таком образе) обладал огромной силой, превращал холмы в равнины, создавал высокие горы из равнин, заставлял бить родники из скал. И когда они увидели мощь его, они назвали его „Творец всех вещей, начало их, отец солнца“, ибо помимо этого он сделал еще очень многое, дал жизнь людям и животным, одним словом, много полезного получили они из его рук. И этот человек, как рассказывали индейцы со слов предков (а те, в свою очередь, узнали об этом из дошедших до них древних песнопений), продолжал свой путь на север, совершая свои чудеса, проходя по горным местностям; здесь они его больше никогда не видели.

Они рассказывают, что во многих местах он учил людей, как жить, и говорил им кротко и доброжелательно, убеждая их быть добрыми и не причинять друг другу зла, а, напротив, любить друг друга и оказывать всем милосердие. Во многих местах его называли Тики-Вира-коча, хотя в провинции Кольа его звали Туапака, а в других местах — Арнаун. Во многих местах в его честь воздвигали храмы, где устанавливали статуи, изображающие его, перед которыми они [индейцы] совершали жертвоприношения.

Огромные статуи Тиахуанаку относятся, как полагают, к тем же временам; из того, что сохранилось от прошлого, они рассказывают только то, что известно о Вира-коче; нового ничего о нем они не знают, и не знают даже, вернулся ли тот когда-либо обратно.

Кроме этого они рассказывают, что спустя некоторое время объявился другой человек, очень похожий на описанного выше, но имени которого они не знают, и что от предшественников они слышали, что, где бы он ни был, он излечивал от болезней, возвращал зрение слепым, произнося лишь слова заклинания, и его очень любили за его добрые дела. И таким образом, творя великие дела, произнося одни слова заклинания, он дошел до провинции Кана. Местные жители встретили его без особого внимания и подошли с намерением побить его камнями. Подойдя к нему, они увидели, что он стоит на коленях, вознес руки к небу, как бы прося бога оградить его от опасности, которая ему угрожает. Дальше индейцы продолжают, что в этот самый момент на небе вспыхнул сильный огонь, так что они подумали, что будут все сожжены. Дрожая от страха, они собрались все вокруг того, кого хотели только что убить, и, громко крича, просили спасти их, так как осознали, что это наказание послано им за их грех — за желание побить его камнями. Затем они увидели, что, когда он отдал приказание огню, тот погас, но языки пламени были настолько обжигающими, что пожигали камни.

И далее они рассказывают, что, покинув это место, он пошел дальше, пока не дошел до моря, где, раскинув на воде плащ, он поплыл на нем по волнам; он никогда больше не появлялся [здесь], и они его никогда больше не видели. Зная, каким способом он отплыл [в море], они дали ему имя Вира-коча, что означает „пена моря“. После того как это произошло, на другой стороне реки в деревне был построен храм; в его низкой нише был сооружен большой каменный идол» [10, с. 27—29].

Приведем еще одну легенду о Вира-коче, записанную в 60-х годах XVI в. талантливым испанским ученым и историком Педро Сармьенто де Гамбоа [19, с. 23, 27—28]:

«Жители этой земли говорят, что сначала, еще до того, как был создан мир, был только Вира-коча. Это тот, кто создал темный мир, без солнца, луны и звезд. За создание [мира] его и прозвали Вира-коча Пачаячачи, что означает „Творец всех вещей“. Создав мир, он сделал безобразных из-за своего роста гигантов, нарисованных или изваянных в камне, чтобы посмотреть, хорошо ли будет, если людей сделать таких же размеров. И так как они оказались больше его самого, он сказал: „Нет, нехорошо, если люди будут такими большими, [пусть] лучше они будут ростом с меня“. И создал людей по своему подобию, такими, какие они сейчас.

Жили они в потемках. Вира-коча приказал им жить в мире, знать его и служить ему. Но так как люди ослушались его, то Вира-коча разрушил землю потопом и погубил людей, сохранив жизнь двоим, чтобы они помогли ему заново создать вселенную и людей.

Закончив создание людей [во второй раз], Вира-коча отправился в путь и дошел до одного местечка, где собралось много людей, созданных им; это местечко теперь называется Кача. Когда Вира-коча прибыл сюда, жители местечка поразили его своим плохим обхождением, они шептались, [глядя на него] с холма, который там находился, и задумали убить его. Взяв оружие, они хотели уже привести в исполнение свое намерение. Но [Вира-коча], преклонив колени на ровной земле, поднял к небу лицо и руки [и вызвал] огонь, который обрушился сверху на тех, кто был на горе; огонь объял все местечко, земля и камни вспыхнули, как солома. И так как эти плохие люди испугались ужасного огня, они спустились с горы и бросились к ногам Вира-кочи, прося прощения за свои грехи. Вира-коча сжалился и своим посохом погасил огонь...

После этого Вира-коча продолжал свой путь дальше [и дошел] до местечка, что в шести милях на юг от Куско. Он пробыл там несколько дней, и жители этого местечка очень заботились о нем. А когда он ушел оттуда, они сделали в его честь грот или статую, чтобы поклоняться ему и совершать здесь жертвоприношения. Вира-коча продолжал свой путь, свершая свои дела и обучая людей, созданных им. Так дошел он со своими учениками до Порто-Вьехо и Манты, и там встретился он со своей паствой.

Желая покинуть землю Перу, он сказал речь, обращаясь к тем, кого обучал, уведомляя их о том, что произойдет в будущем. Он сказал им, что придут какие-то люди, которые назовут себя Вира-коча, творцом их, но чтобы они не верили им; что потом вернутся обратно его ученики, чтобы за-

щитить их и научить, как жить. И, сказав это, он вошел со своими учениками в море и пошел по воде, как по земле, не утонув. Так как он шел по воде, как пена, его называли Вира-коча, что означает „жир или пена моря“.

Несколько лет спустя после ухода Вира-кочи в лагуну Титика пришел Тагуапака, которого послал сюда Вира-коча, как уже сказано, и вместе с другими [учениками] стал учить, кто такой Вира-коча».

Легенда о Вира-коче весьма любопытна в этиологическом плане: она по-своему объясняла инкам происхождение не только небесных светил, животных, людей, но и появление святынь Титикака, Кача, Уркос, древних каменных изваяний в Тиахуанако и Пукара [14а, с. 316].

Версии легенды интересны и в связи с данной темой; во всех приведенных выше записях указывается район Пуэрто-Вьехо или порт Манта (что на крайнем севере государства Инков, близ линии экватора, там, где проходит Южное пассатное противотечение) как удобное, видимо, место выхода в океан. Отсюда отплыл на запад бог Вира-коча.

Район Манты упоминается в легенде об ужасных гигантах, прибывших некогда на тихоокеанское побережье Южной Америки [13, с. 486—487]. В этой легенде нашли, вероятно, отражение как воспоминания о морских контактах, игравших немаловажную роль в жизни тихоокеанских народов⁶, так и страх, который охватывал индейцев при виде попадавших им иногда костей давно вымерших животных.

«Во всем Перу утверждают, говорит он [Сиеса де Леон], что какие-то великаны причалили в этом месте [в районе Манты], у мыса Св. Елены, который граничит с городом Пуэрто-Вьехо. Я расскажу здесь то, что слышал, не останавливаясь на молве, которая все раздувает. Жители страны, которые сохранили [это] предание до наших дней, передавая его от отца к сыну, говорят, что эти гиганты прибыли морем в тростниковых лодках больших размеров; что они были такого большого роста, что их ноги до колен были величиной с человека среднего роста; что у них были очень длинные волосы, которые в беспорядке свисали до плеч; что глаза были с тарелки, другие части их тела были [тоже] большими; что бороды у них не было; что одни ходили совсем голыми, а другие покрывали тело шукурами диких животных и что у них не было женщин. Пристав к берегу, они поселились в одном местечке (жители страны называют его) и вырыли в скалах очень глубокие колодцы, чтобы добывать воду, которой им недоставало. Это было очень солидное сооружение, которое сохранилось до наших дней, откуда черпают очень хорошую, отличающуюся большой свежестью воду.

Гиганты эти жили разбоем и опустошили всю равнину. Они были как прожорливы, что каждый из них съедал, как говорят, больше мяса, чем все

---

⁶ Отметим, что именно в северных диалектах языка кечуа зарегистрировано известное во всех полинезийских языках слово *кумар* 'батат', 'сладкий картофель'.

жители страны. Они также ловили сетями рыбу, которая была составной частью их рациона. Они убивали мужчин по соседству безо всякого сожаления, убивали и женщин, воспользовавшись ими. Бедные индейцы долго искали способа избавиться от этих докучливых гостей, но у них не хватало ни сил, ни мужества, чтобы напасть на них. Пользуясь их страхом, новые чудовища долго тиранили их; в конце концов они открыто предались разврату... Но божественное правосудие не оставило их преступление безнаказанным. Индейцы рассказывают, что во время их дебоша небесный огонь обрушился на них с огромным шумом и что ангел, вооруженный сверкающим мечом, сразил всех их одним ударом. Добавляют, что огонь не поглотил ни их костей, ни их черепов, чтобы служили они вечным напоминанием о возмездии бога. И на самом деле, в этом месте находят кости необыкновенной величины; я слышал, что испанцы видели их зубы, каждый из которых весил полфунта. Они рассказывают еще про одну кость огромной величины. Но если этого недостаточно, чтобы подкрепить рассказ о гигантах, то [можно указать на] цистерны, которые приписывают им и которые можно видеть и сейчас; если я не ошибаюсь, они подтверждают их существование.

Наконец, никто не знает, откуда и по какому пути они пришли в эту страну».

Версия, записанная хронистом П. Гутьерресом де Санта Клара, несколько отличается от предыдущей. Из этой хроники мы узнаем, что великаны прибыли на «очень больших лодках или бальсах из тростника и сухого дерева, снабженных треугольным латинским парусом» [18, с. 176]. И далее: «Великаны страны рассказали жителю этой земли о том, что они прибыли с больших островов и земель, которые расположены в западной части Южного моря, и что они были изгнаны оттуда великим вождем индейцев, который там появился; что они [индейцы] похожи на них и такого же большого роста, как они. И далее, что много дней плыли они по морю под парусами и управляли веслами и что однажды шторм и буря разбросали их и они не знали, куда плывут, и они желали оказаться скорее поработанными на чужих землях, чем жить в своей стране свободными, но в постоянных войнах; рассказывали они и многое другое» [18, с. 176].

В версиях о великанах, несомненно, больше вымысла, чем правды. Скорее всего единственное зерно истины в том, что плаванья с запада на восток, к берегам Америки, были, и воспоминания о них сохранились у индейцев Перу, хотя бы в столь сказочной форме.

Южноамериканские индейцы рассказывают в преданиях и о дальних плаваньях своих предков.

В одной из поздних легендарных версий, записанных Сармьенто де Гамбоа, рассказывается о том, как Топа Инка Юпанки плавал к дальним островам, лежащим на запад от Южной Америки [19, с. 90—91]. Несмотря на то что сюжет легенды оброс явно вымышленными деталями, он представляет особый

интерес, так как описываемые события относятся к сравнительно недавнему прошлому перуанцев.

Топа Инка Юпанки был правителем империи инков в последней трети XV в. (это дед братьев-правителей, которых застали испанцы). Топа Инка Юпанки расширил границу империи инков, присоединив на севере большую часть современной территории Республики Эквадор. Он захватил государство Чиму и овладел всем побережьем, вплоть до Лимы.

Текст легенды приводится с некоторыми сокращениями:

«[Топа Инка] завоевал всех уанкабиликас, хотя они были очень воинственны и сражались как на суше, так и на море на бальсовых плотах — от Тумбеса до Хуанапы, до Хуамо, до Манты, до Турука, до Квизин. Тогда Топа Инка, продвигаясь вперед, завоевал берег Манты и острова Пуна и Тумбес, туда прибыли купцы, которые пришли с запада морем на бальсах под парусами. От них стали известны земли, откуда те пришли,— это острова Ава-чумби и Нинья-чумби, где много людей и золота. Так как Топа Инка был человеком большой энергии и серьезных замыслов и не довольствовался завоеваниями на суше, то он решил испытать, какое счастье приносит море. Но он не очень-то доверял купцам, плававшим по морям; он говорил так: купцы — это не те люди, которым нужно сразу же верить, так как они много говорят. И чтобы иметь больше сведений, почерпнутых не из торговых кругов, он позвал человека, который сопровождал его в завоевательских походах; звали его Антарки, о нем все говорили, что он большой волшебник, так как мог летать по воздуху. Топа Инка спросил его, верно ли то, что рассказывают об этих островах купцы. Подумав хорошенько, Антарки ответил ему, что купцы говорят правду, и благодаря своему искусству разведал дорогу [туда], повидал острова, их население и, возвратившись, рассказал обо всем Топа Инке.

Тот с уверенностью решил направиться туда. Для этого он сделал огромное количество бальсовых плотов, на которых разместил больше 20 тысяч отборных солдат. Капитанами с собой он взял Хуамана Ачачи, Конде Юпанки, Кихуал Топа из Ханан-Куско, Янкана Майта, Кисо Майта, Качимапака Макус Юпанки, Лымпита Уска Майта (Хурин-Куско); командиром войска назначен был его брат Тилька Юпанки; командовать войском, оставшимся на берегу, назначен был Апу Юпанки.

Топа Инка поплыл и открыл острова Ава-чумби и Нинья-чумби и, вернувшись оттуда, привез черных людей и много золота, [а также] латунный трон, шкуру и челюсть лошади.

Эти трофеи хранились в Куско до прихода испанцев.

...Одни говорят, что Топа Инка путешествовал более девяти месяцев, другие — в течение года, и так как он отсутствовал очень долго, то все считали его уже мертвым...».

Трудно представить себе, что перуанцы на своих бальсовых плотах могли добираться до островов Меланезии. Поль Риве тем не менее ссылается на сообщение Гутьерреса де Санта Клара о двух неграх, живших на побережье Перу, которые рассказывали о том, что они приплыли сюда на бальсах с запада, из

той части Южного моря, которая сейчас называется Новая Гвинея [18, с. 177].

Осколки глиняной посуды, обнаруженные Т. Хейердалом [6, с. 98—120] на Галапагосских о-вах, показывают, что индейцы могли периодически посещать их. Острова Галапагос и Кокос могли служить своеобразной базой отдыха и пополнения запасов пищи для перуанских мореходов, направлявшихся к более отдаленным островам Тихого океана. Благодаря подобным путешествиям (редким или многочисленным) жители прибрежных районов Южной Америки получали сведения о землях, расположенных далеко на западе: «Все эти индейцы, [живущие на побережье], единодушно говорят, что во всех этих морях имеются огромные земли и бесчисленные острова, что их предки добирались туда и что с этого побережья плавали даже до отдаленных земель, перебираясь с одного острова на другой. Указывают, что если плыть все время „дорогой солнца“, то первые из островов [появляются] на расстоянии 100 лиг⁷, там они имели обыкновение запасаться на целый год черепашиным мясом» [18, с. 177].

Остановимся в заключение на сообщении еще одного испанского хрониста: Патер Акоста, который находился в Перу с 1569 по 1585 г., отмечал, что индейцы Ики и Арики имели обыкновение в прежние времена плавать на запад к далеким островам. Это сообщение ценно тем, что Ика и Арика, находящиеся на тихоокеанском побережье южнее Тиахуанако, отмечаются как удобные порты, откуда перуанцы могли отправляться в дальние плавания. Археологические раскопки, обнаружившие здесь доевропейские гуары и плоты из бревен, показывают, что эти районы были древнейшими центрами мореходства в Южной Америке.

Т. Хейердал полагает, ссылаясь на сообщения Акосты и капитана Франсиско де Кадра (который вскоре после завоевания империи Инков получил интересную информацию от старика индейца Чепо), что именно из Арики и Ики перуанские плоты могли отплывать в сторону о-вов Сала-и-Гомес и Пасхи [6, с. 68—69].

Итак, подчеркнем еще раз, что фольклорные памятники как полинезийцев, так и перуанцев наряду с интересными данными, касающимися их мореходства, показывают, что между тихоокеанскими народами существовали морские контакты. Насколько частыми были плавания в Тихом океане, приводили ли они к массовым переселениям с запада на восток и с востока на запад, сказать пока невозможно.

Эта проблема может быть разрешена в будущем усилиями археологов, антропологов и этнографов разных специальностей.

---

⁷ Я. М. Свет не сомневается в том, что речь идет об о-вах Галапагос [2, с. 47].

ЛИТЕРАТУРА

1. В. И. Войтов. Морские пути в Полинезию.— «Природа». М., 1965, № 2.
2. Я. М. Свет. История открытия и исследования Австралии и Океании. М., 1966.
3. Те Ранги Хироа. Мореплаватели солнечного восхода. М., 1950.
4. И. К. Федорова. Ареои на острове Пасхи (по материалам рапануйского фольклора).— «Советская этнография». М., 1966, № 4.
5. И. К. Федорова. Календарь полинезийцев.— Проблемы Австралии и Океании. М., 1976.
6. Т. Хейердал. Приключение одной теории. Л., 1969.
7. К. Akerblom. Astronomy and Navigation in Polynesia and Micronesia. Stockholm, 1968.
8. E. Best. The Maori. Vol. I—II. Wellington, 1924.
9. J. Betanzos. Suma y Narración de los Incas. Madrid, 1880.
10. P. Cieza de León. The Inka. Norman, 1959.
11. Colum D. Legends of Hawaii. New Haven, 1937.
12. Englert S. La tierra de Hotu Matu'a. Las Casas, Chile, 1948.
13. Garsilasso de la Vega. Inka, Histoire des Inkas rois du Pérou. Amsterdam, 1737.
14. J. Golson [a. o.]. A Symposium on Andrew Sharp Theory of Accidental Voyages.— «Journal of Polynesian Society». New Plymouth, 1962, vol. 71, № 3.
- 14a. Handbook of South American Indians. Vol. II. Wash., 1946.
15. Henry T. Ancient Tahiti. Bernice P. Bishop Museum Bull 48. Honolulu, 1928.
16. Métraux A. Ethnology of Easter Island. (Bernice P. Bishop Museum Bull 160). Honolulu, 1940.
17. Mühlman W. E. Die geheime Gesellschaft der arioi. Leiden, 1932.
18. Rivet P. Relaciones comerciales precolombianas entre Oceania y America. Parana, 1928.
19. Sarmiento de Gamboa P. Geschichte des Inkareiches. B., 1906.
20. Sharp A. Ancient Voyagers in Polynesia. Berkeley and Los Angeles, 1964.
21. Tumarkin D. D., V. I. Voitov. Navigational Conditions of Sea Routes to Polynesia. M., 1966.

Ю. Е. Березкин

МОРСКИЕ ПЛАВАНИЯ В МИФАХ МОЧИКА (ПЕРУ)

Приобретший одно время исключительную остроту вопрос о том, предпринимали ли перуанские индейцы плавания к островам Тихого океана, требует более конкретной формулировки. Необходимо выяснить, создатели каких именно культур доиспанской эпохи обладали возможностями для океанских путешествий.

Бальсовые плоты, по образцу которых был построен знаменитый «Кон-Тики», появились в Перу сравнительно поздно, не ранее X в. н. э. М. Кабельо Вальбоа [5, с. 327—330], рассказывая историю династии правителей долины Ламбайеке, сообщал, что ее основатель, Наймлап, приплыл откуда-то с севера во главе бальсового флота. Событие это можно ориентировочно отнести к периоду между 1000 и 1250 гг. Более ранние данные о плотях, будь то сведения испанских хроник, археологические остатки или древние изображения, отсутствуют.

Помимо плотов перуанские индейцы использовали лодки из тростника тотора. До сих пор подобные лодки изготавливают рыбаки Северного побережья и оз. Титикака. Они рассчитаны на одного-двух человек и сделаны из толстых пучков тростника, через равные промежутки стянутых веревкой. Р. де Лисаррага, побывавший на Северном побережье Перу в конце XVI в., описал лодки рыбаков долины Моче [12, с. 494]. По его словам, большинство лодок выдерживало только одного человека, а самые большие — двух. Одноместка была достаточно легкой, чтобы рыбак мог сам отнести ее домой.

Главным источником сведений о тех или иных сторонах культуры доиспанского Перу являются памятники прикладного искусства, прежде всего росписи и рельефы на сосудах. Исследование древних изображений не оставляет сомнений в том, что тростниковые лодки были основным средством передвижения по воде не только в эпоху конкисты, но и до Колумба. Вопрос о том, создатели каких именно древних культур Перу использовали тростниковые лодки для плавания по морю, был в основном изучен еще Ф. А. Минзом [13]. Он пришел к выводу, что все изображения лодок происходят с Северного побе-

режья и относятся либо к культуре мочика (I—VII вв. н. э.), либо к последующим культурам того же региона. Дж. Кублер, исследовавший археологические остатки из отложений гуано на о-вах Чинча, подтвердил выводы Ф. А. Минза [7]. Хотя эти острова находятся в нескольких сотнях километров от территории мочика и лишь в нескольких километрах от Южного побережья, почти все найденные там вещи происходят с севера Перу и относятся к культурам мочика, чиму (предынкское время) или к разделяющей их эпохе. Можно добавить, правда, что изображения лодок встречаются и на тканях XIV—XVI вв. с Центрального побережья [18]. По стилю эти изображения не отличаются, однако, от найденных на Северном побережье и связываются не с местными культурами чанкай и уанчо, а с культурой чиму, влияние которой в предынкскую и инкскую эпоху стало распространяться по всему побережью. Никаких указаний на то, что индейцы Центрального и тем более Южного побережья пользовались лодками до XIV—XV вв., нет. Таким образом, изучение древнейшего перуанского мореплавания сводится к изучению навигации мочика, а следовательно, тех изображений лодок, которые встречаются на мочикских сосудах.

Обычная мочикская лодка существенно не отличалась от описанных хронистами и от современных. В ней помещалось не более трех человек, чаще всего один или два. Гребли узким веслом, почти без лопасти и, разумеется, без уключин. Парус был неизвестен. В лодку клали запас воды и пищи в одном-двух сосудах. При дальних каботажных плаваниях к гуановым островам этот запас, видимо, постоянно пополнялся.

Еще Ф. А. Минз заметил, однако, что наряду с обычными лодками на некоторых вазовых росписях мочика изображены большие корабли, в которых помещается много людей и груза [13, с. 117]. Сам Ф. А. Минз склонялся к мнению, что эти корабли чисто мифические. Чтобы выяснить, так ли это, необходимо обратиться к мочикской мифологии.

Мочика являлись, вероятно, самой развитой из андских цивилизаций своего времени. Экономика культуры базировалась на орошаемом земледелии, но большую роль играли морской промысел и рыболовство. Археологи выделяют в развитии мочика пять периодов. Есть основания полагать, что в период III (т. е. примерно в III—IV вв. н. э.) у мочика складывается классовое общество и государство [3, с. 28—30]. Искусство мочика (вазовая и стенная роспись, рельеф, скульптура) отличалось ясностью и богатством сюжетов и является неоценимым историческим источником. Потомки создателей культуры жили на Северном побережье, вероятно, и после ее гибели и были окончательно ассимилированы лишь в XIX в. (о культуре и мифологии мочика см. [1, с. 117—123, 182, 195; 2; 3]).

Мифологическая система мочика исключительно своеобразна. В основе ее лежали древние представления о некогда насе-

лявших мир людей-животных, вероятно близкие зафиксированным у ряда индейских племен Чако [14; 15, с. 145—159; 16]. Изображения мочика включают около 25 полузооморфных персонажей (с человеческими руками и ногами и головой и хвостом животного). По-видимому, у предков мочика люди-животные считались представителями вымершей мифической расы. Позднее они стали рассматриваться как действующие и ныне зооморфные божества. Большинство этих божеств группируется вокруг антропоморфных персонажей, другие являются их противниками. Антропоморфные персонажи включают верховное божество, связывавшееся с луной (его изображения помещены внутри лунного серпа), а также двух или трех соперничающих культурных героев. Один из них (персонаж А) является одновременно почитаемым божеством, другой (Б) — только действующим лицом мифов. Имелось также несколько категорий низших мифических существ.

Для наших целей особенно интересно, как мочика представляли себе структуру мира, где они помещали тех или иных сверхъестественных существ. Представление о вертикальном членении вселенной на средний (земля), верхний (небо) и нижний миры (или несколько миров) присуще большинству первобытных народов. Оно, быть может, получает особенное развитие с того момента, когда верования, локализирующие мир сверхъестественного в основном во времени, уступают место более развитым религиозным системам, где мифологические существа действуют как в прошлом, так и в настоящем, но отделены от людей в пространстве. При этом на конкретный характер представлений о структуре мира влияют географические и топографические особенности окружающей среды (всем известный пример — помещение «нижнего» мира в низовьях реки). Кечуа делили мир на верхний ярус — небо, место обитания божеств, средний — землю, населенную людьми, животными и духами, и нижний, где помещались мертвые, а также зародыши еще не родившихся существ [20, с. 139—141]. Ярусы связывались змеей-радугой, одновременно являвшейся мировым деревом.

География побережья Перу специфична и не могла не отразиться на структуре мочикского космоса. Пригодная для обитания территория была ограничена узкими долинами (от 1 до 5, максимум 20 км шириной в низовьях) нескольких небольших стекающих с гор рек. Долины разделялись участками пустынь шириной 20—30 км. На востоке, на расстоянии 50—100 км от берега, поднимались вершины Кордильер, на западе расстилался океан. В этих условиях у мочика не могло сложиться представления о мире как о симметричной системе, ориентированной по четырем сторонам света, ибо земля для них выглядела не как помещенная в центре вселенной обитаемая площадь, а как узкая полоска, без четких границ на севере и юге, но тесно

замкнутая с востока и запада. Конкретный анализ изображений позволяет считать, что мочикский космос насчитывал пять отделов: небо, горы, землю, океан и мир мертвых (последний мочика, возможно, помещали на западе за океаном). Небесный свод рисовался в виде гигантской змеи с головами на обоих концах тела.

Как указывалось, зооморфные божества мочика делились на две группы: большинство входило в окружение антропоморфных божеств, другие являлись их противниками. Местом обитания персонажей первой группы считалось небо. Одежда, украшения этих божеств, церемонии с их участием копировали костюмы людей и земные ритуалы. Каждый из небожителей сопоставим с представителями определенной социальной группы, существовавшей в реальном обществе (правители, слуги, воины и др.). Одно и то же антропоморфное божество мыслилось руководителем как небесных, так и земных церемоний (рис. 1). Одинаковые церемонии, происходящие одновременно на земле и на небе, бывают запечатлены на одном и том же сосуде [8, с. 199, рис. 4]. Таким образом, небо являлось в известной мере аналогом земли. Более того, небо и земля различимы, противопоставлены друг другу (как мир божеств и мир людей) лишь при изображении ритуалов¹. Там, где росписи иллюстрируют эпизоды мифов, мифологические персонажи из окружения антропоморфных божеств либо действуют на земле, либо место действия (небо или земля) неопределимо.

В этих иллюстрирующих миф сценах земле как месту обитания и божеств и людей противопоставлено не небо, а море. Очевидно, в представлениях мочика, океан являлся аналогом обычного в других мифологиях «нижнего» мира, а существа, населявшие океан, считались основными противниками и людей, и божеств-небожителей.

Нами выделено примерно 275 сюжетов изобразительного искусства мочика, имеющие отношение к мифологии². Их можно разделить на три группы: 1) иллюстрации к мифам, 2) изображения ритуалов и отдельных персонажей, занятых обрядовыми действиями, 3) портреты персонажей с характерными для них аксессуарами. Распределив сцены по месту действия, получаем следующую картину (см. таблицу).

¹ Что касается гор, то они, очевидно, рассматривались как ступень, переход от земного мира к «верхнему». Здесь располагалось место обитания по крайней мере одного из антропоморфных божеств; здесь же в его честь приносили человеческие жертвы.

² Под сюжетом понимается совокупность изображений, трактующих одни и те же действия одного и того же персонажа или нескольких главных персонажей (второстепенные могут меняться). Число отдельных изображений в сюжете колеблется от 1 до 25, но, как правило, не превышает 5—6. Их распределение по группам сюжетов, выделяемых в зависимости от места действия (море, горы и т. п.), более или менее равномерно. Всего нами рассмотрено около 1000 мифологических изображений мочика.

Рис. 1. Антропоморфное божество, руководящее одной и той же церемонией среди зооморфных божеств [10, с. 179, рис. 3] и людей [10, между с. 172—173, рис. 2]

Рис. 2. Сосуд мочика в виде двух рыбаков в лодке. Между ними кувшин с водой или пищей, рядом лежит пойманная рыба [19, с. 155, рис. 2]

Число сюжетов в зависимости от места действия

Классификация мифологических сюжетов	Место действия			
	Море	Берег моря	Земля, небо и неопределенное местонахождение	Горы
Иллюстрации к мифам	15	18	70	3
В том числе сцены борьбы между мифологическими персонажами	9	6	11	
Изображения ритуалов	2		41	2
Портреты мифологических персонажей	4	2	81	9

Из таблицы видно, что в море и на берегу локализуется почти треть сюжетов — иллюстраций к мифам, в том числе более половины наиболее «динамичных» из них.

Оставив в стороне сцены, разыгрывающиеся на берегу моря (их число, кстати, может быть большим, чем указанное в таблице, так как сюда, вероятно, попадет часть сюжетов с неизвестной локализацией), обратимся непосредственно к морским сюжетам. Их выделяется три группы: 1) изображения морских существ, как таковых, и их взаимоотношений (например, поединок Бога-рыбы и Бога-краба); 2) сцены единоборства божеств с морскими обитателями; 3) сложные сцены с участием нескольких антропоморфных и зооморфных божеств. Последняя категория сюжетов представлена только на сосудах, относящихся к позднему этапу мочикской культуры. Она-то и важна для нас, так как именно на росписях данного типа изображены большие лодки, предназначенные, казалось бы, для достаточно дальних морских путешествий.

Лодка изображается в виде живого существа (монстра) с головами на носу и на корме. Помимо одного-трех мифологических персонажей в ней находятся три-четыре человека-пленника и до 10—11 (вместо обычных одного или двух) сосудов. Сравнивая размеры лодки с размерами антропоморфных фигур, можно заключить, что судно должно иметь 7—8 м в длину. Под ногами стоящих в лодке божеств настелен плетеный мат. Не вполне ясно, расположено ли под ним нечто вроде трюма, где и размещены сосуды и пленники, или же мы имеем дело с условным приемом, когда вазописец стремился дать изображение одновременно сбоку и сверху.

Хотя персонажи иногда держат в руках весла, число гребцов (один-два) явно недостаточно для того, чтобы привести в движение судно, особенно если учесть несовершенную конструкцию весел. Да и сам вазописец не в гребле видел подлинный источник движения. Он либо изображал морских птиц, идущих по воде и тянувших лодку за веревку, либо рисовал под днищем судна ноги, так показывая, что лодка сама бежала по волнам.

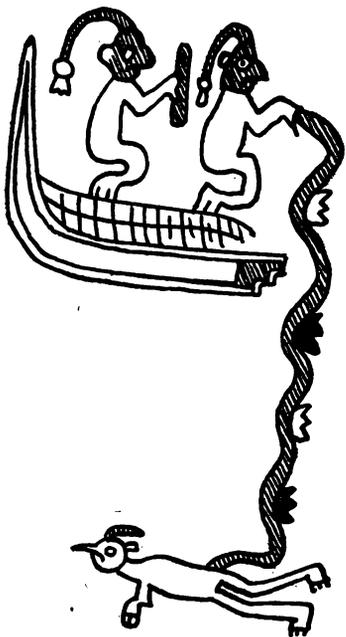

Рис. 3. Сборщик раковин, ныряющий с лодки. Рисунок на ткани из погребения в Пачакамаке [18, с. 41, рис. 24]

Рис. 4. Роспись на сосуде мочика III с изображением антропоморфного божества в лодке. В руках у него сеть [17, с. 55, рис. 75]

Ясно, что без подобных мифических источников движения большая многоместная лодка плыть не могла, а значит, вряд ли можно предполагать наличие реальных прототипов у этих мифических судов.

Иконографически такой тип мифической лодки складывается не сразу.

В сценах, иллюстрирующих морские эпизоды из мифов на керамике раннего этапа развития культуры (мочика I—III по принятой пятичленной шкале), изображения лодок чрезвычайно редки и не отличаются от обычных, промысловых (рис. 4). По-видимому, проникновение в океан мыслилось в основном не как плавание, а лишь как опускание героя в подводный (= потусторонний) мир. Например, антропоморфное божество ловит на крючок Бога-рыбу, а вокруг располагаются обитатели моря (рис. 5). То же можно сказать об изображениях, сделанных в течение среднего этапа (мочика IV). Правда, в это время иконографически уже складывается образ мифической лодки, однако размеры ее пока остаются прежними, небольшими, а сами сцены с лодками хотя и более многочисленны, чем раньше, все еще представлены значительно реже, чем простое погружение в океан. И, наконец, на финальном этапе развития культуры (мочика V) появляются большие фантастические корабли, которые становятся одним из излюбленных в вазовой росписи сюжетов (рис. 6—8).

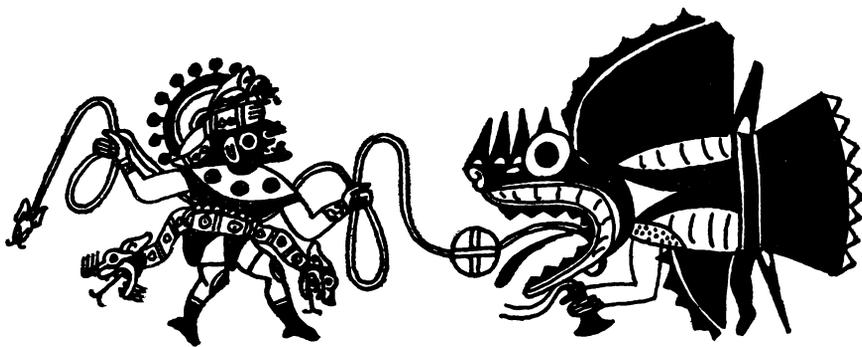

Рис. 5. Роспись на сосуде мочика IV с изображением антропоморфного божества и Бога-рыбы [9, с. 65, рис. 58]

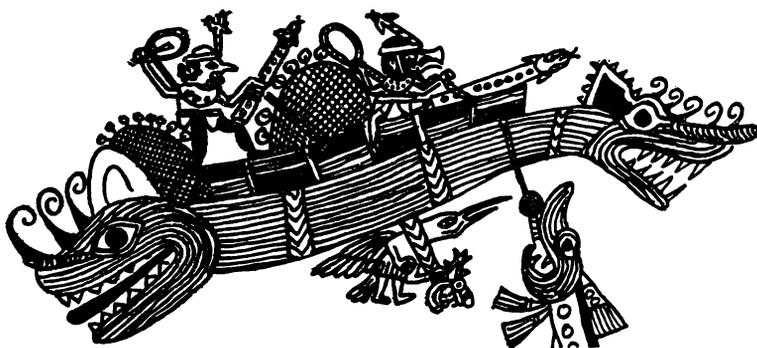

Рис. 6. Часть росписи на сосуде мочика V с изображением мифической рыбной ловки. Морская птица тянет лодку за веревку. Слева в лодке стоит антропоморфное божество (в левой руке у него весла), справа — Бог-утка. Между ними ворох сетей [4, таб. 144]

Рис. 7. Роспись на сосуде мочика V. В лодке слева — бог Луны, справа — один из культурных героев и Бог-орел. В трюмах (?) сосуда и пленники [11, с. 95]

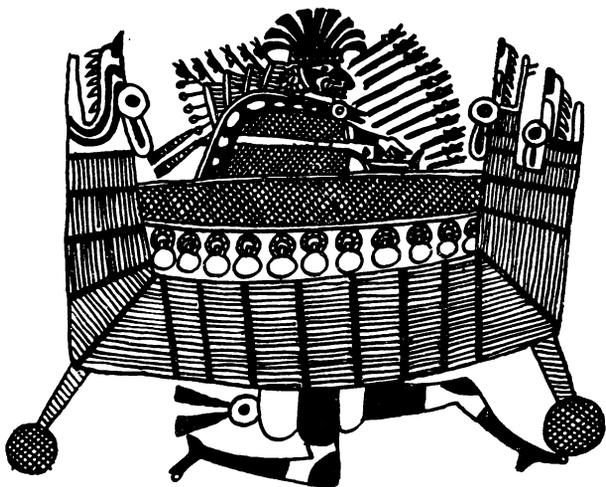

Рис. 8. Сосуд мочика V с изображением мифической лодки. Под днищем лодки ноги, спереди и сзади грузила, в «трюме» — сосуды [9, с. 85, рис. 69]

Таким образом, учитывая 1) конструктивную невозможность использования мочика многоместных лодок при отсутствии сколько-нибудь развитых двигательных средств, 2) наличие исключительно двух-, максимум трехместных лодок в немифологических сценах, в искусстве более поздних культур и в историческое время, 3) представления мочика об океане как о стране волшебного, «потустороннего» и, следовательно, как о незнакомой им в жизни (за исключением узкой прибрежной полосы), можно заключить, что изображения больших мифических лодок не имеют отношения к реальным плаваниям.

Их образ иконографически и, вероятно, в устном мифологическом эпосе также складывается постепенно к концу существования культуры.

Норвежская экспедиция под руководством Т. Хейердала, проводившая в 1953 г. археологическое обследование Галапагосских островов [6], обнаружила керамику, вывезенную в доиспанский период с побережья Перу и относящуюся к эпохе чиму и ко времени между мочика и чиму. Несколько черепков, возможно, происходят с побережья Эквадора. Мочикские вещи отсутствуют. Это обстоятельство хорошо соответствует данным о времени появления в Перу бальсовых плотов. Вероятно, только на них перуанские индейцы могли отправиться в столь дальние путешествия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башилов В. А. Древние цивилизации Перу и Боливии. М., 1972.
2. Березкин Ю. Е. Мифология мочика (Перу).— С.А. 1972. № 4.
3. Березкин Ю. Е. Мочика (Перу). Опыт историко-этнографической реконструкции. Автореф. канд. дис. Л., 1975.
4. Anton F. *Alt Peru und seine Kunst*. Lpz., 1972.
5. Cabello Valboa M. *Miscelánea Antártica*. Lima, 1951.
6. Heyerdahl T., Skjölsvold A. Archaeological Evidence of Pre-Spanish Visits to the Galapagos Islands.— «*American Antiquity*». Vol. XXII, № 2, pt 3. Menasha, 1956.
7. Kubler G. Towards Absolute Time: Guano Archaeology.— «*American Antiquity*». Vol. XIII, № 4, pt 2, Menasha, 1948.
8. Kutscher G. Iconographic Studies as an Aid in the Reconstruction of Early Chimu Civilization.— «*Transactions of the New York Academy of Sciences*». Ser. II, vol. 12, № 6, N. Y., 1950.
9. Kutscher G. *Chimu: eine altindianische Hochkultur*. B., 1950.
10. Kutscher G. Das Federball-Spiel in der alten Kultur von Moche (nord Peru).— «*Baessler-Archiv*», N. F., Bd IV, H. 2. B., 1956.
11. Leicht H. *Indianische Kunst und Kultur*. Zürich, 1944.
12. Lizarraga R., de. Descripción breve de toda la tierra del Perú, Tucuman, Río de la Plata y Chile.— *Nueva Biblioteca de Autores Españoles*. T. 15. *Historiadores de Indias*. T. II. Madrid, 1909.
13. Means Ph. A. Pre-Spanish Navigation off the Andean Coast.— «*The American Neptune*». Vol. 2, № 2, Salem, 1942.
14. Métraux A. Myths of the Toba and Pilaga Indians of the Gran Chaco.— *Memoires of the American Folklore Society*. Vol. 40. Philadelphia, 1946.
15. Métraux A. *Religion et magies indiennes d'Amérique du Sud*. P., 1967.
16. Palavecino E. *Notes sobre la mitología chaqueña*.— *Homenaje a Fernando Marquez-Miranda*. Madrid, 1964.
17. Sawyer A. R. *Ancient Peruvian Ceramics*. The Nathan Cummings Collection. N. Y., 1966.
18. Schmidt M. *Über altperuanische Gewebe mit szenenhaften Darstellungen*.— «*Baessler-Archiv*». Bd I. Lpz.—B., 1911.
19. Schmidt M. *Kunst und Kultur von Peru*. B., 1929.
20. Valcárcel L. *Etnohistoria del Perú antiguo*. *Historia del Peru*. Lima, 1959.

Д. А. Ольдерогге

ДРЕВНИЕ СВЯЗИ КУЛЬТУР НАРОДОВ АФРИКИ, ИНДИИ И ИНДОНЕЗИИ

Проблема древних связей Африки со странами Индийского и Тихого океанов впервые была широко поставлена Лео Фробениусом в конце прошлого века. В 1898 г. молодой, еще никому не известный ученый опубликовал исследование, в котором доказывал, что культура народов Западной Африки создана малайо-нигритами¹ и была привнесена из Меланезии или из Юго-Восточной Азии.

В те годы этнографическое изучение народов Африки еще только начиналось. Археологических раскопок не велось, и потому господствовало мнение, что аборигены Африки, минуя в своем развитии каменный век, перешли к обработке железа непосредственно от производства деревянных орудий. Каких-либо палеоантропологических исследований не было вообще. Поэтому работа Л. Фробениуса основана была исключительно на материалах, которые давало изучение собранных в Африке коллекций, хранившихся в музеях Германии и Швейцарии по преимуществу. На основании распространения различных типов орудий, оружия и других предметов материальной культуры и применения картографического метода Л. Фробениус хотел показать возможность изучения культуры как целостного организма и соответственно воссоздать морфологию культуры. Заканчивая свое исследование, он писал: «Результаты моих изысканий — это триумф музейной науки, так как только при помощи сохраняемых в музеях сокровищ удалось понять структуру культуры... Это, — говорит он, — самым блестящим образом доказывает значение музеев для науки»².

Разобрав и изучив распространение различных типов щитов, луков, ножей, мечей, музыкальных инструментов, циновок, а также типов жилищ и других «элементов культуры», он пришел к выводу, что по своим форме, назначению и материалу все предметы материальной культуры Африки указывают на южно-азиатское или юго-восточно-азиатское их происхождение: либо индонезийское, либо индийское, а в некоторых случаях мелане-

зийское. Поэтому вся культура Африки в целом, и в особенности западноафриканский культурный круг (а таким образом он обозначил единство материальной культуры народов Гвинейского побережья и бассейна р. Конго), была создана малайнигритами, переселившимися из Меланезии и Индонезии на Африканский материк.

Действительно, знакомясь с общим характером условий жизни и быта народов Новой Гвинеи и Западной Африки, нельзя не заметить известного сходства между ними. Еще за 450 лет до Л. Фробениуса это заметили португальские мореходы. Когда Иниго Ортис де Ретес высадился в 1546 г. на берегах неизвестной ему и его спутникам земли, внешний вид ее обитателей, их хижины и окружающий растительный мир показались ему до такой степени сходными с тем, что они уже видели в Африке, на берегах Гвинеи, что открытый ими остров назвали Новой Гвинеей³.

Как известно, работа Л. Фробениуса положила начало новому направлению в немецкой этнографической науке, получившему позднее название культурно-исторической школы. В своих докладах на заседании этнографического общества в 1904 г., обосновывая теоретические положения концепции культурных кругов, представители этого направления Гребнер (на материалах Океании) и Анкерман (на африканских), по существу, лишь уточнили идеи Л. Фробениуса, развили и расширили их.

Африканист Анкерман полностью принял теорию малайнигритского происхождения западноафриканского культурного круга и в том же духе наметил распространение других кругов и слоев в Судане и Восточной Африке⁴. Наиболее полную и последовательно изложенную историю распространения различных типов африканских культур и их происхождение обрисовал известный путешественник, зоолог, ботаник, этнограф, спутник Эмина Паши в его странствиях по Центральной Африке, Франц Штульман. В отличие от этнографов культурно-исторического направления, довольствовавшихся весьма смутным понятием культурных кругов, Ф. Штульман положил в основу своих теоретических изысканий концепцию непрерывных миграций. История Африки, в его понимании, представляла собою не что иное, как непрерывную цепь переселений различных расовых групп, вторгавшихся на Африканский континент извне.

Первоначальная культура аборигенов Африки, по его мнению, была чрезвычайно примитивна. Первая волна темнокожих переселенцев принесла из Юго-Восточной Азии начатки земледелия, лук и стрелы, четырехугольные хижины, обычай организации тайных союзов с их масками и обрядностью и т. п. Этот первичный «слой» культуры объединял народы Западной Африки и Новой Гвинеи, африканцев, живших на берегах Гвинейского залива, и папуасов. Позднее в Африку, как предполагал Ф. Штульман, проникли волны протохамитов, принесших с со-

бой из Южной Азии развитое мотыжное земледелие и зерновые культуры — сорго и пр. За ними последовали волны хамитов, пришедших со стадами длиннорогого скота, быков зебу и т. п. Центром, откуда шли все эти переселения, по мнению Ф. Штульмана, была Южная Азия, в частности дравидийская Индия⁵.

По сравнению с весьма неопределенным понятием культурного круга взгляды Ф. Штульмана казались историчными, но только на первый взгляд. В действительности все эти переселения были столь же нереальны, как и культурные круги. Волны пришельцев были не фактами этнической истории, но всего лишь абстракциями, основанными на изучении распространения предметов материальной культуры, произвольными предположениями о вероятной последовательности занесения в Африку культурных растений и пород домашнего скота. Примером искусственности предположений Ф. Штульмана может служить его рассуждение о двух волнах банту.

Надо сказать, что южную половину Африканского материка населяют народы, говорящие на языках семьи банту. Обитатели области тропического влажного леса и районов, где распространена муха цеце, имеют только коз и овец, так как разведение здесь крупного рогатого скота невозможно. Жители саванн наряду с мелким рогатым скотом разводят как длиннорогий, так и короткорогий крупный скот. Ф. Штульман поэтому видит в них два различных по своему происхождению потока переселенцев — старых и новых банту. Это предположение было принято позднее во многих работах как этнографов, так и лингвистов и разделялось ими вплоть до недавних работ В. Ван Бюлька — известного бельгийского исследователя языков Конго⁶.

Представление о врожденной неспособности к самостоятельному творчеству аборигенного населения Африки казалось до такой степени несомненным, что даже бенинские рельефы сначала признавались изделиями чужеземных мастеров.

Когда на развалинах сожженного английской карательной экспедицией города были найдены бронзовые скульптурные изображения голов царей и рельефы с изображениями сцен охоты, торжественных церемоний, придворных разных рангов и т. п., они были признаны изделиями европейских литейщиков. Неафриканское происхождение техники бронзового литья В. Крамер в отличие от большинства этнографов доказывал не связями с Европой, но искал его происхождение на Востоке. Он видел в этих произведениях проявление характера и стиливых особенностей искусства Индии. По его мнению, не только бронзовое литье, но также ткацкий станок, культ богини-матери, некоторые фетиши и т. д. были занесены в Африку кружным путем из Индостана⁷.

В связи с этим надо отметить, что, говоря о миграциях,

многие ученые не учитывают того обстоятельства, что сравнивают они культуру народов, живущих в сходной географической среде и находящихся примерно на одном уровне общественного развития. Сходные элементы материальной культуры встречаются не только у народов Африки и Юго-Восточной Азии, Африки и Меланезии, но и у народов Африки и индейцев Южной Америки. Это разные типы деревянных барабанов; организации тайных союзов с присущими им масками из дерева, луба и соломы; типы четырехугольных хижин; мужские дома и т. п. В конечном счете все это — элементы культуры народов тропического пояса, находящихся на сходном уровне развития.

Полное изменение в наших представлениях о далеком прошлом Африки произошло в начале нынешнего века. Сначала палеоантропологические находки, а затем открытие наскальных рисунков дали в руки историков и археологов неопровержимые свидетельства глубокой древности и постепенного развития культуры на Африканском материке.

В 1921 г. в Брокенхилле были обнаружены костные останки так называемого родезийского человека, затем последовали многочисленные находки в рудниках Таунг в долине Макапан, Штеркфонтейн, Крондрай и т. д. Тем самым было прочно установлено существование на территории Африки австралопитеков. Затем последовали открытия в Восточной Африке, где еще в 1913 г. был найден череп ископаемого человека. Почти все дальнейшие открытия в этой части Африки связаны с именем Лики. За последние годы число находок безмерно увеличилось. По заключению французского антрополога Арамбура, Африка — единственный материк, где представлены все стадии развития животных предков человека, вплоть до появления *Homo Sapiens*⁸.

Излагать историю археологических открытий, сделанных за последнее десятилетие в Африке, нет никакой возможности. Теперь можно только удивляться тому, насколько изменились наши представления. Открыто огромное количество археологических культур. Соотношение между ними непрерывно уточняется. Обнаруживаются все новые и новые данные. Выясняется картина постепенного изменения климатических условий. В этой связи стоит отметить значение открытия наскальных рисунков не только в Южной Африке, но и во всех горных районах Сахары. Теперь стало очевидным, что ныне необитаемые районы этой огромной пустыни были некогда населены племенами охотников и скотоводов. Огромное значение имело полное изменение в методике изучения археологических материалов. Хронометрические методы дали возможность перейти от определения древности находок в рамках относительной хронологии к установлению датировки по шкале абсолютной хронологии. Появились новые науки — палеоботаника и палинология. Теперь мы знаем, что расовые типы Африки возникли и

развивались на самом Африканском материке, а археологические культуры сменялись постепенно примерно в той же последовательности, что и в других частях света, конечно, со своими особенностями⁹. Так, для Африки существенны противопоставление культур тропического леса культурам саванн, изменения климатического режима Сахары и т. п.

Последние данные радиоуглеродного анализа находок в Африке и Южной Сахаре, в частности, показали, что Африка представляла область, где человечество сделало первые шаги в развитии культуры вообще, где происходило постепенное одомашнивание животных и введение в культуру местных растений¹⁰. Намечается по меньшей мере два центра происхождения многих культурных растений — в Западном Судане, где сохранилось много эндемичных растений, вошедших в культуру (африканский рис, фоньо, ибуру, не говоря уже о различных видах проса и сорго), и в Восточном Судане, где представлены сорго, просо, лен (распространившийся позднее в Индии), энсете, или ложный банан, и другие растения. По-видимому, одновременно происходило одомашнивание животных и развитие земледелия.

Распространение культуры к югу от Судана еще далеко не ясно. Несомненно, вся южная половина Африки была заселена племенами, последними представителями которых приходится считать пигмеев тропического леса, а на юге — различные племена охотников и собирателей — различные группы бушменов в Ботсване и Намибии, квади в Анголе, хада в Танзании, горные дама в Намибии и прочие подобные им по культуре этнические группы. Их в целом можно назвать палеоафриканцами.

В настоящее время в африканистике усиленно дебатруется вопрос о распространении языков банту¹¹, которое обычно представляют в виде переселения единого народа банту и связывают с проблемой появления железа и распространением определенного вида керамики в южной половине Африканского материка. Однако это весьма распространенное в зарубежных работах представление ошибочно. Не следует забывать, что банту — понятие чисто лингвистическое, а народы, говорящие на этих языках, различны и по своему антропологическому типу, и по формам хозяйства, не говоря уже об уровне развития общественного строя. Связывать распространение железа или какого-либо типа керамики с историей распространения языков весьма спорно и по меньшей мере требует доказательств. Долгое время развитие культуры народов Тропической Африки объясняли влиянием древнего Египта. Несомненно влияние древнеегипетской и мероитской культур на культуру древней Ливии и на первоначальное население ее — народы Мазиг (предки берберов) и народы Нильской Эфиопии. Но не следует забывать, что ни египтянам, ни грекам, ни римлянам не удалось

проникнуть в верховья Нила и истоки его были открыты всего лишь немногим более 100 лет назад, да и то их достигли с юга.

Теперь становится ясным, что страны Западного Судана ознакомились с железом независимо от Мероэ. Связи между долиной Нигера и Средиземноморьем существовали очень давно. Наскальные росписи Тассилин-Аджерера показывают, что во II тысячелетии до н. э. существовал путь от Триполи к Нигеру, а другой — от Нигера к Марокко. Однако связи эти позднее оборвались настолько, что уже Геродот (V в. до н. э.) не мог почти ничего узнать о странах южнее Сахары, кроме неясных рассказов о путешествии насамонов в страну юга. После всего сказанного можно поставить вопрос: как же в свете всех новых данных следует рассматривать взаимоотношения культур народов Африки и Индии и Индонезии?

Если отбросить все предположения культурно-исторической школы о малайо-нигритском происхождении культуры Западной Африки, то все же мы видим несомненные связи Африканского материка и народов, его населяющих, со странами Индийского океана — Аравией, Индией и Индонезией.

Так, бесспорно азиатское происхождение зебу. Изображения этой породы домашнего скота мы находим на печатях Мохенджо Даро, на цилиндрах Месопотамии III тысячелетия до н. э. В настоящее время зебу разводят все народы Судана, а также народы, живущие на территории от Эфиопии до Сенегала, и на территории всей Восточной Африки до самого юга. Однако распространение зебу относится к довольно позднему времени: изображений зебу мы не находим ни на памятниках древнего Египта, ни среди наскальных росписей Сахары, хотя на всем ее протяжении всюду найдены изображения как длиннорогого, так и короткорогого скота.

Несомненно азиатское происхождение некоторых растений, например кокосовой пальмы, растущей на берегах Восточной Африки, сахарного тростника и банана, завезенных, по-видимому, из Индии. Азиатского происхождения — манго, апельсинное и лимонное деревья, а также гранат и хна.

Американский этнолог Мердок, автор книги по истории культуры Африки, к числу растений азиатского происхождения относит также рис, таро и ямс¹². Однако это ошибка, так как он не учитывает разновидностей этих растений. Например, ботаники признают, что рис (*Oryza glaberrima*) — африканского происхождения и возделывался в Западном Судане издавна, тогда как азиатский рис (*Oryza sativa*) был завезен в Африку довольно поздно. Некоторые виды ямса — африканского происхождения. Во всяком случае, по свидетельству специалистов, ямс (*Dioscorea rotundata*) засвидетельствован в Африке за несколько тысячелетий до появления земледелия в Африке. Другие виды ямса, по данным ботаника Керси, были известны африканцам задолго до азиатского ямса. В частности, один из них

был введен в культуру в южной части Судана во II—III тысячелетиях до н. э. В этой связи необходимо заметить, что у многих народов Западной Африки праздник нового года связан с урожаем ямса¹³.

Теперь с несомненностью установлено, что просо, сорго, фо-нио — основные злаковые растения, составляющие основу питания народов саванн, — были введены в культуру народами Африки. В полосе тропического леса, где основными продовольственными культурами являются корнеплоды, население издавна возделывало некоторые виды ямса и *Coleus* — ныне почти исчезнувшую культуру¹⁴.

Казалось бы, что все эти данные должны были бы полностью устранить все прежние предположения о решающем значении азиатских влияний на культуру народов Африки. Тем не менее это не так. Некоторые этнографы и лингвисты, например, по-прежнему пытались объяснить причину удивительного единобразия языков банту влиянием индонезийцев. Такого мнения придерживался известный исследователь пигмеев Центральной Африки П. Шумахер¹⁵. Позднее Луиза Омбюрже, французский ученый, специалист в области изучения языков банту, доказывала во многих своих работах, что некогда в области Великих озер Восточной Африки существовала синдо-африканская семья языков и что будто бы индийцы канара создали там государство, в результате распада которого языки смешавшихся народов дали начало языкам банту¹⁶. Нет необходимости долго объяснять, что эти предположения лишены строгих научных доказательств.

Однако если их еще можно считать отголосками прежних взглядов на историю развития африканских народов, то этого нельзя сказать о работах английского музыковеда А. М. Джонса.

В своем исследовании А. М. Джонс, сравнивая ксилофоны Индонезии с африканскими, доказывает, что те и другие основаны на одинаковых принципах и в отличие от европейской гаммы имеют либо гамму с семью равными интервалами в октаве, либо гамму с пятью интервалами. Он отмечает, что эти гаммы встречаются только в малайю-полинезийском мире, а в Африке засвидетельствованы в двух областях — в Судане и в юго-восточной части Африканского материка — от Мозамбика до Уганды. Далее А. М. Джонс сравнивает гонги в виде колокольчиков, встречающиеся у эве на Гвинейском берегу, с яванскими, однострунный инструмент *сесе*, распространенный в Африке, на Мадагаскаре и на Целебесе, сходные типы хорового пения и т. п. Для большей убедительности своих доводов он привлекает и другие данные из области материальной культуры, как-то: распространение судов с аутриггерами и игры, известной в этнографии под арабским ее названием *манкала* (*суах. бау*). Ареал ее совпадает с ареалом распространения ксило-

фонов. А. М. Джонс, повторяя прежние работы Крамера, усматривает в бронзах Бенина индонезийский антропологический тип. Чтобы подкрепить свою теорию, А. М. Джонс приводит мнение английского этнографа Хэттона, известного своими работами по Ассаму, который сравнивал обычаи племен Нага с верованиями некоторых народов Нигерии (вера в уход души во время сна; обычаи ритуальной борьбы на праздниках урожая и плодородия; погребальные обряды, охота за головами, применение ходуль на праздниках и т. п.). Общий вывод автора: индонезийцы пересекли Индийский океан, колонизовали Мадагаскар и Юго-Восточную Африку, а затем, обогнув мыс Доброй Надежды, достигли берегов Конго и Гвинеи. Индонезийцы, говорит А. М. Джонс, были первыми колонизаторами Африки. Куда же они делись? — спрашивает сам автор и отвечает: Африка поглощает все¹⁷.

Существует в эвристике особый вид ошибки — сказать слишком много. Это применимо к доказательству А. М. Джонса. Здесь нет возможности разбирать эти доказательства подробно, но надо отметить, что большинство их, в том числе сопоставления Хэттона, не могут быть приняты всерьез. Несомненно лишь индонезийское происхождение аутриггеров, встречающихся на восточном берегу Африки. Это было давно доказано еще Ф. Штульманом, а позднее Хорнеллом и другими исследователями мореходного дела у суахильцев¹⁸.

Вообще, следует заметить, что без точно установленного исторического контекста какие-либо сопоставления сходных по внешнему виду предметов или обычаев не могут быть признаны доказательными. В этнографической науке они столь же недопустимы, как, например, в лингвистике сравнение одинаково звучащих слов, хотя бы и сходных по значению, вне общего рассмотрения системы звуковых соответствий и изучения основных черт морфологического строя языка не может считаться доказательством генетического родства языков.

Этнографические сравнения А. М. Джонса неубедительны, но остается их музыковедческая сторона. Я не беру на себя смелость судить о ней, могу лишь указать, что специалисты в этой области отнеслись к его теории резко отрицательно. Основной недостаток, отмеченный ими, — неточность измерений и небольшое число избранных им для обмеров инструментов, что не дает права на столь широкие обобщения¹⁹.

Итак, к какому же выводу мы приходим? Как можно оценивать связи Африки с Индией и Индонезией? Существовали ли они и насколько они были существенны?

Заселение Мадагаскара индонезийцами совершенно несомненно. Можно лишь спорить о времени их появления на острове, но в общем оно определяется теперь всеми специалистами довольно единодушно: они относят их переселение к первым векам нашей эры.

Несомненны также весьма древние связи восточного побережья Африки с Южной Аравией.

И заселение Мадагаскара, и плавание вдоль берегов Восточной Африки в сторону Хадрамаута определяются прежде всего наличием течений и ветров, делающих возможным регулярную связь либо в одну сторону, как это обстоит с Мадагаскаром, либо в обе стороны, что связывает Африку с Аравией.

В Этнографическом музее в Лейдене мне довелось среди африканских коллекций обнаружить обломок колонны — часть надгильного памятника, судя по надписи поставленного в память офицера, погибшего во время военной экспедиции в Южную Аравию. По музейным данным, камень этот был найден на африканском берегу, где-то в пределах нынешней Танзании. Очевидно, его подобрал рыбак-африканец, на обратном пути захватив его в качестве балласта. Подобного рода путешествия, очевидно, совершались задолго до того, как греческий мореход Гиппал узнал от индийского моряка возможность плавания при попутных муссонных ветрах, и с того времени плавания из Красного моря в Индию при «ветре Гиппала» становятся обычными²⁰. Изучение восточной торговли греко-римского Египта было в свое время предметом исследования проф. Казанского Университета М. М. Хвостова²¹. С того времени накопилось немало новых данных, позволяющих утверждать существование постоянных торговых связей Эфиопии с Индией. С африканской стороны эти связи простирались далеко в глубь материка, вероятно вплоть до Мероэ. Сохранились свидетельства античных авторов об индийских купцах на берегах Красного моря. Связи Индии с Эфиопией рассматривал в своей работе индийский ученый Сунити Кумар Чаттерджи²². Здесь не место рассматривать все его сопоставления. Укажу лишь на некоторые из них.

Так, по мнению многих ученых, индийское влияние в искусстве Мероэ сказалось в манере изображения львиноголового бога Апеджемака. К этому могу добавить также изображения поверженных фараоном врагов. Сам характер этих изображений, ведущий свое происхождение от сцен композиций такого рода, известных в искусстве Египта со времен Древнего царства, в мероитском искусстве приобрел иной, чисто индийский способ передачи многоголовой фигуры²³.

Мне представляется весьма вероятным и основательным предположение о влиянии индийских силлабических систем письменности на создание древнеэфиопского письма, имеющего точно такой же принцип написания силлабов путем изменения основной формы начертания соответственно изменению гласного звука слога²⁴.

Индийские товары проникали путем караванной торговли далеко в глубь Судана по торговым дорогам, ведущим к оз. Чад. Вероятно, именно этим можно объяснить удивительное сходство металлических украшений (браслетов) весьма своеобраз-

разного типа и особого типа ножей-кастетов, встречающихся в Нигерии и Индии.

О развитии торговли с Индией свидетельствуют слова индийского происхождения в языках сомали, галла, амхарском, харари и языке средневековой литературы Эфиопии — геэз. Известный семитолог Энно Литтман посвятил им специальную работу²⁵. Все эти слова относятся к сфере торговли: это названия драгоценных камней (*берилл, сапфир*), благовоний (*nard, сандал*), пряностей (*имбирь, перец, мускус*) и т. д. Многие из этих слов встречаются не только в кушитских и семитских языках Эфиопии, но и в языках банту Восточной Африки — так, например, *лавка, повозка* и др.

Торговые связи Африки с Индией, Индонезией и даже с Китаем были предметом многочисленных работ Г. Феррана, Хорнелла, Тиббетса и многих других востоковедов²⁶. Находки монет на восточном берегу Африки, а они многочисленны, подтверждают существование широких морских связей со странами Южной Азии²⁷. Это давно было доказано находками фарфора эпохи династии Мин в раскопках в Зимбабве²⁸.

Уже давно было известно, что на берегах Африки — от Бенадира вплоть до Софалы — сложилась особая приморская культура древней Азии. В трудах западных исследователей ее обычно представляют как арабо-персидско-индийскую культуру — чужеземную и, по существу, инородную для Африки. Работы советских ученых, в частности исследования В. М. Мисюгина, показывают, что культура эта имеет в основном местный, африканский характер²⁹. Прежнее представление о суахили как о жаргоне, образовавшемся из смешения арабского языка с местными диалектами, должно быть отброшено. Работы в области сравнительной грамматики языков банту показали неосновательность этого взгляда.

Образ жизни населения, живущего в прибрежной полосе, называемой на языке суахили *rwani*, резко отличался от образа жизни племен, живущих в глубине страны, в *barabara*. На берегах Индийского океана, где сложился язык суахили, их обычаи и вся их культура, издавна было развито мореплавание. Изучение мореходства суахили показывает, что в этой части побережья Африки множество типов судов, некоторые из них, вероятно, южноазиатского происхождения, как, например, *mashua, mtere ngalawa* и др. Терминология, связанная с морским делом, также указывает на это. Так, слово, обозначающее команда корабля на суахили, *nahoz* — индо-персидского происхождения, но попало в Африку через арабов³⁰.

О южноазиатском происхождении многих культурных растений восточной части Африки уже говорилось. Это подтверждают и данные языка. Так, на языке суахили манго называется *embe*. Слово это взято из одного из индийских языков. По свидетельству арабского географа и историка X. в. ал-Масуди, по-

бывавшего на восточном берегу Африки, в стране зинджей, «основная часть пищи их — дурра и растение, называемое *ал-калари*, которое добывается из земли как трюфель и корень ар-расан. Этот ал-калари походит на колоказию»³¹. В современном языке суахили слово это имеет форму *kiazi* (мн. ч.) — *viazi* и означает «бататы». По заключению К. Мейнхофа, оно восходит к древней форме *kilali* и не имеет какой-либо общепантуской основы. По мнению О. Демпвольфа, знатока восточноафриканских языков банту, впоследствии занявшегося малайяо-полинезийскими языками, оно австронезийского происхождения и восходит к названию ямса — *ubikaju*, которое в мальгашском языке дало *uvi* — *kazu*³².

Как же обстоит дело с возможностью индонезийской колонизации Африки, колонизации, достаточно основательной для того, чтобы она оказалась в состоянии определить многие черты культуры народов Африки?

Несомненно, что индонезийцы посещали берега Восточной Африки. Об этом мы имеем непосредственное свидетельство. В книге «Чудеса Индии», написанной либо со слов капитана корабля Бузурга ибн Шихрияра, либо им самим, говорится: «В 334 году (г. х.— Д. О.) около тысячи ваквакских лодок подъехало к Канбалу. Пришельцы упорно воевали с жителями, но не могли их одолеть, так как Канбалу сильно укреплен кругом, а снаружи окружен морским заливом; таким образом, к искусственной крепости присоединяется естественная. Некоторые из туземцев, попав к осаждающим, спрашивали их, почему они пришли именно сюда, а не в какую-нибудь другую страну. Завоеватели отвечали, что приехали исключительно ради местных товаров, которые высоко ценятся у них в Китае, как-то: черепаховая и слоновая кость, тигровые шкуры и амбра; кроме того, они хотели захватить рабов, так как те сильны и выносливы в труде. Путешествие ваквакцев продолжалось целый год. По дороге они разграбили острова, отстоящие от Канбалу на шесть дней пути, и завладели многочисленными городами и поселками в Софале зинджей, не говоря уже про тех, об участи которых нам неизвестно. Если верны слова этих людей относительно того, что их путешествие продолжалось целый год, значит, Ибн Лакис прав, когда утверждает, что острова Ваквак лежат где-то в море, против Китая,— но Аллах знает лучше»³³. Как видим, поход оказался для нападавших неудачным, и, получив отпор, они были вынуждены удалиться. Очевидно, африканские властители были достаточно сильны, чтобы противостоять нападением индонезийских пиратов.

По всей видимости, влияние индонезийцев не проникало глубоко в Африку. У индонезийцев были заимствованы лишь некоторые элементы культуры, как, например, аутриггеры. Однако и сами пришельцы заимствовали из Африки крупный рогатый скот и коз, так как названия домашнего скота и не-

которых растений в малагасийском языке — африканского происхождения, например: *angomby* 'бык' — сокращенная форма *omby* (суахили — *ngombe*); 'коза' *osy*, кит. *usi* (суахили — *mbuzi*); 'собака' *mboa* (суахили — *mbwa*); 'маниока' *mahogo* (суахили — *muhogo*) и др.³⁴.

Со времени нападения индонезийцев на Канбалу прошло более 550 лет, и у берегов Африки появились корабли Васко да Гамы. Огнестрельное оружие давало португальцам превосходство, и с начала XVI в. на побережье установилось их владычество. Оно открыло новую, трагическую для Африки эпоху, эпоху работорговли, которая нанесла народам ее (особенно в западной части материка) огромный ущерб и задержала их развитие. Однако владычество португальцев было относительно недолгим, и уже в конце XVIII в. города-государства Восточной Африки стали вновь самостоятельными.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Leo Frobenius. Ursprung der Kultur. Bd I. Ursprung der afrikanischen Kulturen. B., 1898.

² Там же, с. 301.

³ Wichmann. Entdeckungs-Geschichte von Neu-Guinea. Leiden, 1909—1912.

⁴ В. Анкерманн. Kulturkreise und Kulturschichten in Afrika.— «Zeitschrift für Ethnologie». Bd XXXVII. B., 1905.

⁵ Fr. Stuhlmann. Handwerk und Industrie in Ostafrika. Abhandlungen der Hamburgischen Kolonialinstituts. Bd X. Hamburg, 1910.

⁶ Упоминания о «старых» и «молодых» (новых) банту встречаются во многих этнографических работах начала нашего века, преимущественно в немецких изданиях. а также в исследованиях бельгийского языковеда Ван Бюлька о Конго.

⁷ W. Graheг. Über den Ursprung der «Beninkunst».— «Globus». Bd 94. Braunschweig, 1908, с. 301—303; он же. Über den indo-portugiesischen Ursprung der «Beninkunst».— «Globus». Bd 95. Braunschweig, 1909, с. 349, 360—365; он же. Zur Frage nach der Entstehung der «Beninkunst».— «Globus», Bd 97. Braunschweig, 1910, с. 78—79.

⁸ С. Агамбург. Récents découvertes de paleontologie humaine réalisées en Afrique du Nord Française. L'Atlantropos de Ternifine.— Pan-African Congress on Prehistory. Livingston. L., 1957, с. 194.

⁹ J. Desmond Clark. The Prehistory of Africa. L., 1970.

¹⁰ G. Camps, G. Delibrias, J. Thommeret. Chronologie absolue et successions des civilisations préhistoriques dans le nord de l'Afrique.— «Libya». T. XVI. Alger, 1968, с. 9—28; Fr. Willett. A Survey of Recent Results in the Radiocarbon Chronology of Western and Northern Africa.— «Journal of African History». L., vol. XII, № 3, с. 339—370.

¹¹ О происхождении банту см. «Journal of African History», где помещены статьи: R. Oliver. The Problem of the Bantu Expansion (vol. VII, с. 361—376); М. Posnansky. Bantu Genesis — Archaeological Reflexions (vol. IX, с. 1—11); J. Hiernaux. Bantu Expansion: The Evidence from Physical Anthropology Confronted with Linguistic and Archaeological Evidence (vol. IX, с. 505—515). За этими статьями последовало немало других, опубликованных не только в этом, но и в других изданиях.

¹² G. Murdock. Africa. Its Peoples and Their Culture History. N. Y., 1959.

¹³ D. G. Coursey & C. Coursey. The New Yam Festivals of West Africa.—«Anthropos». Salzburg, 1971, vol. 66, с. 444—484.

¹⁴ F. Buisson. Plantes alimentaires de l'Ouest Africain. Etude botanique, biologiques et chimique. Marseille, 1965. J. D. Snowden. The Cultivated Races of Sorghum. L., 1936. Origins of African Agriculture.—«Current Anthropology». December, 1968, pt II, с. 479—509.

¹⁵ P. Schumacher. Bantu und Indonesier. Eine sprachvergleichende Studie nebst ethnologischen Bemerkungen.—«Bibliotheca Africana». Wien (vol. III, 1925, с. 215—230). Столь же фантастична работа: K. Taüber. Neues über die Herkunft der Negroafrikaner.—«Petermann's Mitteilungen». В., 1929, H. 9/10, с. 236—239. Он доказывает на основании лингвистических сопоставлений заселение Африки дравидами и меланезийцами.

¹⁶ L. Homburger. Les Langues négro-africaines et les peuples qui les parlent. P., 1957. Этому вопросу посвящены, в частности, главы: «Le Sindo-africain» (с. 302—323); «Le canara-Bantou» (с. 324—328). Ею же опубликованы статьи «Elements dravidiens en peul» и «Les Telougous et les dialectes mandes», изданные в «Journal de la Société des Africanistes» (Paris) за 1950 и 1951 гг., где проводится сравнение языков Судана с языками дравидийской семьи.

¹⁷ A. M. Jones. Indonesians in Africa? — «West Africa». December 24. L., 1960, с. 1457; он же, Africa and Indonesia. The Evidence of the Xylophone and Other Mysical and Cultural Factors. Leiden, 1964; он же. Indonesier in Afrika.—«Afrika Heute». В., 1.VIII.1965, с. 192—195. Africa and Indonesia (Фотомеханическое переиздание книги 1964 г. с дополнительной главой: «More Evidence on Africa and Indonesia»). Leiden, 1971). См. также: F. J. Nicolas. Origine et valeur du vocabulaire désignant les xylophones africains.—«Zaire». Bruxelles, 1957, vol. XI, № 1, с. 69—89.

¹⁸ James Hornell. Indonesian Influence on East African Culture.—«Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland». L., 1934, vol. LXIV, с. 305—332.

¹⁹ Mantle Hood [Рец. на:] A. M. Jones. Africa and Indonesia. 1964.—«Man». L., 1965, № 112. E. L. Heins. Indonesian Colonisation of West- and Central Africa.—«Bijdragen tot de Taal- Land- en Volkenkunde». Gravenhage, 1966, с. 274—282.

²⁰ Р. Хенниг. Неведомые земли. Т. 1. М., 1961. О Гиппале см. с. 287—289. Об Эвдоксе — с. 280 и сл. Основное исследование: J. H. Thiel. Endoxus van Cyzicus. Amsterdam, 1939. Mededeelingen der Kgl. Nederlandsche Akademie van Wetenschppen, Afdeling Letterkunde, Nieuwe Reeks, Deel 2, № 8.

²¹ М. Хвостов. История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р. X.—284 г. по Р. X.). Казань, 1907.

²² Suniti Kumar Chatterji. India and Ethiopia from the Seventh Century B. C. The Asiatic Society Monograph Series. Vol. XV. Calcutta, 1968.

²³ Там же. Vol. VII. Изображение Апеджемака. Изображение поверженных врагов см.: P. L. Shinnie. Meroe. A Civilization of the Sudan. L., 1967, с. 90—91.

²⁴ Hans Jensen. Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart. В., 1958, с. 338—339. См. также: Chatterji, с. 49 и сл.

²⁵ Enno Littmann. Indien und Abessinien. Festgabe Herrmann Jacobi. Bonn, 1926, с. 406—417. Цит. по: Chatterji, о. с., с. 22 и сл.

²⁶ И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения. Т. IV. М.—Л., 1957. О работах Г. Феррана см. с. 554 и сл. и список литературы (с. 779).

²⁷ G. A. Wainwright. Early Foreign Trade in East Africa.—«Man». L., 1947, № 161.

²⁸ Saton-Thompson. Zimbabwe. L., 1928.

²⁹ В. М. Мисюгин. Заметки о происхождении восточной мореходной астрономии.—Страны и народы Востока. Вып. VII. М., 1969, он же. Суахильская хроника средневекового государства Пате.—«Африкана». Труды Института этнографии АН СССР. Т. XC. 1966; он же. Основные черты этнической истории суахили (рукопись канд. дисс. Хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина).

³⁰ Описанию типов судов, встречающихся на восточном берегу Африки, посвящена довольно значительная литература. Основная работа Хорнелла интересна главным образом тем, что он приводит сведения о распространении аутриггеров в Индонезии и в Африке. Как и многие английские этнографы того времени, он не избежал явно расистских представлений о влиянии северной крови на культуры народов юга. В своей статье он приводит много сведений о преданиях, встречающихся в арабоязычных источниках и в устной традиции. Этнографические сопоставления относятся главным образом к мореходному делу и сравнению музыкальных инструментов, что позднее было гораздо подробнее разобрано Джонсом (J. Hornell. *Indonesian Influence on East African Culture*.—*Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain & Ireland*. L., 1934, vol. LXIV, с. 305—332). Более подробные сведения о различных типах судов у суахилийцев см.: W. H. Ingrams. *Zanzibar. Its History and Its People*. L., 1931, с. 302—308; A. H. J. Prins. *Uncertainties in Coastal Cultural History: The «Ngalawa» and the «Mtepe»*.—*Tanganyika Notes & Records*, с. 204—213; он же. *Sailing from Lamu*. Alben, 1965; G. W. Hatchell. *The Ngalawa and the Mtepe*.—*Tanganyika. Notes and Records*. 1961, с. 210—215; Ch. Sacleux. *Dictionnaire Swahili-Français*. P., 1939 (с. 610 — Mtepe; с. 678 — Ngalawa; с. 663 — Nahoza).

³¹ Арабские источники VII—X вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары. М.—Л., 1960, с. 238 и 392.

³² В. К у м м. *Wörter und Wortformen orientalischen Ursprungs im Suaheli*. Hamburg, 1932, с. 78, 76 и т. д.

³³ Бузург и бн Шахрияр. Чудеса Индии. М., 1969, с. 110—111. См. также: «Арабские источники по этнографии и истории Африки VII—X веков». с. 216.

В обстоятельном исследовании Р. Хеннига «Неведомые земли» (Т. II. М., 1961, гл. 108, с. 380—388 — «Колонизация Мадагаскара малайцами с Явы») приводится текст сообщения Идриси, где говорится о том, что у зангов нет кораблей для плавания по морю. Р. Хенниг поясняет слово «занг» указанием, что оно означает жителей Мадагаскара. Но это ошибка. Термином «занг», «зенг» арабы обозначали всегда лишь обитателей Восточной Африки, скорее всего бантуязычное население побережья. Это с несомненностью доказывается теми немногими словами из языка зинджей, которые приводятся в сообщениях арабских географов и путешественников и которые находят свое объяснение из языков банту.

³⁴ H. Deschamps. *Histoire de Madagascar*. P., 1960, с. 20. P. Boiteau. *Madagascar... Contribution à l'Histoire de la Nation Malgache*. P., 1958, с. 39.

Е. А. Крейнович

ИЗ ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ ОХОТСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

По данным языка и фольклора
эвенских селений Армань и Ола)

Данные археологии и этнографии свидетельствуют о том, что в очень давние времена люди, оснащенные палеолитическими орудиями, приходили в суровые области Севера, изобиловавшие животными, рыбой, птицами, и заселяли их.

На побережье Охотского моря, в северной его части, в районе селения Армань, в устье р. Ойры, и на о-ве Недоразумения археологи обнаружили стоянки «с каменными орудиями неолитического облика» [5, с. 29]. От них несколько отличается неолитическая стоянка, найденная на о-ве Ольском — Завьялова [5, с. 40—44]. Пока это наиболее древние следы неолита, найденные в этом районе. Благодаря им можно предположить, что заселение Охотского побережья имело четыре этапа. Первый был осуществлен неизвестными создателями неолитических стоянок на р. Ойре и на о-ве Недоразумения; второй — создателями неолитической стоянки на о-ве Ольском; третий — предками современных коряков, происхождение которых также неизвестно; четвертый — тунгусскими народами [ср. 5, с. 29—31]. О четвертом этапе в этой статье и будет идти речь.

Р. С. Васильевский приводит предание о заселении Охотского побережья орочами-эвенами, которое он в 1961 г. записал со слов В. Ю. Баара — старейшего жителя поселка Балаганного. Последний же в 1934 г. записал его от П. Горшково, 80-летнего старика, по-видимому эвена [5, с. 48]. Приводим это предание.

«Давным-давно это было. От р. Мотыклейки и до Армани и дальше по берегу моря и на островах Коровий (о. Спафарьева)¹ и Ольский (о. Завьялова) жили коряки. Жили стойбищами в землянках. Охотились больше всего на морского зверя. Потом с севера из тайги пришли орочи. Между коряками и орочами началась жестокая вражда. Орочи теснили коряков и занимали их места жительства. Коряки ушли дальше по берегу моря. Но отдельные группы их приплывали на байдарках в Амахтонский залив для охоты на морского

---

¹ В круглых скобках даны пояснения Р. С. Васильевского.

зверя. На берегу Амахтонского залива (в районе современного мыса Северного) и произошла последняя битва. Здесь орочи выследили коряков. И когда те ушли на промысел, оставив у мыса байдары, орочи пробили днища байдар, а затем напали из засады на коряков и всех до одного перебили. После этого коряки перестали охотиться на Амахтоне» [5, с. 48—49].

Южная граница расселения коряков на Охотском побережье пока еще остается невыясненной. Только археологические раскопки и, возможно, топонимические данные позволят когда-либо установить ее. Исторические данные XVII—XVIII вв., по мнению Н. Н. Степанова [24, с. 134] и И. С. Вдовина [6, с. 172—173], дают основание говорить лишь о том, что южной границей расселения коряков была р. Яма. Это подтверждают и этнографические данные, записанные нами. Территория же, расположенная к югу от р. Ямы, была ареной ожесточенной борьбы между пришлыми ороченами (эвенами) и коряками, сражавшимися с ними, очевидно, за те территории, на которых они когда-то обитали.

В зиму 1943—1944 года нам пришлось быть на Охотском побережье, в селении Армани. Там мы занялись изучением арманского диалекта эвенского языка. Осуществить широкое исследование этого диалекта, описание которого предполагалось отправить акад. И. И. Мещанинову, нам в ту зиму не удалось. На основании собранных нами материалов был написан краткий очерк «Арманский (камчадальский) диалект эвенского языка»². В нем был представлен состав фонем, описаны диалектологические соответствия с орочским диалектом (к которому впоследствии ничего нового добавить не удалось), в очень кратких чертах изложены особенности частей речи, приведены парадигмы склонения и спряжения, в том числе и спряжение вспомогательных глаголов «быть» и «не быть», приложены два текста с переводом и словарь в 500 с лишним слов с лексическими параллелями из ороцкого диалекта³. Языковые материалы, приводимые в этой статье, взяты из рукописи этого очерка⁴.

Аборигены Армани делят себя на две группы: мыны (мэ-нэ) — оседлых и орочэл (мн. ч. от *ороч* 'оленный') — оленных [13, с. 3; 18, с. 10; 25, с. 6]. Первые в отличие от вторых именуют себя по-русски «камчадалами» и считают себя основателями селения Анмыл (рус. *Армань*).

---

² В нашей работе «Гиляцко-тунгусо-маньчжурские языковые параллели» [10] имеется ссылка на рукопись этого очерка и приводятся некоторые лексические параллели из этого диалекта.

³ Эти параллели были составлены при помощи краткого эвенско-русского словаря В. И. Левина [13, с. 13—104].

⁴ Рукописная копия этого очерка была передана мною Л. Д. Ришес, когда она в 1946 г. приехала изучать арманский диалект, о чем она сообщает в своей опубликованной статье [22, с. 146] и в рукописи своей диссертации [20, ч. I, с. 270].

24 февраля 1944 г. от «камчадала» средних лет Иннокентия Шахурдина мы записали предание об истории основания селения Армань и перевели его с ним на русский язык. 18 марта того же года это предание и его перевод были проверены со стариком «камчадалом» Саввой Шахурдиным. Последний внес в него некоторые исправления, с которыми этот текст публикуется. Предложения № 30, 31, 33 и 34 в тексте принадлежат С. Шахурдину. Приводим текст и перевод этого предания⁵.

(1) Со:пта н'амал анга амаски мун'ил ханылбу би:ситна н'угвэттил. (2) Нонгартан горгинд'и дигинд'и н'угритнэ,— торнын гырбулын н'уксин'итнэ. (3) Бак"ритнэ а:нмыл а:ма:рван. (4) Ырыв а:ма:ру ыйэки н'угритнэ. (5) Бак"ритнэ ла:му. (6) Титак"ан, ырбыс, к"айа:ки, разный дыйу куйэ:ллэ. (7) К"омайав, ла:ргайав, а:кибайав, со:пта ла:м д'ылгынкывын куйэ:ллэ. (8) А:ма:длэ со:пта разный олчав куйэ:ллэ. (9) Нонгардутнэ сыбдын' он. (10) Мо:д'и ва:ниннэ олчав, ти:так"айав, ы:рбы:сйэв ва:ниннэ. (11) Нонгартан му:грэ, мыны:вд'ы:ндыврэ, оролбур му:грэ ва:даврэ, быгытчыврэ д"ок"арэ ва'даврэ оролбур. (12) Д'у:лгаврэ оллэ, бивысыллэ, олчид'и быйнгыд'ыврэ, ла:м д'ылгынкывын быйсыллэ. (13) Бак"тирэвнэ э:втиги бисин. (14) Адлэ э:втиги бисин. (15) Адлагаврэ к"арэлагинд'и ток"ривнэ, ингривнэ. (16) Тарад'и олчав н'эводдэ. (17) Мо:мигаврэ о:ритнэ. (18) Тарад'и мо:мирк"асвата. (19) Ти:так"а:м готчав уйрэлэ ибсимкэнвэтта мыкыду унду. (20) А:рбурк"ин ти:так"а:м нга:лд'иврэ сыпкувэттэ. (21) К"омайав айирд'и айидлаватта. (22) Тарад'и быйнгыд'ыврэ о:р.

(23) Мун'ил долла, ыйыкыл о:лладоллун войивайра. (24) О:лла быйилбэн со:пта ва:р. (25) Асалбу тэк"лав гырбырkitнэ, сыпкынкэнурдэ йатлаватнэ т'ок"ваттэ, ко:кэвытнэ минывыттэ.

⁵ Транскрипция слов арманского диалекта и ольского говора эвенского языка приспособлена в этой статье к машинному набору. Фонемы арманского диалекта обозначаются следующими знаками: гласные переднего ряда верхнего подъема — *и, и:*, *э, э:* (двоеточием обозначается долгота гласных); гласные среднего ряда среднего подъема — *ы, ы:*; гласные заднего ряда нижнего подъема (нелабиализованные) — *а, а:*; верхнего и среднего подъема (лабиализованные) — *у, у:*, *о, о:*. Согласные губные — *п, б, в* (губно-губная фонема), *м*; переднеязычные — *т, д, с, ч, н, р, л*; среднеязычные — *т', д', н', й*; заднеязычные — *к, г, нг*; увулярные — *к"*; фарингальные — *х*. Система гласных фонем, выявленная К. А. Новиковой в ольском говоре [18, с. 32—52; 26, с. 696—697], не может быть отражена полностью в этой работе средствами машинного набора. В связи с этим слова ольского говора приводятся в несколько упрощенном написании. Фарингализация обозначается точкой справа от гласного. Дифтонгоидный гласный переднего ряда более нижнего подъема, чем *э* [18, с. 44], обозначается графемой *я:*. Огубленный гласный заднего ряда среднего подъема более закрытый, чем русское *о*, обозначается знаком «о». Написание слов ольского говора в настоящей статье проверено К. А. Новиковой. Долгота гласных в словах арманского диалекта приводится по Л. Д. Ришес [26]. Понятия «орочский диалект» и «ольский говор» употребляются разными авторами как синонимы. Как гаковые, они употребляются и в этой работе.

(26) О:лла быйилнэ а:нмыл быйилбэн кыллэ. (27) А:нмыл сак"тингилби быйингилби унгылнэ войивайдатнэ. (28) Тарад'и о:лла быйилбэн айра. (29) Тарк"ам ыйык сак"тингилби быйингилби а:нмылтиги милынэвкыннэ. (30) А:нмыл солгилан кынгрэговрэ о:р. (31) Тала: эрк"аттэ. (32) Тарав а:нмыл соминнэ мыднэ, д'алтыки мутумкэннэ — „мутыки ыйык милынэрин“ (33) А:нмыл быйылнэ ыйыкылбу бак"ра, кынгрэдолан бак"ра нонгарбатнэ. (34) Тала: сыпкыннэ нонгарбатнэ тала: ва:р.

Перевод

1) Много сот лет назад наши родичи были кочующими. (2) Они издалика, из тайги, перекочевали, по земле исключительно кочевали. (3) Нашли арманскую реку. (4) Вниз этой реки перекочевали. (5) Нашли море. (6) Уток, гусей, чаек, разных птиц увидели. (7) Нерпу, ларгу, акибу — много морского зверя увидели. (8) В реке много разной рыбы увидели. (9) Им радостно стало. (10) Палкой убивали рыбу, уток, гусей убивали. (11) Они подумали, оседлыми стали, оленей, подумали, убили, все согласились убить оленей. (12) Дома сделали, жить стали, рыбной ловлей стали заниматься, морского зверя промышлять стали. (13) Ружей не было. (14) Сетей не было. (15) Сети из растения к"арэла сучили, вязали. (16) Тем рыбу ловили. (17) Лодки делали. (18) Тем [на лодках] ездили. (19) Уток линияющих в устье загоняли [во время] большого прилива. (20) В отлив уток руками хватали. (21) Нерпу острой кололи. (22) Тем промышляли.

(23) Наши услышали, ямские жители с ольскими воюют. (24) Ольских людей много убили. (25) Женщин, когда они ягоды собирают, хватают, глаза [им] колят, груди режут. (26) Ольские люди арманских людей позвали. (27) Армань бойких людей послала воевать. (28) Тем ольским людям помогли. (29) Тогда ямские бойких людей в Армань отправили. (30) Повыше Армани ямы сделали. (31) Там спрятались. (32) Об этом арманский провидец узнал, товарищам сказал: «К нам ямские отправились». (33) Арманские люди ямских нашли, в яме нашли их. (34) Там схватили их, там убили.

Во время перевода текста на русский язык Иннокентий и Савва Шахурдины слово «ыйык» переводили мне только словом «ямские», т. е. жители Ямска. Между тем точное значение этого слова выясняется из языка орочей. У последних *хыйык* означает 'оседлый коряк'. Следовательно, записанное предание повествует о войнах древних эвенов, вышедших на Охотское побережье, с коряками, которые в то время жили еще в Ямске. Савва Шахурдин полагает, что они происходили очень давно — может быть, 300 или 500 лет назад.

Л. Д. Ришес, которой было известно приведенное здесь предание, также собирала сведения о происхождении оседлых эвенов. Материалы, записанные ею, также показывают, что оседлые эвены Охотского побережья помнят о времени, когда они еще имели оленей и были кочевниками [20, тексты № 13,

23, 25, 41, 43, 58, 61]. Важным является записанное ею от Саввы Шахурдина предание о том, что предки оседлых эвенов Армани пришли в него из местности, находившейся за Колымой и носившей название Мола, «потому что там нет деревьев» [20, с. 396]. Это сообщение приобретает особый интерес в свете другого предания, приводимого ниже, в котором сообщается, что по пути своего движения на северо-восток орочи встретились с юкагирами, которые, как известно, обитали на Колыме.

Предание было записано К. А. Новиковой в ноябре 1945 г. на ороческом языке в селении Дюмандя Ольского района от эвена Ивана Фарфоломеевича Хабарова. Оно содержит в себе очень важные данные для выяснения истории заселения Охотского побережья. Привожу его перевод на русский язык, принадлежащий К. А. Новиковой.

«Триста с лишком лет тому назад в Ольском районе была вражда (война)⁶. Орочи с коряками сделали большую войну. Много сотен орочей было убитых, коряки тысячами были убиты. Мы знаем, что война эта действительно была. И сейчас, в наши дни, лежат человеческие кости, остались деревянные луки, стрелы, остовы старых юрт и т. д. Действительно, в то время это была большая война. Со времени той войны прошло много времени. Старые люди так рассказывают об этой войне.

Коряки жили около берега моря. Они жили стойбищами от местечка Корнингэ⁷ вокруг полуострова Кони, на Сиглане, дальше на Средней, на речке Ояри, в Ямске и дальше. Эти коряки пришли давно с востока, по берегу Охотского моря (по северной стороне его), изча богатой охоты. Первые дошли до местечка Корнингэ. Часть (т. е. те, которые шли вслед за ними) остановилась в обратную сторону от Корнингэ (т. е. останавливались по пути своего следования). Коряки оленей не держали. Они держали ездовых собак. У всех хороших охотников (их) были очень хорошо обученные собаки.

Коряки жили оседло. Больше охотились на морского зверя, на таежных зверей охотились мало. Коряки — хорошие охотники, жили только своей охотой. Коряки с орочами враждовали: „охотились“ друг на друга и убивали. Когда коряки „охотились“ за орочами, то с вершин гор, небольших возвышенностей и склонов выглядывали обычно только макушки (их голов). Тогда макушки только их виднелись. Так следили (наблюдали за орочами) целыми днями. Потом, когда стемнеет и наступит ночь, ползут (т. е. спускаются с гор) к той юрте, которую они видели с вершины горы, убивать (ее обитателей). Придя к той юрте, привязывают ремни к жердям над дымовым отверстием и дергают во все стороны. Таким образом коряки убивали орочей, это был их основной прием. Когда они обычно подсматривали, тогда орочи днем видели макушки коряк[ов]. И поэтому орочи называли их хэеками⁸.

В тайге раньше помимо орочей жили нюрямни. И когда орочи туда приехали, тогда этих нюрямней повстречали. Нюрямни с орочами не хорошо жи-

⁶ Пояснения в круглых скобках принадлежат К. А. Новиковой.

⁷ Местоположение селения осталось невыясненным.

⁸ Эвенск. хэ:е: ‘макушка, вершина’ [26, с. 257].

ли, не ладили. С ними вражда началась, много орочей и нюрманей погибло. Орочи не знали, как эти нюрмани называются. Основной хитростью (борьбой) у этих нюрманей было подкрадывание. И когда ловили орочей, то подкрадывались обычно незаметно, беззвучно (неслышно). Иногда у спящих, а иногда и у сидящих орочей воровали их стрелы. Вот поэтому-то орочи этих людей за то, что они были мастерами подкрадываться, называли нюрманями⁹.

Потом много лет враждовали. Поэтому-то большинство орочей прикочевали к морю. С этими нюрманями до сих пор не помирились. Поэтому после этого этих нюрманей орочи называют врагами. Только после многих лет, когда стала Советская власть, орочи стали называть этих врагов юкагирами. Сейчас юкагиры живут по реке Колыме. Сейчас орочи с юкагирами живут очень хорошо.

В этих местах много сот лет жили коряки. Однажды пришли орочи с запада навстречу корякам. Орочи эти бежали, искали себе родину. Они ехали друг за другом на оленях, ехали отдельными группами, часть по тайге, часть по берегу моря. Главным в жизни орочей была охота на таежных зверей. В тайге орочи встретили нюрманей (юкагиров). Отношения их стали враждебные. Когда в результате этой вражды жизнь стала трудной, часть орочей ушла к морю. Придя к морю, нашли богатую охоту и навсегда остались здесь. Однажды орочи, придя на море, остановились (стойбищем) у устья одной реки. Один их товарищ, заглянув в реку, увидел очень много рыбы. Тотчас же крикнул, позвал своих товарищей: *ола* (т. е. рыба). Ту реку называли *Олой*. Прежде чем ловить рыбу, оленей своих отпустили. Пять дней не ходили к своим оленям, а на шестой день оленей своих не нашли. И так навсегда потеряли своих оленей. Тогда потерявшие своих оленей орочи стали жить оседло на Оле (т. е. осели на Оле). Кочевые орочи тех ставших оседлыми единоплеменников своих называли мэнэ. По-иному говоря, *мэ:ннглл* — свои. И поэтому про безоленных орочей, живущих оседло, говорят обычно *мэ:нэвд'экэт* — живущие оседло.

После них другие орочи прикочевали из тайги и осели вблизи Олы. Ту землю называли *Ханмыл*. Часть орочей там стала жить оседло. Сейчас называют *Армынь*. Часть орочей, кочуя, нашла очень богатое место. Там кочевники собираются для охоты (т. е. чтобы охотиться). То место, богатое охотой, стали называть *Асыгнаны*. Сейчас говорят *Сиглан*. Здесь, в Сиглане, орочи стали жить оседло всего несколько лет тому назад.

На берегу моря орочи нашли людей. Когда впервые встретились, решили, что это нюрмани. Они же, когда бежали с запада, в тайге нашли нюрманей. Затем на берегу моря нашли незнакомых людей, и поэтому они решили, что

---

⁹ По поводу нюрманей К. А. Новикова сообщает в своей диссертации следующее: «Нюрмани — по преданиям, племя людоедов, жившее в глубине материка и занимавшееся разбоем: В записанном мною предании *хунмэд'эк* название это связывается с глаголом *нюрма-дай* — подкрадываться, так как основным качеством этого племени была способность незаметно, неслышно подкрадываться к своим врагам» [16, с. 335]. Надо еще отметить, что в эвенкийском языке словом *нюрин*, *нюрумнял* назывались эвенки, жившие в верхнем течении рек Нижней Тунгуски, Подкаменной Тунгуски и по другим рекам, в частности по истокам Вилюя [16, с. 582]. Вместе с тем надо указать, что в эвенкийском и эвенском языках словом *нюр* называется стрела [3, с. 308; 26, с. 595].

это также убийцы. И тогда орочи друг другу (между собой) сообщали. А коряки также решили про орочей, что они убийцы. Коряки беспокоились, главным образом, за то, что орочи отнимут у них их богатое место (поселок). И поэтому они также между собой договорились, чтобы орочей убить (уничтожить)»¹⁰ [16, с. 323—326].

В этом предании важно подчеркнуть следующие моменты.

1. Предки современных орочей бежали от кого-то на северо-восток. Трудно теперь установить, кто их вытеснил с насиженных мест.

2. На северо-востоке орочи столкнулись с юкагирами, с которыми вели продолжительные сражения, в результате которых им пришлось уйти дальше на северо-восток.

3. Выйдя на востоке к берегу Охотского моря, орочи встретились там с коряками, которые жили еще тогда в районе нынешнего Магадана.

Предание, записанное нами в Армани, повествует, несомненно, о более позднем времени, когда коряки были уже оттеснены к Ямску.

В Ямске орочи также воевали с коряками, о чем рассказывает предание, записанное в 1958 г. от 80-летнего старожилы селения Ямск эвена А. П. Федотова. С эвенского на русский предание переведено М. Г. Трифионовой.

«С дрезних времен орочи и коряки воевали между собой: у обеих сторон всегда были большие потери.

Однажды старики орочи пришли к корякам и сказали им, чтобы был вечный мир, больше воевать не надо. Но это был настоящий обман, так как много позже многие коряки были убиты орочами. Лишь один молодой коряк остался жив. Испугавшись орочей, он убежал из старого Ямска в сторону полуострова Пьягина на Кипкичек (на современных картах бухта Кип-Кич.— *Прим. пер.*) и спрятался около сопки, подумав: „Пусть орочи придут сюда, окружают сопку, но меня не найдут“.

В это время орочи пошли вслед за коряком и догнали его в местечке Кипкичек. Между коряком и орочами началось сражение. После долгой борьбы коряк был убит. С тех пор между орочами и коряками установился мир.

В старом Ямске стали жить коряки, а орочи откочевали в горы и остались там жить, ведя кочевой образ жизни» [9, с. 140]¹¹.

Сражения орочей с коряками происходили и севернее Ямска. В предании «Уничтожение Каддяка», записанном К. А. Новиковой, говорится: «Так орочи уничтожили коряков всех до одного на острове, недалеко от Гижиги» [16, с. 335].

¹⁰ Продолжением этого предания служат тексты: «Война», «Постоянные убийства Каддяка» (т. е. убийства, непрерывно совершаемые коряком Каддяком.— *Е. К.*), «Уничтожение Каддяка» [16, с. 326—335]. Здесь эти материалы не приводятся. Краткое изложение всего предания опубликовано К. А. Новиковой в ее книге об эвенском фольклоре [19, с. 82—88].

¹¹ Более подробный вариант такого же предания приводится в статье А. В. Беляевой [1, с. 78—79].

Итак, приведенные здесь предания повествуют о древних сражениях орочей с коряками на большом протяжении — от Армани до Гижиги. В настоящее время трудно, конечно, во всей полноте восстановить характер сражений аборигенов — коряков с пришельцами — орочами.

Современные языковые материалы дают основание говорить о том, что, по-видимому, были две волны орочей, вышедших на Охотское побережье в разное время. Наиболее ранняя волна была представлена эвенами, именуемыми в настоящее время *мыны* (*мэнэ*). Особенности их языка наиболее отчетливо представлены у обитателей Армани.

Лингвистический анализ данных, записанных нами в Армани, позволил выявить важнейшие фонетические соответствия между арманским диалектом и ольским (орочским) говором, на которых говорят современные аборигены Армани. Диалектные соответствия обозначаются знаком (=) — равенства; Ø — отсутствие звука; (А. д.) — арманский диалект, (О. г.) ольский (орочский говор). Отмечаются следующие соответствия в гласных и согласных звуках, существующие между ними¹².

о (А. д.)=у (О. г.): *док"ун* (А. д.), *дук"ун* (О. г.) 'письмо'; *д'огани* (А. д.), *д'угани* (О. г.) 'лето'; *н'оморэннэ* (А. д.), *н'умари'нни* (О. г.) 'стыдиться'; *оливнэ* (А. д.), *уливу* (О. г.) 'весло'; *то:р* (А. д.), *ту:р* (О. г.) 'земля'; *торки:* (А. д.), *турки* (О. г.) 'нарта'.

у (А. д.)=о (О. г.): *урат* (А. д.), *орат* (О. г.) 'трава'; *укубы* (А. д.), *окубы* (О. г.) 'горбуша'; *улыттин* (А. д.), *олыттин* (О. г.) 'сварил'; *тунгыр* (А. д.), *тонгыр* (О. г.) 'озеро'.

ø (А. д.)=и (О. г.): *улки* (А. д.), *олкк* (О. г.) 'белка'; *д'илки* (А. д.), *д'илики* (О. г.) 'горноста́й'; *икри* (А. д.), *икири* (О. г.) 'кость'¹³.

ø (А. д.)=а (О. г.): *тарк"ам* (А. д.), *тарак"ам* (О. г.) 'тогда'.

С (А. д.)=Х (О. г.): *сабнэ* (А. д.), *хабда* (О. г.) 'капля'; *сади* (А. д.), *хагди* (О. г.) 'старый'; *саман* (А. д.), *хаман* (О. г.) 'шаман'; *сан'* (А. д.), *ха:ни'н* (О. г.) 'дым'; *сангар* (А. д.), *хангар* (О. г.) 'отверстие'; *савса* (А. д.), *хя:вус* (О. г.) 'гнилое дерево'; *сэннгы* (А. д.), *хыннгы* (О. г.) 'жабры'; *си* (А. д.), *хи:* (О. г.) 'ты'; *сингку* (А. д.), *хингку* (О. г.) 'темная ночь'; *сырынг* (А. д.), *хирыннгэ* (О. г.) 'крутой чай'; *си:ви:н* (А. д.), *хи:ви:н* (О. г.) 'тушение', 'гашение'; *соли* (А. д.), *хуличан* (О. г.) 'лиса'; *солта* (А. д.), *хулта* (О. г.) 'мука из сушеной рыбы (пóрса)';

¹² Л. Д. Ришес приводит такие примеры соответствий между арманским диалектом и ольским говором, которые, на наш взгляд, несколько обедняют данные, установленные нами. Поэтому мы приводим здесь те материалы об этих соответствиях, которые были выявлены нами в Армани в 1943—1944 гг. В русско-эвенском словаре [26] эти соответствия отражены, но не полностью.

¹³ Л. Д. Ришес объясняет это явление существующей в арманском диалекте тенденцией к сокращению числа слогов в слове [23, с. 121].

сонгнэ (А.д.), *хо:нган* (О.г.) 'плач'; *со:пса* (А.д.), *хо:пча* (О.г.) 'хвастливый', 'хвастун'; *суи* (А.д.), *ху:* (О.г.) 'вы'; *су:нта* (А.д.), *ху:нта* (О.г.) 'глубокий'; *сунгул* (А.д.), *хунгыл* (О.г.) 'кровь'; *сыл* (А.д.), *хыл* (О.г.) 'железо'; *сыбдын'* (А.д.), *хыбд'ын'* (О.г.) 'веселый', 'веселье', 'весело' и др.

ø (А.д.)=*х* (О.г.): *а:к"ар* (А.д.), *ха:к"ар* (О.г.) 'крепкий (наружный) слой дерева'; *ак"ун* (А.д.), *хак"ун* (О.г.) 'закрыл'; *а:к"на* (А.д.), *ха:к"ын* (О.г.) 'печень'; *алган* (А.д.), *халган* (О.г.) 'ступня'; *а:ндэ* (А.д.), *ха:ди:н* (О.г.) 'некоторые'; *аннга* (А.д.), *ханнгы'* (О.г.) 'ладонь'; *эклын* (А.д.), *хыкин* (О.г.) 'топтал'; *ыйкычэ:н* (А.д.), *хыйкычэ:н* (О.г.) 'малек'; *ыр* (А.д.), *хыр* (О.г.) 'дно'; *ытыс* (А.д.), *хытыс* (О.г.) 'шкура нерпы'; *ик"ар* (А.д.), *хи:к"ар* (О.г.) 'озорной'; *отк"а:н* (А.д.), *хутк"а:н* (О.г.) 'мешок'; *уж* (А.д.), *хож* (О.г.) 'жарко'; *уклырин* (А.д.), *хуклын* (О.г.) 'спал'; *ултын* (А.д.), *хултын* (О.г.) 'зола'; *умтычын* (А.д.), *хумтычэ:н* (О.г.) 'мошка'; *урын* (А.д.), *хурыгын* (О.г.) 'большой палец'; *уркыл* (А.д.), *хоркын'* (О.г.) 'скуучный', 'скучно'; *уркын* (А.д.), *хуркын* (О.г.) 'молодой парень'; *у:си:* (А.д.), *ху:си:* (О.г.) 'лебедь'; *ыйык* (А.д.), *хыйык* (О.г.) 'коряк (оседлый)' и др.

л (А.д.)=*н* (О.г.): *лам* (А.д.), *нам* (О.г.) 'море'; *ларга* (А.д.), *нарга* (О.г.) 'тюлень разновидности ларга'; *ло:нгки:* (А.д.), *но:нгки:* (О.г.) 'кижуч'.

й (А.д.)=*н'* (О.г.): *йолтын* (А.д.), *н'олтын* (О.г.) 'солнце'; *йок"о* (А.д.), *н'ок"а* (О.г.) 'якут'; *йук"лэ* (А.д.), *н'у:к"ола* (О.г.) 'юкола'.

с (А.д.)=*ч* (О.г.): *ырбыс* (А.д.), *ырбыч* (О.г.) 'гусь'; *быйсырин* (А.д.), *быйчин* (О.г.) 'промышлял'; *ак"уса* (А.д.), *ок"уча* (О.г.) 'ржавчина'; *купсэ* (А.д.), *кубыч* (О.г.) 'целый'; *к"аск"а:н* (А.д.), *к"ачи:к"а:н* (О.г.) 'щенок'; *окисын* (А.д.), *хукычын* (О.г.) 'медведь-шатун'; *сак"тин* (А.д.), *чак"ти* (О.г.) 'бойкий'; *со:пса* (А.д.), *хо:пча* (О.г.) 'хвастун'; *сак"ритнэ* (А.д.), *чак"апты:н* (О.г.) 'собрался'; *сылки:н* (А.д.), *чэлки:н* (О.г.) 'скупой' *й* (А.д.)=*х* (О.г.): *йасаннин* (А.д.), *хэ:снин* (О.г.) 'чихнул' и др.

Одна из наиболее примечательных особенностей, отличающих арманский диалект от ольского говора, заключена в области слоговой структуры слова. В арманском диалекте отмечается ярко выраженная тенденция преобразования конечного закрытого слога слова ольского говора в открытый слог. Эта особенность прослеживается в целом ряде слов и грамматических форм, например: *абла* (А.д.), *абыл* (О.г.) 'мало'; *адла* (А.д.), *адыл* (О.г.) 'сеть'; *бодлу* (А.д.), *бо:дыл* (О.г.) 'нога'; *буксэ* (А.д.), *бокыс* (О.г.) 'лед'; *дивдэ* (А.д.), *дивыд* (О.г.) 'черная, каменная береза'; *ыдни* (А.д.), *ыдын* (О.г.) 'ветер'; *йатла* (А.д.), *я:сыл* (О.г.) 'глаз'; *купсэ* (А.д.), *кубэч* (О.г.) 'целый'; *мынгнэ* (А.д.), *мынгын* (О.г.) 'серебро', 'деньги'; *одна* (А.д.), *оры:н* (О.г.) 'олень

домашний'; *тингэ* (А. д.), *тингын* (О. г.) 'грудь'; *умма* (А. д.), *омын* (О. г.) 'один'; *эна* (А. д.), *ильн* (О. г.) 'три'; *дигны* (А. д.), *дигын* (О. г.) 'четыре'; *тонгнэ* (А. д.), *тунгын* (О. г.) 'пять'; *н'унгны* (А. д.), *н'унгын* (О. г.) 'шесть'; *надны* (А. д.), *надын* (О. г.) 'семь'; *даж'ны* (А. д.), *дапкы-н* (О. г.) 'восемь'; *уйнгэ* (А. д.), *уйун* (О. г.) 'девять'; *нонгна* (А. д.), *нонгын* (О. г.) 'он'.

Это явление отмечается и в некоторых глагольных словоформах, например в суффиксах 1-го лица единственного числа настоящего времени и в суффиксах всех лиц множественного числа прошедшего времени.

Однако тенденция превращения конечного закрытого слога в открытый не является регулярной. Поскольку в тунгусо-маньчжурских языках слово может начинаться только с одного согласного, то в односложных словах типа *д'ур* (А. д.), *д'ор* (О. г.) 'два', *мэн* (А. д.), *мя:н* (О. г.) 'десять' и т. д. не происходит перестановки согласного, так как в этом случае слово начиналось бы с двух согласных. Так как в тунгусо-маньчжурских языках внутри слова допускается стечение лишь двух согласных [27, с. 147], между которыми проходит слоговая граница, то в двусложных словах типа *алган* (А. д.), *халган* (О. г.) 'ступня', *ырбыс* (А. д.), *ырбыч* (О. г.) 'гусь' и т. д. конечный закрытый слог не превращается в открытый, так как в последнем случае создалось бы недопустимое стечение трех согласных звуков внутри слога.

Не допускают превращения закрытого слога в открытый и некоторые слова, оканчивающиеся на *т*: *н'у:ри:т* (А. д.), *н'у:ри:т* (О. г.) 'волос'; *урат* (А. д.), *орат* (О. г.) 'трава'; *ирэ:т* (А. д.), *ирыт* (О. г.) 'молодой лиственный лес'; на *р*: *атар* (А. д.), *хатар* (О. г.) 'темно'; на *с*: *ытыс* (А. д.), *хытыс* (О. г.) 'высушенная шкура тюленя'; на *л*: *тисал* (А. д.), *титыл* (О. г.) 'раньше'; *сунгул* (А. д.), *хунгыл* (О. г.) 'кровь'; на *нг*: *сырынг* (А. д.) 'крутой чай' и др. Причина этого, возможно, состоит в том, что в середине слова в арманском диалекте, по-видимому, недопустимо стечение согласных *рт*, *тр*, *тс*, *нгл*, *сл*, *тл*. В моих материалах я таких сочетаний не нашел.

Из этого можно сделать вывод, что закономерности сочетаний согласных в слове древнее метатезы согласных, поскольку последняя не в состоянии нарушить древних закономерностей этих сочетаний и найти какой-то выход для преобразования закрытого слога в открытый в указанных словах. Следовательно, метатеза согласных в арманском диалекте представляет собой сравнительно новое явление, не свойственное древнему состоянию тунгусо-маньчжурских языков.

С другой стороны, трудно понять, почему конечный закрытый слог, оканчивающийся на *р*, *к*, *н*, не преобразуется в открытый, когда возникающее при этом сочетание согласных в середине слова допустимо. Так, например, почему при наличии

слова *кынгрэ* 'яма' с конечным открытым слогом, где внутри слова допускается сочетание согласных *нгр*, в словах *сангар* (А. д.), *хангар* (О. г.) 'отверстие', *тунгыр* (А. д.), *тонгыр* (О. г.) 'озеро' конечный закрытый слог в арманском не преобразовался в открытый, когда сочетание согласных *нгр* допустимо. В слове *бак"рин* 'нашел' имеется сочетание согласных *к"р*. Тем не менее в словах *а:к"ар* (А. д.), *ха:к"ар* (О. г.) 'крепкий (наружный) слой дерева', *ик"ар* (А. д.), *хи"ар* (О. г.) 'озерной' конечный слог не преобразуется в открытый. То же самое относится к словам *алак* (А. д.), *алик* (О. г.) 'посуда' (ср.: *оролк"антин* 'красный'), *саман* (А. д.), *хаман* (О. г.) 'шаман' (ср.: *умма* < *умын*, *омын* 'один').

Тенденции преобразования конечного закрытого слога в открытый не подчиняются также в арманском диалекте формы множественного числа имен, например: *кыкил* 'медведи' (*кыки* 'медведь'), *сак"тинил* 'бойкие' (*сак"тин* 'бойкий') и др.

В дальнейшем предстоит исследовать, какой круг слов подчинила себе метатеза согласных в арманском диалекте и какой круг согласных выпал из ее подчинения. Тогда, быть может, будет легче выяснить происхождение этого явления.

Явление метатезы согласных обнаружено не только в арманском диалекте, но и в некоторых говорах западного диалекта эвенского языка. Л. Д. Ришес, К. А. Новикова и В. Д. Лебедев отметили в ламунхинском, тюгесирском, алайховском и юкагирском говорах указанного диалекта явление метатезы фарингального *х*, развившегося из *с*. Сущность ее заключается в том, что фарингальный *х* < *с* не встречается в конечном слоге (за исключением случаев, когда он является притяжательным окончанием 2-го л., ед. ч. или в наречиях) и переносится в предыдущий, например: чешуя рыбы: *экэс* (эвенский литературный), *эксэ* (момский говор, наследи Эселяхский и Улахан-Чистайский), *эхкы* (догдо-чибалахский и алайховский говоры), *эхкэ* (тюгесирский, ламунхинский и юкагирский говоры); лед: *букэс* (эвенский литературный язык), *буксы* (момский говор, наследи Эселяхский и Улахан-Чистайский), *бохкы* (догдо-чибалахский и алайховский говоры), *бохкэ*, *бохко* (тюгесирский и ламунхинский говоры), *бухкэ* (юкагирский говор) [21, с. 185—186; 23, с. 81; 12, с. 78; 17, с. 193; 18, с. 95].

Поскольку явление метатезы в указанных говорах связано только с конечным фарингальным *х*, оно, конечно, не может быть полностью отождествлено с явлением метатезы согласных в арманском диалекте, где оно представлено значительно шире. Однако во всех этих случаях оно, на наш взгляд, не восходит к древнейшему состоянию тунгусо-маньчжурских языков, но является каким-то относительно новым отклонением от их общего развития.

Поскольку в арманском диалекте слова могут начинаться с согласных *в*, *й*, *л*, что сближает его с эвенкийским языком [22,

с. 118], а формы спряжения вспомогательного глагола *э-дэй* 'не быть' сходны с аналогичными формами в солонском языке [22, с. 118, 119], можно предположить, что предки арманских мыны представляют собой одну из самых ранних волн тунгусских племен, которая дошла до Охотского побережья.

Предания, приведенные в этой статье, объясняют также происхождение пеших ламутов на Охотском побережье, что до сих пор оставалось неясным [24, с. 140]. Эвены — это народ, для которого олени служат единственным средством передвижения по северу Азии. Оказавшись на Охотском побережье, у мест, изобиловавших рыбой, птицей и морскими зверями, предки арманских и ольских «камчадалов» освободились от своих оленей и стали оседлыми. Поэтому-то, когда на Охотское побережье через какое-то длительное время вышла вторая волна эвенов, она назвала оседлых словом «мыны» («мэнэ»), а себя в отличие от них — «орочэл», т. е. «олениными».

Отдельно от волн эвенов, вышедших с Колымы на северную часть Охотского побережья, на южной части этого же побережья появилась волна эвенков, обосновавшихся в бассейне р. Уд. «Линденау (1740—1750 гг.) записал от удских эвенов предание о том, что Лалигир (род эвенков.— *Е. К.*) попали на Уд с Лены, где они жили прежде... Спустившись по Лене, они повернули на восток ниже Олекмы и через горы и реки вышли на Уд и там остались» [4, с. 103]. Видимо, они дошли до побережья позже эвенов, которые уже там осели, так как они называли «ламутов — мони» (искаженное *мыны*), или «сидячие люди, у моря живущие» [6, с. 75].

Перейдя от кочевой жизни по тайге к оседлой на берегу моря, предки современных мэнэ, несомненно, переняли от соседей какие-то элементы быта соседних приморских народов [6, с. 86]. Примечательно, что при охоте на тюленей они применяли длинную плавающую острогу в 40—50 маховых саженьей¹⁴, встречающуюся в настоящее время только у нивхов на Охотском побережье Сахалина. На сходство этих орудий впервые обратил внимание А. Золотарев в своей статье о быте оседлых ламутов — мыны, написанной им по материалам Якова Линденау, который посетил их в первой половине XVIII в. [8, с. 71]. Приходится сожалеть, что уникальные этнографические материалы Я. Линденау об эвенах — мыны до сих пор еще не опубликованы.

¹⁴ А. Золотарев делает оговорку, что *Faden* 'сажень' он переводит словом «локоть», так как «шест в 40—50 саженьей представляется слишком длинным» [8, с. 71, прим. 1]. Между тем Я. Линденау правильно употребил слово «сажень», так как нивхи длину дровяной плавающей остроги измеряют маховыми саженьями [11, с. 149]. К. А. Новикова сообщает, что у оседлых эвенков Охотского побережья, занимавшихся охотой на морского зверя, вместо лодки употреблялась байдара коряжского типа, состоявшая из дровянного каркаса, обтянутого шкурами морского зверя [19, с. 88]. В этом случае эвены — мыны заимствовали лодку у аборигенов — коряков.

Поскольку плавающая острога до настоящего времени была отмечена только у нивхов, приходится предположить, что древние предки мыны встречались с ними на Охотском побережье, где и заимствовали у них это орудие. Известно, что нивхи встречались на Охотском побережье, в районе Тугурского залива. Значит, можно допустить, что ранее они встречались на нем еще севернее. «Кажется вероятным,— писал А. Золотарев,— что несколько веков назад границы гиляцких и коряцких территорий соприкасались»¹⁵. Клин между ними был вбит тунгусской волной, разрезавшей надвое слой палеоазиатского населения, первоначально сплошной полосой тянувшегося от Анадыря до Амура» [8, с. 86].

Это предположение представляется правдоподобным. Но если допустить, что древние предки современных нивхов и коряков жили какое-то время в контакте, то в их культуре, и в особенности в языках, должны быть обнаружены какие-то данные, которые свидетельствовали бы об этих связях [6]. И действительно, К. Боуда [28] и О. Тайер [31] обнаружили ряд общих элементов между этими языками, которые они считают свидетельством их генетического родства. Мы пока же относим их к свидетельствам древних контактных связей этих народов. Приводим более двадцати наиболее убедительных лексических сопоставлений, взятых из работ указанных авторов, главным образом О. Тайера.

алр, алс (Н) — ягода, ср.: *элу-к* (К основа *элу-/ало-*) 'собирать ягоды'¹⁶.

уйг'и-д (Н) 'нет', 'не иметься', 'не быть', ср.: *уйнгэ* (К, Ч) 'нет'.

ук (Н) 'конек' (рыба), ср.: *укий* (К) 'сельдь'.

в'ал-д (Н) 'резать' (поперек), ср.: *в'ала* (К), *валы* (Ч), *хвалч* (И) 'нож', *валаткоркын* (Ч) 'режет ножом'.

вэ-д (Н) 'бежать' [о животных; *в'и-д* (Н) 'ходить'], ср.:

¹⁵ Основываясь на сообщениях служилых людей из Якутска, А. Золотарев предполагает, что в XVII в. «северная граница гиляков доходила до р. Уды» [8, с. 85]. Между прочим, название этой реки может быть сопоставлено с нивхским словом *ур~уш* 'остров', которое русскими могло быть воспринято как *уд*. Ср. раннее название о-ва В. Чкалова, называвшегося на картах *Уд* (из нивхск. *ур~уш* 'остров'). К. А. Новикова сообщила нам, что вблизи Охотска имеется речка Арки, по-видимому название которой объясняется из нивхского слова *арк''и* 'корюшка'. Нивхские топонимические названия, записанные мною, доходят почти до Тугура. Исследование топонимических названий Охотского побережья с точки зрения выяснения в них нивхской основы — дело дальнейших исследований.

¹⁶ Условные сокращения: (Н) — нивхский, (К) — корякский, (Ч) — чукотский, (И) — ительменский. При помощи запятой справа от буквы обозначаются: *в'* — губно-губной щелевой согласный, *г'* — заднеязычный звонкий щелевой согласный, *г''* — увулярный щелевой. Слова корякского, чукотского и ительменского языков сверены с их написанием в соответствующих словарях [2; 14; 15; 30]. Слова нивхского языка даются в моем написании. Включения в квадратные скобки принадлежат мне. Лексические параллели из эвенского языка подсказаны мне К. А. Новиковой.

в'эк''в'эк'' (К) 'шаг', *в'эк''ыткук* (К) 'шагать'; *вэк''эт* (Ч) 'шаг', *вэк''этык* (Ч) 'шагать'.

вэл (Н) 'летняя кета', ср.: *вилэч* (И) 'лосось' [*в'илв'ил* (К) 'квашеная рыба', *в'итыв'ит* (К) 'голец', *в'июв'ий* (К) 'красная рыба'].

вэс (Н) 'ворона', ср.: *в'эллы* (К) 'ворона', *вэтлы* (Ч) 'ворон'.

в'ат (Н, С. д.), *выт'* (Н, А. д.) 'железо', ср.: *вачу* (И) 'железо', *валач* (И) 'железо', *ваалан* (И) 'железный', *волаувд* (К, Карагинский) 'железо'.

йэлэл-д (Н) 'лизать языком', *х'илх* (Н) 'язык', ср.: *йиллы-йил* (К, Ч, основа *йиллы-*) 'язык'.

к'илкс (Н) 'игла для вязания сетей', ср.: *килх* (И) 'игла для вязания сетей'.

к''онг''онг (Н) 'колокольчик', ср. *к''онг''онг* (К) 'колокольчик' [ср.: *конгат* (эвенский), *ко:нга:ктэ* (эвенкийский) 'колокольчик'].

лахи (Н) 'кета', ср.: *лакчи* (И) 'морской бычок' [ср.: *накачи* (эвенский) 'бычок' (рыба)].

лэулэу-д (Н) 'насмехаться', ср.: *лэвлэву-* (Ч) 'насмехаться', 'издеваться'.

нонк'' (Н) 'детеныш животного', ср.: *нэнэны* (Ч) 'ребенок', *нэнэк''эй* (Ч) 'малютка, маленький ребенок'.

нгой (Н) 'мужской половой орган', ср.: *нгойнгын* (К, Ч) 'хвост'.

рыр-уд (Н) 'развязать', ср.: *рыры-к* (Ч) 'развязать'.

тув-нг (Н) 'братья и сестры одного поколения', ср.: *тумг-ытум* (Ч, основа *тумг-*) 'товарищ'.

тунгы (Н) 'пешня', ср.: *туккэн* (Ч) 'наконечник гарпуна' [ср. с эвенкийским *дуг-* 'прорубать, продалбливать лед'].

тур (Н) 'мясо', ср.: *тыргытыр* (Ч, основа *тырг*) 'мягкое мясо'.

чавр-д (Н) 'серый' (о масти собаки), ср.: *чэваро* (Ч) 'серый' (о масти оленя).

таф (Н) 'жилище' [имеет фонетические варианты *таф* ~ *раф* ~ *даф*, корень *та* ~ *ра* ~ *да*, ср. с *тан* 'домочадцы'], ср.: *йаранга* (Ч, основа *йа-* и *-ра-*), 'яранга', 'жилище'.

т'омс (Н) 'отверстие в крыше для выхода дыма', ср.: *томнг*— (К) 'затыкать дыру, служащую для выхода дыма', 'затычка для дымовой дыры'.

т'оби (Н) 'две длинные продольные балки, идущие параллельно друг другу вдоль стен в летнем жилище нивхов', ср.: *тэвый* (К), *тэвыр* (Ч) 'один из трех основных шестов в яранге'.

Из нивхско-корякских сопоставлений, приводимых И. С. Вдовиным, обращают на себя внимание следующие [6, с. 237]:

нгы (Н) 'выдра', ср.: *нгэн'нгэт* (К) 'выдра'.

т'ом (Н) 'плот', ср.: *тимитим* (К) 'плот' [ср.: *тэм* (эвенский), *тэ:м* (эвенкийский) 'плот'].

Знаменательное слово в корякском языке должно иметь двухсложную структуру, в связи с чем при заимствовании односложные слова подвергаются в нем удвоению.

Отметим еще единичные языковые параллели между ительменским [7] и нивхским:

анг (Н) 'кто?', ср.: *ангк''а* (И) 'что?'

пил-д' (Н) 'большой', ср.: *пЫл-* (И) 'большой'.

пах (Н) 'камень', ср.: *ва* (И) 'камень'.

ч'ог'-д (Н) 'таять', ср.: *чо-кэ-с* (И) 'таять'.

тахт' (Н) — мифическая птица, требующая мести за убитого [11, с. 386—389], ср.: *тахтыч* (И) 'дятел' [30].

Считать эти лексические параллели простой случайностью вряд ли возможно. Для решения этой интереснейшей проблемы нужны дополнительные исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева А. В. Культура и быт эвенов в XIX—XX веках.— Краеведческие записки. Вып. 2. Магадан, 1959.
2. Богораз В. Г. Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь. М.—Л., 1937.
3. Васильевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.
4. Васильевич Г. М. К вопросу о тунгусах и ламутах северо-востока в XVII—XVIII вв.— «Ученые записки Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР». Вып. 5. Якутск, 1953.
5. Васильевский Р. С. Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971.
6. Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973.
7. Володин А. П. Ительменский язык. Л., 1976.
8. Золотарев А. Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII века. Историк-марксист. Кн. 2. М., 1938.
9. Краеведческие записки. Областной краеведческий музей. Вып. 3. Магадан, 1960.
10. Крейнович Е. А. Гиляцко-тунгусо-маньчжурские языковые параллели.— Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. Вып. VIII. М., 1955.
11. Крейнович Е. А. Нивхгу. М., 1973.
12. Лебедев В. Д. О некоторых особенностях говора эвенков Аллаиховского района.— Материалы первой научной конференции молодых специалистов. Секция гуманитарных наук. Якутский филиал. Якутск, 1961.
13. Левин В. И. Краткий эвенско-русский словарь. М.—Л., 1936.
14. Молл Т. А. Корякско-русский словарь. Л., 1960.
15. Молл Т. А., Инэнликей П. И. Чукотско-русский словарь. Л., 1957.
16. Новикова К. А. Ольский говор эвенского языка. Канд. дисс. (рукопись). ЛГУ, 1949.
17. Новикова К. А. Основные особенности эвенских говоров Якутской АССР.— Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. Вып. XI. М.—Л., 1958.
18. Новикова К. А. Очерки диалектов эвенского языка. М.—Л., 1960.
19. Новикова К. А. Эвенский фольклор. Магадан, 1958.
20. Ришес Л. Д. Арманский диалект эвенского языка (очерк грамматики, тексты, словарь). Канд. дисс. (рукопись). ЛО ИЯ АН СССР, 1947.
21. Ришес Л. Д. Некоторые данные по западному диалекту эвенского языка.

- ка.— «Ученые записки Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР». Вып. 3. Якутск, 1955.
22. Ришес Л. Д. Основные особенности арманского диалекта эвенского языка.— «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР». Вып. VII. М., 1955.
  23. Ришес Л. Д. Основные особенности эвенских говоров Момского района Якутской АССР.— Ученые записки Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР. Вып. 5. Якутск, 1958.
  24. Степанов Н. Н. «Пешие тунгусы» Охотского побережья в XVII в.— Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. Новосибирск, 1965.
  25. Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л., 1947.
  26. Цинциус В. И., Ришес Л. Д. Русско-эвенский словарь. М., 1952.
  27. Цинциус В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.
  28. Bouda K. Die Verwandtschaftsverhältnisse des Giljakischen.— «Anthropos». 1960, Fasc. 3—4, vol. 55.
  29. Jochelson W. The Koryak. T. II. N. Y., 1908.
  30. Radlinski J. Słowniki narzeczy Ludow Kamczackich. Rozprawy Widzialu filologicznego Akademii Umiejetnosti w Krakowie. [Krakow], 1891—1894. XVI—XVIII.
  31. Tailleur O. G. La place du Ghiliak. Parmi les langues paleosiberiennes.— «Lingua». 1960, vol. IX, [№] 2.

Г. А. Меновщиков

КИТОВЫЙ ПРАЗДНИК *ПÓЛЪА* У НАУКАНСКИХ ЭСКИМОСОВ¹

Обрядовые празднества, посвящавшиеся в недавнем прошлом эскимосами удачной добыче морского зверя, отражали ту материальную основу жизни приморских охотников, которая на азиатском побережье Берингова моря формировалась и устойчиво сохранялась в течение многих столетий вплоть до 30-х годов XX в. Приморский хозяйственный комплекс арктических охотников нашел широкое отражение не только в материальной культуре современного коренного приморского населения Чукотки, Аляски, Канады и Гренландии, но также и в его духовной культуре — в обрядовых празднествах, мифах, сказках, песнях, танцевальном и изобразительном искусстве.

За последние десятилетия этнографы, археологи и филологи накопили огромный и убедительный фактический материал, позволяющий реконструировать многие стороны материальной и духовной культуры древнего населения Северо-Восточной Азии и Северной Америки. В этом смысле немаловажную роль для изучения духовной жизни арктических охотников имеют записи рассказов непосредственных участников обрядовых праздников, посвящавшихся добыче морского зверя. В эскимосских поселках Чукотского побережья такие праздники проводились вплоть до начала 40-х годов. Самым большим народным торжеством был праздник благодарения киту. Известно, что добытый кит обеспечивал жиром и мясом целый поселок зверобоев на много месяцев. Нежное розовое сало кита было не просто любимым лакомством эскимосов, а одним из главных источников питания, важным дополнением к мясной еде. Добытчики кита были самыми уважаемыми людьми в поселке. Охотиться на кита аборигены Чукотки начали многие сотни лет назад. В 1965 г. на скалистых, береговых обрывах р. Пегтымель, протекающей за Полярным кругом северного побережья Чукотки, геолог Н. М. Саморуков обнаружил наскальные рисунки, на которых

---

¹ Настоящая статья была написана в 1972 г. на основе полевых 1971 г. материалов автора.

были изображены картины охоты на дикого оленя и морского зверя. Археолог Н. Н. Диков, дважды — в 1967 и 1968 гг. — посетивший эти места, нашел новую серию этих бесценных для исторической науки петроглифов [2]. Большая часть обнаруженных им фрагментов посвящена охоте на дикого оленя на суше и речных переправах. Только на девяти фрагментах (12, 14, 27, 28, 29, 57, 58, 60, 99) из 104 дано изображение кита и охоты на него, при этом весьма характерно, что на кита охотятся байдарками на 6—8 человек, а на дикого оленя во время речных переправ — в каяках на одного человека [2, с. 93—124]. Произведения первобытного художника на каменных плитах реки Пегтымель ярко запечатлели картины материальной и социальной жизни охотников неолитического времени. Индивидуальная охота на дикого оленя сочеталась с коллективной охотой на кита, которая являлась, по-видимому, одним из решающих стимулов образования первобытнообщинной организации у приморских охотников.

Летом 1971 г., во время лингвистической экспедиции, мне посчастливилось встретиться со старейшим эскимосом из Наукана по имени Ыкалук. Я записывал от него на магнитофонную пленку эскимосские сказки и мифы. В один из вечеров я попросил его подробно рассказать о том, как науканцы устраивали праздник благодарения киту — *пóльъа*. Мне было известно, что Ыкалук был одним из активных участников обрядовых празднеств, устраивавшихся в Наукане лет 25—30 назад. Рассказ Ыкалука был записан на пленку, а затем переведен на русский язык, потому что рассказчик говорил по-эскимосски. Воспроизвожу полный текст этого рассказа.

«Когда науканцы летом и осенью добывали кита, всегда после этого в зимнее время устраивали большой праздник. В Наукане было несколько общин, состоящих из родственников. У каждой общины был свой праздник, свои обряды, но присутствовать на торжествах могли все жители селения — мужчины и женщины, дети и старики. К празднику благодарения киту начинали готовиться сразу же после добычи. Готовились долго, не торопясь. Ведь праздник устраивали зимой, когда охотники были более свободными и только в тихую погоду охотились на нерпу у лунок во льду.

Приготовление к празднику начиналось так: еще осенью под тяжелые каменные плиты специально закладывали разные припасы — мясо, китовую кожу — *ман'так'*, жир и другое. Женщины летом заготавливали разные съедобные травы, корни и ягоды. Все это сохранялось до зимних праздников.

Китовый праздник у общины Мамрохпагмит начинался с оповещения всех жителей поселка о предстоящих торжествах. Накануне праздника члены байдарной группы, добывшие кита

и устраивающие торжества, снимали со своего судна все охотничьи ремни, разминали и нарезали из них множество тонких ремешков, которые раздавали всем жителям поселка, мужчинам и женщинам, желающим принять участие в торжествах. Люди опоясываются этими ремнями.

На следующий день члены общины спускаются на берег моря, снимают с суши байдары (или вельботы.— *Г. М.*) и как будто бы приготавливаются к охоте (имитация поведения охотников на охоте.— *Г. М.*). На берег из поселка несут куски мяса, жира, китовой кожи. Все это члены байдарной группы во главе с *анйалыком* — хозяином байдары режут на мелкие кусочки. Часть кусочков еды раздают родственникам и гостям, а часть укладывают в праздничные заплечные мешочки (*ак'майан'ок'*). После этого празднующие один за другим влезают в байдары [или вельботы], закрепленные на прибрежном льду, и высыпают на гладкий лед содержимое своих мешков. Гости с веселыми выкриками, смехом и шумом бросаются на лед и стремятся собрать лакомые кусочки. На скользком льду люди падают, отнимая друг у друга праздничные дары. Все это происходит в большом веселье. Одни барахтаются на скользкой глади льда, другие выкриками, дружным хохотом и всевозможными жестами подзадоривают собирателей лакомств. После этого шумного представления люди расходятся по домам. Члены празднующей байдарной группы водворяют свое суденышко снова на сушила — столбы из китовых челюстей. Байдара прочно закрепляется ремнями, чтобы не снесло ветром.

Празднующие охотники возвращаются в поселок. Там они вносят в жилище своего *анйалыка* доски и оборудуют длинные нары для зрителей. Идет приготовление к праздничным танцам. Каждый из членов байдарной группы [или нескольких байдарных групп, участвовавших в охоте на кита] еще заранее сочиняет свою танцевальную песню специально для этого праздника. К каждой песне придумываются особые танцы.

Вот все готово к началу танцев. Хозяин праздника посылает молодых парней в разные концы поселка с известием о начале танцев. Молодые гонцы с криками „эй, люди, начинается праздник! Снимайте свои бубны, спешите!“ разносят молниеносно свое *ави* — извещение об очередных торжествах. Празднично разодетые мужчины и женщины заполняют жилище *анйалыка*. По домам остались только некоторые старики и малые дети.

Танцы начинаются под старые напевы, известные всем гостям. *Сайаг'ак'ут* — так называются эти танцы. После нескольких старых танцев выступают исполнители новых песен и танцев. Это члены байдарной группы. Молодые мужчины и женщины стараются тут же заучить и запомнить исполнение.

Одетые в новые, праздничные наряды, женщины усаживаются на нары. На их головах специальные праздничные повязки

из широких полос нерпичьей шкуры. В петельки повязки по бокам вверх закреплены длинные птичьи перья [по два-три с каждой стороны], а посреди лобной части цветная палочка с флажком из клочка волчьей шкуры. Воротник и рукава женских меховых комбинезонов отделаны длинноволосой опушкой из росомашьей шкуры или оленьей бороды. Меховой праздничный костюм женщины выглядит очень красочно.

Вот начинается новый танец. Группа мужчин общины Мамрохпагмит в разноликих деревянных масках становится в ряд посреди жилища², затем с нар встает равное число нарядных женщин-танцовщиц. Начинается состязание в песнях и танцах. Жилище переполнено зрителями. Даже в зимнюю стужу становится жарко в пологе землянки от тесноты³. Танцы начинаются с полуночи и кончаются с рассветом. Они продолжаются несколько дней, пока не иссякнет запас новых танцевальных песен. Танцы и игры на китовом празднике не прекращаются даже во время самой большой пурги. Люди пробираются на танцы из своих жилищ сквозь снежную мглу по ремням, протянутым от жилища к жилищу.

Распорядителем танцев и игр избирается старейший и уважаемый в поселке человек. Он может и не принадлежать к общине. Сам распорядитель праздника (*бсы*) не танцует, но следит за исполнением всех игр и танцев.

По утрам во время праздника благодарения киту в жилище айнйалка собирается молодежь и устраивает состязания в силе и ловкости. Самыми любимыми видами состязаний у науканцев на праздниках были *икухтуты*, *ак'амалзык'*, *амуталзык'*, *кымун'галзык'*. [*Икухтуты* — праздничный турнир для многократного подтягивания на руках вверх. Кто больше[е число] раз исполнит этот вид игры, тот победитель.

Ак'амалзык' — разные приемы состязаний в силе и ловкости руками.

Амуталзык' — перетягивание на ремне одиночек или равных по количеству людей.

---

² Деревянные обрядовые маски имели применение на эскимосских праздниках благодарения киту. На азиатском побережье изготовление и употребление деревянных масок отмечено только у науканских эскимосов, проживавших с древнейших времен в районе Берингова пролива. Такие маски до недавнего времени сохранялись в ряде семей науканских эскимосов. Маски изготавливались из мягкого дерева. На лицевой части маски изображались глаза, нос, рот. Вокруг прорезей наносились красочные контуры. Каждая маска юмористически представляла индивидуальный портрет носителя. Совершенно одинаковых масок не было. Маски, обнаруживаемые археологами в эскимосских могильниках, не являлись специальным ритуальным украшением умершего, а представляли собою один из многих предметов, принадлежащих умершему при жизни.

³ Науканские эскимосы в отличие от южных (чаплинских и сиренинских) до начала 20-х годов текущего века продолжали жить в землянках старинного типа (*ныцлу*). Несколько таких землянок было обнаружено нами в Наукане в 1948 г. и описано в 1959 г. [3, с. 42—45].

Разделка добытого кита в эскимосском поселке Нунами Чукотского р-на. 1971 г. (фото автора)

Кымун'г'алгык' — прыганье через натянутый ремень. Двое держат, другие прыгают с постепенным увеличением высоты.]

Особое место занимала игра с привязанным к потолку жилища толстым моржовым ремнем, к концу которого прикреплен моржовый череп с клыками. Череп висит над большим камнем. Расстояние между черепом и камнем небольшое [сантиметров 20—25]. Человек должен ударить привязанным черепом по камню с такой силой, чтобы ремень вытянулся от удара и череп достиг камня. Надо иметь большую силу и умение, чтобы выиграть в этом состязании.

Были еще и другие игры. Посреди полога устанавливали наполненный жирник. Его прикрепляли к ремням со специальными роликами из моржового клыка. Искусство заключалось в том, чтобы поднять этими ремнями на роликах жирник к потолку жилища и не пролить ни капли жира на пол. Редко кому это удавалось сделать. Эта игра бывает и усложненной. По углам полога на тонких ремнях привязывают маленькие игрушечные лодочки с человечками и веслами. Это изображение охоты на морского зверя. Лодочки другими концами привязаны к ремням от жирника. При спускании жирника от потолка вниз лодочки приближаются к нему с боков. Жирник — это кит в море. К нему подходят байдары с охотниками. Играющие и зрители при этом действе исполняют песню. Лодочки кажутся настоящими, а люди на них — живыми. Это — самое красивое зрелище.

Китовый праздник длится много дней. Начинается он при полнолунии и продолжается до ущерба луны.

По окончании танцев и игр *бсы* — старейшина праздника первым просит какой-либо дар у одного из своих родичей. Просит только то, чего нет у самого *бсы*.

Примеру *бсы* тут же следуют другие участники торжеств. Каждый просит у родичей какую-либо вещь. Люди начинают кричать, шутить, смеяться. Обмен дарами происходит шумно и весело. Просящий называет громко по имени того, к кому обращается, и указывает на вещь, которую хотел бы иметь. Дарят одежду, обувь, рукавицы, охотничьи ремни, лакомства, сладкие съедобные травы и корни. Каждый по возможности получает в подарок то, что хотел иметь (*умак'ут*). Затем люди уходят с подарками по домам, но праздник на этом еще не кончается.

После небольшого отдыха празднующие члены байдарной группы начинают состязаться по двое в борьбе с ремнями: каждый стремится поймать ремнем за голову или за ноги своего противника и свалить его. Победитель борется со следующим соперником. Так продолжается до тех пор, пока останется один человек. Победителем становится тот, кто свалил последнего соперника.

На следующий день из мясных ям достают *ман'так'* (китовую кожу с салом.— Г. М.), мелко ее нарезают, кладут на сухую моржовую шкуру, завертывают содержимое, связывают ремнями за петельки в шкуре, от чего как бы образуется туша животного. Эту шкуру с кусками *ман'так'* вносят в жилище празднующих, укладывают на середину полога и готовятся к следующему туру праздника. Нескольким самым расторопным и веселым старушкам дают женские ножи (*улак'*). Старушки набрасываются на шкуру с яствами, прорезают ножами отверстия в пакете и стремятся как можно больше вытащить кусков *ман'так'* и уложить в свои торбы. В это время молодые участники игры поют зазорные песни-импровизации, подбадривающие состязающихся старушек. Когда все куски из пакета разобраны по торбам, мальчики отводят старушек домой. За внимание старушки, в свою очередь, одаривают мальчиков добытыми лакомствами.

Наступает последний день китового праздника. Устроители и их односельчане на утренней заре посреди поселка разводят большой костер из приготовленных заранее дров и кустарника. Вокруг пылающего костра [в любую погоду] собирается все население поселка. К праздничному костру приносят заранее приготовленные дары предкам: игрушечные одежды, обувь, рукавицы, маленькие торбочки и мешочки с кусками жира и мяса, связки и сосуды со съедобными травами. Люди бросают в костер свои дары, выкрикивая при этом имена умерших родичей — родителей, братьев, сестер, детей. Костер еще больше

разгорается и рассыпает искры от брошенных в него даров, и люди кричат, что их умершие родичи пришли за своими дарами. Костер постепенно угасает, и участники праздника расходятся по домам. Вечером хозяин, облаченный в ритуальную одежду, звуками бубна и песнями-заклятиями изгоняет *тунгаков* — злых духов, которые могли проникнуть туда во время праздничных торжеств».

У разных территориальных групп эскимосов и даже у разных общин одной группы (селения) праздничные обряды имели свои вариации в зависимости от посвящения тому или иному тотему. Однако в исполнении этих обрядов было и много общего, что отмечено, например, у отдельных групп азиатских эскимосов разными наблюдателями и в разное время [1, с. 326—330; 4, с. 255—256; 3, с. 88—89, 99—102].

Весьма интересное описание праздника благодарения киту (*пблба*) дано в статье науканского эскимоса Т. С. Тейна, ныне научного сотрудника Магаданского филиала Сибирского отделения АН СССР. Т. С. Тейн в результате бесед со своими сородичами зафиксировал много дополнительных подробностей и деталей, касающихся проведения обрядов на китовом празднике. Синтез фактов из рассказа Ыкалука, записанного нами, и из описания Т. С. Тейна дает более полную картину этого красочного и своеобразного обрядового праздника науканских эскимосов, в котором нашли яркое отражение быт и хозяйственная деятельность морских зверобоев, их самобытное вокально-танцевальное и изобразительное искусство [5, с. 88—94].

Истоки современного вокально-танцевального искусства эскимосов и чукчей восходят непосредственно к старинным обрядовым празднествам, являвшимся своеобразным художественным и духовным отражением их материальной жизни и быта в прошлом. Современные эскимосско-чукотские танцы и песни, сохраняющие традиционные формы, насыщаются новым содержанием и обогащаются новыми формами выражения этого содержания. В новых танцах и песнях самодетельных художественных коллективов в чукотских поселках как в зеркале отражаются те огромные социальные преобразования в материальной и духовной жизни народа, которые происходили и происходят в условиях содружества социалистических наций и национальностей в нашей стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воблов И. К. Эскимосские праздники.— Сибирский этнографический сборник. I. М.—Л., 1952.
2. Диков Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки. М., 1971.
3. Меновщиков Г. А. Эскимосы. Магадан, 1959.
4. Рубцова Е. С. Материалы по языку и фольклору эскимосов. М.—Л., 1954.
5. Тейн Т. С. Эскимосский танец кита «пблба».— Краеведческие записки. Вып. X. Магадан, 1975.

М. Ф. Чигринский

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ АБОРИГЕНОВ ТАЙВАНЯ

(По свидетельствам миссионеров)

Пинпу или шуфань (варвары равнины, цивилизованные варвары) — собирательное название группы гаошаньских племен, обитающих в равнинных районах о-ва Тайвань. К ним относятся кетагаланы, каваланы, таокас, пазехе, бабуса, сао (тхао), папора, макатао, хоана (хоаней), сирайя [19, с. 128]. В отличие от гаошаньских племен, проживающих в горных районах Тайваня и сохранивших долгое время свою первобытную культуру, они почти полностью ассимилированы китайцами. В 1662 г. пинпу подчинились Китаю [15, с. 260]. Цинское правительство стремилось покончить с остатками голландского влияния на Тайване, а также ликвидировать язык и обычаи аборигенов, китаизировать их. На Тайване была создана сеть школ, в которых учителя-китайцы обучали туземцев китайскому языку, насаждали китайскую культуру. Китаизация проходила успешно, и официальный цинский источник отмечал, что пинпу «постепенно окунаются в умение писать стихи, письма, исполнять церемонии и китайскую музыку» [10, с. 35а]. Между китайцами и пинпу часто заключались браки. Туземцы носили китайскую одежду, использовали китайскую утварь [11; 17, с. 18а]. Китайский язык получил настолько широкое распространение среди пинпу, что родной был ими почти полностью забыт к первой четверти XX в. [17, с. 250]. Это затрудняет ретроспективное рассмотрение обычаев и обрядов пинпу, их религии.

По китайским материалам почти невозможно составить представления о религии пинпу. Только «Суйшу» (суйская хроника VII в. н. э.) дает о ней сравнительно подробную информацию [12, с. 2569—2570; 13, с. 481].

На основе данных «Суйшу» видно, что у коренных жителей Тайваня существовали анимистические верования и культ предков. По характеру татуировки, символа власти и убранству помещений можно предположительно говорить о существовании тотемизма.

Широкое распространение получил каннибализм¹. По-види-

¹ Вероятно, потому Тайвань был известен жителям архипелага Рюкю как Остров каннибалов, или Остров гигантов-людоедов [26, с. 224].

мому, определенные религиозные представления были связаны с плацентой. Женщина после рождения ребенка съедала послед. Неизвестно, однако, считали ли островитяне, как, например, тораджи, что плацента имеет особую душу, или нет [7, с. 71—73]. Погребальные обряды отличались разнообразием. Имели место воздушное погребение, эндоканнибализм, зарывание в землю [8, с. 202]. Таковы данные из «Суйшу».

Другие китайские династийные истории не дают никаких сведений о религии аборигенов Тайваня.

Поэтому свидетельства европейцев, в частности появившихся в начале XVII в. на острове голландцев, представляют несомненный интерес. Особенную ценность являют собой отчеты двух миссионеров — голландца Г. Кандидиуса (1597—1647) и шотландца Д. Райта (даты жизни неизвестны). По роду своей деятельности миссионеры уделяли большое внимание религии островитян. Они изучили язык туземцев и сумели узнать об их жизни больше, чем представители колониальной администрации или капитаны голландских кораблей. Однако к свидетельствам миссионеров приходится подходить с осторожностью, так как Г. Кандидиус и Д. Райт смотрели на местных жителей как на «язычников», а их религию рассматривали как сплошную цепь «дикарских заблуждений и суеверий». Воссоздать подлинную картину религиозной жизни пинпу трудно, потому что миссионеры, исходя из сложившихся христианских представлений, смешивали самые разнородные явления, неверно их понимали и истолковывали. Духи предков, духи-хозяева, тотемы, божества для них только боги. В некоторых обрядах и религиозных праздниках Г. Кандидиус и Д. Райт увидели аналогии с древней Грецией и древним Римом, что также снижает ценность их сведений. Вместе с тем нельзя недооценивать данных таких осведомленных очевидцев, тем более что эти данные во многом совпадают. Кроме того, они подтверждаются сведениями других миссионеров, исследователей, путешественников, китайских источников [9, с. 30—31; 11, с. 136—14а; 15, с. 26а; 16, с. 10—20; 25, с. 266—275; 31, с. 11—15]. Отчеты Г. Кандидиуса и Д. Райта целиком или в отрывках публиковались на голландском, немецком, французском и английском языках. На них ссылаются китайские и японские авторы [9, с. 30—31; 16, с. 28—30; 21, с. 17; 22, с. 1—25; 23, с. 15; 27, с. 210—276; 33, с. 410].

Записки Г. Кандидиуса — результат его наблюдений за жизнью племени сирай в деревне Суоланг, где он проповедовал христианство в 1627—1631 гг. Д. Райт побывал на Тайване четыре года спустя. Описания Д. Райта более разнообразны и касаются жизни всех известных ему племен. Судя по материалам, приводимым Г. Кандидиусом и Д. Райтом, религиозные взгляды пинпу представляли собой сочетание различных элементов анимизма и политеизма. Для пинпу, как вообще для

анимистов, окружающий мир был полон духов. Между отдельными предметами и явлениями, в их представлении, существовали мистические связи [1, с. 87]. Поэтому среди аборигенов большое распространение получили мантика, онейромантика, магия, обряды инициации, жертвоприношения, ритуальные состязания. Охоте за человеческими головами или на животных, поискам потерянных вещей, некоторым религиозным праздникам, постройке нового дома обязательно предшествовало гадание по снам [2, с. 5; 3, с. 103; 4, с. 5; 5, с. 110; 6, с. 77]. Приступать к строительству можно было только в том случае, если приснится короткий бамбук. Если нет, постройку откладывали на следующий год. Перед началом работ обращались, если верить тексту молитвы, записанной Д. Райтом, к духу-покровителю дома или духу предков (у Д. Райта не ясно): «Отец! Будь с нами. Мы построим тебе дом. Старый ломаем. Будешь жить лучше прежнего». Затем следовало жертвоприношение. Жертвенное животное (свинью) клали головой на восток, убивали и ставили рядом сосуд с вином. По-видимому, островитяне верили в дурной глаз: в случае пожара обвиняли первого увиденного погорельцами человека.

С обрядом инициации были связаны выбивание зубов и охота за головами. У туземцев существовала вера в бессмертие души. Душа умершего, по представлениям пинпу, могла навещать его тело и опять удаляться. Души находились в раю или в аду. По словам Г. Кандидиуса, рай — место, где души «могли вести жизнь почетную и благодетельную» [27, с. 244]. Из записей Д. Райта очевидно, что христианская терминология Г. Кандидиуса неадекватна понятиям пинпу, которые считали раем место, где душа сможет «пить, есть, купаться, веселиться, иметь рядом хорошую женщину и доброго друга» [22, с. 19; 27, с. 244]. Ад — грязный ров, в котором души грешников «будут изрядно мучиться» [27, с. 244]. Над ровом положен узкий бамбуковый мостик, по которому только праведные души беспрепятственно попадут в рай. Если же на мостик ступит душа грешника, он непременно перевернется, и она опрокинется в ад [там же]. Только души «истинных праведников», которых меньшинство, попадают в рай. Большинство же человечества — грешники [там же]. Здесь опять-таки Г. Кандидиус трактует религиозные взгляды аборигенов в аспекте сложившихся у миссионера представлений о религии вообще. «Истинные праведники», в представлении пинпу, — «лучшие люди» племени. По свидетельству самого Г. Кандидиуса, такими почитали вождей, старейшин, служителей культа, наиболее искусных охотников за головами [27, с. 225—227, 248—249]. Подобные представления существуют и у некоторых других гаошаньских племен, в частности у атайял (тайер). Они считают, что души умерших должны пройти в рай к духам предков по мостику Хангоофу (так же называется и радуга). Туда могут попасть

только самые храбрые охотники за головами или самые лучшие ткачихи. Остальные должны спуститься под мост, в грязный ад [24, с. 14—15].

На основании миссионерских отчетов можно также предположить существование политеизма у пинну. Д. Райт насчитал у них тринадцать божеств. Самое почетное место в пантеоне занимали Тамагисанчак — бог дождя и его супруга Такарупада — богиня грома. Они покровительствовали красоте и плодородию, олицетворяли мужское и женское начала мира. Туземцы, по утверждению Д. Райта, считали, что Тамагисанчак обитал на западной стороне неба, а по сообщению Г. Кандидиуса — на южной [22, с. 21; 27, с. 247]. Такарупада находилась на востоке. Если рано утром раздавался гром, это означало, что она ругает мужа за задержку дождя. Услыхав голос супруги, Тамагисанчак посылал дождь на землю. Мужчины больше почитали бога, а женщины, занимавшиеся в основном земледелием, — богиню².

Перед началом полевых работ этим богам приносили в жертву двух свиней, которых нарекали священными именами (Тамакуала и Тамавал), а также семена, полевые плоды, вино мазакхау. За нарушение установленных обрядов жертвоприношения божества могли покарать — наслать мор и засуху. Божествами — покровителями врачевания считались Тагеталлаг и Тагисикель, охоты — Теваракахулу и Тамакакамак, войны — Тапалят и Тававопли. Последних особенно почитали воины. Были у туземцев и божества — покровители праздников Такарые и Тамакадинг. Все эти божества составляли супружеские пары. Только дух зла «демон» Сарифей (у Д. Райта — Фарибхе, Фикариго, Гугофей) не имел жены.

Он родился человеком, жил в деревне Синьган (Синкан) и отличался вздорным характером и уродливой внешностью. Односельчане насмехались над его носом. Тогда Сарифей попросил защиты у богов, и они взяли юношу к себе и поселили его на северной половине неба. Оттуда он стал мстить людям, посылая им проклятия и болезни³. Однажды Сарифей спустился на землю и приказал людям соблюдать 27 табу [22, с. 26]. Все эти табу соблюдались только в «великий пост» — кариянг. Он бывал раз в году, когда солнце и луна занимали определенное положение по отношению друг к другу, и продолжался десять дней. Во время кариянга запрещались все строительные и сельскохозяйственные работы, изготовление оружия, охота, торговля, ношение одежды, браслетов (салахим унаре). Нельзя было вносить в дом рис, чай, посуду. Запрещались об-

---

² Немецкий путешественник А. Фишер утверждал, что он присутствовал на празднике «в честь богини плодородия Такарупада — Цереры дикарей» [31, с. 278].

³ Вероятно, он играл в туземной религии ту же роль, что и Ханито у Бунун или Анито в Малайзии [20, с. 183].

ряды инициации, ритуальный бег (трагадувел), свадьбы, танцы. Муж и жена не имели права вступать в супружеские отношения. Юноши не могли встречаться с девушками. Новорожденным не давали имен, младенцев не отрывали от груди матери. Маленьких детей нельзя было уносить далеко от дома. На месте проведения народного собрания (кано) не зажигали костра. Вновь избранные военачальники и старейшины поля⁴ не должны были приступать к своим обязанностям. До окончания кариянга туземцам, имевшим побратимов среди китайцев или европейцев, разрешалось принимать их не у себя дома, а у соседей [22, с. 26]. Наряду с табу, связанными с кариянгом, существовали также постоянные табу. К ним относились запрещения собирать моллюсков в определенное время года; искать потерянные вещи без предварительного гадания по пению птиц; рожать детей до тридцати пяти — тридцати семи лет⁵; в течение трех месяцев в году одеваться в какую бы то ни было одежду, носить шелковое платье; запрещались клятвопреступления, убийство близких, грабеж [27, с. 245].

Большую роль в религиозной жизни пинлу играли шаманки, выполнявшие и роль жриц (инибс). Они следили за соблюдением табу, руководили праздничными церемониями, возносили молитвы, занимались гаданием, камланием, знахарством, магией. От них отличались простые знахарки (тамамах), функции которых ограничивались врачеванием. Инибс пользовались исключительным вниманием в совете старейшин и народном собрании. Без них не обсуждалось и не принималось ни одного решения. Миссионеры, видевшие в инибс основную преграду для распространения христианства, обвиняли их в жестокости, разврате и т. п.⁶ Особенно возмущали Г. Кандидиуса меры, принимаемые инибс совместно со старейшинами против нарушений табу. Так, за ношение одежды в неположенное время с нарушителей взимали штраф — две оленьи шкуры, а одежду отбирали или уничтожали [27, с. 228]. Женщинам, забеременевшим до тридцати пяти — тридцати семи лет, инибс якобы выдавливали плод ногами. «Я видел таких, — пишет Г. Кандидиус, — которые пятнадцать-шестнадцать раз губили свой плод и только на семнадцатый раз имели право родить ребенка» [22, с. 237]. Г. Кандидиус рассказывает о сценах камлания, свидетелем которых он был. Инибс впадали в состояние экстаза и доходили до каталепсии. Если камлание было связано с молением о дожде, оно сопровождалось ритуальным мочеиспусканием [27, с. 248].

О знахарстве подробнее сообщает Д. Райт. В случае забо-

⁴ Их функции в источниках точно не обозначены.

⁵ Г. Кандидиус пишет об этом в отчете и письме к губернатору Тайваня [18, с. 93—95]. Однако другими источниками эти сведения не подтверждаются.

⁶ Миссионер Р. Юниус даже вызывал против них войска [8, с. 116].

лечения сразу же обращались к знахарке. Прежде чем идти к больному, она приносила в жертву божествам врачевания Тагеталлаг и Тагисикель сосуды с вином. Лечение осуществлялось с помощью трав и массажа. Больному разрешалось есть все. Если ему все же не становилось лучше, вызывали инибс. После соответствующего жертвоприношения она беседовала с духом своего пациента и вместе со знахаркой произносила заклинания, обращаясь к божествам с просьбой ниспослать больному либо быстрое выздоровление, либо легкую смерть. Исход заболевания шаманка определяла, потянув больного за пальцы: хруст пальцев означал, что он будет жить, а отсутствие хруста — что он умрет. Чтобы удостовериться в точности прогноза, инибс прикрывала рот больного сорванным с дерева листом и, набрав в рот воды, с силой выпускала ее на лист. Если лист переворачивался, инибс считала, что человек выздоровеет; если прилипал ко рту — всякое лечение почиталось бесполезным. В том случае, когда благоприятное предсказание не оправдывалось и больному становилось хуже, следовало изгнать злого духа из его дома. На этот раз инибс просила божеств дать ей силы и твердость для борьбы со злым духом. Взяв с собой горшок с вином, саблю — париянг, пучок соломы и несколько волосков человека, она в сопровождении самого храброго воина отправлялась изгонять злого духа из дома. Шаманка и воин, громко крича и топая, размахивая париянгами и разбрасывая солому, «загоняли» злого духа в реку или кустарник. Отпив затем вина, инибс бросала горшок с недопитым вином как бы вслед злому духу, приговаривая: «Возьми вино и выпей. Никогда не приходи в дом, потому что тебя изгнали». Возвратившись в дом больного, шаманка показывала своему пациенту и его родственникам будто бы вырванные из головы демона волоски. Если же и это не давало результатов, инибс совершали повторное изгнание дьявола. Дальнейшее ухудшение состояния здоровья пациента означало, что злой дух свил себе гнездо в его жилище. В этом случае ему вливали в рот вино, захлебнувшись которым больной умирал [22, с. 245]. Г. Кандидиус сообщал также, что больному надевали на шею петлю и несколько раз поднимали его вверх, чтобы «облегчить страдания». Лечение бесплатным не было. За труды шаманка получала вознаграждение, даже в том случае, если пациент умирал. Если больной выздоравливал, он отправлялся к «пагоде» принести жертву Тагеталлаг и Тагисикель и произносил благодарственную молитву: «Примите это в благодарность из моих рук. Много добра вы сделали, чтобы жизнь мою продлить». По дороге туда и обратно надо было избегать встреч с калеками и слепыми, а увидев кого-нибудь из них, вернуться обратно. Запрещалось сразу после выздоровления посещать народное собрание. Подобные картины шаманизма наблюдаются у некоторых гаошаньских племен по сей день, что лишний

раз указывает на общность религиозных обрядов и обычаев различных племен аборигенов [20, с. 149; 28, с. 284].

Д. Райт упоминает о семи крупных праздниках у аборигенов Тайваня. Большинство праздников было связано с земледельческим культом и характеризовалось массовыми ритуальными возлияниями и сакральными оргиями. Первый праздник, Тупаупыйлахканг, отмечался в конце апреля на берегу озера, куда собирались «стар и млад». Церемония начиналась с жертвоприношения и молитвы о богатом урожае и хорошей погоде. Затем происходило массовое возлияние и ритуальное метание копий. Мужчины, держа сосуд с вином в одной руке, обмакивали концы копий в вино и метали копьё в цель. Потом мужчины собирались вместе, шутили, смеялись, рассказывали друг другу о боевых подвигах и любовных приключениях, а также спорили о том, кто из них лучший охотник и сборщик урожая [22, с. 20].

В июне праздновали Выборланг Варлоо. Готовясь к празднику, островитяне обращали особое внимание на толкование своих снов и криков птиц. В начале праздника «освящались» сельскохозяйственные орудия и оружие⁷. Украсив цветами и ветками свои одежды, корзины, дома и мосты, пинпу обращались к Тамагисанчаку и Такарупаде с просьбой о защите их жилья от ненастья, пожаров, ядовитых змей и опасных животных. Мужчины просили богов войны Тапалят и Тававопли заострить им оружие, дать силу и смутить души противников. После этого инибс произносила перед собравшимися следующую проповедь: «Сын мой, выпивай все полностью, раздевайся донага, чтобы никакой одежды не было на теле. Пей до утра! Иди от дома к дому и пей! Иди к девке, к сестре, к дочери, все равно к кому. Используй все, что на праздник подвернется!»⁸.

Происходивший в июне Сикарьярьянг Д. Райт квалифицирует «как праздник Бахуса и Венеры, отличавшийся противостественными грехами». После беседы с богами и принесения жертв в своем доме мужчины и женщины, прикрытые только набедренными повязками, собирались на жертвенную площадь. Инибс приносила жертвы богам, и начиналась всеобщая молитва. Как и во время предыдущего праздника, мужчины просили богов о защите от врага, а женщины — о сохранении плодов на полях. В тот же день юноши «испытывали оружие» [22, с. 21]. Сикарьярьянг сопровождался массовым весельем и торжественным возлиянием.

Сентябрьский праздник Лингоут посвящался защите урожая от бурь и непогоды, которая часто бывает в это время. Абсолютно нагие мужчины и женщины собирались у устья впада-

⁷ Вероятно, выполнялись магические церемонии.

⁸ Текст молитвы другими источниками не подтверждается.

ющей в море реки и молились «серьезно и ответственно». Потом происходили ритуальные состязания. Украшенные венками из полевых цветов и растений, юноши бежали наперегонки к реке⁹. Победителя девушки переносили через реку на руках. Самая красивая девушка доставалась лучшему бегуну. «Многие упражняются перед праздником в этой игре, чтобы получить красавицу» [22, с. 21].

На октябрь падают сразу два праздника — Пинанг и Итаунганг. Во время Пинанга пожилые мужчины, украшенные черепаховыми панцирями¹⁰, «ходили ночью по селению, беседуя друг с другом», юноши сопровождали их. На жертвенной площади участники праздника согласно правилам ритуала должны были состязаться в беге. Празднование проходило «без каких бы то ни было грехов», — отмечает Д. Райт [22, с. 21]. Итаунганг продолжался два дня, и отмечали его только мужчины. В первый день совершалась церемония в честь божеств. Д. Райт следующим образом описывает ритуал: «Одетые в особую одежду, с плотно сжатыми ногами, они прыгали наперегонки» [22, с. 21]. На другой день, сняв и сложив панцири, они собирались на жертвенной площади, где устраивались сакральные оргии [22, с. 21]. О праздновавшемся в ноябре Караулаутханге известно очень мало. В этот день военачальники и старейшины украшали головы перьями. Праздник, по словам Д. Райта, «сопровождался самыми постыдными излишествами» [22, с. 21].

Подобные праздники отмечали у аборигенов Тайваня А. Фишер, Д. Шредер, Дин Шао-и [11, с. 14а—16а; 28, с. 282; 31, с. 278]. Однако они упоминают о трех, а не о семи праздниках¹¹ [28, с. 282; 31, с. 278]. О ритуальных обрядах, связанных с рождением ребенка, миссионеры не пишут. Большое внимание аборигены уделяли погребальным обрядам.

Погребальный обряд у жителей Южного Тайваня заключался в мумификации копчением с последующим захоронением. Судя по рассказам миссионеров, виновником смерти туземцы считали злого духа. Его изгоняли при помощи шума, топота, хлопанья в ладоши, ударов каменных колотушек («кастаньет»). Похоронная церемония совершалась с участием специальных танцовщиц (самагдадахдакен) и плакальщиц, исполнявших плачи и зауспокойные песни (тейкулидид). Д. Райт рисует следующую картину: «Как только дух отлетит от тела, то все вокруг кричат: „Он мертв!“ Хлопают руками, топают ногами, создавая ужасный шум. Бьют по полому дереву, ибо колокольчиков у них нет» [22, с. 19]. Обмыв покойника водой, родичи одевали его в лучшую одежду, поставив рядом с трупом рис,

⁹ Аборигены любили украшать себя цветами и ветками даже в будни [11, с. 145—15а].

¹⁰ О ношении черепаховых панцирей писал также иезуит Ф. А. Семедо [29, с. 10—11].

¹¹ Китайские источники о количестве праздников не сообщают.

вино, заколотую свинью, «дабы мертвец это пожертвовал богам», и большой сосуд с водой, чтобы душа могла пить. Вокруг тела умершего, которое в течение двух дней стояло или лежало, устанавливали бамбуковые шесты с флажками. Если умирал молодой человек, у изголовья ставили копьё с нарезками, число которых соответствовало количеству добытых им голов.

Каждый вечер друзья покойного приносили сосуды с вином и пили, приговаривая: «Это для души». «Самые близкие из друзей,— пишет Д. Райт,— ложатся на обнажённое тело и поднимают тоскливый крик, причитая: „Зачем ты умер?! Зачем ты нас покинул?! О наш сын! Наше дорогое дитя! Вернись к нам снова и оставайся у нас! Если ты не можешь этого сделать, возьми нас к себе! Мы рады умереть вместе с тобой! Что нам делать без себя?! Что нам делать?!“». Для увеличения впечатления горя женщины страшно шумят, стоя на перевернутых корытах, и все окружающие кричат: «Слушайте, о деревья, о потере лучшего человека!». Г. Кандидиус также сообщает, что женщины приносят сосуды с вином к дому умершего и танцуют перед его домом, на перевернутых корытах, стоя спиной друг ко другу, по четыре-пять в ряд, сменяясь каждые два часа: «Они не прыгают, не трясутся, не перемещаются. Двигают руками и немного ногами, но делают это очень легко». Одновременно плакальщицы, сидя вокруг мертвеца, исполняли плачи и заубойные песни, в которых «просили у божеств дать душе умершего хорошее место, славную женщину, честного друга. В это время юноши с каменными кастаньетами в руках бегали вокруг дома умершего, создавая страшный шум» [22, с. 20].

Через три дня после смерти человека его труп обмывали вином или теплой водой и готовили к мумификации копчением на специальном помосте (таках). Тело обрабатывали париянтами «так, что летят куски кожи», а затем разводили под ним слабый огонь. Через восемь-десять дней подготовленную таким образом мумию обертывали циновкой или материей и поднимали на высокий помост. После этого устраивались повторные поминки.

Об окончательном захоронении миссионеры дают различные сведения. Вероятно, существовало несколько видов этого обряда. Г. Кандидиус сообщает о двух способах окончательного захоронения: первый, когда мумию уносили в лес и помещали в специальный, украшенный по углам зеленью и ленточками маленький домик. Туда ставили сосуд с водой и длинную бамбуковую трубку, чтобы отлетевшая от тела душа, когда ей захочется навесить тело, могла бы испить и искупаться. Второй способ: мумию человека закапывали в его собственном доме. В этом случае поминки устраивали трижды [22, с. 20]. Д. Райт утверждает, что останки окончательно захоранивали возле храма (возможно, культового дома). Ближайший друг покойного девять или десять дней охранял могилу и никого близко не

подпускал к ней, ибо туземцы считали, что рядом с мертвецом спит злой дух. В это время вдова ежедневно молилась. Раздевшись донага, она обращалась к богам с просьбой соединить ее с супругом. Затем следовало изгнание дьявола: друзья покойного с зажженными факелами и каменными «кастаньетами» шумели и кричали, чтобы нечистая сила исчезла. После изгнания дьявола вдова убирала жилище. Став лицом к югу, она произносила следующие слова: «Чей это дом?! Кому он нужен?! Он не принадлежит ни мне, ни нам. Что мы должны с ним делать?!» — и бросала метлу [22, с. 20].

Другие источники не сообщают о мумификации огнем у пинпу или у других гаошаньских племен, хотя в остальном похоронные обряды аборигенов Тайваня во многом совпадают с теми, о которых писали миссионеры [11, с. 165; 21, с. 574; 23, с. 251; 28, с. 286—287]. Г. Кандидиус и Д. Райт не оставили никаких сведений о религии гаошаньцев, проживающих в горах Тайваня. Более поздние авторы восполнили этот пробел [2, с. 3; 4, с. 5, 6, 14, 17; 19, с. 20, 21, 23—25, 28, 31, 32]. На основании этих данных видно, что между горцами и жителями равнины не было глубоких различий в религиозных представлениях и ритуале. Следует отметить, что современные гаошаньцы сохранили многие элементы своей традиционной религии [14, с. 65—68; 20, с. 181—194; 28, с. 267—293].

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов А. Ф. Исторические особенности первобытного мышления. Л., 1971.
2. Кюнер Н. В. Горные племена Формозы (вторая редакция).— Архив ИВАН, ф. 91, оп. 2.
3. Кюнер Н. В. Коллективные охоты у формозских племен (у племени атайял).— СЭ. 1973, № 2—3.
4. Кюнер Н. В. Народы острова Тайвань.— Архив ЛОИЭ, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 90.
5. Мольтрехт А. Четыре месяца зоологической и этнологической работы среди дикарей центральной и южной Формозы.— ИРГО. Т. II. СПб., 1916.
6. Невский В. А. Материалы по говорам языка цоу. М.—Л., 1935.
7. Трисман В. Г. Представление о душе у тораджей Центрального Сулавеси.— «IV научная конференция по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии (тезисы)». Л., 1972.
8. Чигринский М. Ф. Из исторической географии и этнографии Тайваня.— Страны и народы Востока. Вып. XIII. Кн. 2. М., 1972.
9. Ван Юй-дэ. Тайван. Токио, 1971 (на яп. яз.).
10. Гуцзинь тушу цзичэн (Собрание древних и современных картин и книг). Т. 147. Цз. 1109. Шанхай, 1936 (на кит. яз.).
11. Дин Шао-и. Дунинчжилюе (Краткое описание Тайваня). Цз. 6. Фу-чжоу, 1875 (на кит. яз.).
12. Ма Дуань-линь. Вэньсянь тункао (Древние тексты и их исследование). Т. II. Цз. 326. Шанхай, 1936 (на кит. яз.).
13. Суйшу (История династии Суй). Т. 68. Цз. 81. Шанхай, 1936 (на кит. яз.).

14. Тайван такасагодзоку кэйто сёдзоку но кэнкю (Изучение генеалогии абorigенов Тайваня). Т. I. Тайхоку, 1935 (на яп. яз.).
15. Хуандинчжигунту (Альбом данников династии Цин). Т. 2. Цз. 3. [Б. м.], 1751.
16. Ши Мин. Тайвань дзин ёнхаку нэнси (История тайваньцев на протяжении 400 лет). Токю, 1962 (на яп. яз.).
17. J. M. Alvarez. The Aboriginal Inhabitants of Formosa.— «Anthropos». Т. XXII, f. 1, 2. Salzburg, 1927, с. 248—258.
18. Campbell R. W. Formosa under the Dutch. L., 1903.
19. Chio-min Hsieh. Taiwan-ilha Formosa. L., 1964.
20. Coe M. D. Shamanism in the Bunun Tribe, Central Formosa.— «Ethnos». 1955, vol. 20, № 4, с. 181—194.
21. Davidson J. W. The Island Formosa. Past and Present, London and New York, 1903.
22. Gedenkwürdige Verrichtung der Niederländischen Ost-Indischen Gesellschaft in dem Kaiserreich Taising oder Sina, durch ihre zweyte Gesandschaft an den Unter-König Singlamong und Feldherren Taising-Lipoui. Ausgeföhret durch Joan van Kampen und Constantin Nobel; Wobei alles dasjenige was auf dem Sinisehen Seestrände und bey Tajowan, Formosa, Aimuy und Quemuy, unter dem Beschlaber Balthasar Bort, im 1662 und folgenden Jahre vorgefaller, erzählt wird, Als auch die dritte Gesandschaft an Konchi, Sinischen und Ost-Tartarischen Kaiser, verrichtet durch Pieter van Hoorn. Hierbey ist gefüget eine ausführliche Beschreibung des gantzen Sinischen Reichs; und ist durchgehendes das gantze Werk mit viel schönen Kupferstucken gezieret. Amsterdam, 1676.
23. Imbault-Huart C. L'île Formose. P., 1898.
24. Ischii Siinji. The Island Formosa and its primitive inhabitants. L., 1916.
25. Mackey G. L. From far Formosa. Edinburg — London, 1900.
26. Naouchi Kokubu. The Prehistoric Southern Islands and East China Sea Areas.— «Asian Perspectives». Hong-Kong, 1964, vol. VII, № 1—2, с. 224—230.
27. Relation de L'etat de l'iles Formose, Ecrite par George Candidius, Ministre du S'Evangile, envoyé dans cette, Ilse pour la propagation de la Foi Chrétinne.— Recueil de voyages. T. IX. Rouen, 1725.
28. Schröder D. Die Puyma von Katipol (Taiwan) und ihre Religion. Ein Kurbericht aus dem Felde.— «Anthropos», 1966, vol. 61, № 1—2, с. 267—293.
29. Semedo F. A. The History of That Great and Renowned Monarchy of China. L., 1655.
30. Stopel K. Th. Eine Reise in das Innere der Insel Formosa. Buenos-Aires, 1905.
31. Fischer A. Streifzüge durch Formosa. B., 1900.
32. Formosa.— «Chinese Repository». Vol. 11. [Б. м.], 1834, с. 408—420.
33. Valentyн F. Beschryvinge van Tayouan of Formosa.— «Zaaken van den Godsienst op het Eyland Java. Als ook een Beschryving van het Nederlandsch Comptoir in Suratte, En van de levens der Groote Mogols, Mitsgaders een Verhaal der Zaaken van China. Nevenseen Beschryving van't Eyland Formosa ofte Tayouan, en de zaaken dar toe behoorende; Waar achter gevoegt zyn des Schryvers Uyt en t'Huys-Reyzen». Deel. IV, S. II. Dodrecht — Amsterdam, 1726.

С. Е. Яхонтов

К ЭТНОГЕНЕЗУ НАРОДОВ МЯО И ЯО

В этническую группу мяо-яо включают обычно три народа: мяо, яо и шэ. Шэ считают родственными яо лишь на основании этнографических, но не лингвистических признаков: они говорят на одном из китайских диалектов. Имели ли они прежде другой язык и что он собой представлял, неясно.

Лингвистическую группу мяо-яо принято делить на язык мяо и язык яо, каждый из которых, в свою очередь, подразделяется на диалекты. Существование единого языка мяо сомнительно: говорящие на разных диалектах и даже поддиалектах мяо не понимают друг друга и в случае необходимости должны объясняться по-китайски. Однако здесь для простоты сохраняется традиционная терминология. На языке яо в собственном смысле говорит менее половины всех яо КНР (причем, как и в случае с мяо, говорящие на каком-либо из диалектов не понимают говорящих на других диалектах этого языка). Некоторая часть яо, как и шэ, говорит на китайских диалектах, другая, весьма значительная, — на диалектах языка мяо (в китайских работах эти диалекты называются языком буну). В состав яо входит также очень малочисленная народность лаккья, язык которой родствен тайским и дун-шуйским. Наконец, на о-ве Хайнань существует небольшая этнографическая группа, говорящая на одном из диалектов яо, но причисляемая к мяо.

Мяо имеют общее самоназвание, которое, впрочем, произносится по-разному в разных диалектах. Вероятно, от него происходит и китайское слово «мяо». У яо одного собственного названия нет. Есть более двадцати групп яо (если считать и яо, говорящих на диалектах буну) с разными названиями: часто встречающийся в их составе корень *мин*, *мьен*, *мун* значит просто «человек».

Сведения о диалектах мяо и яо, их географическом распространении и самоназваниях их носителей, приводимые ниже, взяты в основном из «Краткого описания языков национальных меньшинств Китая» [7].

Среди диалектов мяо наибольшее распространение имеют четыре или пять¹. Единых общепринятых названий для них не существует. Мы будем называть их сычуаньским, юньнаньским, гуйчжоуским, хунаньским и буну. Первые два из них довольно близки друг к другу и могут рассматриваться как поддиалекты одного диалекта. Кроме того, существует еще ряд диалектов, имеющих очень узкое распространение; каждым из них пользуется не более нескольких десятков тысяч человек. Их мы условно назовем малыми диалектами мяо.

Сычуаньский диалект распространен в южной части Сычуани, в северо-западной части Гуйчжоу и в некоторых районах Юньнани. Говорящие на нем мяо называют себя и свой язык *хмонг*. Этот диалект чаще других встречается за пределами Китая и лучше всего описан. В европейской литературе отдельные группы его носителей обозначаются традиционными китайскими названиями: *белые*, *синие* (или *зеленые*), *пестрые мяо*. Юньнаньский диалект представлен в северо-восточной Юньнани и в некоторых районах на северо-западе Гуйчжоу.

Самоназвание мяо, говорящих на гуйчжоуском диалекте, — *хму* или *ка-нао*. Они занимают юго-восточную часть Гуйчжоу. Традиционное китайское название их — *черные мяо*. Хунаньский диалект распространен в северо-западной Хунани; самоназвание его носителей — *ко-хьонг*, китайское название — *красные мяо*. *Хмонг*, *хму* и *хьонг* представляют собой диалектные варианты одного и того же слова.

Люди, называющие себя *пу-ну* (в китайской транскрипции — *буну*), считаются частью народа яо. Они живут в северной части Чжуанского автономного района Гуанси, главным образом в уезде Дуань, в бассейне р. Хуншуйхэ; диалект буну испытал сильное влияние чжуанского языка.

Еще пять диалектов мяо, насчитывающих каждый сравнительно небольшое число говорящих, мы находим в южной части Гуйчжоу, между ареалами гуйчжоуского и сычуаньского диалектов. Западная граница их распространения проходит через уезды Цинчжэнь, Пинба, Аньшунь, Ванмо. На четырех других малых диалектах говорят причисляемые к яо этнографические группы па-хнг, иу-нуо, м-най и кьонг-най; самая большая из них, па-хнг, насчитывает около десяти тысяч говорящих. Диалект м-най — самый восточный: он распространен в уездах Тундао, Лунхуэй и Сюйпу провинции Хунань. Кьонг-най живут в уезде Даяошань в Гуанси, па-хнг и иу-нуо — на севере Гуанси, в уездах Луншэн, Саньцзян, Синьань. Из всех малых диалектов языка мяо описан (во Вьетнаме) только один — *па-хнг* [12]; вьетнамское название его — *па-хынг* или *па-тхен*. Об остальных в лучшем случае имеются отрывочные сведения.

---

¹ Обычно говорят только о трех главных диалектах, так как не учитывается буну (говорящих на языке буну не включают в состав мяо).

Язык яо в собственном смысле распространен главным образом на севере Гуандуна и в соседних районах Гуанси и Хунани. Яо, говорящие на этом языке (не на диалектах мяо), делятся на ряд групп, различающихся и по собственным и по китайским названиям. Наиболее известны дабань-яо и ким-мун, или ланьдянь-яо. Все яо одной группы говорят на одном диалекте; иногда на одном и том же диалекте говорит несколько групп. Язык яо делится на три диалекта: мьен (в китайской транскрипции — *мянь*), дзау-мин и бяу-мин. Первый диалект состоит из трех поддиалектов: мьен, ким-мун и бяу-муан. В сущности, первый поддиалект не имеет специального названия (поскольку *мяен* значит просто «человек»). Говорящих на нем больше, чем говорящих на остальных диалектах и поддиалектах, вместе взятых. Дабань-яо говорят на поддиалекте мьен, ланьдянь-яо — на поддиалекте ким-мун. К группе ким-мун принадлежат также так называемые мяо Хайнаня.

Территория, на которой распространены языки мяо и яо, состоит из трех частей. Первую составляют провинция Гуйчжоу, северо-восточная часть Хунани, южная Сычуань, северо-восточная Юньнань, а также некоторые районы на севере и северо-западе Гуанси. Здесь, как мы видели, распространен язык мяо (включая буну). Ряд диалектов мяо нигде за пределами Гуйчжоу, Гуанси и Хунани не встречается. Другая часть — это север Гуандуна, юг Хунани и северо-восток Гуанси, приблизительно до района г. Лючжоу. Это область распространения языка яо. Из малых диалектов мяо здесь представлен только один — кьонг-най (около 800 говорящих). Третьей частью можно считать юг Гуандуна, Гуанси и Юньнани, а также ряд районов Вьетнама, Лаоса, Таиланда и Бирмы. Здесь представлены и мяо и яо, причем переселились они сюда сравнительно недавно; часто в одной и той же местности можно встретить оба языка или же два диалекта одного из языков. Эту третью область мы в дальнейшем не рассматриваем.

Ни в одной из трех областей народы мяо и яо не составляют сейчас большинства населения.

На границе между первой областью, где представлен только язык мяо, и второй, где есть только язык собственно яо, на стыке провинций Гуйчжоу, Гуанси и Хунань, распространены языки дун-шуйской (гам-суйской) группы, родственные тайским. Некоторые из них постепенно вытесняются языками чжуанским и буи. Вероятно, в прошлом дун-шуйские языки были распространены и несколько южнее; остатком прежнего населения там являются мулао в уезде Лочэн и маонань в уезде Хэчи.

Таким образом, ареалы распространения языков мяо и яо почти не граничат между собой непосредственно.

Можно предположить, что народы мяо и яо, первоначально составлявшие этническую общность, оказались разделенными в результате того, что в середине занимаемой ими территории

вторглись пришельцы с юга, из областей, бывших прародиной тайских языков; потомками этих пришельцев являются современные народы дун-шуйской группы.

Время разделения языков мяо и яо может быть определено методом глоттохронологии. Число слов, совпадающих в диалектах мяо и диалектах яо (по списку из 100), составляет около 40% или немногим больше, что соответствует приблизительно трем тысячам лет раздельного существования. Число совпадений в языках дун и мак, с одной стороны, и в отдельных тайских языках — с другой, также немного превышает 40%. Только тайские языки северной группы (буи и северные диалекты чжуанского языка) обнаруживают несколько большую близость к дун-шуйским. Однако это объясняется сравнительно поздними контактами. Свидетельством таких контактов является, например, общий корень «женщина» (или «девушка») в северотайских, дун-шуйских языках и мяо²: буи *bük*⁷, мак *'biik*³, дун *mjek*³, хунаньск. мяо *mpha*³, буну *mpha*⁷ (общемьяоск. **mphək*⁷).

Итак, разделение протомьяоского языка на две ветви — мяо и яо — произошло около трех тысяч лет назад.

Сейчас яо и мяо встречаются в самых различных частях Гуандуна и Гуанси. Во многих местах они появились сравнительно недавно. Однако районы с исконным и с пришлым мяо-яоским населением можно во многих случаях различить по особенностям лингвистической ситуации в них.

Родственные языки или диалекты, распространенные сплошными ареалами, а вперемежку, явно принадлежат прошлому населению, в особенности если где-то в других местах эти же языки и диалекты существуют раздельно. Если же на сравнительно небольшой территории мы находим (рядом, но раздельно) несколько родственных, но заметно различающихся языков, которые больше нигде не встречаются, то скорее всего они именно там и сложились: трудно предположить, чтобы несколько родственных народов независимо друг от друга переселились в одно место. Один или несколько языков, образующих островки на территории, в основном занятой другим языком, могут принадлежать остаткам древнего населения этой территории; нельзя, конечно, исключить, что их носители — колонисты или беженцы из других мест, но тогда весьма вероятно, что мы найдем те же языки и где-то в других районах. Наконец, если один и тот же язык распространен на большой территории, не обнаруживая существенных различий от одного района к другому, можно предположить, что соответствующий народ заселил эту территорию сравнительно недавно и диалекты просто еще не успели развиться.

² Здесь и далее транскрипция несколько упрощена. В частности, сочетание *ng* означает заднеязычный носовой согласный; буквами «й», «ö» обозначаются нелабиализованные гласные заднего ряда. Тон обозначен цифрами.

На основании этих общих соображений мы можем предположить, что первоначальный ареал языков мяо-яо включал на юго-западе бассейн р. Хуншуйхэ: только там, и больше нигде, распространен диалект буну (пу-ну). Тайское население северной Гуанси и южной Гуйчжоу, сейчас наиболее многочисленное, вполне может оказаться пришлым: в языковом отношении оно довольно однородно, граница между северными чжуанами и буи совершенно условна (она совпадает с границей провинций) и не основана на различиях в языке. Но южнее, по берегам Юцзяна, видимо, издавна жили тай. Тайские языки делятся на три группы — северную, центральную и юго-западную [11], и р. Юцзян отделяет северную группу от центральной. Это легко объяснить, если предположить, что население этого района в течение очень долгого времени оставалось более или менее постоянным и река была естественным препятствием, затруднявшим общение.

На юго-востоке прародина мяо-яо, вероятно, включала горные районы севернее Сицзяна и западнее Бэйцзяна, так как только там можно найти редкие диалекты яо — дзау-мин, бяу-мин, бяу-муан. Между р. Бэйцзян и границей Цзянси живут только яо, говорящие на поддиалекте мьен; восточный предел их обитания — уезд Вэньюань. Западнее Бэйцзяна мьен встречаются обычно по соседству с яо, говорящими на других диалектах, т. е., по-видимому, являются пришельцами.

Западными соседями мяо являются гэлао. Сейчас язык их постепенно исчезает. Большинство гэлао сосредоточено в уездах Чжицзинь, Цяньси, Гуаньлин и Ландай провинции Гуйчжоу, но они есть и во многих других местах, от Жэньхуая и Цзунь на севере до Чжэньфэна (в Гуйчжоу) и Лунлиня (в Гуанси) на юге³. Известно, что везде, где соседствуют гэлао и мяо, первые считают себя автохтонным, а вторые — пришлым населением. Восточная граница распространения гэлао проходит по уездам Цинчжэнь, Пинба, Аньшунь, Чжэньнин, Чжэньфэн, т. е. совпадает с западной границей малых диалектов мяо. Носители их не могут быть недавними переселенцами, так как эти диалекты нигде более не встречаются. Поэтому естественно предположить, что в древности восточная граница территории гэлао проходила там же, где и сейчас. Она же была первоначально и западной границей ареала мяо.

Где-то на севере или северо-западе предки мяо и яо (до их разделения) должны были непосредственно сталкиваться с тибето-бирманцами. Дело в том, что числительные языков мяо-яо

---

³ Подробные сведения о расселении гэлао см. в статье об этом народе в «Гуанмин жибао» [1]. Численность гэлао в КНР, согласно этой статье, составляет 44 500 человек; те же данные (возможно, по другому источнику) приводятся в «Народах Восточной Азии» [5, с. 500]. Но, видимо, это ошибка, и действительное число гэлао составляет около 24 000 человек; см. поправку в «Гуанмин жибао» [3].

от «четырёх» до «восьми» заимствованы из какого-то неизвестного нам, сейчас уже исчезнувшего тибето-бирманского языка (но не из китайского, как тайские и дун-шуйские числительные). Сравним, например:

	Хунаньск. мяо	Буну	Мьен	Исходная форма (рекон- струкция)	Тибетск.	Бирман.
‘четыре’	<i>prei¹</i>	<i>tla¹</i>	<i>pjei¹</i>	<i>*plei¹</i>	<i>bzi</i>	<i>lei³</i>
‘пять’	<i>pra¹</i>	<i>tsu¹</i>	<i>pja¹</i>	<i>*pra¹</i>	<i>lnga</i>	<i>nga³</i>
‘шесть’	<i>tro⁵</i>	<i>tröu⁵</i>	<i>kju⁷</i>	<i>*kruk⁷</i>	<i>drug</i>	<i>khrok</i>

В сино-тибетском праязыке числительные «четыре» и «пять» имели префикс *b-* [9]. Во многих современных тибето-бирманских языках префикс в этих словах сохраняется в виде того или иного губного согласного, ср.:

	гаро	магар	лушей	ронг (лепча)	цинпо
четыре’	<i>bri</i>	<i>buli</i>	<i>päli</i>	<i>fäli</i>	<i>mä¹li³</i>
‘пять’	<i>bonga</i>	<i>banga</i>	<i>pānga</i>	<i>fāngo</i>	<i>mä¹nga³</i>

Другие языки, в том числе китайский и бирманский, утратили префиксы во всех или в большинстве числительных. В языке, бывшем источником заимствования числительных мяо, префиксы (*p-*, *k-*), по-видимому, еще сохранялись. Слово «пять» в нем, вероятно, звучало **pnga* — с инициальной *ng-*, как в большинстве сино-тибетских языков; при заимствовании невозможное в мяо-яо сочетание *png-* было заменено допустимым *pr-*.

Числительные «девять» и «десять» в языках мяо-яо могут иметь китайское или тибето-бирманское происхождение; «сто» и «тысяча», несомненно, недавние заимствования из китайского.

В китайских источниках XIX в. указывается, что соседями хунаньских мяо на севере были ту-мань или ту-жэнь из Юнчжоу и Баочжоу, на востоке — гэлао из Луси [8]. Ту-мань — это современные туцзя. О языке их практически ничего не известно; китайские ученые предположительно относят его к группе ицзу. Если это верно, туцзя могут быть потомками гипотетических тибето-бирманцев, о которых говорилось выше.

Гэлао сейчас в Хунани нет. Однако Жуй И-фу приводит в одной из своих работ о гэлао небольшой словарь их языка, сохранившийся в китайских исторических сочинениях [2, с. 284—286] ⁴. Сравнение содержащихся в нем слов с лексикой

⁴ Жуй И-фу ссылается на «Мяо фан бэй лань» [8], но в издании, которым мы пользовались, этого словаря нет. Тот же самый материал цитирует Сюй Сун-ши [6, с. 115—116] со ссылкой на географическое описание префектуры Гуаншуньфу.

существующих сейчас языков и диалектов показывает, что преназализованным согласным (*mp*, *nt* и т. п.) других диалектов в нем соответствуют носовые в слогах низких (четных) тонов и преназализованные или звонкие — в слогах высоких (нечетных) тонов. Именно так обстоит дело и в языке гэлао (преназализованным в слогах высоких тонов соответствуют звонкие). Сравним⁵:

	сычуаньск. мяо	хунаньск. мяо	гэлао
'мясо'	<i>rqai²</i>	<i>nia²</i>	<i>ngia²</i>
'ухо'	<i>nɕe²</i>	<i>mrü²</i>	<i>mou²</i>
'свинья'	<i>mpua⁵</i>	<i>mpa⁵</i>	<i>bei²</i>
'дерево'	<i>ntong⁵</i>	<i>ntu⁵</i>	<i>dou²</i>

В области финалей язык гэлао тоже больше всего напоминает хунаньский диалект мяо.

	сычуаньск. мяо	гуйчжоуск. мяо	буну	хунаньск. мяо	гэлао
'сын'	<i>to¹</i>	<i>tä¹</i>	<i>tung¹</i>	<i>te¹</i>	<i>te⁵</i>
'глаз'	<i>mua⁶</i>	<i>mä⁶</i>	<i>mong⁶</i>	<i>me⁶</i>	<i>mei²</i>
'лошадь'	<i>nen⁴</i>	<i>ma⁴</i>	<i>mu⁴</i>	<i>me⁴</i>	<i>mei³</i>
'вода'	—	<i>eu¹</i>	<i>ang¹</i>	<i>u¹</i>	<i>u⁵</i>
'мяо'	<i>hmong¹</i>	<i>hmu¹</i>	—	<i>xiong¹</i>	<i>šuang¹</i>
'есть'	<i>nau⁵</i>	<i>nang²</i>	<i>nau²</i>	<i>nong²</i>	<i>nang²</i>
'серебро'	<i>nia²</i>	<i>ni²</i>	<i>njing²</i>	<i>ngong²</i>	<i>ngang²</i>

Некоторые имеющиеся в литературе сведения о говорах двух деревень мяо — Дунтоучжай и Сяочжан — уезда Луси [4], который, как сообщает Янь Жу-и, в его время (т. е. около 1800 г.)⁶ населяли гэлао [8], показывают, что язык гэлао в некоторых отношениях особенно напоминает говор Сяочжана.

	Хунань, Хуаюань	Хунань, Луси, Дунтоучжай	Хунань, Луси, Сяочжан	гэлао
'свинья'	<i>mpa⁵</i>	<i>mba⁵</i>	<i>bei⁵</i>	<i>bei²</i>
'ухо'	<i>mrü²</i>	<i>mjü²</i>	<i>möü²</i>	<i>mou²</i>

Итак, язык гэлао, как он представлен в интересующем нас словаре, представляет собой один из говоров хунаньского диа-

⁵ В оригинале слова гэлао транскрибируются китайскими иероглифами. Здесь иероглифы заменены их современными пекинскими чтениями, но указаны некоторые начальные согласные, сохранившиеся в диалектах Хунани, однако изменившиеся или утраченные в пекинском: звонкие *b*, *d* (в пекинском они перешли в придыхательные *ph*, *th*) и начальный *ng*. Обозначен также отсутствующий в пекинском 5-й тон.

⁶ Янь Жу-и (1759—1826), родом из Сюйпу (Хунань), участвовал в подавлении восстания мяо в последние годы XVIII в.

лекта мяо. Он не имеет ничего общего с языком гэлао из Гуйчжоу, известным по немногочисленным отрывочным записям европейских путешественников и родственным тайской группе. По-видимому, при династии Цин словом «гэлао» обозначали два (или больше?) совершенно разных народа.

Современной науке известны только гуйчжоуские гэлао. Их тоже некоторые авторы (возможно, следуя китайской традиции) включают в группу мяо-яо, но это мнение не подкреплено какими-либо конкретными лингвистическими фактами.

Китайские исторические сочинения I тысячелетия н. э. различают к югу от Янцзы два основных народа (или скорее две группы народов) — мань и ляо. Первые жили в нынешних Хунани, Хубэе, в восточной части Сычуани у границ Хубэя и даже в некоторых районах Хэнани и Аньхуэя. Ляо населяли горы северной и центральной части Сычуани, но начиная с эпохи Тан историки отмечают их также в южной Сычуани (на правом берегу Янцзы) и в северной части Гуйчжоу. Из их сообщения видно, что граница между обоими народами в это время должна была проходить где-то в районе р. Цяньцзыан. Предки мяо или по крайней мере хунаньских мяо, несомненно, входили в состав мань. Ляо сейчас рассматриваются как предки гэлао, но едва ли это верно.

О древнем населении провинции Цзянси мы практически ничего не знаем.

Итак, можно с большой степенью вероятности определить южные и юго-западные границы территории, которую занимали предки мяо-яо до их разделения на две этнические единицы или через некоторое время после разделения. Соседями их здесь были народы тайского происхождения. О северных окраинах ареала мяо-яо в доисторический период можно сказать лишь, что поблизости жили какие-то тибето-бирманские народы, остатком которых, возможно, являются современные туцзя. Восточная граница и восточные соседи предков мяо-яо нам неизвестны. Хунаньские гэлао в отличие от гуйчжоуских сами говорили на одном из диалектов мяо.

По фонетическим особенностям праязык мяо-яо в некоторых отношениях напоминал тайский праязык, а также китайский язык V—VIII вв. (но не более раннего времени!). В нем было четыре тона, каждый из которых довольно рано распался на два варианта — высокий и низкий; система четырех тонов сохранилась до сих пор в одном из диалектов (лобохэском). Конечные согласные образовывали систему из трех пар, каждому конечному носовому соответствовал один неносовой: *m — p*; *n — t*; *ng — k*. Слоги с конечными неносовыми имели особый тон. Характерной особенностью системы начальных согласных было наличие преназализованных, которых нет ни в тайских языках, ни в китайском: *nd, nt, nth, mb, mp, mḥ* и т. п. Эти звуки сохранились в большинстве современных диалектов мяо.

Существовали также многочисленные сочетания с сонорными, например: *pr*, *mbr*, *kl*, *kw*.

После разделения мяо и яо язык яо вошел в состав языкового союза, охватывающего тайские языки (включая дун-шуйские, ли и некоторые другие), вьетнамский, а также гуанчжоуский диалект китайского языка. Он хорошо сохранил конечные согласные; в закрытых слогах различаются долгие и краткие гласные. Напротив, язык мяо, так же как и соседние китайские диалекты (хуаньские, мандаринские), потерял почти все конечные согласные; первоначальные, гласные более или менее хорошо сохранились только в хуаньском диалекте, в остальных сильно изменились; однако в большинстве диалектов имеются сочетания начальных согласных.

Несмотря на структурное сходство, языки мяо-яо не родственны ни тайским языкам, ни китайскому. Возможно, что они представляют собой отдельную семью.

Однако заслуживают внимания некоторые слова языков мяо-яо, имеющие соответствия в аустроазиатских языках. А. Одрикур показал, что общими или сходными в этих двух группах являются слова со значением «собака», «глаз», «нос», «кровь», «кость», «вода», «орел», «имя» [10, с. 55—56]. Этот список можно было бы продолжить. Сравним, например⁷:

'рука': с. *te*⁴, х. *tū*⁴; мон *tay*, б. *ti*, кха. *kti*

'зуб': с. *hna*³, буну *mhing*³, х. *xie*ⁿ³; кхм. *dhmeñ*, б. *saning*

'рог': х. *kie*¹, яо *kjōng*¹; мон *grang*, вьет. *sūng*² (<*gr-)

'хвост': с. *ty*³, яо *twei*³; кхм. *kantuy*, вьет. *dubi*¹

'огонь': с. *teu*⁴, яо *tou*⁴; кхм. *taw*, мон *tū* ('сжигать')

'ветер': с. *kiua*⁵, х. *ki*⁵; мон. *kyā*, б. *khial*

'день', 'солнце': х. *hne*¹, яо *hnoi*¹; мон *tngay*, кха. *sngi*

'плод': х. *pi*³, яо *pjou*³; кхм. *phlai*, б. *plei*

'вошь': с. *n̄hou*³, ким. *sei*³; мон *cau*, кха. *ksi*

'полный': х. *pe*³, ким. *pōng*³; мон. *peng*, б. *beñ*

'вареный': с. *ša*³, буну *sing*³, х. *xie*ⁿ³; мон *cin*, кхм. *ch'in*

'плакать': х. *nie*ⁿ³, яо *njom*³; мон *yāt*, б. *ñem*

'три': с. *pe*¹, х. *pi*¹, яо *po*¹; мон *pi*, вьет. *ba*¹

'мы': с. *pe*¹, х. *pū*¹, яо *bo*¹; мон *puiy*, б. *ba*, *bōn*

'ты': х. *tu*², яо *twei*²; вьет. *tau*², кха. *te*

Чтобы оценить правомерность отождествления этих слов, следует иметь в виду сказанное выше о фонетических особенностях языков мяо и яо. В частности, можно предполагать, что конечный согласный праформы каждого слова мяо-яо совпадал с тем, который представлен в современном языке яо, а гласный был близок к гласному, который это слово имеет в хуаньском диалекте мяо.

⁷ С. — мяо, сичуаньский диалект; х. — мяо, хуаньский диалект; яо — яо, диалект мьен; ким. — яо, диалект ким-мун (по словарю Ф. М. Савина [13]), кхм. — кхмер; б. — бахар; вьет. — вьетнамский; кха. — кхаси. Примеры из языков мон и кхмер даны в транслитерации.

Слова, общие у языков мяо-яо с аустроазиатскими, относятся к числу наиболее обычных, и количество их таково, что едва ли мы имеем дело со случайными совпадениями. Эти слова не могут быть и заимствованиями как по своей семантике, так и потому, что в историческое время мяо и яо не находились в контакте с аустроазиатскими народами. Таким образом, не исключено, что они свидетельствуют о родстве (вероятно, очень отдаленном) между мяо-яо и аустроазиатскими языками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуйчжоу шэн гэлаоцзу шэхуэй лиши дяоча сяоцзу. Юэцзинь чжун ды гэлаоцзу (Группа по обследованию общности и истории народа гэлао в провинции Гуйчжоу. Народ гэлао во время скачка).— «Гуанмин жибао», 24.II.1959.
2. Жуй И-фу. Гэлао ды цзшу вэньти (Ruey Yih-fu. The Ethnical Problem of the Kehlaö Tribe).— «Чжунъян яньцзюань юанькань». Тайбэй, 1956, № 3.
3. Лайхань гэнчжэн (Письмо с поправкой).— «Гуанмин жибао», 28.III.1959.
4. Ли Юн-суй, Чэнь Кэ-цзюнь, Чэнь Ци-гуан. Мяоюй шэньму хэ шэндяо чжун ды цзигэ вэньти (Некоторые вопросы, касающиеся инициалей и тонов в языке мяо).— «Юйянь яньцзю». Пекин, 1959, № 4.
5. Народы Восточной Азии. М.—Л., 1965.
6. Сюй Сун-ши. Дуннанья миньцзу ды Чжунго сюэюань (Hsu S. Chinese Blood Relation of the South Eastern Asiatic Peoples). Сянган, 1959.
7. Чжунго шаошу миньцзу юйянь цзянь чжи. Мяо-яо юйцзу буфэнь (Краткое описание языков национальных меньшинств Китая. Раздел «Семья мяо-яо»). Пекин, 1959.
8. Янь Жу-и. Мяо фан бэй лань (Собрание сведений, касающихся охраны границ с мяо). Чанша, [б. г.].
9. Benedict P. Sino-Tibetan: a Conspectus. Contributing Editor, James A. Matisoff. Cambridge, 1972.
10. Haudricourt A. G. The Limits and Connections of Austroasiatic in the Northeast. In: Norman H. Zide (Ed.). Studies in Comparative Austroasiatic Linguistics. London — the Hague — Paris, 1966, с. 44—56.
11. Li, Fang-kuei. The Tai and the Kam-Sui Languages.— «Lingua». 1965, № 14.
12. Nguyễn Minh Đức, Bức đầu tìm hiểu tiếng nói và văn đề chữ viết Pà Hng (Pà Thên) [Первый шаг в изучении языка и проблемы письменности па-хынг (па-тхен)] — Tìm hiểu ngôn ngữ các dân tộc thiểu số ở Việt Nam («Исследования по языкам национальных меньшинств Вьетнама»), tập I. Hà-nội, 1972.
13. S a v i n a F. M. Dictionnaire français-mán.— «Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient». 1926, t. XXVI.

А. С. Мартынов

ТРАДИЦИОННЫЙ КИТАЙСКИЙ ПОДХОД К ВНЕШНЕМУ МИРУ

Отношения Китая с внешним миром никогда не принадлежали к теме, обделенной вниманием синологов. В настоящее же время эти вопросы выдвинулись в ряд наиболее актуальных настолько сильно, что обилие литературы по этой теме уже позволяет судить о специфических трудностях, сопутствующих ее исследованию. С некоторыми из них сталкивается и советская синология. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к недавно вышедшей книге Г. Ф. Мурашевой и к рецензии на нее А. А. Бокщанина [см. 3, с. 196—197; 7, с. 21—22, 70]. Одна из главных трудностей, по нашему мнению, состоит в том, что при первом же знакомстве с китайским материалом, относящимся к внешним контактам, синолог начинает сознавать, что объект его исследования как бы раздваивается на «номинальное» и «реальное». Как отделить одно от другого? Какова роль того и другого в реальном политическом процессе? Нам кажется, что правильно ответить на эти вопросы позволит лишь пристальное рассмотрение не только «реального», но и «номинального».

Настоящие заметки — одна из попыток в этом направлении. Автор взял некоторые моменты «номинального», его концептуальный или доктринальный элемент и постарался описать его в самых общих чертах и сопоставить с соответствующими современными представлениями. При этом оказалось, что данная концепция, сложившаяся как обобщение более чем тысячелетней практики внешних сношений Китая, уже к эпохе Хань строится на основе столь отвлеченных в результате многократного и разнообразного абстрагирования представлений, что предметы, с которыми она оперирует, по природе своей напоминают идеализированные абстрактные объекты [1, с. 51—53], которые было бы ошибочно и бесполезно непосредственно соотносить с эмпирической реальностью.

Разделенный мир. Каждый народ общается со своими соседями, не только подчиняясь непосредственной необходимости, но и руководствуясь в своих действиях определенной системой

представлений о внешнем мире, которые он постепенно вырабатывает в процессе многовековой практики внешних контактов. Так было и с китайцами. Их исторический опыт привел к возникновению у них весьма своеобразных представлений о мире. В ходе истории эти представления подвергались существенным изменениям. Тем не менее с некоторыми допущениями можно считать, что начиная с эпохи Хань¹ и вплоть до второй половины XIX в.² китайское общество пользовалось одной неизменной в своих главных чертах доктриной внешних сношений, в основе которой лежал принцип разделения мира на две качественно абсолютно разные части: своя страна (Китай) и все остальные народы. «Все остальные», где бы они ни были и кем бы они ни являлись, считались «варварами»³. В исторической литературе это построение принято обозначать как «мир хуа-и», т. е. мир, состоящий из цветущего, цивилизованного Китая и нецивилизованных «варваров».

Части, на которые, согласно традиционным китайским представлениям, делился мир, считались не только различными, но и неравноценными. Китай превосходил «варваров». Причем его превосходство мыслилось китайцами не как узкополитическое, а как тотальное, как превосходство во всем, как превосходство порядка над хаосом, цивилизации над варварством. Оно рассматривалось не как достигнутое, а как состояние, предопределенное самой природой, столь же естественное, как различие между отцом и сыном, мужчиной и женщиной [18, цз. 215(I), с. 1623]; иными словами, его считали явлением вневременного порядка, следствием основного принципа в строении мира — дуальной конструкции. По этому же принципу строились и представления о земной поверхности. Так, согласно традиционным географическим представлениям китайцев (которые, подобно географическим представлениям средневековой Европы, были насыщены символическим содержанием), само Небо выделило их и отделило их земли от остального мира различными естественными преградами: пустынями, горами, морями. Все, что было за этими барьерами, было внешним, «варварским»; все, что внутри, в центре, — внутренним, китайским.

«То, что очерчено девятью потоками и отделено пятью

---

¹ В обобщенном виде система традиционных китайских политических представлений хорошо изложена у Томонобу Курихара [см. 37]; ею же руководствовался и Бань Гу. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть в «Истории ханьской династии» главы, посвященные сюнну [10, цз. 94 (I и II)]. Этой системе посвящены тематический сборник «Китай и соседи в древности и средневековье» [4], а также коллективная работа под редакцией Д. К. Фэрбенка «Китайский миропорядок...» [31].

² О переходе на иные позиции в отношениях с европейскими державами см. работу Г. Потье [39]; об отношениях с державами азиатскими см. работу М. Фудзимурэ [35].

³ Этот подход к внешним сношениям был свойствен не только Китаю, но и другим странам Восточной Азии [40].

горными пиками,— пишет составитель „Истории династии Чжоу“,— называется Китаем» [15, с. 1826]. В том же источнике: «Известно, что гусиные моря и драконовы холмы — это то, чем Небо отделило варваров от Китая; жаркие страны юга и холодные пустыни севера — это то, чем Земля отделила внутреннее от внешнего» [15, с. 1807, 1911]. Это разделение непосредственно детерминировало нравственное различие, ибо китайцы считали, что строение тела человека копирует Небо и Землю, а его внутренний мир зависит от начал «инь» и «ян» [15, с. 1826]. Поэтому естественно сложилось убеждение, что во внутренних землях, где климат был благоприятным, рождались люди, наделенные чувством долга и гуманностью, тогда как во внешних землях с неблагоприятным климатом характер людей отличался дурными свойствами: «И хотя их земли и нравы различны, а желания не сходны, они едины в том, что не знают предела в алчности, жестоки и любят бунтовать. Когда они сильны, то готовы к военному отпору, когда слабы, то бьют челом и выражают покорность. Разве не воля Неба предопределила это» [15, с. 1826]⁴.

Один из наиболее характерных и фундаментальных постулатов китайской (справедливости ради надо заметить, что этот подход был свойствен не только китайцам) традиционной культуры гласит, что окружающие народы «лицом — люди, духом же — звери». Так говорит вслед за традицией Бань Гу, автор «Истории ханьской династии» [10, с. 3834]. «Варвары — [лишь] лицом люди, духом же — звери. И нет у них ни чувства долга, ни правил поведения»,— повторит с горечью более чем через тысячу лет один из минских военных министров⁵ [17, с. 204]. Отрицательная характеристика нравственности окружающих народов — настоящий рефрен китайских исторических и политических текстов. «Варвары» в глазах китайцев, как правило, корыстны, глупы, хитры, непостоянны, непокорны, склонны к жестокости, воинственны и т. д. [15, с. 1611, 1628, 1653, 1658, 1695, 1826, 1829, 1841, 1911, 2104; 21, цз. 487, с. 3799; цз. 488, с. 3805—3807].

Все, что отличало «варваров» от китайцев, можно свести к двум основным моментам: 1) окраинное положение предопределило склонность их ко злу и неспособность выработать надлежащие нормы поведения, создать цивилизацию; 2) отсутствие цивилизации привело к тому, что в своем поведении они не руководствуются твердыми принципами, а ведут себя сообразно

---

⁴ Составитель энциклопедии «Тун дзянь» Ду Ю добавлял к этому, что неблагоприятный климат «варварских» стран мешал появлению в них совершенномудрых, которые бы могли исправить первоначальные нравы и цивилизовать их [14, с. 985].

⁵ Такая оценка других народов была свойственна не только политической, но и философской мысли. См., например, этюд Хань Юя «Исследование о человеке» [24, с. 67].

обстоятельствам: «Подчиняются они или бунтуют, зависит от того, находятся ли они в расцвете сил или в упадке» [15, с. 2075], в связи с чем им абсолютно нельзя доверять [27, цз. 194(1), с. 1609]. Отсюда следовал вывод, в течение многих веков определявший отношение китайцев к своим соседям: «Варвары — бедствие для Китая» [15, с. 1841, 2075].

На эту тему китайские авторы много и охотно рассуждали. Отмечалось, что бедствие это давнее и постоянное [15, с. 2075], что оно было присуще даже идеальной античности [15, с. 1761]. Знаменитый сунский поэт и государственный деятель Су Дун-по сравнивал соседей Китая с болезнью, требующей постоянного лечения. «Варвары для Китая — такое же бедствие, — писал он, — каким является для человека болезнь рук и ног. [Если человек не хочет] переносить страданий от лекарств и уколов, то [болезнь] в один прекрасный день распространяется по всему его телу и проникает до мозга костей» [19, т. II, гл. 12, с. 70]. Один из авторов «Новой истории династии Тан», Сун Ци, свои рассуждения о наиболее целесообразной политике по отношению к соседним народам (раздел «Тюрки») начал с энергичной модификации традиционной аксиомы: «Варвары — величайшее из бедствий Китая» [18, цз. 215 (I), с. 1623].

Как удачно выразилась однажды О. М. Фрайденберг, традиция — не только пружина мировой культуры, но и ее тормоз [8, с. 19]. Традиционная китайская концепция «хуа-и» может служить тому примером. Ее отрицательные стороны стали проявляться особенно сильно начиная с XVI—XVII вв. Примыкая на северо-западе к Центральной Азии, а с востока и юга — к «южным морям», Китай всегда был прежде всего ориентирован на север, и китайцы полагали, что его главной торговой дорогой в остальной мир является «шелковый путь» [30, с. 22], а главным противником — северные соседи — «наихудшее из бедствий» [15, с. 1841]. Такая ориентация в сочетании с высокомерной позицией по отношению к другим народам привела не только к серьезному замедлению развития географических знаний в Китае [33, с. 289]⁶, но и к невниманию, ставшему роковым, к важнейшим историческим переменам, которые происходили по соседству. Так, расцвет и падение мощи португальской морской империи прошли совершенно незамеченными в китайских политических кругах [30, с. 187]. Не больше повезло и голландцам. Значение коммерческих взаимоотношений с европейцами в Кантоне, втягивавшими Китай в систему мировой торговли [33, с. 1424—1431], также осталось совершенно не оцененным китайским двором. В результате экспансия промышленных держав оказалась для Китая полнейшей неожидан-

---

⁶ Так, известно, что китайские чиновники, общавшиеся с европейскими коммерсантами в XVIII в., путали Францию и Португалию и считали Англию и Швецию зависимыми территориями Голландии [33, с. 292].

ностью, и определенная «заслуга» традиционной политической доктрины «хуа-и» в этом, несомненно, есть.

В противоположность неподвижности китайской концепции внешнего мира осознание Китая европейцами в XVIII в. отличалось динамизмом. Идеальный образ, созданный иезуитами и философами к 70-м годам XVIII в., уже исчез из сознания европейцев [33, с. 21]. Под пером деловых людей, таких, как Ш. Констант, считавших, что «коммерция рождена свободной» [34, с. 316], «народ мудрецов» приобрел гораздо менее лестные эпитеты [34, с. 396—397]. Образец для Европы превратился в отсталую, «варварскую» страну [33, с. 13—17].

Универсальная монархия. Что могло связать воедино мир, разделенный столь глубоко, что народ одной из его «частей» отказывался признать людей из другой подобными себе и считал их своим бедствием? Выход из этого затруднения нашли в концепции универсальной власти императора⁷.

Первое положение этой концепции гласило, что власть китайского императора — единственная. «На небе не может быть двух солнц, на земле — двух государей» — это знаменитое изречение из классической книги «Лицзи» охотно использовалось в политических и исторических текстах [15, с. 1560, 1715]. Второе положение, говорившее о полноте охвата властью, чаще всего выражали с помощью образов Земли и Неба: «подобно Небу, [император] все накрывает, подобно Земле — все несет на себе» [15, с. 2131, 1595, 1693]. Отсюда естественно вытекает вывод, что «все, кто под Небом, — подчиненные императора» [15, с. 2104] и исключений нет.

Эта традиционная концепция власти выражала, вероятно, какие-то глубинные свойства и потребности китайской послеханьской государственности, необходимость в ней была столь сильной, что она успешно выдерживала борьбу с политической реальностью в самые неблагоприятные для этого времена. Ее придерживались даже в периоды раздробленности Китая, как, например, в эпоху Южных и Северных династий. «Я правлю на [всем пространстве между] четырьмя морями, и все живое подвластно мне» [15, с. 1797], — говорит император династии Северная Вэй (386—533), владения которой охватывали лишь часть Китайской равнины. От нее не отказывались и сунские государи, также распространявшие свою власть не на все собственно китайские земли и тем не менее делавшие такие заявления: «Я управляю десятью тысячами государств, не делая различия между близкими и далекими» [21, цз. 488, с. 3808; цз. 485, 3787]. Само собой разумеется, их современники, госу-

---

⁷ Эта концепция власти китайского императора над некитайским миром в основном сложилась уже при Хань [37, с. 273], хотя тогда и наблюдались еще некоторые колебания в этом вопросе [см. 10, с. 3812—3813]. Китайская античность пользовалась также весьма сходной доктриной [см. 4].

дари династии Ляо, также считали, что им подвластна вся Поднебесная [42, с. 317].

Мироустроительная монархия. Единственная и всеохватывающая власть императора, как считали китайцы, привносила порядок в мироздание и поддерживала нормальное функционирование всего космоса. Благодаря ее воздействию солнце не затмевалось, планеты и звезды следовали своим путем, холмы и горы не рушились, реки и потоки беспрепятственно текли по своему руслу [10, с. 160]. Полагалось думать, что для людей эта власть подобна свету солнца, ибо не было не освещенных ею; подобна чистоте луны, ибо не было не насладившихся ею [15, с. 1689, 1693]. Она приносила мир, хороший урожай, отсутствие стихийных бедствий [15, с. 1659] и т. д.— одним словом, она выступала как условие и гарантия нормального существования людей. Поскольку монарх был единоличным устройтелем и единственным источником блага, то распространение его влияния на мир напоминало распространение кругов на воде: из одной точки, во все стороны, сначала на «ближних», потом на «дальних»⁸. Однако по мере удаления от центра содержание власти не менялось. В благородной цели обеспечить хорошую жизнь «дальним» традиционная политическая доктрина была склонна видеть свою сущность.

Известный американский синолог Ян Лянь-шэн придерживается мнения, что в политике Китая по отношению к соседним народам главная роль принадлежит доктрине «ци ми» [31, с. 20—34], что буквально означает «связывать». Под «ци ми» подразумевался косвенный, опосредованный контроль. Заявления подобного рода действительно встречаются в политических текстах [15, с. 1806]. Однако на уровне теории, как нам кажется, гораздо большее значение имел иной подход к взаимоотношениям с окружающим миром, подход, который логически вытекал из концепции мироустроительной и универсальной власти китайского императора и согласно которому взаимоотношения с другими народами рассматривались как помощь китайского императора в трудном деле устройства ими их собственной жизни. По этому поводу полагалось делать декларации наподобие следующей:

«[Я, император, намереваюсь] помочь народу захолустий, живущему на окраине, распространить ветер августейшего [влияния] на дальние земли» [15, с. 1798].

Эта помощь мыслилась как всеобъемлющая. Знаменитый цинский географ Ли Чжао-ло в предисловии к работе своего современника, известного историка Ци Юнь-ши «Хуан-чао фаньбу яолое» («Важнейшие сведения об окраинных землях

---

⁸ Поступательный характер мироустройства нашел свое классическое отражение в многоступенчатых построениях классических книг «Чжунъюна» и «Дасюе» [22, с. 221—223, 269—273].

периода царствующей династии») ⁹ так сформулировал эти традиционные взгляды:

«[Пришедших к нему варваров Государь] вмещает подобно Земле и Небу, вскармливает как отец и мать, освещает подобно солнцу и луне, держит их в страхе, как [это делают] раскаты грома. Если они голодны, то [государь] кормит их, если они в холоде, то одевает их, если они приходят, заботится о них, если они прилагают усилия, вознаграждает их, если они бедствуют, то спасает их, если у них есть способности, то принимает их на службу, жалует им титулы и землю, наделяет их народом, воспитывает их заботой и применяет к ним строгости [лишь] согласно нормам поведения. [При этом] Сын Неба не извлекает от них никакой пользы: ни от единого человека, ни от единой пяди земли. [По отношению к ним] Сын Неба не проявляет ни малейшего пристрастия как при вручении самых малых наград, так и при применении самых строгих наказаний» [25, предисл., с. 26]. Это называлось «тянь ди чжи дао» [27, цз. 194(1), с. 1609], т. е. «подход к варварам, аналогичный позиции Неба и Земли».

Подобный подход не был обязанностью китайского императора, он был его милостью по отношению к внешнему миру. Именно этой трактовке внешнеполитических отношений как милости и принадлежит, по нашему мнению, одно из важнейших мест во внешнеполитической доктрине. Разумеется, эту «милость» не следует понимать буквально. В соответствии с общим характером теории императорской власти «милость» мыслилась прежде всего как один из аспектов благой мироустроительной силы дэ ¹⁰, т. е. как влияние, обеспечивающее нормальное течение жизни и подобное влиянию природы, порождающей все живое и гарантирующей ему жизнь. В связи с этим наиболее частыми определениями к монаршей милости будут определения, сближающие ее с природой, мирозданием. Например: «небесная милость великого императора» [26, цз. 54, с. 19а]; «подобно Небу все накрывающая милость» [16, разд. 5, с. 65]; «милость, [подобная] Небу и Земле» [20, с. 841; 26, цз. 52, с. 206]; «милость высокая, как Небо, и обильная, как Земля» [25, цз. 10, с. 256]. Влияние этой «милости» на внешние контакты было определяющим. Наличие ее «связывало [воедино] Китай и варваров» [19, т. II, разд. 8, с. 72], отсутствие — разъединяло. «Когда [влияние] Дао достигает их,— писал император династии Северная Вэй о своих соседях,— они превращаются в покорные окраины, когда же милости [по отношению к ним] прекращаются, то [возникает необходимость] оборонять границы» [15, с. 1798]. Следовательно, успех во внешней поли-

⁹ Предисловие написано в 1840 г. Сама работа впервые появилась в печати в 1845/46 г.

¹⁰ Подробнее о содержании этого понятия см. в нашей работе [6].

тике зависел от непрерывного и достаточного проявления «милости». Поэтому тексты говорят нам о том, что на внешний мир изливались «потоки» ее [15, с. 1670]¹¹ и что ее проявление характеризовалось в первую очередь эпитетом «чрезмерная» [26, цз. 38, с. 146, 206; цз. 42, с. 216; цз. 44, с. 26; цз. 46, с. 66, 27а, 286].

Эта «милость» была прежде всего императорской [26, цз. 9, с. 136; цз. 46, с. 66, 27а, 286; цз. 51, с. 236; цз. 52, с. 23а; цз. 52, с. 16; цз. 53, с. 26] милостью «совершенномудрого» [26, цз. 27, с. 5а; цз. 28, с. 46, 246; цз. 49, с. 23а], иными словами, личным качеством монарха. Получалось таким образом, что судьба всего мира зависела от состояния одной личности — китайского монарха: «если один человек (т. е. государь.— А. М.) следует Дао (Великому Закону Неба.— А. М.), то десять тысяч государств наслаждаются миром»; и, наоборот: «если один человек теряет добродетель — дэ, бедствия распространяются на десять тысяч земель» [13, разд. «Тай-цзу», цз. 5, с. 206—216].

Как можно видеть, эта концепция универсальной благотворной и мироустроительной императорской власти, как и вся традиционная китайская модель мира в целом, дожила до середины XIX в.

Внешние отношения — процесс воздействия на «варваров». Совместив описанные выше черты «варваров» и императорской власти, легко предугадать характер взаимоотношений китайского государства с внешним миром.

Первое. Прежде всего, конечно, угадывается, что «варвары» — объект императорской власти, ибо эта власть мыслилась универсальной. Это положение имеет закрепленное в официальных формулах выражение, фиксирующее не только универсальность, но и дуальную структуру мира. Вот, например, цитата из императорской декларации, сделанной по случаю присвоения должностей местным тибетским старшинам в начале династии Мин: «Я, [император], получил мандат Неба и властвую над Китаем и варварами и всеми своими действиями стремлюсь водворить мир в народе» [17, с. 15]. Еще одно подобное заявление, сделанное в связи с беспокойным поведением «варваров»: «Нынче,— заявляет император,— я правлю Китаем и держу в спокойствии варваров четырех сторон» [17, с. 19].

Второе. Легко понять, что раз уж «варвары» стали объектом императорской власти, то эта власть должна была оказывать на них влияние. А так как их первоначальная природа была несовершенна, то естественно, что императорская власть должна была изменить ее. Здесь заключено глубочайшее отличие отношений старого Китая с внешним миром от современной международной практики. Сейчас считают, что источник

---

¹¹ См., например: «[Пусть государь] изольет сокровенный поток [милосердия] и тем затопит [все] восемь окраин» [15, с. 1785].

изменений — внутри общества, что внешние связи строятся на признании своего партнера таким, какой он есть, и на выявлении общих с ним интересов. Императорский же Китай видел смысл и цель внешних сношений лишь в том, чтобы изменить, преобразовать внешний мир, а сами отношения рассматривал как процесс преобразования.

Надо сказать, что в научной литературе до сих пор существует некоторая неясность в этом вопросе. Неясно прежде всего, кто или что воздействует на внешний мир — цивилизация ли Китая в целом или только монарх¹². Нам кажется, что подход к внешним сношениям как к части мироустройства дает основание полагать, что на внешний мир воздействует монарх. Это подтверждают и тексты официальных документов, в формулах распространения влияние на внешний мир всегда соотносится с политической властью: иногда с династией и государством, но чаще всего непосредственно с личностью монарха. Например: «великая чистая сила дэ государства заботится [о варварах] четырех сторон и проявляет [по отношению к ним] мягкость» [20, с. 937]; «грозная сила династии далеко простерлась» [23, с. 702]; «грозная сила августейшего далеко действует» [23, с. 444]; «грозные и благие силы [воздействия] нашего императора простерлись [повсюду]» [26, цз. 52, с. 36].

На императорское воздействие внешний мир реагировал двояко.

Одни народы сразу покорялись, и их действия определялись как «гуй шунь», т. е. «предаться под власть [императора], сообразуясь [с мировым законом]». «Гуй шунь» являлось, по мнению китайцев, нормальной, типичной реакцией на императорское воздействие.

Но были и досадные исключения — «нимин» — «идушие против воли Неба». К ним приходилось применять силу, и затем их определяли как «гуй сянь» — «предавшиеся под власть в результате капитуляции». Такими были для маньчжуров центральноазиатские земли [25, цз. 16, с. 34a].

Теоретически все исчерпывалось этими двумя категориями, третьего дано не было: силы воздействия распространялись на весь мир. В своей универсальности они были подобны Земле и Небу: «благая сила дэ императора [все] накрывает и [все] несет на себе» [15, с. 1606]; «нет того, что бы [сила дэ] не накрывала или не несла бы на себе» [15, с. 2133]. В своей направленности эти силы согласовались с мировыми законами. Так, Чжу Си определял силу дэ как «хунь жань тянь ли», т. е. как «нераздельную с Великим принципом Неба» [22, с. 18]. Это означало, что сопротивление этому влиянию безнадежно, что оно, в сущности, есть не что иное, как преходящий момент

¹² Этот вопрос был недавно затронут в связи с дискуссией о переводе простейшей китайской фразы *гуй тан хуа* 'вернуться к преобразующему влиянию Тан' [29, с. 23].

в процессе общего мироустройства, который при нормальном течении событий должен был приводить к тотальному («мо бу бинь фу» [28, с. 122—123], «мо бу лай фу» [15, с. 1594], «мо бу гуй хуа» [15, с. 1595]) подпадению «варваров» под власть китайского императора, что и выражалось согласно политической доктрине в их приездах с данью ко двору.

Приезд «варваров». Универсальность и мироустроительные функции монархии придали приезду «варваров» четыре абсолютно чуждые современным внешнеполитическим представлениям черты.

Первая. Приезд был обязательным. Этот принцип был установлен на заре китайской истории, откуда и шла его формулировка в иньском гимне:

С данью никто не посмел не явиться пока,
К нашим царям не посмел не прийти, говоря:
«Этот обычай от Шан учрежден на века!» [9, с. 465].

Действительно, с точки зрения универсальной и мироустроительной монархии неприезд «варваров» мог означать либо ее неспособность «привлечь дальних», либо сопротивление «варвара» воле Неба — сопротивление, которое она должна была сломить.

Вторая. Приезд рассматривался как следствие внутреннего положения, как следствие больших или меньших успехов в деле мироустройства, а поскольку оно целиком зависело от силы дэ, то и как следствие воздействия на внешний мир силы дэ монарха или династии: при наличии дэ «варвары» приходили и покорялись, при отсутствии — уходили [41, с. 50]. Предельно четко это сформулировано применительно к эпохе Тан в «Истории династии Сун». Там сказано: «Когда сила дэ династии Тан пришла в упадок, из периферии [перестали] приезжать» [21, цз. 485, с. 3783]¹³.

Третья. Поскольку приезд «варваров» рассматривается как один из моментов мироустройства, то он оказывается в непосредственной связи с другими сторонами этого процесса, весьма далекими как от внешней, так и от внутренней политики. Например: «Сезоны — в гармонии, год — урожайный... управление согласуется с порядком чередования стихий инь и ян, весь народ достиг единства с законом Дао и с силой дэ,

¹³ Нам кажется, что зависимость приездов извне от силы дэ государя есть лишь вывод из главной идеи самой доктрины о политической власти как мироустройении. Поэтому вряд ли можно, как это делает Ван Гун-у, видеть нечто качественно новое в подходе к этому вопросу историков VI—X вв. Прямая зависимость между силой дэ и приездом известна как классическим текстам, так и ханьской историографии, что отмечает и сам Ван Гун-у [41, с. 50].

дальние страны стремятся к преобразованию и приезжают ко двору» [20, с. 406]. Аналогичная декларация: «Великое сокровенное [Небо] ниспосылает помощь, от храма предков и алтарей [божеств Земли и Злаков] нисходит благодать, времена года [следуют друг за другом] в гармоничной последовательности, простой народ изобилует и множится, ход колесниц и способ письма унифицированы, в ширине колес и начертании знаков — великое единство, пластины — из яшмы, сургучная паста — из золота¹⁴; поднявшись ввысь [на гору, я] совершаю жертвоприношения, сто [семейств варваров] маней подносят дары, десять тысяч государств приезжают ко двору, двор и провинции радуются, Китай и варвары ликуют» [23, с. 14].

Отмеченная в приведенных примерах связь приездов извне и контактов с высшими силами отнюдь не является случайной: между успокоением внешних и потусторонних сфер видели много общего¹⁵, все это — моменты гармонизации различных частей космоса: «Нет таких среди варваров мань, жун, и ди, которые бы не покорились с почтением; нет таких среди духов гор и рек, которые бы не успокоились и не умиротворились» [23, с. 617].

Четвертая. Поскольку устройство совершалось последовательно, от центра вдалеку, к периферии, то приезды «варваров» оказывались не просто моментом в процессе мироустройства, а одним из завершающих моментов. Это создавало смысловую близость между приездами извне и знаменами выше, удостоверившими наступление полной гармонии. Ханьский Лю Чэ (У-ди) так рисовал картину благополучия в начале династии Чжоу: «[Варвары] ди и цянь пришли и покорились. Небесные тела не сбивались с пути, солнце и луна не затмевались, холмы и горы не рушились, реки и потоки не запруживались, единороги и фениксы скапливались в окрестностях, письмена и планы всплывали из рек Ло и Хэ»¹⁶ [10, с. 160].

Насколько устойчивой и неслучайной была связь между приездом «варваров» и появлением единорогов, можно судить хотя бы по тому, что этот же мотив можно обнаружить и через много столетий после Хань, в эпоху Тан: «[Мифические животные] единороги и фениксы, драконы и черепахи скапливаются в окрестностях и разгуливают поблизости, [варвары] мань и и, жун и ди приезжают издалека и приносят в дань драгоценности» [23, с. 417].

Преображенные «варвары». Воздействию императорского дэ на внешний мир полагалось быть огромным и благотворным.

¹⁴ Предметы ритуала при жертвоприношениях, в частности при жертвоприношениях на горе Тайшань [14, с. 119, 621, 624].

¹⁵ Естественно поэтому, что универсальное мироустройство включало в себя и «умиротворение» духов рек и гор иноземных стран как органическую часть внешних взаимоотношений [2, с. 35—36].

¹⁶ Небесные знаменья — свидетельства завершеного мироустройства и наступления полной гармонии [12, с. 168—193].

Оно вызывало у «варваров» стремление к «сян хуа» (преобразованию). Это состояние внешнего мира было одним из важнейших элементов миропорядка. «Десять тысяч земель — в состоянии „сян хуа“» [13, разд. Гао-цзун, цз. 1469, с. 16]¹⁷ — так описывают идеальное международное положение китайской империи. Цивилизирующее влияние Китая на другие страны не было чистой политико-идеологической фикцией. Многие народы Восточной Азии испытывали на себе благотворное влияние древней и блестящей культуры Срединной империи [см., например, 36, с. 135; 38, с. 185]. Однако традиционная китайская политическая теория под термином «хуа» чаще всего имела в виду нечто другое, а именно приобретение «варварами» качества «чэн» («искренность») ¹⁸, которое позволяло им согласовать свое поведение с миропорядком.

«Чэн» — «искренность» приобреталась методом обращения, прихода или даже возврата к ней — «гуи чэн», вверением ей себя — «тоу чэн». «Гуй чэн» («тоу чэн») — один из наиболее важных, поворотных моментов в жизни «варвара», и сообщения об этом событии буквально заполняют соответствующие политические тексты [25, цз. 2, с. 26а; цз. 3, с. 20б, 24а; цз. 10, с. 16а; цз. 11, с. 33б; цз. 12, с. 19б; цз. 13, с. 12б, 16б; цз. 15, с. 36б; 11, с. 272, 296, 298, 299, 301, 302, 311, 312, 321].

Приобретение искренности давало «варварам» возможность быть «соответствующими Высшему Небу» («гэ шан тьянь») [25, цз. 15, с. 21а], «сообразующимися с [законами мироздания или, что то же самое, династии или государя]» — «шунь» [25, цз. 15, с. 21а, 36а; 11, с. 299, 301, 302, 305, 318] и «обращенными к трансформации» — «тоу чэн сян хуа», т. е. «предаться искренности и обратиться к преобразованию» [25, цз. 14, с. 5б]. Таким образом, «чэн» — «искренность» являлась и следствием и причиной «преобразования» — «хуа».

Способ проявления искренности был, в сущности, один — приезд с дарами ко двору. Китайский текст постоянно связывает два этих факта в устойчивых выражениях типа «чэн синь чжи гун» — «с искренностью в сердце приносить дань» [13, разд. Шэн-цзу, цз. 140, с. 26б; цз. 142, с. 15б]. Иными словами, приезд с данью извне есть прежде всего форма выражения искренности. Это предельно четко выразил император Цянь-лун: «Я не ценю [привезенных варварами] вещей, я ценю лишь их искренность» [13, разд. Гао-цзун, цз. 1493, с. 17а].

Итак, императорский двор подобно магниту притягивал к себе всех обладающих качеством «чэн», и обладатели его, пре-

¹⁷ Состояние «сян хуа» было тесно связано с приездами: «Сто [семейств варваров] маней стремятся к преобразованию, десять тысяч государств приезжают к императору» [27, цз. 200, с. 1687].

¹⁸ Об «искренности» «варваров» см.: А. С. Мартынов. Представления о природе и мироустроительных функциях власти [5, с. 81—82]. Перечень переводов см. у Чжоу И-цина [32, с. 89].

образовавшиеся («хуа») или еще только стремившиеся к преобразованию («сян хуа»), ехали туда, невзирая ни на опасности, ни на трудности пути, чтобы выразить Сыну Неба свою давнюю [15, с. 1669], верную долгу [15, с. 1693], предельную [15, с. 1594, 1656] искренность, а их приезд, как уже говорилось выше, означал не что иное, как завершение процесса мироустроения и воцарение в мире полной гармонии.

Пишущие о внешнеполитической концепции императорского Китая обычно ищут ее корни в конфуцианской идеологии или в китайской культуре в целом. Некоторые идут еще дальше и пускаются даже в рассуждение о национальных инстинктах [30, с. 596]. Нам кажется, что это неверно, что доктрина «хуа-и» есть прежде всего следствие и в то же время составная часть традиционной китайской концепции императорской власти. Это мы и старались здесь показать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюков Б. В. Критерий практики в дедуктивных теориях в свете идей В. И. Ленина.— «Вопросы философии». 1970, № 3.
2. Бокшанин А. А. Китай и страны Южных морей в XIV—XVI вв. М., 1968.
3. Бокшанин А. А. [Рец. на:] Г. Ф. Мурашева. Вьетнамо-китайские отношения в XVII—XIX вв. М., 1973.— «Народы Азии и Африки». 1976, № 2, с. 194—197.
4. Думан Л. И. Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы.— Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970.
5. Мартынов А. С. Представления о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции.— «Народы Азии и Африки». М., 1972, № 5.
6. Мартынов А. С. Сила дё монарха.— Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. 1971. М., 1974.
7. Мурашева Г. Ф. Вьетнамо-китайские отношения в XVII—XIX вв. М., 1973.
8. Фрайденберг О. М. Семантика первой вещи.— «Декоративное искусство». М., 1976, № 12.
9. Шицзин. М., 1957.
10. Бань Гу. Хань шу (История ханьской династии). Изд. «Чжунхуашуцзюй». Пекин, 1964.
11. Вэй Цзан тунчжи (Описание Тибета). Серия «Цуншущизчэн». Шанхай, 1936.
12. Гу Цзе-ган и Ян Сян-куй. Сань хуан као (Исследование о трех императорах). Пекин, 1936.
13. Дай Цин личао шилу (Хроника Великой цинской династии по царствованиям). Токио, 1937.
14. Ду Ю. Тун дянь (Энциклопедия «Обозрение установлений»). Серия «Шитун». Шанхай, 1935.
15. Лидай гэцзу чжуаньци хуйбянь (Собрание материалов по истории различных народов из династийных историй). Изд. «Чжунхуашуцзюй». Пекин, 1958.
16. Лю Цзун-юань. Лю Хэ-дун цзи (Собрание произведений Лю Хэ-дуна). Пекин, 1958.
17. Миндай Сицзан шиляо (Материалы по истории Тибета при династии Мин).

- Киото, 1959.
18. Синь Тан шу (Новая история династии Тан). Серия «Сыбубэйяо». Шанхай, 1936.
  19. Су Ши. Су Дун-по цзи (Собрание сочинений Су Дун-по). Т. I—III. Шанхай, 1958.
  20. Сун да чжао лин цзи (Собрание императорских указов эпохи Сун). Изд. «Чжунхуашуцзюй». Пекин, 1962.
  21. Сун ши (История династии Сун). Серия «Сыбубэйяо». Шанхай, 1936.
  22. Сы шу цзичжу (Четверокнижие с собранием комментариев). Серия «Сыбубэйяо». Шанхай, 1936.
  23. Тан да чжао лин цзи (Собрание императорских указов эпохи Тан). Изд. «Шаньунньшугуань». Пекин, 1959.
  24. Хань Юй. Хань Чан-ли цзи (Собрание сочинений Хань Чан-ли). Изд. «Шаньунньшугуань». Пекин, 1958.
  25. Хуанчао фаньбу яолуе (Важнейшие сведения об окраинных землях периода царствующей династии). Сост. Ци Юнь-ши. Ксилограф. [Б. м.], 1845—1846.
  26. Циньдин коэрка цзилуе (По Высочайшему соизволению напечатанное собрание документов о войне с Непалом). Ксилограф. [Б. м., б. г.].
  27. Цзю Тан шу (Старая история династии Тан). Серия «Сыбубэйяо». Шанхай, 1936.
  28. Янь Кэ-цзюнь [сост.]. Цюань шангу саньдай цинь хань саньго лючао вэнь (Полное собрание произведений в жанре «вэнь», начиная от периода глубочайшей древности, трех эпох, династий Цинь и Хань и вплоть до Троецарствия и Шести династий). Шанхай, 1958.
  29. Vischoff F. A. L'empereur de Chine. Essai sur la situation juridique selon le point de vue de la dynastie des T'ang.—«Asiatische Forschungen». Bd 17. Wiesbaden, 1966.
  30. Cady J. F. Southeast Asia: Its Historical Development. N. Y., 1964.
  31. The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations. Cambridge Mass., 1968.
  32. Chou Yih-ching. La philosophie morale dans le néo-confucianisme. P., 1954.
  33. Dermigny L. La Chine et l'occident. Le commerce à Canton au XVIII siècle (1719—1833). P., 1964.
  34. Dermigny L. La memoire de Charles de Constant sur le commerce à la Chine. P., 1964.
  35. Fujimura M. An Opposition of Modern Japanese Diplomacy to International Relation in the Premodern East Asia: On the Concluding a Treaty of Fréndly Relations between Japan and China (1871).—«The Journal of the Faculty of Literature; Nagoya University; History XLI». Nagoya, 1966, № 14.
  36. Japan, Its Land, People and Culture. Tokyo, 1964.
  37. Kurihara T. Studies on the History of the Ch'in and Han Dynasties. Preface by Yoshikawa Kobunkan. Tokyo, 1960.
  38. Lévy A. Le voyage d'un marchand chinois aux îles Liuqiu (Ryu ku) en l'année 1750. T'oung Pao. Leiden, 1967, vol. LIII, livr. 1—3.
  39. Pauthier G. Histoire des relations politiques de la Chine avec les puissances occidentales. P., 1859.
  40. Suzuki Y. Relationship between Japan and Silla in Yoro Period.—«Kokugaku Zasshi». Tokyo, vol. LXVIII, № 4.
  41. Wang Gunwu. Chinese Historians and the Nature of Early Chinese Foreign Relations.—«The Journal of the Oriental Society of Australia». Sydney, 1965, vol. 3, № 2.
  42. Wittfogel K. A. and Feng Chia-sheng. History of Chinese Society Liao (907—1125). Philadelphia, 1949.

С. Н. Ростовский, В. Н. Курзанов

НОВАЯ РОЛЬ СИНГАПУРА

В последнее время сингапурский «феномен» привлекает к себе все более пристальное внимание. Это не случайно. Являясь самой малой страной в Азии, расположенной на болотистых тропических островах площадью всего лишь 584,3 кв. км (примерно территория большой Москвы), лишенный каких бы то ни было сырьевых ресурсов и вынужденный даже питьевую воду потреблять из водоемов соседней материковой Малайзии, Сингапур за 15 лет самостоятельного развития вышел на заметное место в мировой экономике, что прежде всего нашло свое выражение в весьма существенном увеличении темпов экономического роста. Так, со второй половины 60-х годов и по 1973 год — год, предшествующий началу мирового капиталистического кризиса, среднегодовые темпы роста составляли примерно 13% (последние годы показали значительное падение темпов роста в результате отрицательного воздействия мирового кризиса на экономику страны), а валовой внутренний продукт увеличился с 2,8 млрд. синг. долл. в 1965 г. до 8,05 млрд. в 1975 г. По такому же показателю, как размер национального дохода на душу населения, достигший в 1975 г. 5703 синг. долл.¹ [14, 9.VIII.1976], Сингапур уже в начале нынешнего десятилетия вышел на второе после Японии место в Азии [12, с. 78].

Достигнутые успехи были обусловлены целым рядом факторов экономического, политического и социального порядка. Важнейшими из них являлось осуществление индустриальных преобразований, в рамках которых происходили рост и модернизация промышленности. Создание промышленности в качестве новой экономической базы позволило уже к концу 60-х годов уменьшить зависимость экономики страны от реэкспортной торговли, доля которой в ВВП к 1970 г. составляла всего 15,5%, а удельный вес промышленности в создании ВВП увеличился с 9,1% в 1960 г. (т. е. накануне принятия программы индустриального развития) до 24% в 1975 г. [13, с. 4; 12, с. 66].

---

¹ На начало сентября 1976 г. 1 синг. долл. был равен 0,42 долл. США (см. справочник «Валюты мира». М., 1976). Все расчеты в настоящей статье даны в долларах Сингапура.

Ныне республика является быстро развивающимся центром таких высокотехнологических и наукоемких отраслей, как электронная, судостроительная, точное машиностроение, оптико-механическая, нефтехимическая и др. Развитие данных технически передовых отраслей, в своем производстве ориентированных на мировой спрос, позволило увеличить национальный промышленный экспорт, который в 1975 г. составил 59% всего валового промышленного выпуска в стране [4, с. 55].

Индустриализация помогла решить остро стоящую перед страной проблему занятости, явившуюся важнейшей предпосылкой развернутого индустриального строительства в 1961 г. Это не означает, что в настоящее время в стране полностью уничтожена безработица. В 1974 г. в Сингапуре насчитывалось свыше 30 тыс. полностью безработных, т. е. 4% всего самостоятельного населения (в 1966 г. их было 9%) [11, с. 84]. Однако в результате развития промышленности стало возможным обеспечивать работой значительное большинство рабочей силы, ежегодно пополняющей рынок наемного труда², что позволило правительству избежать серьезных социальных последствий этой проблемы. Ныне только в промышленных отраслях занято свыше 200 тыс. человек, что составляет 25% всех занятых в народном хозяйстве [9, З.1.1976].

Обладая лишь одним значительным преимуществом — выгодным географическим положением на пересечении торговых путей из Европы в Юго-Восточную Азию и на Дальний Восток и находясь в центре региона, исключительно богатыми природными ресурсами, Сингапур уже в XIX в. становится крупнейшим центром реэкспортной торговли в Юго-Восточной Азии. Предоставление ему в 1959 г. внутреннего самоуправления, а также разработанная и в общих чертах выполненная программа индустриального развития способствовали дальнейшей трансформации его экономической структуры. Именно индустриализация как целая система широких социально-экономических и организационно-технических преобразований, последовательно претворяемых в жизнь, дала возможность Сингапuru пройти путь от торгового посредника к индустриально развитому государству. Столь же быстро Сингапuru удалось стать подлинным валютно-финансовым центром региона, а рынок азиатских долларов приобрел в настоящее время большое значение как центр притяжения в Азию капитала из Америки, Европы и стран Ближнего Востока.

На повестке дня — превращение страны в центр технологических знаний и обмена информацией в Юго-Восточной Азии, основывающееся на определенном опыте, накопленном сингапурцами в планировании, финансах, научных исследованиях,

² В соответствии с буржуазными концепциями занятость считается полной даже при наличии безработицы на уровне 3,5—4% от числа всего самостоятельного населения.

технологии и т. п., что вполне отвечает интересам иностранного капитала.

Таким образом, внутренняя эволюция народнохозяйственной структуры, обусловленная влиянием факторов не только внутреннего, но в значительно большей мере факторов внешнего порядка, в 60—70-х годах вызвала трансформацию роли, которую играла эта страна в хозяйственной жизни региона, — от торгового посредника к промышленному, финансовому и технологическому центру Юго-Восточной Азии.

Выход Сингапура в августе 1965 г. из состава Федерации Малайзии в результате назревших экономических и политических противоречий между этими странами и последовавшее за тем крушение надежд сингапурской буржуазии на создание общего сингапурско-малазийского рынка крайне неблагоприятно сказались на экономике острова.

Значительно сократившийся внутренний рынок, затруднившийся реализацию местных промышленных товаров, оторванность от богатейших природных ресурсов материковой Малайзии, а также высокие таможенные барьеры, введенные правительством Малайзии для всех товаров сингапурского производства, поставили под сомнение не только возможность дальнейшего осуществления индустриализации, начатой в 1961 г., но и оптимальные условия существования Сингапура как самостоятельного государства.

В новых условиях проблема Сингапура имела по крайней мере три важнейших аспекта.

Во-первых, это его способность сохранить в изменившихся условиях роль реэкспортного центра региона; развить промышленную структуру, характеризующуюся экспортной направленностью производства, на основе привнесения новейшей производственной технологии и ускоренного притока иностранного капитала, с целью поддержания конкурентоспособности сингапурских товаров на мировых рынках.

Во-вторых, это способность Сингапура сохранить свой суверенитет, избежать положения сателлита той или иной великой державы.

В-третьих, это вопрос о том, удастся ли правительству Сингапура создать условия, которые способствовали бы возникновению новой национальной общности, смягчить межэтнические и национальные конфликты, обуздать и держать в подчинении численно большое, политически зрелое трудовое население нового государства.

Сингапур с полным правом можно отнести к той группе стран, где становление капиталистических производственных отношений уже превратилось в определенную тенденцию, обусловило движение этих стран по пути зависимого капиталистического развития и в которых интересы правящих кругов и международного монополистического капитала тесно связаны

совместной заинтересованностью в эксплуатации трудящихся масс. Курс, взятый правительством Сингапура сразу же после предоставления этой территории в 1959 г. внутреннего самоуправления, предусматривал осуществление ускоренного индустриального развития в рамках государственного капитализма путем стимулирования частнокапиталистических методов хозяйствования и привлечения иностранного частного капитала в самых широких масштабах.

В стремлении развить национальную промышленность, сделать ее основой экономики, правительство столкнулось с необходимостью решения целого ряда проблем, касающихся путей промышленного развития, соотношения форм производства, как по их организационно-техническим характеристикам, так и по национальной принадлежности работающих. В свою очередь, необходимость решения этих и многих других вопросов в централизованном порядке обусловила высокую степень вмешательства государства в процесс экономического развития в форме экономического стимулирования и регулирования, однако при относительно узкой базе государственной собственности. Именно в этом заключается одна из отличительных особенностей сингапурского государственного капитализма.

Другая его особенность — огромная степень зависимости от монополистического иностранного капитала. С одной стороны, это позволило ускорить темпы промышленного развития, а с другой, опора на иностранный капитал как гаранта экономического развития показала всю полноту зависимости народного хозяйства страны от мировой капиталистической экономики, особенно в период экономических кризисов и потрясений.

Развитие импортзамещающих отраслей промышленности, особенно в начале 60-х годов, привело к введению системы протекционизма с целью защиты местных товаров от иностранной конкуренции, что в конечном итоге привело к сокращению реэкспортной торговли, доля которой в ВВП в 1960 г. составила более 20% [5, с. 3]. Создание так называемой зоны свободной торговли в этот период явилось компромиссом между нарождающейся промышленной и не желающей уступать своих позиций торговой буржуазией. В дальнейшем, несмотря на переход от импортозамещения к производству на экспорт, продолжалось относительное падение доли реэкспортной торговли как вследствие развивающегося процесса индустриализации, так и вследствие стремления соседних стран избавиться от посреднических услуг Сингапура и самим налаживать свои внешне-торговые связи.

Хотя реэкспортная торговля за последнее десятилетие обнаруживает тенденцию к уменьшению влияния на экономику страны, в целом объем внешней торговли неуклонно возрастает, причем как за счет роста экспорта местных промышленных товаров, так и за счет увеличения импорта товаров производст-

венного назначения, что лишний раз подтверждает успешную реализацию индустриальной программы. Достаточно сказать, что объем внешней торговли в 1975 г. превысил 32 млрд. долл., причем главными партнерами Сингапура являются такие страны, как США (15% всего торгового оборота), Малайзия (13,8%), Япония (13,6%), Саудовская Аравия (5,9%), Англия (4,7%) [12, с. 53].

Сингапур — страна, развивающаяся по капиталистическому пути, где непосредственное развитие производительных сил осуществляется частным капиталом — национальным и иностранным. Роль государства ограничивается развитием производственной и социальной инфраструктуры, а также регулированием экономического развития.

Регулирующая роль экономической политики правительства характеризуется помимо всего прочего принятием ряда законов, касающихся условий развития новых, так называемых пионерных, отраслей промышленности. Принятие этих законов заняло важное место в экономической политике, направленной на стимулирование частнопредпринимательской деятельности.

«Пионерные» отрасли промышленности явились базой нового промышленного строительства, в связи с чем им сопутствовали многие налоговые льготы, освобождение от налогов на ряд лет, право на ускоренную амортизацию и пр. В 1966 г. насчитывалось уже свыше 100 «пионерных» предприятий: на их долю приходилось 12% всех промышленных предприятий (с числом занятых свыше 10 человек); 21% всех занятых в обрабатывающей промышленности; 37% валовой промышленной продукции и 36% всего национального промышленного экспорта [6, с. 16]. В 1968 г. статус «пионера» был присвоен 246 предприятиям, а в настоящее время подавляющее большинство новых промышленных объектов являются «пионерными».

Государство не только регулирует, но в весьма широких масштабах стимулирует процесс индустриализации посредством создания производственной и социальной инфраструктуры — сооружением газо- и водопроводов, строительством портовых сооружений, шоссе и железных дорог, типовых фабричных зданий, энергообъектов, жилищно-бытовое строительством и т. д.

Промышленная зона Джуронг — пример создания производственной инфраструктуры для нужд индустриального развития страны. Там, где раньше были заболоченные джунгли, вырос мощный индустриальный комплекс общей площадью 6,8 тыс. га, что составляет $\frac{1}{8}$ всей территории страны. К 1990 г. Джуронг станет самостоятельным городом с населением 500 тыс. человек [1, с. 60]. В 1961 г. здесь были начаты первые изыскательские работы, а затем началось создание объектов инфраструктуры: были введены в строй железнодорожная ветка, протяженностью 20 км, связавшая Джуронг с Сингапуром и Малайзией, а также

предприятия энерго- и водоснабжения, канализации, телекоммуникации и крупнейший в Юго-Восточной Азии грузовой порт. Территория Джуронга разделена на три района: легкой и тяжелой промышленности и специальную зону. В районе легкой промышленности сосредоточены отрасли, не особенно нуждающиеся в зданиях и транспорте. Зона тяжелой промышленности подразделяется на несколько групп взаимосвязанных отраслей (металлургической, нефтяной, судостроительной и химической). Специальная зона, около моря, предназначена для промышленности, нуждающейся в транспортных удобствах и специальных погрузочно-разгрузочных средствах для наливных или насыпных грузов [1, с. 61].

Число новых предприятий в Джуронге растет особенно быстро: в 1967 г. их было 111, в 1970 — 260 [10, с. 19—20], в 1976 г. — 635 действующих и еще 180 строящихся предприятий, на которых были заняты около 70 тыс. рабочих и служащих [8, с. 1; 12, с. 67].

В целом развитие промышленности в стране характеризуется следующими данными. В 1975 г. в Сингапуре действовало 2430 промышленных предприятий (т. е. в 4 с лишним раза больше, чем в 1959 г.), на которых были заняты около 200 тыс. человек, а общий выпуск валовой промышленной продукции составлял 12,8 млрд. долл., из которых более четверти приходилось на вновь созданную стоимость — 3,4 млрд. долл. [12, с. 6].

Общий рост промышленного производства сопровождался изменением в отраслевой структуре промышленности. Переход от импортозамещения к производству на экспорт повлиял на развитие главным образом капиталоемких отраслей, где наряду с высокими капиталовложениями требуется большое количество высококвалифицированной рабочей силы. Именно развитие таких отраслей, как судостроительная и судоремонтная, электронная, оптико-механическая, нефтеперерабатывающая, пищевая, текстильная и некоторые другие, способствовало смягчению остроты проблемы занятости уже на рубеже 60—70-х годов. Развитие капиталоемких экспортноориентирующихся предприятий на основе новейшей производственной технологии и модернизации административно-управленческого аппарата не только смягчало остроту этой проблемы но и повысило конкурентоспособность местных товаров на мировом рынке и тем самым увеличило их экспорт.

Последние годы характеризуются ускорением темпов промышленного развития, что в числе прочих факторов объясняется высоким уровнем внутренних сбережений, стабильными капиталовложениями в обрабатывающую промышленность, как со стороны национальных, так и иностранных инвесторов. Рост основного капитала обеспечивается опережающим развитием активных элементов по сравнению с пассивными в результате

бурного промышленного строительства и повышения эффективности капиталовложений. Все это говорит о том, что промышленность является самым динамичным сектором экономики страны в настоящее время.

Но Сингапур не только делает успехи в области торговли и промышленности, он становится одним из главных финансовых центров Азии. В июне 1967 г. в стране получил хождение сингапурский доллар, который в результате значительных доходов от рэкспортных операций, экспорта местной промышленной продукции, туризма (а ранее от обслуживания американского экспедиционного корпуса во Вьетнаме) и других доходов имеет весьма солидное обеспечение и является относительно устойчивой валютой, давшей сингапурской экономике возможность выйти из мирового валютно-финансового кризиса со сравнительно небольшими потерями.

В 1968 г. в Сингапуре был создан азиатский долларовый рынок, что явилось логическим расширением той роли, которую играл Сингапур как рэкспортный центр, и его новой роли — роли промышленного и финансового центра. Размер рынка азиатского доллара постоянно растет и в 1975 г. достиг 12,6 млрд. американских долларов [12, с. 92]. Сингапур, являясь крупнейшим рынком азиатских долларов, тем самым служит плацдармом для неокOLONиальной экспансии империалистических монополий и многонациональных корпораций в страны Юго-Восточной Азии.

Успешно развивается и сингапурский свободный золотой рынок, созданный в 1969 г. Он обслуживает преимущественно резидентов нестерлингового блока. Разрешение ввозить золото имеет только ограниченное число зарегистрированных импортеров, среди них — «Интернэшнл трэдинг компани», капиталы которой на 49% состоят из средств, внесенных сингапурским правительством.

Сбор за ввозимое золото составляет 3 долл. за унцию, что значительно ниже, чем на других рынках золота, в частности ниже гонконгского сбора. В Сингапур золото поступает главным образом из Лондона и Цюриха и продается за конвертируемую валюту других стран и за сингапурские доллары. Полагают, что из Сингапура оно попадает преимущественно в Индонезию, Вьетнам, Лаос, КНР и частично в Индию. В Сингапуре цены на золото выше, чем в Лондоне, Цюрихе, Париже и Бейруте, но ниже, чем в соседних странах Азии. Это обеспечивает приток золота на сингапурский рынок.

Иногда выражались сомнения по поводу способности такого небольшого, как Сингапур, островка, не обладающего никакой собственной сырьевой базой, развить промышленное производство. Но исторический опыт ряда стран показывает, что наличие собственной сырьевой базы — вовсе не абсолютно необходимое условие для развития собственной промышленности.

Пример Японии — наглядное тому доказательство. При широком международном товарообмене и международном разделении труда вполне возможно развить промышленное производство, базирующееся на поставках сырья и всех прочих необходимых компонентов из других стран и продаже готовых изделий. В таком случае гораздо важнее сырья наличие соответствующей инфраструктуры, квалифицированной рабочей силы, научных и технических кадров.

Сингапур как раз обладает такими преимуществами — прекрасно развитой инфраструктурой, наличием высококвалифицированной (в масштабах региона) рабочей силой. Сохранение статуса открытого порта позволяет ему вести торговлю со всем миром на выгодных для сингапурской буржуазии условиях. Сингапурская буржуазия опытна, богата (здесь самое большое в Южной Азии число миллионеров на каждую тысячу населения), имеет прочные международные связи.

Наконец, Сингапур в настоящее время имеет гораздо большие финансовые и организационные возможности усваивать достижения научно-технической революции, чем многие другие соседние с ним страны Юго-Восточной Азии. Это уже сейчас весьма важно и в дальнейшем может сказываться все сильнее.

Таким образом, ответ на вопрос — выживет ли Сингапур как экономически самостоятельное государство — может быть только положительным: Сингапур обнаружил большую жизненную силу.

После провозглашения независимости руководящая политическая сила Сингапура — Партия народного действия — и правительство постоянно вырабатывают статус нового государства, его внутреннюю и внешнюю политику, его особую линию экономического, политического, национального и культурного развития. Многие уже сделано, но было бы преждевременным утверждать, что все позиции уже определились и перспективы ясны. Существует еще много неясных вопросов, трудностей и противоречий.

Остается, в частности, неясным второй аспект проблемы — не будет ли Сингапур превращен в фактического сателлита какой-либо крупной капиталистической державы, например США или Японии? Сумеет ли он сохранить реальную независимость в условиях широкого проникновения иностранного капитала?

Неспособность национальной буржуазии самостоятельно справиться с задачей промышленного развития страны, структурная несбалансированность капитала поставили правительство перед необходимостью привлечения иностранного капитала. Более того, коренное изменение экономической и политической обстановки в Юго-Восточной Азии, сдвиг в структуре спроса на мировом рынке способствовали не только привлечению иностранного капитала в самых широких масштабах, но и от-

носителем быстрому переливу его из сферы обращения, где он преобладал еще со времен колониального прошлого, в промышленность. Одновременно в Сингапуре на смену английским монополиям во все большей степени стали приходить американские и японские, а также многонациональные корпорации, что в конечном итоге отражает нарастание неравномерности развития мирового капитализма.

Если в 1959 г. в промышленности страны действовало всего 15 иностранных компаний, то со второй половины 60-х годов положение коренным образом изменилось вследствие целого ряда факторов политического и экономического характера. Внутриполитическая стабильность, отсутствие дискриминационной политики по отношению к китайским инвестициям были привлекательны более для инвесторов китайской национальности из Гонконга, Индонезии, Малайзии, Тайваня и Филиппин. Хорошо развитая производственная и социальная инфраструктура и относительно квалифицированная и дешевая (по западным масштабам) рабочая сила, финансовые и налоговые льготы, первоначальное вхождение Сингапура в состав Федерации и в связи с этим возможности широкого сбыта своих товаров для иностранных предприятий, перспектива снабжения своих предприятий дешевым сырьем, поступающим в Сингапур из стран Юго-Восточной Азии, возможность пользоваться преференциями для своих товаров на рынках стран Британского содружества наций, куда входит Сингапур,— все это (а также целый ряд других факторов) имело следствием резкое расширение масштабов деятельности иностранных компаний в Сингапуре. Достаточно сказать, что если в 1965 г. иностранные инвестиции в основной капитал обрабатывающей промышленности Сингапура составляли 157 млн. долл., то в 1975 г. их объем превысил 3 млрд. долл., увеличившись почти в двадцать раз, причем около 80% всего оплаченного акционерного капитала было вложено в экспортные отрасли промышленности в рамках «пионерных» предприятий [3, с. 21].

К середине 1975 г. крупнейшими инвесторами в промышленность Сингапура являлись США (1,089 млн. долл.), Англия (460 млн.), Голландия (446 млн.), Япония (403 млн.), ФРГ (112 млн.) и Гонконг (100 млн. долл.) [12, с. 2].

Свыше половины инвестиций сконцентрировано в нефтеперерабатывающей промышленности. Наиболее активны в этой отрасли американцы, занятые поисками нефти в прибрежном шельфе ряда стран Юго-Восточной Азии, в том числе и вокруг Сингапура. Кроме них, значительные позиции в этой отрасли у англичан и голландцев. Подъем нефтеперерабатывающей промышленности объяснялся большим спросом, предъявляемым на продукцию нефтехимии Южным Вьетнамом во время войны.

Машиностроение, включая транспортное,— вторая по величине сфера приложения иностранного капитала: в 1972 г. на

него приходилось 10,5% всех иностранных капиталовложений [2, с. 1202А]. Развитие этой отрасли определялось нефтяным бумом и возросшими потребностями в оборудовании для нефтеперерабатывающей промышленности, бурильных установках для морского бурения, а также в доках и морских судах различного назначения и тоннажа. Наиболее сильные позиции здесь были у японских инвесторов.

Особенно быстрое развитие получили в конце 60-х — начале 70-х годов электронная и электротехническая, оптико-механическая и химическая отрасли. Их расцвет являет собой яркий пример использования дешевой рабочей силы развивающихся стран. Данные отрасли не имеют сопряженных связей с остальными отраслями местной промышленности, потому что все промежуточные продукты для них импортируются, а готовая продукция почти полностью вывозится, т. е. в стране осуществляется лишь сборка конечной продукции или отдельных компонентов, что обусловлено стратегией западных инвестиций.

Особую активность в этих отраслях проявляют предприниматели из Японии, ФРГ, США и Италии, между которыми в настоящее время ведется ожесточенная конкурентная борьба за рынки стран региона, трамплином для завоевания которого ныне стал Сингапур.

Химическая, текстильная, деревообрабатывающая отрасли явились объектами приложения в основном китайских капиталов зарубежного происхождения (из Гонконга, Тайваня и других стран Азии). Хозяева этих капиталов не имели серьезного опыта финансирования современной промышленной деятельности, тем более сложных наукоемких отраслей; эти капиталы отличали слабость связей на мировом рынке и относительно низкая конкурентоспособность. Поэтому они направлялись преимущественно в отрасли по выпуску потребительских товаров, характеризующихся относительно невысокой капиталоемкостью производства.

Присутствие иностранного капитала в экономике страны нельзя оценить однозначно. Притекая в форме производительного капитала и привнося в промышленность страны современную технику, технологию и производственный опыт, а также имея свои налаженные рынки сбыта, иностранный капитал способствовал реализации сингапурских товаров подчас «под своим флагом». В целом, несмотря на присутствие в больших масштабах в экономике страны, он ни в какой мере не может способствовать ее гарантированному развитию и, более того, служит средством усиления зависимости Сингапура от иностранного капиталистического развития.

Усиленное проникновение иностранного капитала начинает тревожить те слои населения, которые способны трезво оценить последствия такого процесса. Выражая эти настроения, местная печать, близкая к правящим кругам, подчеркивала, что

«Сингапур должен оставаться в лагере неприсоединившихся стран» [9, 15.III.1971]. Руководство страны неоднократно выражало уверенность в том, что Сингапур не выступит на стороне какой-либо из великих держав. Эту позицию точно и лаконично выразил премьер-министр страны Ли Куан Ю, заявивший: «Мы хотим быть самими собой» [7, с. 322].

Стремление «быть самими собой» проявляет большинство населения Сингапура. В стране неустanno пропагандируется идея создания единой, сингапурской, нации. Ли Куан Ю постоянно призывает сограждан забыть о том, что они китайцы, малайцы или индийцы, а помнить о том, что они сингапурцы, и исходить из общих интересов.

Стремления Сингапура к сохранению независимости ясны и понятны, но осуществить их нелегко. Весьма сложную проблему представляют отношения Сингапура с КНР. Сингапурские китайцы имеют давние и весьма разнообразные связи с Китаем. Они сохраняют связи с родственниками, оставшимися на материке, интересуются судьбой родины, считают своим долгом оказывать ей посильную помощь. Из Сингапура в Китай ежегодно поступают значительные суммы в виде денежных переводов родственникам. Китайская буржуазия Сингапура продолжает развивать экономические отношения со своей исторической родиной. В КНР широко пользуются патриотическими чувствами сингапурских китайцев. Китайские лидеры видят в Сингапуре источник валютных поступлений и вместе с тем очень удобный пункт для наблюдения за событиями в данном регионе, равно как и для проведения своей политической линии в странах Юго-Восточной Азии и в самом Сингапуре. Эти обстоятельства придают особую сложность взаимоотношениям Сингапура и КНР.

В стремлении нейтрализовать давление со стороны империалистических держав на политическое развитие Сингапура правительство этой страны в качестве альтернативы такому воздействию установило дипломатические отношения с СССР и другими социалистическими странами. Одновременно потрясения мирового капиталистического хозяйства и его усилившаяся нестабильность также вынуждают сингапурское правительство всемерно диверсифицировать внешнеэкономические связи. Одним из важнейших направлений такой диверсификации стало установление и развитие экономического сотрудничества с социалистическими странами. В рамках достигнутых соглашений увеличиваются масштабы товарооборота, возрастает и объем услуг, оказываемых Сингапуром внешнеторговым организациям социалистических стран (ремонт и обслуживание судов, перевалка грузов и т. п.).

Особенно быстро и многосторонне стали развиваться связи Сингапура с социалистическими странами после превращения его в самостоятельное независимое государство. Эта линия по-

следовательно проводится правительством страны. Еще в 1967 г. на пресс-конференции Ли Куан Ю официально подтвердил неуклонное намерение своего правительства развивать этот курс. Отвечая на вопрос о будущем бывшей английской военно-морской базы, Ли Куан Ю заявил: «После того, как военно-морская база будет переделана в гражданскую, она будет открыта одинаково как для кораблей 7-го флота, так и для русских судов» [14, 27.II.1971].

Именно позиция, отражающая намерение развивать экономические, дипломатические и культурные связи со всеми странами, может придать Сингапуру устойчивость и дать ему возможность сохранять свою независимость и суверенитет.

Тем не менее Сингапур стремится создать собственные вооруженные силы и вступить в военные союзы. В соответствии с ранее достигнутой договоренностью Англия передала Сингапуру свои военные объекты. Во владение всеми этими объектами страна вступила в 1971 г.

С 1 ноября 1971 г. вступило в силу пятистороннее военное соглашение между Англией, Австралией, Новой Зеландией, Малайзией и Сингапуром, по которому оборона Малайзии считается неотделимой от обороны Сингапура. Созданы общий консультативный совет и объединенная система воздушной обороны. Переданные Сингапуру военные объекты станут обслуживать Англию и всех других партнеров соглашения. Оружие и боеприпасы будут поступать в Сингапур преимущественно из Англии.

Однако идея независимости и нейтралитета настолько привлекает большинство населения стран Юго-Восточной Азии, что правительства этих стран не могут игнорировать ее. Министры иностранных дел Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура и представитель Таиланда подготовили и 27 ноября 1971 г. обнародовали «Декларацию о нейтралитете». Они заявили, что готовы предпринять необходимые усилия, которые обеспечили бы признание и уважение Юго-Восточной Азии как зоны мира, независимости и нейтралитета, свободной от всякого вмешательства внешних сил.

Однако на пути к этой цели стоят многочисленные препятствия: эти страны ранее взяли на себя определенные обязательства; некоторые из них участвуют в агрессивных блоках.

Как уже нами здесь отмечалось, Партия народного действия и правительство Сингапура упорно стремятся развить чувство национальной общности у населения республики. Но трудности, стоящие на этом пути, велики; особенно дискриминируемой чувствует себя малайская часть населения. Президент страны — малаец, но в правительственном аппарате, в экономике, политике, культуре — везде господствуют китайцы, которые, по последним данным, составляют 78% всего населения государства. Малайцы составляют 12%, индийцы и пакистанцы 6%.

Многие китайцы расценивают призывы Ли Куан Ю к «сингапуризации» как предательство китайской нации.

Интересная попытка дать имущественную характеристику этнических групп в Сингапуре имеется в статье Чан Хэн-чи [14, 27.II.1971]. В ней отмечается решительное преобладание китайцев во всех областях экономической, политической и общественной жизни, сравнительно высокое положение, занимаемое индийцами; среди так называемых других групп населения (преимущественно европейцев и евразийцев) почти нет рабочих. Малайское население Сингапура в массе своей — малоимущее, дискриминируемое меньшинство, неприспособленное к порядкам бурно развивающегося капиталистического города, так как в его социальной структуре и психологии все еще сохраняются пережитки докапиталистических отношений.

Все это, разумеется, осложняет процесс консолидации сингапурской национальной общности, особенно еще и потому, что и китайцы и индийцы Сингапура сами еще не преодолели традиционной этнической раздробленности. Эта раздробленность, кастовая и религиозная обособленность китайского, малайского и индийского населения далеко не изжита и среди молодежи, а молодежь в возрасте до 20 лет составляет половину населения государства.

Несомненно быстрый рост Сингапура означает, в первую очередь, быстрое обогащение сингапурской буржуазии за счет рабочего класса страны. Многочисленный, хорошо организованный и боевой рабочий класс Сингапура представляет большую политическую силу, особенно обнаружившую себя в первые послевоенные годы. Во время всеобщих выборов в 1959 г. Партия народного действия (ПНД) пользовалась поддержкой руководимых коммунистами профсоюзов и некоторых других массовых организаций. Почти половина полученных ею голосов была тогда подана членами этих организаций. Но затем произошел разрыв, руководство ПНД ловко использовало ошибочные, левацкие, действия коммунистов для их дискредитации и изоляции от широких слоев населения. Вместо руководимых коммунистами профсоюзов была создана лояльная по отношению к правительству и ПНД профсоюзная организация.

Тем не менее правительство Сингапура и руководство ПНД, сознавая значение и силу рабочего класса, принимают меры к тому, чтобы смягчить остроту противоречий между буржуазией и рабочим населением страны. Расходятся значительные средства (до 40% бюджета) на социальные нужды [4, с. 35—36]. Развернулось интенсивное, сравнительно недорогое жилищное строительство, расширено социальное страхование по болезни, несчастным случаям и безработице. Заработная плата в Сингапуре выше, чем в других странах Юго-Восточной Азии. Все это пока позволяет властям Сингапура сдерживать бурные проявления социального протеста.

Правительство принимает энергичные меры для подготовки квалифицированных кадров, отчетливо понимая, что без этого все его попытки создать современную, высокоразвитую, специализированную и конкурентоспособную индустрию обречены на провал. Сингапур достиг такой стадии развития, когда дальнейший экономический рост невозможен без увеличения доли квалифицированного труда и повышения уровня подготовки техников и инженеров. У правительства существуют намерения превратить Сингапур в крупный научный центр всей Юго-Восточной Азии. Полагают, что именно Сингапур и есть тот искомый «наиболее развитый урбанизированный географический центр в экваториальной зоне Азии».

Сингапур стремится стать центром научной мысли, средоточием политической и экономической информации для бизнесменов и соответствующих информационных и пропагандистских служб стран Юго-Восточной Азии.

При Наньянском (китайском) университете существует созданный в 1957 г. Институт Юго-Восточной Азии. В Сингапурском университете на экономическом факультете пристально изучаются экономические проблемы стран региона. В 1968 г. в соответствии с постановлением сингапурского парламента был создан Институт по изучению Юго-Восточной Азии, куда приглашаются ученые из соседних стран и специалисты из Европы и Америки. Постоянно проводятся симпозиумы и дискуссии по различным экономическим и политическим проблемам. Издается много разнообразной научной литературы.

Несомненно, Сингапур весьма интересует наблюдателей из различных капиталистических стран как региональный центр обзора всех событий политической, экономической и культурной жизни стран Юго-Восточной Азии. Здесь легче и удобнее всего ощущать пульс событий в данном районе мира. Эти возможности сейчас широко используются.

ПНД пользуется солидной финансовой поддержкой со стороны богатых кругов сингапурской буржуазии. Но она влиятельна и в среде интеллигенции, а также мелкой и средней буржуазии. Она сумела увлечь за собой и довольно широкие массы трудящихся, хотя все сильнее выявляются расхождения между политикой ПНД и чаяниями трудящихся масс. Специальные законы о блокировании зарплаты, усиление контроля государства над профсоюзами и в то же время многочисленные льготы для капиталистов обостряют обстановку. Тем не менее ПНД в Сингапуре — самая влиятельная партия. Она по сути монополярная политическая сила, хотя формально допущено существование 14 политических партий. Оппозиция в виде партии «Барисан сосиалис» пока слаба и ощутило себя еще не проявила. Другие оппозиционные группировки обвиняют Ли Куан Ю в диктатуре, в том, что он сделал Сингапур «тоталитарным государством», но не имеет ни четкой программы, ни

влияния в массах. Выборы 1976 г. лишний раз подтвердили, что позиции правящей партии прочны, а шансы оппозиции изменить положение в свою пользу в ближайшем будущем, по-видимому, останутся минимальными.

Новые времена порождают новые проблемы. Дальнейшее экономическое и политическое развитие Сингапура наталкивается на трудности. В сфере экономической и социальной это — все более остро ощущающийся дефицит высококвалифицированной и полуквалифицированной рабочей силы, относительная нехватка территории, ограничивающая дальнейшее промышленное строительство в широких масштабах, проблема повышения производительности труда. Тесная взаимосвязь всей экономической структуры страны — промышленности, торговли, финансов — определила и усиливающееся воздействие мирового капиталистического хозяйства на все внутренние процессы. Именно из-за жесткой и многообразной зависимости Сингапура, находящегося в системе международного капиталистического разделения труда, на экономику Сингапура оказали депрессирующее влияние топливно-энергетический и валютно-финансовый кризисы, возрастающая нестабильность мировой капиталистической системы в целом.

К факторам внешнего порядка, влияющим на экономическое развитие страны, относятся взаимоотношения Сингапура со странами Юго-Восточной Азии. Сингапур принимает активное участие в региональной группировке АСЕАН, рассчитывая, что членство в ней даст ему возможность приспособиться к изменяющейся в этом регионе обстановке. Более того, участие в АСЕАН позволяет пяти его странам-участникам выступать единым фронтом на переговорах с империалистическими странами по экономическим вопросам и тем самым добиваться более существенных уступок. В частности, только участие в АСЕАН позволило Сингапуру добиться от стран Общего рынка снижения тарифов на ряд его промышленных товаров.

Трудно определить перспективы, масштабы и глубину перестройки экономики Сингапура под влиянием новых внутренних и внешних факторов. В стране, столь сильно втянутой в международное разделение труда, это потребовало бы прогнозирования развития всей системы мирохозяйственных связей.

Важно то, что определенные успехи, достигнутые в результате осуществления экономического развития, объективно способствовали процессу консолидации сингапурской нации. Именно в этом состоит важнейший социальный аспект индустриализации страны.

Созревший Сингапур полностью включен в мировую капиталистическую орбиту. Он выполняет сравнительно самостоятельную, специфическую роль в международном разделении труда. Его будущее целиком зависит от будущего мировой капиталистической системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Руководство по вопросам капиталовложений. Пер. с англ. Орел, 1969.
2. «Asia Research Bulletin». Singapore, 1972, vol. 2, № 2.
3. «Asian Business and Industry». Singapore, 1976, № 2.
4. «Committee of the Chamber of Commerce Singapore. Economic Bulletin». Singapore, 1976, January.
5. «Current Notes on International Affairs». Canberra, 1971, vol. № 1.
6. «Economic Development Board, Annual Report 67». Singapore, 1968.
7. Josey A. Lee Kuan Jou. Singapore, 1968.
8. «Juroug Town Corporation. Annual Report. 1975». Singapore, 1975.
9. «New Nation». Singapore.
10. Shimabukuro Yoshiake. The Economy of Singapore. — «Oriental Economist». Tokyo, 1971, vol. 39, № 725.
11. «Singapore. Facts and Pictures. 1975». Singapore, 1975.
12. «Singapore. Facts and Pictures. 1976». Singapore, 1976.
13. «The Singapore Economy». L., 1971.
14. «The Straits Times», Singapore.

Ю. В. Маретин

**ЭТНО-НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ПОСЛЕВОЕННОЙ ИНДОНЕЗИИ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ**

Провозглашение Республики Индонезии в 1945 г. создало благоприятные условия для прогресса страны в целом и для развития многочисленных ее народов. В настоящее время вопрос о том, идет ли процесс внутригосударственной общенациональной интеграции в Индонезии, получает безусловно утвердительный ответ и в политической и в научной литературе. Разумеется, этнические процессы не сводятся только к консолидации одной нации или нескольких наций, проявление этих процессов многообразно, поскольку сам этнос имеет ряд определяющих его черт, которые отнюдь не статичны. Но именно национальная (и общенациональная, т. е. общегосударственная, добавим мы от себя) консолидация привлекает наибольшее внимание как ученых, так и политических деятелей, ибо консолидация как бы суммирует все текущие изменения и в каждом отдельном этносе, и среди всех этносов данного государства. Именно этот процесс, в каких бы формах он ни проходил, играет наибольшую роль в жизни современной Индонезии. Вопрос о путях этой консолидации, конкретная характеристика отдельных ее факторов и их значения в процессе общенациональной интеграции — все это имеет различное освещение в литературе; многие же аспекты до сих пор не проанализированы специалистами.

В сущности, анализ процесса национальной консолидации в Индонезии сводится к ответу на вопрос о том, в каких формах она здесь происходит:

1) сложилась ли уже единая индонезийская нация — *sat'u bangsa Indonesia*, или

2) в настоящее время идет ли этот процесс, или

3) идет параллельный процесс сложения отдельных наций при одновременном их сближении в рамках общеиндонезийского наднационального единства и с дальнейшей перспективой образования единой нации, или

4) этот процесс идет по линии консолидации ряда наций,

перспектива слияния которых в единую индонезийскую нацию является проблематичной, зависящей от многих обстоятельств и, во всяком случае, не близкой.

Процессы этно-национального развития народов Индонезии в их историческом, этнографическом (включая этнический, лингвистический и культурный аспекты) и экономическом проявлении были нами рассмотрены в специальных работах [6; 7; 8; 16, с. 111—172].

Как же обнаруживают себя этнические взаимоотношения в расстановке социальных и политических сил послевоенной Индонезии, т. е. в деятельности политических партий? Как в условиях унитарной республики проявляются центристские и центробежные тенденции этно-национального развития в жизни этих партий, преимущественно общенациональных? Иначе говоря, как отражается этнический плюрализм Индонезии на деятельности партий, подавляющее большинство которых признает наличие в Индонезии «единой индонезийской нации»?

К концу второй мировой войны и в начальный период существования республики идея общеиндонезийского национально-политического единства была преобладающей в Индонезии. Национальное движение, если говорить о том его аспекте, который связан с национальной консолидацией, в этот момент совпадало с национально-освободительным, так как преобладало внешнее направление борьбы, для успеха которого было необходимо максимальное единство народов страны. Иначе говоря, национальный вопрос превратился в национально-колониальный, в вопрос национально-освободительной борьбы [1; 2; 10; 20; 35; 40; 44]. На политику «разделяй и властвуй» индонезийцы ответили сплочением своих рядов. Даже народности, находившиеся в относительно привилегированном положении при голландцах, например христианизированные, выдвинули героев антиголландской борьбы; это, например, минахасы Сам Ратуланги и Роберт Монгинсиди, абмонцы Латухархари и Леймена, тоба Корнел Симанджунтак и Симатупанг и многие другие. За свободную единую Индонезию боролись и народности с наиболее ярко выраженным этническим самосознанием — минагкабау, аче и др. При этом нередко группы одной народности проявляли лояльность преимущественно по отношению к республике, но еще сохраняли взаимное недоверие и даже враждебность (тоба- и каро-батаки).

Эта цементирующая сила совместной революционной борьбы оказывает свое влияние и на текущую жизнь, включая и этнические процессы. «Если яванский крестьянин отождествляет себя более охотно с индонезийским государством, чем это делает балийский, а этот последний — более охотно, чем сумбавский крестьянин, разница может проистекать из различных ролей, которые каждый играл в революции», — отмечает американский исследователь Д. Скиннер [45, с. 8]. Революция объ-

единила также различные социальные силы страны, так как была революцией единого национального фронта. Об этом, кстати сказать, многократно говорили и писали Сукарно и другие лидеры общеиндонезийского национализма, стоявшие на позициях мелкобуржуазной революционности [14; 18; 27; 44].

Но, объединившиеся в ходе антиколониальной борьбы, эти силы далеко не обнаруживают единства в отношении стоящих перед страной внутренних проблем, в том числе и проблем этнического и национального развития [3; 5; 7; 17; 21; 32; 35; 49]. Положение осложняется тем, что рабочий класс страны и его партия не смогли оказать решающего влияния на политическое развитие страны; у руководства оказалась мелкая буржуазия. Причина этого заключается в слабости индонезийского кадрового пролетариата, особенно во Внешних Провинциях, в ошибках лидеров КПИ, а также в том, что Индонезия — страна крестьянства и мелкой буржуазии, причем больше половины крестьянства еще идет за буржуазией.

В самом деле, в начале 60-х годов общая численность пролетариата и полупролетариата в Индонезии определялась в 6 млн. человек, из них кадровые индустриальные рабочие (фабрично-заводские, горняки, транспортники) составляли около 650 тыс., рабочие кустарно-ремесленной городской промышленности — около 2 млн. 500 тыс. (вместе индустриальные рабочие и ремесленники составляют не более 6% самодеятельного населения страны), плантационные — 800 тыс., занятые на лесоразработках — до 280 тыс., сельскохозяйственные рабочие, т. е. батраки, — около 2 млн. человек. При этом в горной промышленности очень много сезонных рабочих, а среди плантационных их количество достигает 50%, т. е. 400 тыс. человек. Более 30% рабочих и служащих промышленных предприятий — женщины, а на плантациях они составляют 45% рабочей силы [12, с. 109 и сл.; 46, с. 28 и сл.]. При этом большая часть рабочих кустарных мастерских сосредоточена на Яве, а плантационных рабочих — на Суматре (из них большинство — яванцы). Преобладающее количество рабочих распылено по мелким и мельчайшим предприятиям. В 1963—1967 гг. вследствие экономической разрухи и террора (после 30 сентября 1965 г.) многие предприятия резко сократили или даже вовсе прекратили работу, что увеличило во много раз безработицу (подробнее см. нашу статью [6, с. 47, 55—56]).

Чрезвычайно важно проследить территориальное размещение кадровых рабочих, сложившееся к началу 60-х годов и при некотором увеличении абсолютной численности в последующие годы не претерпевшее принципиальных изменений в процентном распределении по островам. В приводимых ниже данных [23, № 4, с. 3] учтены также рабочие так называемых цензовых предприятий, т. е. таких предприятий, которые насчитывают не менее 10 рабочих или имеют механический двигатель.

Ява	408 932
Суматра	32 640
Калимантан	7 607
Сулавеси	3 988
Бали	3 224
Нуса Тенггара	2 015
Молукки и Западный Ириан	220

Слабость индонезийского рабочего класса означает, что, несмотря на давние революционные традиции, он не мог сыграть более значительную роль в определении общих судеб страны, что в борьбе за то или иное решение национального вопроса он не имел возможности защитить свою собственную программу, уступив руководство национальной политикой в центре и на местах буржуазии [3; ср. 15]. В конечном счете буржуазное центральное правительство решает основные вопросы, касающиеся национального строительства, не только в тех районах, где нет пролетариата или он только зарождается, но и там, где есть местный пролетариат.

Крестьянство, составляющее более 80% населения страны [23, № 4, с. 37], заинтересовано в решении прежде всего аграрного вопроса. И в этой связи, этнически принадлежа к вполне определенным группам, оно в политическом отношении готово поддерживать те силы и партии, которые поставят своей задачей наделение крестьян землей. И поэтому крестьянство готово поддерживать национальную политику этих сил и партий — будь то унитаристская, федералистская или сепаратистская политика [50].

Буржуазия является в современной Индонезии тем классом, который держит бразды правления в своих руках и направляет национальную политику. После 1945 г. происходит неуклонное развитие капиталистических отношений вширь при преимущественном росте торговой и мелкой сельской буржуазии (в связи с производством экспортных культур) и при значительном ослаблении позиций феодальной аристократии [11; 13]. Наряду с этим чрезвычайно выросла бюрократия, стремящаяся к вложению своих денег, как правило приобретенных нечестным путем, в ту или иную сферу приложения капитала. Эта мощная прослойка, имеющая деньги и стремящаяся превратить их в капитал¹, является бюрократической буржуазией. Небезынтересно отметить, особенно в сравнении с численностью рабочего класса, указанной выше, численность правительственных служащих: в 1966 г. их было 1 млн. 418 тыс., не считая военных, а в 1968 г. — до 2 млн., а с армией — 2 млн. 471 тыс. 185 человек [23, № 5, с. 104; 47, с. 43]. Что же касается большой роли китайской буржуазии в экономической жизни Индо-

¹ Отсюда — термин «бюрократический капитал», термин неточный, так как это еще не капитал в марксистском понимании.

незии, то в этническом плане это означает, что индонезийское буржуазное общество чревато серьезными межэтническими конфликтами, что — в отношении китайского некоренного населения — неоднократно подтверждалось и продолжает подтверждаться (достаточно указать на многократные антикитайские выступления с преимущественной их локализацией в тех районах Индонезии, которые имеют активную местную буржуазию из представителей коренного этноса).

Однако межэтнические конфликты имели место и потенциально могут иметь место не только между собственно индонезийцами и китайцами, но и между отдельными народами Индонезии, причем застрельщиком в этих конфликтах выступает и будет выступать — доколе она останется руководящей силой — буржуазия. Сегодня в Индонезии каждый многочисленный этнос страны имеет свою буржуазию и прослойку буржуазной интеллигенции. Наиболее сильными группами индонезийской буржуазии являются яванская, минангкабауская, сундская, буржуазия Восточной Суматры и побережий Калимантана (малайцы Индонезии), амбонская, бугская, макассарская, банджарская, минахасская, ачесская, тоба-батакская, балийская, мадурская, растущая мелкая буржуазия Южной Суматры (реджангская, абунгская и пр.).

Каждая из этнических групп индонезийской буржуазии помимо различия в этнической принадлежности имеет ряд специфических исторических и социально-экономических особенностей. «Например, для яванской народности, — пишет Н. А. Симония, — было характерно преобладание мелкобуржуазных (преимущественно городских) и пролетарских (сельских и городских) элементов. У мадурцев была более значительная (пропорционально численности населения) прослойка сельской буржуазии и зажиточного крестьянства, чем у яванцев. В Западной Яве наблюдалось развитие крупного (нефеодалного) землевладения, в то время как у минангкабау уже до второй мировой войны начала появляться сравнительно крупная торговая буржуазия и т. д.» [13, с. 72]. После 1945 г. особенно благоприятные условия сложились для буржуазии Внешних Провинций, т. е. для районов вне Явы, особенно Суматры, так как здесь имелись большие возможности для накопления. Укрепляются позиции минангкабауской буржуазии и буржуазии Восточной Суматры, растет слой буржуазии у батаков, особенно тоба [9; 21; 22; 24; 26; 34; 43]. Но ведущее положение в политической жизни страны играет по-прежнему буржуазия Явы.

Естественно, что особенности буржуазии каждого народа нашли отражение в характере ее участия в национально-освободительной борьбе и в современной борьбе против империализма, а также и в отношении к решению национального вопроса. В своей массе она выступала и выступает против иностранного господства (хотя степень ее участия в антииностранных

ной борьбе в настоящее время различается в большей мере, чем в период борьбы за независимость). В то же время в вопросах внутренней этно-национальной политики ее позиции нередко резко различаются в зависимости от этнической принадлежности [13, с. 64—77; 35, 45].

Выразителем идей национального самосознания, как и в первые десятилетия нашего века, являются представители разных групп интеллигенции [19; 35; 41]. При этом интеллигенция выступает проводницей идей того класса, с которым данная группа интеллигенции исторически связана. Так как в современной Индонезии интеллигенция является буржуазной по своему происхождению (в основном это радикальная мелкая буржуазия и в меньшей степени — феодальная), она оказалась проповедницей идей буржуазного национализма в его светской или религиозной форме — преимущественно общеиндонезийского, в отдельных случаях — узкоэтнического или регионального, включающего несколько этносов, например суматранского, восточноиндонезийского и т. п. (некоторые идеологи сепаратизма).

Социальная структура прежде всего обнаруживает себя в структуре и деятельности партий. В целом в жизни освободившихся стран общенациональные и общегосударственные партии имеют безусловный приоритет. Именно они, как пишет Р. Э. Севортян, олицетворяют «буржуазный многонациональный союз, который оплачивает общность интересов имущих классов различных общин» [4, т. 1, с. 426].

Вообще, для Индонезии характерно подавляющее преобладание общеиндонезийских политических партий, как это было и до революции [10; 15]. Этнических организаций возникло немного: «Союз даякского единства» (даяки); «Союз индонезийской демократии» (банджары); «Фронт сундской молодежи»; партия «Пробуждение народа сималунгун Восточной Суматры»; «Организация борьбы за автономию Восточной Суматры» и ряд других [29, с. 491—492; 35; 38, с. 190—195]. Некоторые этнические организации ставили перед собой чисто экономические задачи, например «Минанг Сайо» — у минангкабау, другие — культурные и религиозные, например «Партия индуистской религии» — у балийцев. Некоторые из таких организаций вели активную деятельность против других партий (например, «Фронт сундской молодежи» выпустил памфлет «Сокрушить НПИ и яванский империализм»). В течение определенного времени, иногда достаточно длительного, подобные организации могли иметь успех в своей этнической среде. Чрезвычайно показательны результаты выборов в округе Сималунгун, населенном одноименной этнографической группой, являющейся подразделением батакского этноса. Здесь в семи районах узкоэтническая партия «Пробуждение народа сималунгун Восточной Суматры» завоевала очевидное большинство (43,7% голосов) в

сравнении с другими партиями (Национальной, Коммунистической и др.) [38, с. 192]. Эти выборы показали, что, как пишет В. Лиддл, «община батаков-сималунгунов, в особенности ее протестантское и анимистическое подразделения, была в высшей степени восприимчива к идее прямого политического представительства своей этнической группы. Лидеры партии „Пробуждение народа сималунгун Восточной Суматры“ оформили свой призыв не в виде лозунгов, призывающих к восстановлению традиционного правления (что, как они знали, было невозможно), а скорее на основе этнической солидарности под традиционным руководством в противовес группам мигрантов. Популярность партии в Верхнем Сималунгуне была сравнима с поддержкой, которую мнимо неэтнические (разрядка наша.— Ю. М.) партии Паркиндо, Машуми и Национальная получали от общин Северного Тапанули, Южного Тапанули и яванской» [38, с. 192]. Заметим, что общины Северного и Южного Тапанули включали в себя этнические подразделения батаков, отличные от сималунгунов.

Но все же подобные «партии» пока так и не стали политическими партиями в полном смысле слова, да, вероятно, в ближайшее будущее и не станут ими, если принять во внимание политику нынешнего индонезийского руководства, проводящего политику «упорядочения» партий под лозунгом «национального единства». Организации, созданные на основе этнической принадлежности тех, кто в них входит, как правило, не пользовались широкой популярностью, они были в большинстве своем недолговечны и далеко не имели такого политического значения, как общеиндонезийские. Так, успех на выборах 1955 г. местной этнической партии сималунгунов оказался мнимым, ибо лидеры партии покинули ее, считая более удобным и выгодным для себя сотрудничество в общенациональных партиях и организациях, и партия была распущена в 1961 г. [38, с. 193].

В условиях подъема общеиндонезийской национально-освободительной борьбы только общеиндонезийские партии могли рассчитывать на массовую поддержку. Напомним, кстати, что до 70% населения сосредоточено на Яве, и открытая местно-националистическая программа любой неяванской партии лишила бы ее поддержки населения этого острова.

Однако чрезвычайно важен тот факт, что чисто этнические мотивы можно вскрыть и в деятельности общендонезийских партий,— факт, на который большинство специалистов не обращают внимания. Впервые, насколько нам известно, это обстоятельство отметили американские исследователи Х. Фис [29; 30] и Д. Легг [37] и советский ученый Н. А. Симония [13]².

---

² Подобное невнимание к этническим мотивам, которые могли быть скрыты за программами, лозунгами и действиями общенациональных партий и организаций, было характерно и для анализа ситуации в других полиэтни-

Первое детальное исследование этой проблемы, но на ограниченном материале (была рассмотрена ситуация в одном лишь районе Северной Суматры, правда достаточно сложном в этническом и социокультурном отношении) проделал американский исследователь В. Лиддл. Он подверг анализу деятельность партий и их местного руководства с точки зрения их роли в интегрированном процессе формирования нации в Индонезии, так определив свою цель: «В данной работе поставлена задача исследовать проблемы, выдвигаемые существованием партикуляристских, субнациональных привязанностей и наличием разрыва между элитой и массой в Индонезии, через анализ интегрирующей роли политической организации и руководства» [38, с. 7]. Отметив сложность этно-национального развития Индонезии, он достаточно убедительно показал наличие четких этнических интересов даже у одного подразделения одного из многочисленных этносов Индонезии.

О степени выражения этнических интересов той или иной партией можно судить по ее руководителям, ее составу, ее популярности у того или иного народа. Так, наиболее влиятельные лидеры НПИ — родом с Явы, а подавляющее большинство ее членов — яванцы³, лидеры же «Нахдатул Улама» — уроженцы Восточной Явы и Мадур. Там за эти партии на выборах 1955 г. было подано соответственно 86 и 86,6% голосов, собранных этими партиями по всей Индонезии [13, с. 116; 30, с. 76]. Подавляющее большинство голосов за КПИ было подано на Яве; на яванский в основном состав КПИ обращают внимание многие авторы [39]. Любопытно, что и за пределами Явы яванцы сохраняли привязанность к «своим» партиям. Так, на Восточной Суматре, в округе Сималунгун, в 1961 г. они составили 48,2% численности местного отделения Национальной партии и 50% Компартии Индонезии [38, с. 111, 113].

Из других крупных общеиндонезийских партий отметим «Машуми», которая в 1955 г. получила 50% голосов на Центральной Суматре (т. е. у минангкабау), остальную половину — в других районах страны, причем на Яве она получила пропорционально населению минимальное число голосов [30; 37, с. 233]. Точно так же 70% голосов, поданных за партию «Движение за мусульманское воспитание», были минангкабаускими (в некоторых районах Западной Суматры это единственная

ческих странах. Лишь с начала 60-х годов стали появляться первые исследования, затрагивавшие проблему проявления этничности в условиях борьбы за общенациональное единство [25; 28; 31; 36; 42].

³ См., например, список фамилий уволенных и вновь назначенных в начале 1967 г. парламентариев — членов НПИ [48]. Небезынтересно также обратить внимание на то, что в первом республиканском правительстве (август—декабрь 1945 г.) были только яванцы [35, с. 139, 324—325]. Материал по этническому составу индонезийских республиканских правительств и высшего военного командования имеется в сборниках «Индонезия», издаваемых Корнеллским университетом в США [33].

партия). Отданные за «Союз поддержания свободы Индонезии» 75% голосов были сундскими. Партия «Союз великой Индонезии» была создана в Джокьякарте яванской аристократией. Такие партии, как Католическая и Христианская, имеют также до некоторой степени этнический характер, так как распространены среди немногих народов, исповедующих католичество (Флорес) или протестанство (минахасы, амбонцы, тоба-батаки, народы Юго-Восточного Сулавеси).

Характерно, что и популярность того или иного лидера зависит не только от классовых позиций, им защищаемых, но и в некоторой степени от его этнической принадлежности. Сукарно (рожден от отца-яванца и матери-балийки и воспитан в духе яванских и балийских культурных традиций) был особенно популярен на Яве и Бали, где он являлся харизматической фигурой; в то же время в других районах Индонезии к нему относились, признавая его заслуги в революции, скептически, в частности «по подозрению в пристрастности к яванцам», и критиковали «за авторитарность и централизм режима Джакарты» [38, с. 215].

Существенно отметить, что раскол некоторых партий приводил к этническому размежеванию внутри них. «Часто... можно наблюдать,— пишет Р. Г. Ланда,— как противоречия внутри той или иной партии, политического движения или временного классового союза совпадают с противоречиями между уроженцами различных областей, представителями различных вероисповеданий и даже даже религиозных сект. Принадлежность к традиционному коллективу во всех этих случаях обычно доминирует над более смутно ощущаемыми экономическими и социальными интересами» [4, т. 1, с. 279]. То, что отметил Р. Г. Ланда в Индии и странах Арабского Востока, в значительной мере относится и к ситуации в Индонезии. Так, в 1954 г. образовались две фракции в «Партии великой Индонезии» — яванская и не-яванская; то же произошло в 1956 г. в Национальной народной партии и т. д. С другой стороны, блокирование партий облегчалось этническими моментами (например, блок Национальной партии и «Нахдатул Улама»).

Важно подчеркнуть, что в условиях подъема общенациональной освободительной борьбы участие в общеиндонезийских партиях и организациях для представителей отдельных народов страны, особенно для местной буржуазии, было иногда единственно возможным способом добиться хотя бы частичного осуществления своих, местных, связанных с определенным этносом целей. Таким образом, общеиндонезийские организации были в некоторых случаях прикрытием, которое, с одной стороны, позволяло скрывать регионально-этнические интересы, а с другой — в той или иной степени пытаться проводить их в жизнь. Все это учитывало нынешнее военное руководство Индонезии, которое в целях борьбы с какими бы то ни было за-

метными проявлениями социально-политической и этнической оппозиции в начале 1973 г. провело радикальную реорганизацию всех партий в стране, хотя к тому времени это были уже почти исключительно общеиндонезийские партии: 5 января была создана Партия единства и развития (на базе слияния четырех основных мусульманских партий), а 10 января — Демократическая партия Индонезии (в результате слияния Национальной, Католической, Христианской партий, партии «Мурба» и Союза защитников независимости Индонезии).

В связи с изложенным выше нам представляется неоправданной недооценка роли этнических интересов и особенностей при анализе политических и социальных сил в Индонезии, исследовании причин, вызывающих их к движению и размежеванию, а также прогнозировании их возможного проявления в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белснький А. Б. Национальное пробуждение Индонезии. М., 1965.
2. Губер А. А. Индонезийский народ в борьбе за независимость. — Кризис колониальной системы. Национально-освободительная борьба народов Восточной Азии. М.—Л., 1949, с. 137—178.
3. Другов А. Ю., Резников А. Б. Индонезия в период «направляемой демократии». М., 1969.
4. Зарубежный Восток и современность. Основные закономерности и специфика развития освободившихся стран. Т. 1—2. М., 1974.
5. Лаврентьев А. К. Тайная война против Индонезии. М., 1960.
6. Маретин Ю. В. Значение внутреннего рынка для Индонезии и трудности его формирования. — «Третий мир»: стратегия развития и управление экономикой. М., 1971.
7. Маретин Ю. В. Основные тенденции национального и этнического развития современной Индонезии. — Колониализм и национально-освободительное движение в странах Юго-Восточной Азии. Сборник статей памяти академика А. А. Губера. М., 1972.
8. Маретин Ю. В. Особенности бахаса Индонезии как государственного языка Республики Индонезии. — Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969, с. 182—218.
9. Маретин Ю. В. Община минангкабау и ее разложение (первая треть XX века). — Восточноазиатский этнографический сборник. II (Труды Института этнографии АН СССР. Т. 73). М., 1961.
10. Национально-освободительное движение в Индонезии (1942—1965). М., 1970.
11. Пахомова Л. Ф. Национальный капитал в экономике Индонезии. М., 1966.
12. Рабочий класс стран Азии и Африки. Справочник. М., 1964.
13. Симония Н. А. Буржуазия и формирование нации в Индонезии. М., 1964.
14. Сукарно. Индонезия обвиняет. М., 1956.
15. Цыганов В. А. Национально-революционные партии Индонезии (1927—1942). М., 1969.
16. Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1974.
17. Юрьев А. Ю. Индонезия после событий 1965 г. М., 1973.
18. Abdulgani R. In Search of an Indonesian Identity. [S. l.], [s. a.].

19. Auwjong P. K. Traditionalisten und Internationalisten unter den indonesischen Intellektuellen.—«Saeculum». Bd 10. 1959, № 4, c. 329—359.
20. Benda H. J. Revolution and Nationalism in the Non-Western World.—W. S. Hunsberger (ed.). New Era in the Non-Western World. Ithaca, 1957.
21. Bouman J. C. [a. o.]. The South Moluccas: Rebellious Province or Occupied State. Leiden, 1960.
22. Bruner E. M. Urbanization and Ethnic Identity in North Sumatra.—«American Anthropologist». 1961, vol. 63, № 3.
23. «Bulletin of Indonesian Economic Studies». Canberra.
24. Castles L. Religion, Politics and Economic Behaviour in Java. New Haven, 1967.
25. Coleman J. S. and Rosberg C. G. (eds.). Political Parties and National Integration in Tropical Africa. Berkeley — Los Angeles, 1964.
26. Cunningham Cl. The Postwar Migration of the Toba-Bataks to East Sumatra. New Haven, 1958.
27. Dahm B. Sukarnos Kampf um Indonesiens Unabhängigkeit: Wedergang und Ideen eines asiatischen Nationalisten. Berlin — Frankfurt a/M., 1966.
28. Emerson R. From Empire to Nation. Cambridge, 1960.
29. Feith H. The Decline of Constitutional Democracy in Indonesia. N. Y., 1962.
30. Feith H. The Indonesian Elections of 1955. Ithaca, 1957.
31. Geertz Cl. The Integrative Revolution, Primordial Sentiments and Civil Politics in the New States.—Geertz Cl. (ed.). Old Societies and New States. N. Y., 1963.
32. Hindley D. Alirans and the Fall of Old Order.—«Indonesia». Ithaca, 1970, № 9, c. 23—66.
33. «Indonesia». Ithaca, 1966—1974, №№ 1—18.
34. Jaspán M. A. Social Stratification and Social Mobility in Indonesia. 2nd enl. ed. Djakarta, 1961.
35. Kahin G. McTurnan. Nationalism and Revolution in Indonesia. 3rd print. Ithaca, 1955.
36. LaPalombara J. and Weiner M. (eds.). Political Parties and Political Development. Princeton, 1966.
37. Legge J. D. Central Authority and Regional Autonomy in Indonesia: A Study in Local Administration. 1950—1960. Ithaca, [1961].
38. Liddle R. W. Ethnicity, Party, and National Integration: An Indonesian Case Study. New Haven — London, 1970.
39. «Le Monde». P., 28.XII.1968.
40. Nasution A. H. Sedjarah kebangsaan. Djakarta, 1951.
41. Niel R., van. The Emergence of the Modern Indonesian Elite. Chicago [a. o.], 1960.
42. Pye L. Politics, Personality, and Nation-Building. New Haven, 1962.
43. Saroso Wirodihardjo. Masalah usahawan nasional. Djakarta, 1959.
44. Sitorus L. M. Sedjarah pergerakan kebangsaan Indonesia. Tjet. ke-2. Djakarta, 1951.
45. Skinner G. W. (ed.). Local, Ethnic and National Loyalties in Village Indonesia: A Symposium. New Haven, 1959.
46. «Statistik Indonesia. Statistical Pocketbook of Indonesia. 1964—1967». Djakarta, [1968].
47. Suharto. Address of State Delivered by H. E. President Suharto to the Dewan Perwakilan Rakyat Gotong Royong on the Eve of the Independence Day 16th of August 1968. [Djakarta], [1968].
48. «Warta-C. A. F. I. [Commercial Advisory Foundation in Indonesia]». Djakarta, 14.II.1967.
49. Wertheim W. F. Indonesian Society in Transition. 2nd rev. ed. The Hague and Bandung, 1959.
50. Widjojo Nitiasastro. Public Policis, Land Tenure and Population Movements.—Land Tenure, Industrialization and Social Stability: Experience and Prospects in Asia. Milwaukee, 1961, c. 201—213.

СОКРАЩЕНИЯ

- А АН СССР — Архив Академии наук СССР
бирман. — бирманский
ГЛМ — Государственный литературный музей им. А. В. Луначарского
ГМЭ — Государственный музей этнографии народов СССР
ГО — Географическое общество при АН СССР
гуйчжоуск. — гуйчжоуские
ИВ АН СССР — Институт востоковедения АН СССР
ИВГО — «Известия Всесоюзного Географического общества»
ИРГО — «Известия Русского географического общества»
ИЭ АН СССР — Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР
кит. — китайский
ЛО АН — Ленинградское отделение АН СССР
ЛО ИВ АН СССР — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
ЛО ИЯ — Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР
ЛЧ ИЭ АН СССР — Ленинградская часть Института этнографии АН СССР
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого при Ленинградской части ИЭ АН СССР
МГПИИЯ — Московский государственный педагогический институт иностранных языков
МНП — Министерство народного просвещения
общемьяоск. — общемьяоский
ПФГО — Приморский филиал Географического общества СССР
пров. — провинция
РГО — Русское географическое общество
сычуаньск. — сычуаньский (-ие)
СЭ — «Советская этнография»
тибетск. — тибетский
у. — уезд
хунаньск. — хунаньский (-ие)
ЦГА ВМФ — Центральный государственный архив Военно-Морского флота
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства
цз. — цзюань (глава)
яп. — японский

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. В. Маретин. Основные проблемы изучения жизни и трудов В. К. Арсеньева	5
I. Новые материалы к биографии выдающегося исследователя Дальнего Востока В. К. Арсеньева (1872—1930)	
С. И. Федин. Жизнь и деятельность Владимира Клавдиевича Арсеньева (По материалам из архива Ф. Ф. Аристова и опубликованным данным)	21
Письма В. К. Арсеньева в защиту гилияцкого (нивхского) народа. Публикация Т. В. Станюкович	48
Письма Л. Я. Штернберга к В. К. Арсеньеву. Публикация А. И. Тарасовой (Васиной)	57
В. А. Петрицкий. Неизвестный автограф В. К. Арсеньева (В. К. Арсеньев и М. К. Азадовский)	81
Список географических, биологических, промышленных и иных объектов, названных именем В. К. Арсеньева. Составила А. И. Тарасова	91
II. Из истории географических исследований и путешествий	
Б. П. Полевой. Об уточнении даты первого выхода русских на Тихий океан	93
Р. Г. Ляпунова. Новый документ о ранних плаваниях на Алеутские острова («Известия» Федора Афанасьевича Кулькова 1764 г.)	97
Б. П. Полевой. Открытие и заселение русскими залива Хаджи в 1853 г. (Из истории Советской Гавани)	106
И. А. Сенченко. Научные экспедиции на Северном Сахалине в 1906—1917 гг.	121
Е. П. Орлова. Исследователь удэгейцев Евгений Робертович Шнейдер (1897—1937). К 80-летию со дня рождения (Материалы к биографии)	134
И. К. Федорова. Океанийско-американские путешествия в древности (По материалам фольклора народов Океании и Перу)	141
Ю. Е. Березкин. Морские плавания в мифах мочика (Перу)	162
III. Этнография, история, экономика	
Д. А. Ольдерогге. Древние связи культур народов Африки, Индии и Индонезии	172
Е. А. Крейнovich. Из истории заселения Охотского побережья (По данным языка и фольклора эвенских селений Армань и Ола)	186
Г. А. Меновщиков. Китовый праздник полъя у науканских эскимосов	202
М. Ф. Чигринский. Из истории религии аборигенов Тайваня (По свидетельствам миссионеров)	209
С. Е. Яхонтов. К этногенезу народов мяо и яо	220
А. С. Мартынов. Традиционный китайский подход к внешнему миру	230
С. Н. Ростовский, В. Н. Курзанов. Новая роль Сингапура	244
Ю. В. Маретин. Этно-национальные процессы в послевоенной Индонезии и политические партии	260

